

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENSK LIBRARY

HX 3VPM 2

Клеопатра

M. Meberova

WID-LC

PG

3948

.55

X

1883

t.1

EX LIBRIS

*Богдана графа на
Китерці Китерського
Кривошея Лисових
Чортів Архидієвська
Лицаря Лисагого Хвоє
та гербу Дукі Скарі*

A gift to the
Ukrainian Collections from
the Library of
BOHDAN AND NEONILA
KRAWCIW

Harvard College Library

КОБЗАРЬ.

Печ со създа Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигъ.

М. Шубертъ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

ЗБИРНИКЪ ТВОРИВЪ.

Томъ Першій.

ПОВІСЬ.

Обнимите, братья мои,
Найменьшого брата,
Нехай мати усмихнется,
Заплакана мати!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., 1.

1883.

WID-LC
PG
3948
.55
X
1883
t.1
✓

Ex libris
Bohdan Krawciw

SHLVCHEKHO
"KOBZAR 1883"

077*323
KRAWCIW

О Д Ъ В Ы Д А В Ц Я .

*Ex libris
Behdan Kraevic*

Въ цю першу книгу ввійшли тильки Т. Г. Шевченка украинськи поетични творы, напысани виршамы; ихъ збирныкъ звичайно называють «Кобзарь,» якъ ёго наименовавъ самъ поеть. Додаемо его драматычни сцены «Назаръ Стодоля». Въ другой Т. Г. Шевченка творивъ выпускъ мы покладаемо внесы усе, що имъ напысано велькоруською мовою, а такожъ ёго лысты до пріятельв, скільки можно буде выдавцю ихъ зібраты. Въ цей выпускъ, примиромъ, ввійдуть: лысты до «Народнаго Чтенія» редактора; «Дневныкъ» Т. Г. Шевченка (зъ 12 іюня 1857 до 13 іюля 1858 року; повисти: «Несчастный,» «Капитанша» и инши; «Безталанный» (поема) и «Никита Гайдай» (драматычний урывокъ,—3-я дія — виршованый и прозою); лысты до Основьяненка, до гр-въ Толстыхъ, до Осыпова, Козачковського, Лазаревського, Щепкына, Кулиша, до Кухаренка и инше; додаткы: 1) спысани статти про Шевченка — крытычни, біографычни, дрибни замиткы, матеріалы для ёго біографія и инше — иноземни и руськи; 2) спысани выдання Шевченковыхъ творивъ; 3) спысани переклады зъ Шевченка на иноземни мовы; 4) якъ ховалы Т. Г. Шевченка. (Зъ часопыси «Основа» и зъ иншихъ выданнь выпысанни ти оповидання, що говорено надъ ёго могылюю).

Въ пему выданни несповна надруковани ось яки пьесы.

- До 1844 року: «До Основьяненка», «Тарасова Ничь».
- 1844 р. «Чыгырынъ», «Сонъ» (надрукована частына).
- 1845 р. «Урывкы зъ поемы «Еретыкъ», або «Иванъ Гусъ» (надрукована частына).—«До мертвыхъ, и жывыхъ, и ненарожденныхъ землякивъ моихъ, въ Украины и не въ Украины сущыхъ, мое дружнее посланіе» (id); «Заповитъ».
- До 1847 року: «Думка».
- 1847 р. «Княжна», «Иржавецъ», «Сонъ», «Мени однаково, чи буду...»
- 1848 р. «Чернецъ».
- 1849 р. «И вырись я на чужыни...», «Зацвила въ долини червона калына...», «Неначе праведныхъ дитей...»
- 1850 р. «Личу въ неволи дни и ночи...», «Хатына», «Якъ бы вы знали, панычи...»
- 1857 р. «Москалева крыныця» (варіантъ по першому рукопысу), «Неофиты» (поема).
- 1859 р. «Якъ бы то ты, Богдане пьяный...», «Во Іудеи, во дни оны...»
- 1860 р. «Лыкери», «И тутъ, и всюды — скрызъ погано...», «О люде, люде-неборакы!...»

Не друкуються зовсимъ:

- 1845 р. «Велькый Лѣхъ» (поема), «Розрыга Могыла», «Кавказъ» (поема), «Холодный Яръ».

- До 1847 року: «Въ альбомъ», «Гарно твоя кобза грае...», «Полуботко».
- 1858 р. «Я не нездужаю, невроку...»
- 1859 р. «N. N. Така якъ ты колысь лилея», «Марія», (поэма), Осіи глава XIV» (подражаніе).
- 1860 р. «Молитвы» I — IV, «Умре мужъ велій въ власяныци!...» «Гымнъ чернечый», «Свите ясный, свите тихый!... «И Архимедъ и Галылей...», «Сауль», «Старенька сестро Аполлона...» (прологъ и поэма), «Хоча лежачого й не бьютъ...», «Не гріе сонце на чужыни...», «Якось-то йду я у-ночи...», «Бувалы войны и войсковіи свары...», «Н. Т. Велькомученыце кумо!..»
- 1861 р. «Могыла Богданова». Псалмы Давыдовы I—X (ризныхъ рокивъ).

ОГЛАВЪ

*Ex libris
Bohdan Krawczuk*

До 1844 року.

	Стр.
Думы мои, думы мои	1
Перебендя	5
Иванъ Пидкова	8
Тарасова нічъ	11
Тополя	15
Гамалія	22
Прычынна	28
Хустына	35
Катерина	39
Черныця Марьяна	59
Гайдамаки	70

1844.

Наймичка	147
Сонъ	164
Чыгырынь	167

1845.

До Основьяненка	170
До мертвыхъ и живыхъ, и ненарожденныхъ землякивъ моихъ, въ Украини и не въ Украини сущихъ, мое дружнее посланіе	173
Невольникъ	180
Посланіе славному П. І. Шафарыкові	201
Дви частыны въ поэмы «Иванъ Гусь».	204
Заповіть	209

1846.

Пустка	210
------------------	-----

До 1847 року.

Утоплена	211
Н. Маркевичу	217
На вичну память Котларевському	218
Думки: Тече вода въ сыне море	222
Витре буйный, витре буйный	—
На що мени чорни бровы.	224
Тажко, важко въ святи жыты.	225
За думою дума роємъ вылетаетъ.	226
Чого мени тажко, чого мени нудно?	227
Мынають дни, мынають ночи.	—
Витерь въ гая нагынае	228
Не хочу я жевытыся.	—
Не жоныся на багатій, бо выжено съ хаты.	230
Не завьдуй багатому, багатый не мае	—
У Вильни, города преславный	—

1847.

(Перше пиороччя).

Русалка	234
Ляля	236
Балына	239
Тры шляхы	242
Пустка	244
Хустына	246
Вечирь	249
За байракомъ байракъ	—
Ой стричечка до стричечкы	250
Ой одна я, одна.	251
«Не выдай матери!» казали	—
По-надъ полемъ иде	252

1847.

(Друге пиороччя).

Думы мон, думы мон.	254
Монимъ соузынкамъ	255
Въ неволи тажко, хоча й воли	—
Не спалося, а ничь, якъ море	256
Однень у другого пытаемъ.	258

Самому чудно. А де-жъ дитысь	259
Сонце заходьтъ; горы чорніють	—
То такъ и я теперь пышу	260
Чи мы ще зійдемося знову	261
Княжна	262
Иржавецъ	275
А. О. Козачковському	278
Мени однаково, чи буду	282
Мени трынадцатый минавъ	—
Сонъ	285
Н. Н. Востомарову	290

1848.

А нумо знову виршувать	291
Та не дай, Господы, нікому	292
Огни горять, музыка грае	—
Не для людей и не для славы	293
Варнакъ	294
Чернецъ	300
На батька бисового трачу	303
Ой глянупа, подываюся	304
Бувае, иноди старый	—
Чи то недоля та неволя	305
Добро, у кого йе господа	306
Хоба самому напысать	307
И золотом, и дорогон	308
Идоси смытсья	309
Мы въ купочки колысь рослы	310
И становъ гнучымъ и красою	312
Мы въ осени такы похожи	313
Готово! Парусъ роспустылы	314
У Бога за дверьмы лежала сокрыра	315
Не знаю, якъ теперь ляхы жывутъ	317
На Рязиво	320

1849.

Неначе степонъ чумаки	322
За сонцемъ хиаронька плыве	—
И небо невмыте, и заспани хвыли	323
Мовъ за подушне, оступылы	—

И зновъ мени не привезла	324
На Вбранну	326
И шырокую долину.	328
Якъ-бы зострылся мы знову	—
Якъ маю я журытыся	329
Козацькая доля.	330
Якъ-бы тоби довелося	331
Маты покрытка	335
Зацвила въ долини.	338
Не такъ тін ворогы	339
П. С.	340
Марына	342
Сотныкъ	352
Мижъ скаламы, неначе злодїй	366
Зарослы шляхы тернамы	371
И вырсья я на чужыни.	372
Ой чого ты почорнїло	374
У недименьку у святую	375
Швачка	378
Сычн	380
Чума	381
У тьме Катерыны.	382
Удовыця	385
По улци витьеръ вїе	386
На велыкоднѣ, на соломи	—
Ой умерь старый батько	387
Закувала возуменька	388
Не тополю высокую	—
На улци невесело	—
Якъ бы мени, мамо, намысто	389
Якъ-бы мени черевымы.	390
И багата я	—
Породыла мене маты	391
Ой саду я пидѣ хатою	392
На городи коло броду	—
Не вернувся изъ походу	393
Полюбылася я	—
Було роблю що, чи гуляю	394
Ой люли, люли, моя дытыно	395
Ой не пьются пыва, меда	—
У недименьку та ранесенько	396
Ой пишла я у ярѣ за водою	397

Коло гаю, въ чыстнѣхъ поли	398
Ой я своего чоловіка	399
Утопала стежку	400
У перетыку ходыма	401
Туманъ, туманъ долыною	402
Неначе праведныхъ дитей	—
Итъ-за гаю сонце сходыть	403
Ой выгострю товариша	404

1850.

Личу въ неволи дни и ночи	405
Заступыаа чорна хмара	406
Якъ бы вы знали, паньчи	408
Тытаривна	411
Мы заспывали, розійшымы	417
Хатына	418
Петрусь	420
Бувае, въ неволи иноди згадаю	426
Мени здається—я не знаю	428
Ну що бѣ, здавалося, слова	429

1857.

Въ неволи, въ самоти немае	432
Москалева крыныця	433
Неофиты	446

1858.

Дола	463
Муза	464
Видьма	466
Ляхамъ	481
Слава	483
Сонъ	484

1859.

Марку Вовчку	485
Мій Боже милый! якъ то мало	486
Радуйся, ныво непопытая	487
Пісня	489
Ой маю, маю я оченята	—

Сестри	490
Колысь дурною головою	491
Якъ-бы то ты, Богдане пьяный	—
Во Іудеи, во дни оны	—
Антонію Сови	493

1860.

Дивчи любе, чернобрые	494
Ой диброво, темный гаю	—
Подражаніе Сербському	496
Лыкери	497
Надъ Днипровою сагою	—
Рослы у купочки, зрослы	498
Плачь Ярославны	499
Зъ-передъ-свята до вечора	500
Въ Путьвля гради въ-ранци рано	501
Въ ночи и ожеледь, и мрака	502
Н. Я. Макарову	504
Л.	505
Не варикаю я на Бога	—
Мынуды лета молоды	506
Тытаривна-Немеривна	507
И тутъ, и всюды—скрызъ погано	—
Якъ-бы зъ кымъ сикты хамба зъисты	508
И день иде, и ничъ иде	509
Зійшысь, побралысь, поедналысь	—
Колысь-то ще; во время оно	—
Тече вода зъ-нидъ явора	510
Не журюся я, а неспытъяся	511

1861.

Чи не покинуть намъ, небого	512
Назаръ Стодола	515

До 1844 року.

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
На що стали на папери
Сумными рядами?
Чомъ васъ витерь не розвіявъ
Въ степу, якъ пылну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытну?

Бо васъ лыхо на свить на смихъ породило,
Полывали слёзы... чомъ не затопылы,
Не вынеслы въ море, не розмылы въ поли?
Не пытали бъ люде, щбъ въ мене болыть,
Не пытали бъ, за щбъ проклинаю долю,
Чого нужу свитомъ?... «Ничого робыть»
Не сказали бъ на смихъ...

Квиты мои, диты!
На-що жъ васъ кохавъ я, на-що доглядавъ?
Чы заплаче сердце одно на всимъ свити,
Якъ я зъ вами плакавъ? Може, и вгадавъ...
Може, найдеться дивоче
Серце, кари очи,
Що заплачуть на си думы —

Я бильше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карыхъ —
И пань надъ панамы!
Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вамы!
За карыи оченята,
За чорныи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Выливало мову,
Выливало, якъ умило;
За темныи ночи,
За вышневыи садъ зеленыи,
За ласкы дивочи...
За стены, та за могылы,
Що на Украини,
Серце млило: не хотило
Спивать на чужыни;
Не хотилось въ снигу, въ лиси,
Козацьку громаду
Зъ булавами, зъ бунчукамы
Збирать на пораду...
Нехай души козацькыи
Въ Украини витають —
Тамъ широко, тамъ весело
Одъ краю до краю,
Якъ та воля, що мынулась;
Днипръ шырокий — море,
Степъ и степъ, ревуть пороги,
И могылы-горы;
Тамъ родылась, гарцювала
Козацькая воля;
Тамъ шляхтою, татарамы
Засивала поле,
Засивала трупомъ поле,
Пока не остыло...
Лягла спочыть... а тымъ часомъ
Выросла могыла,
А надъ нею орель чорный

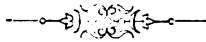
Сторожемъ литае,
 И про нейи добрымъ людямъ
 Кобзари спивають,
 Все спивають, якъ діялось,
 Слипи небораки, —
 Бо дотепни... А я... а я
 Тилько вмію плакати,
 Тилько слёзы за Вкраину...
 А слова — немає...
 А за лыхо... Та цуръ ёму!
 Хто ёго не знае!...
 А надто той, що дывыться
 На людей душою —
 Пекло ёму на симъ свити,
 А на тимъ...

Журбою

Не напычу соби доли,
 Коля такъ не маю.
 Нехай злыдни жывуть три дни —
 Я йихъ заховаю,
 Заховаю змию люту
 Коло свого сердца,
 Щобъ ворогы не бачылы,
 Якъ лыхо сміється...
 Нехай думка, якъ той воронь,
 Литае, та крыче,
 А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ — люде не побачуть,
 То й не засміються...
 Не втырайте-жъ мои слёзы,
 Нехай соби льються,
 Чуже поле поливають
 Що-дня и що-ночи,
 Покры попы не засыплють
 Чужымъ пыскомъ очы...
 Оттаке-то... а що робыть!

Журба не поможе.
Хто-жь сыроги завьдуе —
Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
Квиты мои, диты!
Выроставъ васъ, доглядавъ васъ —
Де жь мени васъ диты?
Въ Украину идить, диты,
Въ нашу Украину,
По-пидь-тынню, сиротамы,
А я — тутъ загыну.
Тамъ найдете щире сердце
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щиру правду,
А ще, може, й славу...
Прывитай же, моя ненько,
Моя Україно,
Моихъ дитокъ нерозумныхъ,
Якъ свою дытыну.

ПЕРЕБЕНДЯ.

(Е. П. Гребенкъ).

Перебендя — старый слипый,
 Кто ёго не знае?
 Винъ усюды вештається
 Та на кобзи грае.
 А хто грае, того знаютъ
 И дякують люде:
 Винъ имъ тугу розганяе,
 Хоть самъ свитомъ нудыть.
 По-пидь-тынню сиромаха
 И днюе, й почуе;
 Нема ёму въ свити хаты;
 Недоля жартуе
 Надъ старою головою,
 А ёму байдуже;
 Сяде соби, заспивае:
 «Ой не шумы, луже!»
 Заспивае, та й згадае,
 Що. винъ сиротына,
 Пожуриться, посумуе,
 Сыдячы пидь тыномъ.
 Оттавий-то Перебендя,
 Старый та химерный!
 Заспивае про Чалого —
 На «Горлыцю» зверне;
 Зъ дивчатамы на выгони —
 «Грыця» та веснянку,
 А у шынку зъ парубкамы —
 «Сербына», «Шынкарку»;
 Зъ жонатымы на бенкети
 (Де свекруха злая) —
 Про тополю, лыху долю,
 А потимъ — «У гаю»

На базари — про Лазаря,
 Або, щобъ те знали,
 Тяжко-важко заспивае,
 Якъ Сичъ руйнували.
 Оттакый-то Перебендя,
 Старый та химерный!
 Заспивае, засміється,
 А на слёзы зверне.

Витеръ віе-повивае,
 По полю гуляє.
 На могыли кобзарь сыдыть
 Та на кобзи грае.
 Кругомъ ёго — степъ, якъ море
 Широке, синіе;
 За могылою могыла,
 А тамъ — тилько мріе.
 Сывый усъ, стару чупрыну
 Витеръ розвивае;
 То прыляже та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,
 Якъ сердце сміється, слини очи плачуть...
 Послуха, повіе....

Старый заховавсь
 Въ степу на могыли, щобъ ни хто не бачывъ,
 Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
 Щобъ люде не чулы: бо то Боже слово,
 То сердце по воли зъ Богомъ розмовля,
 То сердце щибече Господнюю славу,
 А думка край свита на хмари гуля.
 Орломъ сызокрылымъ летае, шырае,
 Ажъ небо блакытне шырокымы бье;
 Спочыне на сонци, ёго запытае,
 Де воно ночуе, якъ воно встае;
 Послухае моря, шб воно говорыть;
 Спыта чорну гору: чого ты нима?
 И знову на небо, бо на земли горе,
 Бо на йій, шырокій, куточка нема

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
 Що море говорить, де сонце ночує.
 Їго на симъ свити ніхто не прыйма!
 Однѣ винъ мижъ ными, якъ сонце високе.
 Їго знають люде, бо носить земля;
 А якъ-бы почулы, що винъ, одинокий,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—
 На Божее слово вони бь насміялись,
 Дурнымъ бы назвали, одъ себе бь прогнали:
 «Нехай по-надъ моремъ», сказали бь, «гуля!»

Добре еси, мій кобзарю,
 Добре, батьку, робышь,
 Що спиваты-розмовляты
 На могылу ходышь!
 Ходы соби, мій голубе,
 Поки не заснуло
 Твое серце, та выспивуй,
 Щобъ люде не чулы.
 А щобъ тебе не цуралысь,
 Потурай имъ, брате!
 «Скачы, враже, якъ панъ каже:
 На те винъ багатый.»

Оттакый-то Перебендя,
 Старый та хымерный!
 Заспивае весильной,
 А на журбу зверне.

ИВАНЪ ПИДКОВА.

(В. П. Штернбергу).

I.

Було колысь — въ Украини
 Ревилы гарматы;
 Було колысь — Запорозци
 Вмилы пануваты.
 Панувалы, добувалы
 И славу, и волю;
 Минулося, — осталыся
 Могылы на поли!
 Высокы ти могыды,
 Де лягло спочыты
 Козацькее биле тило,
 Въ кытайку повыте.
 Высокы ти могылы
 Чорніють, якъ горы,
 Та про волю нышекомъ въ поли
 Зъ витрамы говорятъ.
 Свидокъ славы дидовщыны
 Зъ витромъ розмовляе,
 А внуць косу несе въ росу,
 За нмы спивае.

Було колысь — въ Украини
 Лыхо танцювало,
 Журба въ шынку медъ, горилку
 Поставцемъ кружала.
 Було колысь добре жыты
 Нашій Украини...
 А згадаймо! може, сердце
 Хоть трохы спочыне.

II.

Чорна хмара зъ-за Лыману
 Небо, сонце крше.
 Сыне море звирюкою
 То стогне, то вше.
 Днипра гирло затопыло.
 «А нуте, хлопьята,
 На байдакы! Море грае —
 Ходимъ погуляты!»

Высыпалы Запорозци —
 Лыманъ човны вкрылы.
 «Грай же, море!» заспывалы, —
 Запынылысь хвыли!
 Кругомъ хвыли, якъ ти горы:
 Ни земли, ни неба.
 Серце мліе, а козакамъ
 Того тилько й треба.
 Плывуть собі та спивають!
 Рыбалка литае....
 А попереду отаманъ
 Веде, куды знае.
 Похожае вздовжъ байдака,
 Гасне люлька въ роти;
 Поглядае сюды, туды —
 Де-то быть роботы?
 Закрутившы чорни усы,
 За ухо чупрыну,
 Пиднявъ шапку, — човны стали.
 «Нехай ворогъ гине!
 Не въ Сынопу, отаманы,
 Панове-молодци,
 А у Царьградъ, до султана
 Пойидемо въ гости!»
 — «Добре, батьку-отамане!»
 Кругомъ заревило.

«Спасибѣ вамъ!»

Надивъ шапку.

Знову закъшило

Сыне море; вздовжъ байдака

Знову похожае

Панъ отаманъ, та на хвѣлю

Мовчки поглядае.

ТАРАСОВА НИЧЪ.

(П. И. Мартосу).

Иа распутти кобзарь сыдыть
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ хлопци та дивчата,
 Якъ макъ процвитае.
 Грае кобзарь, выпивуе,
 Вымовля словами,
 Якъ москали, орда, ляхы
 Былсь зъ козакамы;
 Якъ збиралась громадонька
 Въ недиленьку въ-ранци;
 Якъ ховалы козаченька
 Въ зеленимъ байраци.
 Грае кобзарь, выпивуе —
 Ажъ лыхо сміється...

«Встае хмара зъ-за Лыману,
 А другая зъ поля;
 Зажурылась Украина —
 Така ййи доля!
 Зажурылась, заплакала,
 Якъ мала дытына.
 Нихто ййи не рятуе...
 Козачество гыне;
 Гыне слава, батькивщина;
 Немае де дитись;
 Вырастають нехрещени
 Козацькыи диты;
 Кохаються невинчани;
 Безъ попа ховають;
 Запродана жыдамъ вира,
 Въ церкву не пускають!
 Якъ та галичъ поле крые,

Ляхы, уніаты
 Налитають, — нема кому
 Порадонькы дати.
 Обизвавсь Налывайко —
 Не стало Кривчынны!
 Обизвавсь козакъ Павлюга —
 За нею полынувъ!
 Обизвавсь Тарась Трасыло
 Гиркымы слёзамы:
 «Бидна моя Украино,
 Стоптана Ляхамы!»

Обизвавсь Тарась Трасыло
 Виру ратоваты,
 Обизвавсь, орель сызый,
 Та й давъ ляхамъ знаты!
 Обизвавсь пань Трасыло:
 «А годи журыться!
 А ходимъ лышь, паныбраты,
 Зъ полякымы быться!»
 Вже не тры дни, не тры ночи
 Бьеться пань Трасыло.
 Одъ Лымана до Трубайла
 Трупомъ поле крылось.
 Изнемигся козаченько,
 Тяжко зажурывся,
 А поганый Конецьпольскый
 Дуже звеселився;
 Зибравъ шляхту всю до-купы,
 Та й ну частоваты.
 Зибравъ Тарась козаченькывъ —
 Порады прохаты:
 «Отаманы, товариши,
 «Браты мои, диты!
 «Дайте мени порадоньку,
 «Що будемъ робыты?
 «Бенкетують вражи ляхы
 «Наше безголовье».

— «Нехай соби бенкетують,
 «Нехай на здоров'є!
 «Нехай кляти бенкетують,
 «Поки сонце зайде,
 «А ничь-маты дасть пораду —
 «Козакъ лаха знайде».

«Лягло сонце за горою
 Зирки засіяды,
 А козаки, якъ та хмара,
 Ляхивъ обступали.
 Якъ ставъ місяць середъ неба,
 Ревнула гармата;
 Прокынулись ляшки-панкы —
 Никуды втивати!
 Прокынулись ляшки-панкы
 Та й не повставали:
 Зійшло сонце — ляшки-панкы
 Покотомъ лежали.

«Червоною гадюкою
 Несе Альта висти,
 Щобъ летили крюкы зъ поля
 Ляшкивъ-панкивъ йисты.
 Налетили чорни крюкы
 Вельможныхъ будыты;
 Зибралося козачество
 Богу помолытись.
 Закрякали чорни крюкы,
 Выймаючы очи;
 Заспивали козаченькы
 Писню тійи ночі, —
 Тійи ночі кривавою,
 Що славною стала
 Тарасови, козачеству,
 Ляхивъ що прыспала.

«Надъ ричкою, въ чыстимъ поли,
 Могыла чорніе;

Де кровъ текла козацькая,
Трава зеленіе.
Сыдыть воронъ на могыли
Та зъ голоду кряче...

Умовкъ кобзарь сумуючы:
Щось руки не грають,
Кругомъ хлопци та дивчата
Слизонькы втырають.
Пишовъ кобзарь по улыци —
Зъ журбы якъ заграе! —
Кругомъ хлопци навприсяды,

А винъ вимовляє:
«Нехай буде оттакечкы!
Сыдять диты у запичку,
А я зъ журбы та до шынку,
А тамъ найду свою жинку,
Найду жинку, почастую,
Зъ вороженькывъ покепкую».

Т О П О Л Я.

(Л. С. Петровской).

До диброви витерь вие,
 Гуляе по полю,
 Край дороги гне тополю
 До самого долу.
 Станъ высокій, листь широкій —
 На-що зеленіе?
 Кругомъ поле, якъ те море
 Широке, синіе.
 Чумаць иде, подивыться,
 Та й голову схмыть;
 Чабанъ въ-ранци зъ сопилкою
 Сяде на могыли,
 Подивыться — сердце ные:
 Кругомъ ни былыны!
 Одна, одна, якъ сырота
 На чужыни, гыне!

Кто жъ выкохавъ тонку, гнучку
 Въ степу погыбаты?
 Постривайте, все розскажу.
 Слушайте жъ, дивчата!
 Полюбыла чорнобрыва
 Козака дивчына,
 Полюбыла — не спыныла,
 Пишовъ, та й загынувъ.
 Якъ-бы знала, що покыне, —
 Була бъ не любыла;
 Якъ-бы знала, що загыне, —
 Була бъ не пустыла;
 Якъ-бы знала, не ходыла бъ
 Пизно за водою,

Не стояла бѣ до пивночи
 Зѣ мылымъ пидѣ вербою;
 Якъ-бы знала!...

И то льхо —
 Попереду знаты,
 Що намъ въ свити зостринеться...
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!...
 Само серце знае,
 Кого любить... Нехай вяне,
 Поки закопають!
 Бо не довго, чорноброви,
 Кари оченята,
 Биле лычко червоніе,
 Не довго, дивчата!
 До полудня, та й завьяне,
 Бровы полыняють...
 Кохайтеса жѣ, любитеса,
 Якъ серденько знае.

Защербече соловейко
 Въ лузи на камни, —
 Заспивае козаченько,
 Ходя по долини.
 Выспивуе, поки выйде
 Чорнобрыва зѣ хаты;
 А винѣ ййи залпытае:
 «Чы не была маты?»
 Стануть соби, обіймуться, —
 Спива соловейко;
 Послухають, розійдуться, —
 Обое раденьки.
 Нихто того не побачыть,
 Нихто не спытае:
 «Де ты була, щд робыла?»
 Сама соби знае.
 Любылася, кохалася,

А серденько млило:
 Воно чуло недоленьку,
 А сказати не вмило.
 Не сказало, — осталася,
 День и ничь воркуе,
 Як голубка безь голуба,
 А ни хто не чуе.

Не щибече соловейко
 Въ лузи надь водою,
 Не спивае чорнобрыва,
 Стоя пидь вербою;
 Не спивае, — якь сырота,
 Билымь свитомь нудыть.
 Безь милого батько, маты —
 Якь чужыи люде;
 Безь милого сонце свитыть —
 Якь ворогь сміється;
 Безь милого скризь могила...
 А серденько бьється!
 Мынувь и рикь, мынувь другый —
 Козака немае;
 Сохне вона, якь квичочка, —
 Ни хто не пытае.
 «Чого вянешь, моя доню?»
 Маты не спытала,
 За старого, багатого
 Ныщечкомь еднала.
 «Иды, доню!» каже маты:
 «Не викь дивуваты.
 Винь багатый, одынокый —
 Будешь пануваты.»
 — «Не хочу я пануваты,
 Не пиду я, мамо!
 Рушныкамы, що прыдбала,
 Спусты мене въ яму.
 Нехай попы заспивають,
 А дружкы заплачуть:

Легше мени въ труни лежать,
А нижъ ёго бачыть.»

Не слухала стара маты,
Робыла, що знала.
Все бачыла чорнобрыва,
Сохла и мовчала.
Пишла въ ночи до ворожки,
Щобъ поворожыты,
Чы довго йй на сямъ свити
Безъ мылого жыты?
«Бабусенько, голубонько,
Серце мое, ненько!
Скажы мени щыру правду,
Де мылый серденько?
Чы жывъ, здоровъ, чы винъ любыть,
Чы забувъ, покынувъ?
Скажы жъ мени, де мй мылый?
Край свита полыну!
Бабусенько, голубонько,
Скажы, колы знаешъ!
Бо виддае мене маты
За старого замижъ.
Любыть ёго, моя сыза, —
Серце не навчыты.
Пишла бъ же я утопылась —
Жаль душу згубыты.
Колы не жывъ чорнобрывий,
Зробы, моя пташко,
Щобъ до-дому не вернулась...
Тяжко мени, тяжко!
Тамъ старый жде зъ старостамы...
Скажы жъ мою долю».
— «Добре, доню; спочынь трошкы...
Чыны жъ мою волю.
Сама колысь дивувала,
Тее лыхо знаю;
Мынулося, навчылася —

Людамъ помогаю.
 Твою долю, моя доню,
 Позаторикъ знала,
 Позаторикъ и зиллячка
 Для того придбала.»

Пишла стара, мовъ каламарь
 Достала зъ полицы.
 «Ось на тоби сѣго дыва!
 Пиды до крыныци;
 Поки пивни не спивалы,
 Умыйся водою,
 Выпый трошкы сѣго зилля—
 Все лыхо загоить.
 Выпьешъ, — бижы, яко мога;
 Що-бъ тамъ ни крычало,
 Не оглянся, поки станешъ
 Ажъ тамъ, де прощалась.
 Одпочынешъ; а якъ стане
 Мисяць середъ неба,
 Выпый ще разъ; не прыйде—
 Въ-трете выпыть треба.
 За першый разъ, якъ за той рикъ,
 Будешъ ты такую;
 А за другый—середъ степу
 Тупне кинь ногою.
 Колы живый козаченько,
 То заразь прыбуде.
 А за третій... моя доню,
 Не пытай, щдъ буде.
 Та ще, чуешъ, не хрестыся,
 Бо все пиде въ воду.
 Теперь же йды, подывыся
 На торинню вроду.»

Взяла зилля, поклоньлась:
 «Спасыби, бабусю!»
 Выйшла зъ хаты: «Чы йты, чы ни?»

Ни, вже не вернуса!
 Пишла, вмылась, напылася —
 Мовъ не своя стала;
 Въ-друге, въ-трете, та, мовъ сонна,
 Въ степу заспивала:

«Плавай, плавай, лебедонько,
 По сыңему морю,
 Росты, росты, тополенько,
 Все вгору, та вгору!
 Росты тонка та висока
 До самой хмары,
 Спытай Бога, чы дижду я,
 Чы не дижду пары?
 Росты, росты, подывыся
 За сынее море:
 По тимъ боци—моя доля,
 По симъ боци—горе.
 Тамъ десь мылий чорнобровый
 По полю гуляе,
 А я плачу, лита трачу,
 Его выглядаю.
 Скажы ёму, мое сердце,
 Що сміються люде;
 Скажы ёму, що загину,
 Коли не пребуде.
 Сама хоче мене маты
 Въ землю заховаты...
 А хто жъ ййи головоньку
 Буде доглядаты?
 Кто догляне, розпытае,
 На старисть поможе?
 Мамо моя, доле моя!
 Боже мылий, Боже!
 Подывыся, тополенько,
 Якъ нема—заплачешъ
 До схиъ сонця раницянько,
 Щобъ ниhto не бачывъ.

Росты жъ, сердце тополенько,
Все вгору та вгору;
Плавай, плавай, лебедонько,
По сынѣму морю!»

Таку писню чорнобрыва
Въ степу заспивала.
Зилля дыва наробыло —
Тополею стала.
Не вернулася до-дому,
Не диждала пары;
Тонка, тонка та висока —
До самои хмары.
По диброви витерьъ вые,
Гуляе по полю,
Брай дороги гне тополю
До самого долу.

ГАМАЛІЯ.

О

й нема, нема ни витру, ни хвыли
Изъ нашої України!

Чы тамъ раду радять, якъ на турка статы,—
Не чуюмо на чужыни».

«Ой повій, повій, витре, черезъ море
Та зъ Велького Лугу,
Сушы наши слёзы, заглушы кайданы,
Розвій нашу тугу!»

«Ой заграй, заграй, сынесеньке море,
Та пидъ тыми байдаками,
Що плывуть козаки, тилько мріють шапки,
Та на сей бикъ за нами».

«Ой Боже нашъ, Боже! хочъ и не за нами,
Неси Ты їхъ зъ України:
Почуюмо славу, козацькую славу,
Почуюмо, та й загинемъ».

Оттакъ у Скутари козаки спивали;
Спивали, сердегы, а слёзы лылысь;
Лылся козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавъ, широкий,
И шкурою, сирый бугай, стрепенувъ,
И хвылю, ревучы, далеко-далеко
У сынее море на ребрахъ пославъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лыманъ погнало, а Лыманъ Днипрови
Тую журбу-мову на хвыли подавъ.

Зареготався дидъ нашъ дужый,
Ажъ пина зъ уса потекла.

«Чы спышъ, чы чуешъ, брате Луже?
Хортыце сестро?»

Загула

Хортыця зъ Лугомъ: «Чую, чую!»
И Днипръ укрылы байдакы,
И заспывалы козакы:

«У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.

Гай, гай! море, грай!

Ревы, скели ламай!

Пойидемо въ гости».

«У туркени у кышени

Талары, дукаты,

Не кышени трусытъ,

Йидемъ ризать, палытъ,

Бративъ вызволяты!»

«У туркени янычары

И баша на лави.

Гой гы, ворогы!

Мы не маемъ вагы!

Наша воля й слава!»

Плывуть соби, спиваючы.

Море витерь чуе.

Попереду Гамалія

Байдакомъ керуе.

— Гамалію, сердце мліе:

Сказылося море!

— Не злякае! и сховалысь

За хвыли—за горы.

Дримае въ хареми—въ раю Византія,
И Скутарь дримае; Босфоръ кыкотытъ,
Неначе скаженный; то стогне, то вые:
Ёму Византію хочеться збудытъ.

«Не буды, Босфоре: буде тобі горе!
Твої били ребра пискомъ занесу,
У муль поховаю! (реве сыне море).
Хыба ты не знаешъ, якыхъ я несу
Гостей до султана?»

Такъ море спыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ).
Босфоръ скаменувся. Туркени дримала,
Дримавъ у хареми ледачый султаъ.
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримають.
Козаки сердегы. Чого вони ждуть?
По-своему Бога въ кайданахъ благають,
А хвыли на той биеъ идуть та ревуть.

«О, мый Боже Украины!
Не дай пропасти на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ—
Вставать зъ чужой домовны,
На судъ Твій праведный прыйты,
Въ зализахъ руки прынести,
И передъ всімы у кайданахъ
Стать козакови...»

«Рижъ и бий!
Мордуй невиру бусурмана!»
Крычать за муромъ. Хто такий?...
Гамалію, серце мліе:
Скутаръ скаженіе!
«Ріжте, быйте!» на фортеци
Крычать Гамалія.

Реве гарматамы Скутара,
Ревуть, лютують ворогы;
Козацтво преться безъ вагы —
И покотылысь янычары.
Гамалія по Скутари —

По пеклу гулае;
 Самъ хурдыгу розбывае,
 Кайданы ламае.

«Вылитайте, сирі птахи,
 На базаръ до паю!»
 Стрепенулысь соколята,
 Бо давно не чулы
 Хрещеной ти мовы.

И ничъ стрепенулась:
 Не бачыла, стара маты,
 Козацькой платы.
 Не лякайся, подывыся
 На бенкетъ козачый.
 Темно всюды, якъ у буддень,
 А свято чымале.
 Не злодіи зъ Гамаліемъ
 Йидать мовчкы сало
 Безъ шашлыка. «Засвитымо!»
 До самой хмары
 Зъ щоглыстымы кораблямы
 Палае Скутара.
 Византія пробуркалась,
 Вытрыщае очи;
 Переплыва на помогу,
 Зубамы скрегоче.

Реве, лютуе Византія,
 Рукамы берегъ достае;
 Достала, зыгнула, встае —
 И на ножахъ въ крови ниміе.
 Скутарь, мовъ пекло те; палае;
 Черезъ базары кровь тече,
 Босфоръ шырокій дольвае.
 Неначе птахи чорни въ гаи,
 Козацьство смилыво литае.
 Нихто на свити не втече!
 Огонь запеклыхъ не пече:

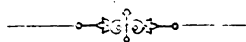
Руйнують муры, срибло-злото
 Несуть шалканы козакы
 И насыпають байдакы.
 Горыть Скутарь, стыха работа,
 И хлопци сходятся; зійшысь,
 Люльки зъ пожару закурмы,
 На байдакы,— та й потяглы,
 Рвучы червони горы-хвыли.
 Плывуть соби, нибы зъ дому,
 Такъ буцимъ гуляють,
 Та, звычайне Запорозци,
 Плывучы спивають:

«Нашъ отаманъ Гамалія,
 Отаманъ завзятый,
 Забравъ хлопцивъ та й пойхавъ
 По морю гуляты,—
 По морю гуляты,
 Славы добуваты,
 Изъ турецькои неволи
 Бративъ вызволяты.
 Ой прыйхавъ Гамалія
 Ажъ у ту Скутару,—
 Сыдятъ браты Запорозци,
 Дожыдають кары.
 Ой якъ крикнувъ Гамалія:
 «Браты, будемъ жыты,—
 Будемъ жыты, выно пыты,
 Янычара быты,
 А курени кылымамы,
 Оксамытомъ крыты!»
 Вылиталы Запорозци
 На лань жыто жаты;
 Жыто жалы, въ копы клалы,
 Гуртомъ заспивалы:
 «Слава тоби, Гамаліе,
 На весь свить великый,—
 На весь свить великый,

На всю Украину,
Що не давъ ты товариству
Згннуть на чужини!»

Пливуть спиваючи; плыве
Позадъ завзятый Гамалія:
Орель орлять мовъ стереже;
Изъ Дарданеливъ витерь ве,
А не женеться Византія:
Вона боиться, щобъ чернець
Не засвितывъ Галату знову,
Або гетьманъ Иванъ Пидкова
Не кыкнувъ въ море на ралець.
Пливуть собі, а изъ-за хвыли
Сонце хвылю червонить;
Передъ нымъ море мыле
Гомонить и кыкотить.

Гамаліе, витерь віе...
Ось-ось наше море!...
И сховалыся за хвыли—
За рожеви горы.

ПРЫЧЫННА.

Реве та стогне Дніпръ широкий,
 Сердытый витерь завыва,
 До-долу вербы гвѣ высоки,
 Горами хвѣлю пидійма.
 И блідный мисяць на ту пору
 Изъ хмары де-де выглядавъ,
 Неначе човень въ сынимъ мори,
 То вырынавъ, то потопавъ.
 Ще трети пивни не спивали,
 Нихто нигде не гомонивъ,
 Сычи въ гаю перекликались,
 Та ясенъ разъ-у-разъ скрипивъ.

Въ таку добу пидъ горою,
 Биля того гаю,
 Що чорніе надъ водою,
 Щось биле блукае.
 Може вийшла русалонька
 Матери шукаты,
 А може жде козаченька,
 Щобъ залоскотаты.
 Не русалонька блукае:
 То дивчына ходыть,
 Ї сама не зна (бо прычынна),
 Що такее робыть.
 Такъ ворожка поробыла,
 Щобъ менше скучала,
 Щобъ, бачъ, ходя о-пивночи
 Спала ч выглядала
 Козаченька молодого,
 Що торикъ покынувъ.
 Обищався вернутыся,
 Та, мабутъ, и згынувъ!

Не кытайкою покрылмысь
 Козацькыи очи,
 Не вымылы биле лычко
 Слизонькы дивочи:
 Орель выйнавѣ кары очи
 На чужому поли,
 Биле тило вовкы зьилы,—
 Така ёго доля.
 Дарма що ничѣ, дивчынонька
 Ёго выглядае.
 Не вернеться чорнобрывый
 Та й не привитае,
 Не розплете довгу косу,
 Хустку не завьязе,
 Не на лишко, въ домовину
 Сыротою ляже!

Така ййи доля... О, Боже мій мылий!
 За що жѣ Ты караешѣ ййи молоду?
 За те, що такѣ щыро вона полюбыла
 Козацькыи очи?... Просты сыроту!
 Кого жѣ ййи любыты? ни батька, ни ненькы;
 Одна, якѣ та пташка въ далекомѣ краю.
 Пошлы жѣ Ты ййи долю—вона молоденька—
 Бо люде чужкы ййи засміють.
 Чы вынна жѣ голубка, що голуба любыть?
 Чы вынень той голубѣ, що сокиль убывѣ?
 Суме, воркуе, билымѣ свитомѣ нудыть,
 Литает, шукае, дума—заблудывѣ.
 Щаслыва голубка: високо литает,
 Полыне до Бога—мылого пытать.
 Кого жѣ сыротины, кого запытае,
 И хто ййи розскаже, и хто тее знае,
 Де мылий ночуе: чы въ темному гаю,
 Чы въ быстримѣ Дунаю коня напова,
 Чы, може, зѣ другою, другу кохае,
 Ййи чорнобрыву уже забува?
 Якѣ-бы то далыся орлыныи крыла,

За синимъ бы моремъ мылого знайшла;
 Жывого бѣ любила, другу бѣ задушыла,
 А до нежывого у яму бѣ лягла!
 Не такъ сердце любить, щобъ зъ кымъ подилыться,
 Не такъ воно хоче, якъ Богъ намъ дае:
 Воно жыть не хоче, не хоче журыться.
 «Журысь!» каже думка,—жалою завдае.
 О, Боже мій мылый! така Твоя воля,
 Таке ййи щастя, така ййи доля!

Вона все ходыть, зъ усть ни пары.
 Широкий Днипръ не гомоныть;
 Розбывшы витерь чорни хмары,
 Лигъ била моря одпочыть,
 А зъ неба мисяць такъ и сяе;
 И надъ водою, и надъ гаемъ,
 Кругомъ, якъ въ уси, все мовчыть...
 Ажъ гулькь—зъ Днипра повырынали
 Малы диты сміючысь.
 «Ходимо гриться!» закрычали.
 «Зійшло вже сонце!» (Голи скризь,
 Зъ осоки косы, бо дивчата.)

.
 «Чы вси вы тута?» клыче маты:
 «Ходимъ шукаты вечерять.
 Пограемось, погуляймо,
 Та писеньку заспываймо:»

«Ухъ! ухъ!
 Соломьяный духъ, духъ!
 Мене маты породыла,
 Нехрещену положила.
 Мисяченьку!
 Нашъ голубоньку!
 Ходы до насъ вечеряты:
 У насъ козакъ въ очерети,
 Въ очерети, въ осоци,
 Срибный перстень на руди;

Молоденькый, чернобровый;
 Знайшли вчора у диброви.
 Свиты довше въ чыстимъ поли,
 Щобъ нагулятысь доволи.
 Поки видьмы ще литають,
 Поки пивни не спивають,
 Посвиты намъ... Онъ щось ходыть!
 Онъ пидь дубомъ щось тамъ робыть.

Ухъ! ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!
 Мене маты породыла,
 Нехрещену положила.»

Зареготалысь нехрещени...
 Гай обизвався; галась, зыкъ,
 Орда мовъ риже. Мовъ скажени,
 Летять до дуба.. Ничычыркъ!..

Схаменулысь нехрещени...
 Дывлятыся—мелькае,
 Щось лизе вверхъ по стовбуру
 До самого краю.
 Отто-жь тая дивчынонька,
 Що сонна блудыла:
 Оттаку-то ій прычыну
 Ворожка зробыла!
 На самый верхъ, на гилецци
 Стала... въ сердце коле!
 Подывылась на вси боки,
 Та й лизе до-долу.
 Кругомъ дуба русалоньки
 Мовчкы дожыдалы;
 Взялы ййи, сердешнук,
 Та й залоскоталы.
 Довго-довго дывувалысь
 На ййи уроду...
 Трети пивни—«кукуруку!»—
 Шелеснулы въ воду.

Защебетавъ жайворонокъ,
 У гору летючы;
 Закувала зозуленька,
 На дубу сядючы;
 Защебетавъ соловейко—
 Пишла луна гаємъ;
 Червоніе за горою;
 Плугатырь спиває.
 Чорніе гай надъ водою,
 Де ляхи ходылы;
 Засынили по-надъ Днипромъ
 Высоки могылы;
 Пишовъ шелестъ по диброви;
 Шепчуть густы лозы...
 А дивчына спыть пидъ дубомъ,
 Пры бытій дорози.
 Знать, добре спыть, шо не чує,
 Якъ кує возуля,
 Що не личыть, чы довго жить...
 Знать, добре заснула.

А тымъ часомъ изъ дибровы
 Козакъ выйизжає;
 Пидъ нымъ коныкъ вороненькый
 Насылу ступає.
 «Изнемигся, товаришу!
 Сёгодня спочынемъ,
 Блызько хата, де дивчына
 Ворота одчыныть.
 А може вже одчыныла
 Не мени, другому...
 Швыдче, коню, швыдче, коню,
 Поспишай до-дому!»
 Утомывся воропенькый,
 Иде, спотыкнеться, —
 Коло серця козацького
 Якъ гадына вьється.
 «Ось и дубъ той кучеравый...

Вона! Боже мыйй!
 Бачь, заснула выгладавшы
 Моя сызокрыла!»
 Кынувъ коня та до неи:
 «Боже Ты мій, Боже!»
 Клыче ййи та цилуе...
 Ни, вже не поможе!
 «За що жъ вони розлучылы
 Мене изъ тобою?»
 Зареготавсь, розигнався, —
 Та въ дубъ головою!

Идутъ дивчата въ поле жаты
 Та знай спивають идучы,
 Якъ провожала сына маты,
 Якъ бивсь татарынь у-ночи.
 Идутъ — лидь дубомъ зелененькымъ
 Кинь замордованый стоить,
 А бия ёго — молоденькый
 Козакъ та дивчына лежить.
 Цикави (нигде правды диты)
 Пидкралыся, щобъ излякать;
 Колю подывляться, що вбытый, —
 Зъ переполоху ну втикать!

Збиралыся подруженькы, —
 Слизонькы втырають;
 Збиралыся товариши, —
 Та ямы копають;
 Прыйшли попы за корогвамы,
 Задзвонылы дзвонны.
 Поховалы громадою,
 Якъ слидь, по закону.
 Насыпалы край дороги
 Дви могылы въ жыти.
 Нема кому запытаты,
 За що йихъ убыто?
 Посадылы надъ козакомъ

Явиръ та ялыну,
А въ головахъ у дивчины
Червону калыну.
Прылтае зозуленька
Надъ нымы куваты;
Прылтае соловейко
Що-ничъ щебетаты;
Выспивуе та щечече,
Поки мисяць зійде,
Поки тыи русалонькы
Зъ Днипра гритысь выйдуть. —

ХУСТЫНА *).

недилю не гуляла—
 На шовкѣ заробляла,
 Та хустыну вышивала,
 Вышиваючи спивала:

«Хустыночко мерезаная,
 Вышиваная!

Выгаптую, — подарую,
 А винь мене поцилуе...

Хустыно моя
 Малеваная!...

А я косу розплитаю,
 Зь дружыною похожаю...

Доленько моя....

Здывуються въ-ранци люде,
 Що въ сироты хустка буде —

Мерезаная,
 Малеваная.»

Оттакъ вона вышивала
 И въ виконце поглядала,
 Чы не ревуть крутороги,
 Чы не йде чумаць зь дороги?
 Иде чумаць зь-за Лыману
 Зь чужымъ добромъ, безталанний,
 Чужи волы поганяе,
 Поганяючи спивае:

*) „Хустына“ знайшлася між бумагами Олександра Олексієвича Корсуна, що въ 1840 р. видавъ український збірникъ „Сніпъ.“ Вона мала друковатись у другій книжці того-жъ збірника. Більшъ якъ черезъ 40 лѣтъ пасля того, якъ йійи написано, вона вперше була надрукована у кінвському збірнику „Луна“ 1881 р.

«Доле моя, доле!
 Чомъ ты не такая,
 Якъ доля чужая?
 Чы я пью-гуляю,
 Чы сылы не маю,
 Чы до тебе доризеньки
 У степу не знаю?
 Чы до тебе свои дары
 Я не посылаю?
 Е у мене дары —
 Очи мои карі;
 Молодую мою сылу
 Багачи купылы.....
 Може й дивчыну безъ мене
 Зъ иншымъ одружылы
 Навчы-жъ мене, доле,
 Гуляты навчы.»

Та й заплакавъ сиромаха,
 Степомъ идучы.....

Ой заплакавъ сывий пугачъ

Въ степу на могыли —

Зажурылысь чумаченьки,

Тяжко зажурылысь:

«Благословы, отамане,

Коло села статы,

Та повезимъ товариша

Въ село прычащаты.»

Сповидали, прычащали,

Й ворожокъ пытали,

Не помогло!.. Зъ незціленнымъ

Въ дорогу рушала.

Чы то нудьга невсыпуца

Ёго зъ нигъ звалыла?

Чы то люде наробылы

Ёму молодому,

Що привезлы ёго зъ Дону

На вози до дому?

Благавъ Бога, щобъ дивчыну

Хочь свою побачить,
Не доблагавь!.. Поховалы,
Нихто й не заплаче....
Поставылы громадою
Хресть надь сыротою,
Та й розійшлись... Ягь былына,
Ягь лысть за водою,
Пишовь козакъ зь сѣго свиту, —
Все забравъ зь собою....
А де-жь тая малѣвана —
Шытая хустына?
А де-жь тая веселая
Дивчына-дытына?

На новому хрести хустку
Витерь розвивае,
А дивчына у черныцяхъ
Косу розплитае....

КАТЕРЫНА.

(Василію Андреевичу Жуковскому на память 22-го Апрѣля 1838 года).

Кохайтеса, черноброви,
 Та не зъ москалямы,
 Бо москали—чужи люде,
 Роблять лыхо зъ вами.
 Москаль любить жартуючы,
 Жартуючы кыне;
 Пиде въ свою Московщину,
 А дивчына гыне...
 Якъ-бы сама, ще бь ничего,
 А то й стара маты,
 Що родыла на свить Божый,
 Мусыть погыбаты.
 Серце вяне спиваючы,
 Коы знае за-що;
 Люде сердца не спытають,
 А скажуть: «ледащо!»
 Кохайтеса жь, черноброви,
 Та не зъ москалямы,
 Бо москали — чужи люде,
 Сміються надъ вами.
 Не слухала Катерына
 Ни батьеа, ни ненькы,
 Полюбыла москалька,
 Якъ знало серденько.
 Полюбыла молодого,
 Въ садочокъ ходыла,
 Поки себе, свою долю
 Тамъ занастыла.
 Клыче маты вечеряты,
 А донька не чуче:

Де жартуе зъ москалыкомъ,
 Тамъ и заночуе.
 Не дви noci кари очи
 Любо цилувала,
 Поки слава на все село
 Недобрая стала.
 Нехай соби тыи люде
 Що хотять говорить:
 Вона любить, то й не чуе,
 Що вкралося горе.
 Прийшли висти недобрый —
 Въ походъ затрубый;
 Пишовъ москаль въ Туреччыну;
 Катрусю накрылы.
 Не чулася, та й байдуже,
 Що коса покрыта:
 За мылого, якъ спиваты,
 Любо й потужыты.
 Обищався чорнобрывый,
 Коны не загыне,
 Обищався вернутыся.
 Тоди Катерына
 Буде соби московкою,
 Забудеться горе;
 А поки-що, нехай люде
 Що хотять говорить.
 Не журыться Катерына —
 Слизонькы втырае,
 Що дивчата на улыци
 Безъ неи спивають.
 Не журыться Катерына —
 Выметыся слёзою,
 Визьме видра, о-пивъ-ночи,
 Пиде за водою,
 Щобъ ворогы не бачылы;
 Прийде до крыныци,
 Стане соби пидъ калыну,
 Заспивае «Грыця».

Выспивуе, вымовляе,
 Ажъ калына плаче.
 Вернулася — и раденька,
 Що ни хто не бачывъ.
 Не журиться Катерина
 И гадки не мае —
 У новенькй хустыночки
 Въ вѣкно выглядае.
 Выглядае Катерина...
 Мынуло пивъ року —
 Занудило коло сердца,
 Заколело въ боку.
 Нездужае Катерина,
 Ледве-ледве дыше...
 Вычуняла, та въ запичку
 Дытynu колыше.
 А жиночки лыхо дзвонять,
 Матери глузують,
 Що москали вертаються
 Та въ неи почують:
 «Въ тебе дочка чорнобрыва,
 Та ще й не едина,
 А муштруе у запичку
 Московського сына.
 Чорнобрывого прыдбала...
 Мабудь, сама вчыла...»
 Бодай же вась, цокотухы,
 Та злыдни побылы,
 Якъ ту матирь, що вамъ на смихъ
 Сына породыла.

Катерино, сердце мое!
 Лишенько зъ тобою!
 Де ты въ свити подинешся
 Зъ малымъ сырою?
 Хто спытае, привитае,
 Безъ мылого въ свити?

Батько, маты — чужи люде,
Тяжко зъ ными жыты!

Вычунала Катерына,
Одсуне кватырку,
Поглядае на улыцю,
Колыше дытынку;
Поглядае — нема, нема...
Чы то жъ и не буде?
Пишла бъ вь садокъ поплакаты,
Такъ дывляться люде.
Зайде сонце — Катерына
По садочку ходыть,
На рученькахъ носыть сына,
Очыци поводыть:
«Отгуть зъ муштры выглядала,
Отгуть розмовляла,
А тамъ... а тамъ... сыну, сыну!»
Та й не доказала.

Зеленіють по садочку
Черешни та вышни;
Якъ и перше выходыла,
Катерына выйшла.
Выйшла, та вже не спивае,
Якъ перше спивала,
Якъ москаля молодого
Въ вышныкъ дожыдала.
Не спивае чорнобрыва,
Кляне свою долю.
А тымъ часомъ вороженькы
Чынять свою волю —
Кують речи недобрыи.
Що мае робыты?
Якъ бы мылыи чорнобрывыи,
Умивъ бы спыныты...
Такъ далеко чорнобрывыи,
Не чуе, не бачыть,

Якъ ворогы сміються йій,
 Якъ Катруся плаче.
 Може вбитый чорнобрывый
 За тихымъ Дунаемъ;
 А може — вже въ Московщину
 Другую кохае!
 Ни, чорвявый не убитый,
 Винъ живый, здоровый...
 А де жъ найде таки очи,
 Таки чорни бровы?
 На край свита, въ Московщину,
 По тымъ боци моря, —
 Нема нигде Катерины;
 Та здалась на горе!...
 Вмила маты бровы даты,
 Кари оченята,
 Та не вмила на симъ свити
 Щастя-доли даты.
 А безъ доли биле лычко —
 Якъ квитка на поли:
 Пече сонце, гойда витерь,
 Рве всякый по воли.
 Умывай же биле личко
 Дрибными слёзамы,
 Бо вернулись москальки
 Иншими шляхамы.

 II.

Сыдыть батько кинецъ стола,
 На руку схылвся,
 Не дывыться на свить Божый:
 Тяжко зажурывся.
 Коло ёго стара маты
 Сыдыть на ослони,

За слёзаны ледве-ледве
 Вымволяе дони:
 «Що весилля, доню моя?
 А де жь твоя пара?
 Де свитылки зь друженькамы,
 Старосты, бояре?
 Въ Московщныи, доню моя!
 Иди жь ихъ шукаты;
 Та не кажы добрымъ людамъ,
 Що е въ тебе маты.
 Проклятый часъ-годынонька,
 Що ты народылась!
 Якъ-бы знала, до схидь сонця
 Була бь утопыла...
 Здалась тоди бь ты гадныи,
 Теперь — москалеви...
 Доню моя, доню моя,
 Цвите мій рожевий!
 Якъ ягидку, якъ пташечку,
 Кохала, ростыла
 На лышенько... Доню моя,
 Що ты наробыла?...
 Оддячыла!... Иды жь, шукай
 У Москви свекрухы.
 Не слухала моихъ ричей,
 То ййи послухай.
 Иды, доню, найды ййи,
 Найды, прывитайся,
 Будь щаслыва въ чужыхъ людяхъ,
 До насъ не вертайся!
 Не вертайся, дыта мое,
 Зь далекого краю...
 А хто жь мою головоныку
 Безъ тебе сховае?
 Хто заплаче надо мною,
 Якъ ридна дыгына?
 Хто посадыть на могыли
 Червону калыну?

Кто безъ тебе гришну душу
 Помянаты буде?
 Доню моя, доню моя,
 Дытя мое любе!
 Иды одъ насъ...»

Ледве-ледве

Поблагословила:
 «Богъ зъ тобою!» та, якъ мертва,
 На дилъ повалылась...

Обизвався старый батько:
 «Чого ждешъ, небого?»
 Зарыдала Катерына,
 Та бухъ ёму въ ноги:
 «Просты мени, мій батечку,
 Що я наробыла!
 Просты мени, мій голубе,
 Мій соколе мылый!»
 — «Нехай тебе Богъ прощае
 Та добры люде;
 Молись Богу та йды соби, —
 Мени легше буде.»

Ледве встала, поклонылась,
 Выйшла мовчки зъ хаты —
 Остались сиротами
 Старый батько й маты.
 Пишла въ садокъ у вышневий,
 Богу помолылась,
 Взяла земли пидъ вышнею,
 На хрестъ почепыла;
 Промовыла: «Не вернуса!
 Въ далекому краю
 Въ чужу землю чужи люде
 Мене заховаютъ;
 А своей ся крыхотка
 Надо мною ляже

Та про долю, мое горе,
 Чужымъ людямъ скаже...
 Не розкажуй, голубонько,
 Де бь не заховалы,
 Щобъ гришной на симъ свити
 Люде не займалы.
 Ты не скажешь .. ось хто скаже,
 Що я ёго маты!
 Боже ты мій!.. лыхо мое!
 Де мени сховатись?
 Заховаюсь, дытя мое,
 Сама пидь водою,
 А ты грихъ мій спокутуешь
 Въ людяхъ сыротою,
 Безбатченкомъ!.. »

Пшла селомъ,

Плаче Катерина;
 На голови хустыночка,
 На рукахъ дытына.
 Выйшла зъ села — сердце мліе;
 Назадъ подывылась,
 Покивала головою,
 Та й заголосыла.
 Ягъ тополя, стала въ поли
 При бытій дорози;
 Ягъ роса та до схидь сонця,
 Покапалы слёзы.
 За слёзамы, за гиркымы
 И свита не бачыть,
 Тилько сына прыгортае,
 Цилуе та плаче.
 А воно, ягъ янголятко,
 Ничого не знае,
 Маленькымы ручыцямы
 Пазухы шукае.
 Сило сонце, зъ-за дибровы
 Небо червоніе;

Утерлася, повернулася,
 Пишла... тилько мріє.

Въ сели довго говорыли
 Де-чого багато,
 Та не чулы вже тихъ ричей
 Ни батько, ни маты...

Оттаке-то на симъ свити
 Роблять людамъ люде!
 Того вяжуть, того рижуть,
 Той самъ себе губыть...
 А за-вищо? Святый знає!
 Свить, бачься, шырокий,
 Та нема де прыхлытысь
 Въ свити одынокымъ.
 Тому доля запродала
 Одъ краю до краю,
 А другому оставыла
 Те, де заховають.
 Де жъ ти люде, де жъ ти добри,
 Що сердце збиралось
 Зъ нымы жыты, йнхъ любыты?
 Пропалы, пропалы!

Есть на свити доля,
 А хто ййи знає?
 Есть на свити воля,
 А хто ййи мае?
 Есть люде на свити —
 Срибломъ-злотомъ сяють,
 Здається, панують,
 А доли не знають, —
 Ни доли, ни воли!
 Зъ нудьгою та зъ горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты — соромъ.
 Возьмить срибло-злото

Та будьте багати,
 А я визьму слёзы —
 Лыхо выльвати;
 Затоплю недолю
 Дрибными слёзами,
 Затопчу неволю
 Босыми ногами!
 Тоди я веселый,
 Тоди я багатый,
 Якъ буде серденько
 По воли гуляты!

 III.

Крычать совы, спить диброва,
 Зиронькы сияють,
 По-надъ шляхомъ, щырыцею,
 Ховрашки гуляють.
 Спочывають добри люде;
 Що кого втомыло:
 Кого — щастя, кого — слёзы, —
 Все ничка покрыла.
 Всихъ покрыла темнисинька,
 Якъ диточокъ маты;
 Де жь Катрусю прыгорнула?
 Чы въ лиси, чы въ хати?
 Чы на поли, пидь копою
 Сына забавляе,
 Чы въ диброви, зъ-пидь колоды
 Вовка выглядае?
 Бодай же васъ, чорни бровы,
 Никому не маты,
 Колы за васъ таке лыхо
 Треба одбувати!
 А що дальше спиткається?
 Буде лыхо, буде!
 Зостринуться жовти писки

И чужьи люде;
 Зостринеться зима люта...
 А той чы зострине,
 Що пизнае Катерину,
 Привитае сына?
 Зъ нымъ забула бѣ чернобрыва
 Шляхы, пискы, горе:
 Винь, якъ маты, привитае,
 Якъ брать, заговорить...

Побачымо, почуемо...
 А помы — спочыну,
 Та тымъ часомъ розпытаю
 Шляхъ на Московщыну.
 Далекый шляхъ, паныбраты;
 Знаю ёго, знаю!
 Ажъ на серци похолоде,
 Якъ ёго згадаю.
 Попомиравъ и я колысь —
 Щобъ ёго не мирать!..
 Розказавъ бы про те лыхо,
 Та чы то жъ повирять!
 «Бреше,» скажуть, «сякый-такый!
 (Звычайно, не въ очи),
 А такъ тилько псуе мову
 Та людей морочыть.»
 Правда ваша, правда, люде!
 Та й на-що те знаты,
 Що слёзамы передъ вами
 Буду выльваты?
 На що воно? У всякого
 И свого чымало...
 Цуръ же ёму!.. А тымъ часомъ
 Кете лышь кресало
 Та тютюну, щобъ, знаете,
 Дома не журылысь.
 А то лыхо розказувать,
 Щобъ брыдке прыснылось!

Нехай ёго лыхый визьме!
 Лучче жь помиркую,
 Де-то моя Катерына
 Зь Ивасемъ мандруе.

За Кывомъ, та за Днипромъ,
 По-пидъ темнымъ гаемъ,
 Идутъ шляхомъ чумаченькы,
 «Пугача» спивають.
 Иде шляхомъ молодыця,
 Мусыть буты зь прощи.
 Чого жь смутна, невесела,
 Заплакани очи?
 У латаній свытыночци,
 На плечахъ торбына,
 Въ руци ципокъ, а на другій
 Заснула дытына.
 Зострилася зь чумакамы,
 Закрыла дытыну,
 Пытається: «Люде добри!
 Де шляхъ въ Московщину?»
 — «Въ Московщину? отцей самый.
 Далеко, небого?»
 — «Въ саму Москву. Хрыста рады,
 Дайте на дорогу!»
 Бере шага, ажъ трусыться:
 Тяжко ёго браты!..
 Та й на-вищо?.. А дытына?
 Вона жь ёго маты!
 Заплакала, пишла шляхомъ,
 Въ Броварахъ спочыла,
 Та сынови за гиркого
 Медяныкъ купыла.
 Довго-довго, сердешная,
 Все йшла та пытала;
 Було й таке, що пидъ тыномъ
 Зь сыномъ ночувала...

Бачь, на що здалися кари оченята:
 Щобь підь чужымь тыномь слёзы выливать!
 Ото жь то дивиться та кайтесь, дивчата,
 Щобь не довелося москала шукать,
 Щобь не довелося, якь Катря шукае...
 Тоди не пытайте, за-що люде лають,
 За-що не пускають въ хату ночувать.

Не пытайте, чорноброви,
 Бо люде не знають;
 Кого Богь кара на свити,
 То й вони карають...
 Люде гнуться, якь ти лозы,
 Куды витерь віе.
 Сыротыни сонце свитыть
 (Свитыть, та не гріе) —
 Люде бь сонце заступылы,
 Якь-бы малы сылу,
 Щобь сыроти не свитыло,
 Слёзы не сушыло.
 А за-вищо, Боже мыйый!
 За-що свитомь нудыть?
 Що зробыла вона людамь,
 Чого хотять люде?
 Щобь плакала!.. Серце мое!
 Не плачь, Катерыно,
 Не показуй людамь слёзы,
 Терпы до загыну!
 А щобь лычко не марныло
 Зь чорнымь бровамы —
 До схиць сонця, въ темнымь лиси
 Умыйся слёзамаы.
 Умышся — не побачать,
 То й не засміються;
 А серденько одпочыне,
 Покры слёзы льються.
 Де жь Катруся блудыть?
 По-пидь-тынню ночувала,

Раненько вставала,
 Поспишала въ Московщину;
 Ажъ гулькѣ — зима впала.
 Свыще полемъ завирюха,
 Иде Катерына
 У лычакахъ — лыхо тяжке! —
 И въ одній свытѣни.
 Иде Катря, шкандыбае;
 Дывыться — шось мріе...
 Лыбонь идуть москалыкы...
 Лыхо!.. сердце мліе...
 Полетила, зострилася,
 Пыта: «Чы немае
 Мого Йвана чорнявого?»
 А ти: «Мы не знаемъ.»
 И, звичайно, якъ москали,
 Сміються, жартують:
 «Ай да баба! ай да наши!
 Каво не надують!»
 Подывылась Катерына:
 «И вы, бачу, люде!
 Не плачь, сыну, мое лыхо!
 Що буде, то й буде.
 Пиду дальше — бильшь ходыла...
 А може й зострину;
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама — заггну!»
 Реве, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемъ;
 Стоить Катря середъ поля,
 Дала слёзамъ волю.
 Утомылась завирюха,
 Де-де позихае;
 Ще бѣ плакала Катерына,
 Та слізъ бильшь не мае.
 Подывылась на дытну:
 Умыте слёзою,
 Червоніе, якъ квіточка

Щобъ лисъ оглядиты,
 Та де тоби! таке лыхо,
 Що не видно й свита.
 «Еге, бачу, яка фукга!
 Цуръ же ёму зъ лисомъ!
 Питы въ хату... Що тамъ таке?
 Отъ йихъ до-сто-биса!
 Недобра йихъ розносыла,
 Мовъ справди за диломъ.
 Нычпоре! дывысь лышень,
 Яки побилили!»
 — «Що, москали?... Де москали?»
 «Що ты? схаменыся!»
 — «Де москали, лебедыкы?»
 «Та онъ, подывыся.»
 Полетела Катерына
 И не одяглася.
 «Мабуть, добре Московщина
 Въ тямку йй далася!
 Бо у-ночи тилько й знае,
 Що москаля клыче.»
 Черезъ пенькы, заметамы,
 Летыть, ледве дыше.
 Боса стала середъ шляху,
 Втерлась рукавамы.
 А москали йй назустрічь,
 Якъ одинъ, верхамы.
 «Лыхо мое! доле моя!»
 До йихъ... комы глане —
 Попереду старшый йиде.
 «Любый мій Иване!
 Серце мое коханее!
 Де ты такъ барывся?»
 Та до ёго... за стремена...
 А винъ — подывывся,
 Та шпорамы коня въ боки.
 «Чого жъ утикаешъ?
 Хыба забувъ Катерыну?»

Хыба не признаеш?
 Подывыся, мій голубе,
 Подывыся на мене:
 Я Катруся твоя любя.
 На-що рвешь стремяна?»
 А винъ коня поганяе,
 Нибы-то й не бачыць.
 «Постривай же, мій голубе!
 Дывыся — я не плачу.
 Ты не признавъ мене, Йване?
 Серце, подывыся,
 Йй же Богу, я Катруся!»
 — «Дура, атвяжися!
 Вазьмите прочь безумную!»
 — «Боже мій! Иване!
 И ты мене покидаешь!..
 А ты жь присягався!»
 — «Вазьмите прочь! Что жь вы стали?
 — «Кого? мене взяты?
 За-що жь, скажы, мій голубе?
 Кому хочь оддаты
 Свою Катрю, що до тебе
 Въ садочокъ ходыла,—
 Свою Катрю, що для тебе
 Сына породыла?
 Мій батечку, мій братику!
 Хочь ты не цурайся!
 Наймычкою тоби стану..
 Зь другою кохайся..
 Зь цилымъ свитомъ... Я забуду,
 Що колысь кохалась,
 Що одь тебе сына мала,
 Покрытою стала..
 Покрытою... якый соромь!
 И за-що я гыну!
 Покрынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мое,

Не втикай одъ мене...
 Я вынесу тобі сына.»
 Кынула стремена
 Та въ хатыну. Вертається,
 Несе ёму сына.
 Несповыта, заплакана
 Сердешна дытна.
 «Ось-де воно, подывыся!
 Де жъ ты? Заховався?
 Утикъ!.. нема!.. Сына, сына
 Батько одцурався!
 Боже ты мій!.. Дытя мое!
 Де динусь зъ тобою?
 Москалыкы! голубчыкы!
 Возьмить за собою;
 Не цурайтесь, лебедыкы:
 Воно сыротына;
 Возьмить ёго та оддайте
 Старшому за сына.
 Возьмить ёго... бо покыну,
 Якъ батько покынувъ,—
 Бодай ёго не кыдала
 Лыхая годына!
 Грихомъ тебе на свить Божый
 Маты породыла;
 Выростай же на смихъ людымъ!»
 На шляхъ положила:
 «Оставайся шукать батька,
 А я вже шукала.»
 Та въ лисъ зъ шляху, якъ нависна!
 А дытя осталось,
 Плаче бидне... А москалямъ
 Байдуже, — минулы.
 Воно й добре; та на лыхо
 Лиснычи почулы.

Бига Катря боса лисомъ,
 Бига та голосыть;

То прокляна свого Йвана,
 То плаче, то просить.
 Выбигае на возлисса;
 Кругомъ подывылась,
 Та въ яръ... бижить... середь ставу
 Мовчки опынылась.

«Прыймы, Боже, мою душу,
 А ты — мое тило!»
 Шубовствъ въ воду!.. По-пидь лёдомъ
 Геть загуркотило.

Чорнобрыва Катерына
 Найшла, що шукала.
 Дунувъ витерь по-надъ ставомъ —
 И слиду не стало.

То не витерь, то не буйный,
 Що дуба ламае;
 То не лыхо, то не тяжке,
 Що маты вмирае;
 Не сироты мали диты,
 Що неньку сховали:
 Йимъ zostалась добра слава,
 Могыла zostалась.
 Засміються злыи люде
 Малій сиротыни;
 Вылье слёзы на могылу —
 Серденько спочыне.
 А тому, тому на свити,
 Що ёму zostалось,
 Кого батько и не бачывъ,
 Маты одцуралась?
 Що zostалось байстриюкови?
 Хто зъ нымъ заговорить?
 Ни родыны, ни хатыны —
 Шляхы, пискы, горе...
 Панське лычко, чорны бровы...
 На-що? Щобъ пизналы!

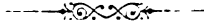
Змалювала, не сховала...
 Бодай полынялы!

V.

Ишовъ кобзарь до Кыва
 Та сивъ спочываты.
 Торбынкамы обвишаный
 Ёго повожатый.
 Мале дытя коло ёго
 На сонци кунде,
 А тымъ часомъ старый кобзарь
 «Исуса» спивае.
 Хто йде, йиде — не мынае:
 Хто — бублыкъ, хто — гроши;
 Хто старому, а дивчата —
 Шажокъ михоноши.
 Задывляться чорноброви —
 И босе, и голе:
 «Дала,» кажуть, «бровенята,
 Та не дала доли!»

Йиде пляхомъ до Кыва
 Берлынъ шестернею,
 А въ берлыни господыня
 Зъ паномъ и семьею;
 Опынввся проты старцивъ —
 Курява лягае.
 Побигъ Ивась, бо зъ виконця
 Рукою махае.
 Дае гроши Ивасеви,
 Дывується пани.
 А панъ глянувъ... одвернувся...
 Пизнавъ, препоганый,
 Пизнавъ ты кари очи,

Чорни бровенята...
Пизнавъ батько свого сына,
Та не хоче взяти.
Пыта пани, якъ зоветься?
«Ивась.» — «Какой милай!»
Берлынь рушывъ, а Ивася
Курява покрыла...
Поличылы, що досталы,
Всталы сиромакы,
Помолымысь на схиць сонця,
Пишлы по-надъ шляхомъ.

ЧЕРНЫЦЯ МАРЬЯНА.

(Частина поемы.)

У неділю на выгони
 Дивчата гулялы,
 Жартувалы зь парубкамы,
 Де-які співалы
 Про досвіткы, вечорныцы,
 Та якъ была маты,
 Щобъ зь козакомъ не стояла...
 Звычайно — дивчата,
 То про свое все й співаюць,
 Яка про що знае.
 Ажъ ось, зь хлопцемъ старый слипець
 Въ село шкандыбае;
 Въ рукахъ чоботы; на плечахъ
 Латана торбына
 У старого. А дытына,
 Сердешна дытына,
 Обидрана, ледве-ледве
 Несе ноженята...
 Безталанний сынъ Катруси!
 «Дывіться, дивчата,
 Кобзарь иде, кобзарь иде!»
 Та вси, яко мога,
 Хлопцывъ кынулы, — побіглы
 Зостричать слипого.
 «Диду-серце, голубчыку!
 Заграй намъ що-небудзь:
 Я шага дамъ; я—черешень;
 Я напою медомъ;
 А тымъ часомъ одпочынешъ,
 А мы потанцюемъ.

Заграй же намъ яку-небудь!»
 — «Чую, люби, чую!
 Спасыби вамъ, мои квиты,
 За слово ласкаве.
 Загравъ бы вамъ, та бачыте —
 Справы нема, справы.
 Учора бувъ на базари —
 Кобза зопсувалась,
 Розвалылася...»

«А струны?»
 — «Тільки три осталось.»
 «Та хочъ на трѣхъ яку-небудь!»
 — «На трѣхъ? Охъ, дивчата!
 И на одній колысь-то гравъ,
 Та ба, вже не граты!
 Постривайте жъ, мои любі.
 Трошки одпочыну...
 Сядьмо, хлопче!»

Посидалы.
 Розвязавъ торбыну;
 Выйнявъ кобзу; разивъ зо-два
 Ударивъ по рваныхъ ..
 «Що бъ вамъ заграць?.. Постривайте...
 Черныцю Марьяну...
 Чы чувалы, чы не чулы?..
 Слухайте жъ, дивчата,
 Та кайтеса...

Давно колысь
 Була соби маты;
 Бувъ и батько, та не стало.
 Осталась вдовою,
 Та й не молодою, —
 Изъ воламы, изъ возамы,
 Зъ малою дочкою.
 Росла дочка Марьяна,
 А выросла, якъ панна, —

Чорнобрыва, уродлива,
 Хочь за пана гетьмана.
 Стала маты гадаты
 Та зятя еднаты,
 А Марьяна не до пана
 Выходыла стояты,—
 Не до пана товстого,
 Усатого, старого,
 До Петруся, въ гаю, въ лузи,
 Що-вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнимала, млила,
 Въ раю жыла... а иноди
 Плакала, нимила.
 «Чого плачешь, моя пташко?»
 Петро запытае.
 Вона гляне, усмихнется:
 «И сама не знаю!»
 — «Може, думаешь, покину?
 Ни, моя рыбчыно!
 Буду ходыть, буду любыть,
 Поки не загыну.
 Хыба було колы въ свити,
 Щобь ти, що кохалысь,
 Розійшлыся, не взялыся,—
 Жывымы осталысь?»
 — «Ты жартуешь, мій голубе!
 Ты чувь, що спивають...
 То кобзари выгадують;
 Бо слипи, не знають,
 Бо не бачать, що е бровы,
 Чорни й кари очи,
 И высокый стань козачый,
 И гнучкый дивочый;
 Що е косы, чорни косы,
 Козацька чупрына,
 Що на мову на Петрову
 Въ глухий домовыни

Усмихнуса... скажу ёму:
 — Орле сызокрыий!
 Люблю тебе й на тимъ свити,
 Якъ на симъ любыла.
 Отакъ, сердце, обнимемось,
 Отакъ поцилую!
 Нехай вкупи заховають...
 Умру—не почую...
 Не почую...»

Обнялся,
 Обнялся, зомлилы.
 Отакъ вони любылся,
 Отакъ и хотилы,
 Щобъ на той свить переступить;
 Та не по йихъ стало...
 Що-вечора сходылся,
 И маты не знала,
 Де Марьяна до пивночи,
 Зъ кымъ вона гуляла.
 «Воно мале, ще дытына,
 Ничого не знае.»
 Угадала стара маты,
 Та не все вгадала:
 Знать, забула, що мынуло,
 Чы не дивувала?

Угадала маты... Марьяна—дытына,
 Не знала, якъ треба на симъ свити жыть,
 Думала, ни люде, а ни домовына
 Зъ Петромъ не рознять—умила любить.
 Думала, що тилько кобзари спивають,
 Бо, слипи, не бачать карыхъ оченять...
 Що тилько лякають молодыхъ дивчаты...
 Лякають, дивчата, правдою лякають.
 И я васъ лякаю, бо те лыхо знаю...
 Бодай на симъ свити николы не знать
 Того, що я знаю!... Мынуло, дивчата,—
 Серце не заснуло—я васъ не забудь;
 Люблю васъ и доси, якъ диточокъ маты;

Буду вамъ спиваты, помы не загыну..
 Тоди, мой любви, якъ мене не стане,
 Згадайте про мене, про мою Марьяну,—
 Я вамъ зъ того свита серцемъ усмихнусь...

Усмихнуся...»

Та й заплакавъ.

Дывылысь дивчата,
 Не пытамы, чого плаче,
 Та й на що пытамы?
 Мынулося—помагало
 Ласкаве дивоче
 Щыре слово...

«Выбачайте...

(Утеръ слипы очи)

Выбачайте, мой любви!

Нехотя журюся...

Такъ отъ, бачыте, Марьяна

Зъ убогымъ Петрусемъ

Що-вечора размовляла,

А маты не знала.

Дывувалась: «Що се таке

«Марьяну спитеало?

«Чы не прыстрить? Сяде шыты—

«Не те вышывае;

«Замість «Грыця», задумавшысь,

«Петруся» спивае;

«Часомъ сонна розмовляе,

«Подушку цилуе...»

Маты спершу сміялася:

Думала—жартуе;

Потимъ бачыте, що не жарты,

Та й каже Марьяни:

«Треба буде старостивъ ждаты,

«Та, може, й одъ пана.

«Ты вже выросла—нивроку,

«Уже й дывувала;

«Я вже думаю, що... бачышь,

(Насылу сказала)

«Що вже й замижъ, коли тее...»
 — «А за кого, мамо?»
 — «Хто вподоба, то й оддамъ.»

Спивае Марьяна:
 «Минулася твоя доля,
 «На-вики минула...
 «Чомъ ты вчора, якъ вернулась,
 «На-викъ не заснула?
 «Було бъ легче въ домовини
 «Одинокій спаты.
 «Тоди, може бъ, надъ тобою
 «Заплакала маты.
 «Теперьъ маты не заплаче,
 «Та й не заспивае;
 «А лиха ще буде, буде,
 «Поки заховають!»

Отаке-то мои, люби,
 Бува на симъ свити:
 Одна дочка у матери,
 Та й тій тяжко жыты...

По садочку похажае,
 Слизонькы втырае;
 Поглядае на сонечко—
 Пече, а не сяе.
 Стоить собі середъ неба,
 Мовъ сміється зъ нею.
 Воно не зна, що Марьяна
 Рада бъ пидъ землею
 Заховаться одъ матери,
 Щобъ не почуть знову
 Тіи мовы, що вже чула,

Проклятои мовы.
 Воно не зна, що якъ зайде
 Спочыты за гаемъ,
 Петрусь выйде на долину,
 Петрусь заспивае,
 Петрусь ййи розпытае,
 Якъ братъ заговорыть.
 Поцилуе, роспытае
 Про лютеє горе.

Не знала Марьяна, чого серце мліе,
 Чого плачуть очи... на що ёго знать?
 Хмыльтеся тополя, куды витерь віе...
 Тяжко одынокій на степу стоять.
 Утомытеся витерь—тополя спочыне:
 Отакъ и дивоча мыне хуртовына.
 Тяжко одынокій въ степу зостричать,
 А ще гирше любій попереду знать,
 Де и якъ спиткае лыхая годына.

Несподивано Марьяна
 Зострила недолю;
 Спива було, а иноди
 Дає слёзамъ волю.
 Сама не зна, чого плаче;
 Може, серце й чує,
 Та не вміє розказаты
 Про те, що вищує.
 Разъ у-вечери Марьяна,
 Якъ маты заснула,
 Пишла слухать соловейка.
 Мовъ зроду не чула.
 Выйшла въ садокъ, послухала,
 Сама заспывала,
 Та й замовкла; пидъ яблуню
 Тыхесенько стала,
 Заплакала, якъ дытына
 Безъ матери плаче...

Петро стоить передь нею—
Ничого не бачыть.

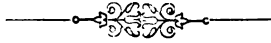
«Оддай мене, моя мамо,
«Та не за старого;
«Оддай мене, мое серце,
«Та за молодого.
«Нехай старый бурлакуе,
«Гроши заробляе,
«А молодой мене любыть,
«Доли не шукае.
«Не шукае, не блукае
«Чужымы степами.
«Свои волы, свои возы,
«А мижь парубкамы,
«Якь макивка на-въ городи,
«Цвите-процвитае.
«Мае поле, мае волю,
«Та доли не мае,
«Его доля—мои бровы,
«Мои кари очи;
«Мое слово—панство-царство,
«Ничого не схоче.
«У кайданахь, моя сыза,
«Та не сыротою,
«Тилько, мамо, щобь плакаты,
«Щобь спивать зо мною.
«Оддай...»
— «Дочко моя, Марьяно!
«Одамь тебе за пана
«За старого, богатого
«За сотныка Йвана,»
— «Умру, серце мамо,
«За сотныкомь Йваномь.»
— «Не вмрешь, будешь панувати
«Будешь дитокь годуваты».

Маты галка, маты чорна
 Литаючы крыаче;
 Чорнобрыва дивчынонька,
 Ходя гаемъ, плаче.
 Летыць галва черезъ балку,
 Въ степену погулаты,
 А дивчына нудыць свитомъ,—
 Ни съ кымъ розмовляты.
 Не пускае ййи маты
 Въ-ранци до крыныци,
 Ни жыта жать, ни лёну братъ,
 Ни на вечорныци,
 Де дивчата зъ парубкамы
 Жартуюць, спиваюць,
 Та про мене, чорнобрыву,
 Нышкомъ розмовляюць:
 «Багатого дочка батька,
 «Шляхецького роду...»
 Тяжко мамо, важко мамо...
 На-що дала вроду?
 На-що бровы змалювала,
 Дала кари очи?
 Усе дала, тилько доли —
 Доли даць не хочешъ.
 На што мене годувала,
 На-що доглядала?
 Покры лыха я не знала,
 Чомъ не заховала?

 Не слухала стара маты,
 Лягла спочываты;
 А Марьяна заплакала,
 Ледве пишла зъ хаты.
 «Злякалася,» дума маты:
 «Нехай переплаче!»
 А Марьяна за слёзамы
 И свиту не бачыць.
 Пишла въ садокъ... сердце мліе,

Якъ згадае пана.
 Серце мое, рыбка моя!
 Марьяно, Марьяно!
 Постривайте... заспивала—
 Пишла луна гаемъ,—
 Не про «Грыця»,—про «Петруся»,
 Такъ и выливала.
 Заспивае, опынѣться,
 Послуха, та знову,—
 Ажъ голосокъ утомився.
 Петровои мовы
 Не чуть, нема, не гукае,
 Не клыче: «Марьяно!»
 «Де ты, пташко? Выльнь, серце,
 «Серденько кохане!»
 Нема Петра, не чуть Петра...
 Не вже жъ то покинувъ
 Сыротою чернобрыву
 При лыхій годьни?
 Побачимо... А тымъ часомъ
 По-надъ темнымъ гаемъ,
 Якъ русалка жде мисяця,
 Марьяна блукае.
 Неспивае чернобрыва,
 Тяжко-тяжко плаче...
 Ой вернься, подивься,
 Зрадливый козаче!
 Утомылась бы Марьяна,—
 Утомы не чуе;
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузи
 Ходячы ночуе.
 На схидь сонця червоніе,
 Ховаються зори;
 Иде дивчына до хаты,
 Несе свое горе.
 Прийшла въ хату—спала маты;
 Глянула на неи:
 «Ой якъ-бы ты, мамо, знала

«Якою змією
«Окрутила мое сердце,
«Рідной дытны...»
Та й упала на постелю,
Якъ у домовину!...

ГАЙДАМАҚЫ.

Василию Ивановичу Григоровичу.

На память 22-го Апреля 1838 года.

Все йде, все мынае и краю немае...
 Куды жь воно дилось? видкиля взялось?
 И дурень, и мудрый ничего не знае.
 Жыве... умирае... одно зацвило,
 А друге завьяло, на-вики завьяло...
 И лытя пожовкле витры рознеслы.
 А сонечко встане, якъ перше вставало,
 И зори червони, якъ перше плылы,
 Поплывуть, и потимъ и ты, билолыцый,
 Го сынёму небу выйдешъ погулять,
 Выйдешъ подывиться въ жолобокъ, крыницю
 И въ море безкрае, и будешъ сиять,
 Якъ надъ Вавылономъ, надъ ёго садами
 И надъ тымъ, що буде зъ нашыми сынамы.
 Ты вичный безъ краю!... Люблю розмовлять,
 Якъ зъ братомъ, зъ сестрою, розмовлять зъ тобою;
 Сливать тоби думу, що ты жь нашептавъ.
 Порай мени ще разъ, де дитысь зъ журбою?
 Я не одынокый, я не сырота:
 Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
 Заховать зъ собою? Грихъ — душа жыва;
 А може, ййй легше буде на тимъ свити,
 Якъ хто прочытае ти слёзы-слова,
 Що такъ вона щыро колысь выльвала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ ными рыдала.
 Ни, не заховаю — бо душа жыва!
 Якъ небо блакитне — нема ёму краю, —
 Такъ души почыну и краю немае;
 А де вона буде? хымерни слова!
 Згадай же хто-небудъ йййи на симъ свити —

Безславному тяжко сей свить покидать.
 Згадайте, дивчата, — вамъ треба згадать!
 Вона васъ любила, рожевыи квиты,
 И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане, спочывайте, диты,
 А я помиркую, ватажка де взять.

Сыны мои, гайдамакы!
 Свить широкий, воля —
 Идуть, сыны, погуляйте,
 Пошукайте доли.
 Сыны мои невеликы,
 Нерозумни диты!
 Хто васъ щиро безъ матери
 Привитае въ свити?
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину:
 Хоть и лихо зостринеться,
 Такъ не на чужыни.
 Тамъ найдеться душа щира,
 Не дасть погыбаты;
 А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
 Коли пустячь въ хату,
 То зострившы насміються, —
 Таки, бачте, люде:
 Все письменни, друковани,
 Сонце навить гудать.
 «Не видтила, каже, сходять,
 «Та не такъ и свитыть;
 «Отакъ, каже, було-бъ треба...»
 Що маешъ робыты?
 Треба слухать, може й справди
 Не такъ сонце сходять,
 Якъ письменни начытали...
 Розумни, та й годи!
 А що жъ на васъ вони скажуть?
 Знаю вашу славу!

И чужьи люде;
 Зостринеться зима люта...
 А той чы зострине,
 Що пизнае Катерыну,
 Прывитае сына?
 Зъ нымъ забула бѣ чернобрыва
 Шляхы, пискы, горе:
 Винь, ягъ маты, прывитае,
 Ягъ братъ, заговорить...

Побачымо, почуемо...
 А помы — спочыну,
 Та тымъ часомъ розпытаю
 Шляхъ на Московщыну.
 Далекый шляхъ, паныбраты;
 Знаю ёго, знаю!
 Ажъ на серци похолоде,
 Ягъ ёго згадаю.
 Попомиравъ и я колысь —
 Щобъ ёго не мирать!..
 Розказавъ бы про те лыхо,
 Та чы то жъ повирять!
 «Бреше,» скажутъ, «сякый-такый!
 (Звычайно, не въ очи),
 А такъ тилько псуе мову
 Та людей морочыть.»
 Правда ваша, правда, люде!
 Та й на-що те знаты,
 Що слёзамы передъ вами
 Буду выльваты?
 На що воно? У всякого
 И своего чымало...
 Цуръ же ёму!.. А тымъ часомъ
 Кете лышь кресало
 Та тютюну, щобъ, знаете,
 Дома не журылысь.
 А то лыхо розказувать,
 Щобъ брыдке прысмылось!

Нехай ёго лыхый визьме!
 Лучче жъ помиркую,
 Де-то моя Катерына
 Зъ Ивасемъ мандруе.

За Кывомъ, та за Днiproмъ,
 По-пидь темнымъ гаемъ,
 Идутъ шляхомъ чумаченькы,
 «Пугача» спивають.
 Иде шляхомъ молодыця,
 Мусыть буты зъ прощи.
 Чого жъ смутна, невесела,
 Заплакани очи?
 У латаній свытыночци,
 На плечахъ торбына,
 Въ руди ципокъ, а на другій
 Заснула дытына.
 Зострилася зъ чумакамы,
 Закрыла дытыну,
 Пытається: «Люде добри!
 Де шляхъ въ Московщыну?»
 — «Въ Московщыну? отцей самый.
 Далеко, небого?»
 — «Въ саму Москву. Хрыста рады,
 Дайте на дорогу!»
 Бере шага, ажъ трусыться:
 Тяжко ёго браты!..
 Та й на-вищо?.. А дытына?
 Вона жъ ёго маты!
 Заплакала, пишла шляхомъ,
 Въ Броварахъ спочыла,
 Та сынови за гиркого
 Медяныкъ купыла.
 Довго-довго, сердешная,
 Все йшла та пытала;
 Було й таке, що пидь тыномъ
 Зъ сыномъ ночувала...

Бачь, на що здалися кари оченята:
 Щобъ підъ чужымъ тыномъ слёзы выливать!
 Ото жъ то дивиться та кайтесь, дивчата,
 Щобъ не довелося москаля шукать,
 Щобъ не довелося, якъ Катря шукае...
 Тоди не пытайте, за-що люде лають,
 За-що не пускають въ хату ночувать.

Не пытайте, чорноброви,
 Бо люде не знають;
 Кого Богъ кара на свити,
 То й вони карають...
 Люде гнуться, якъ ти лозы,
 Куды витерь віе.
 Сыротыни сонце свитыть
 (Свитыть, та не гріе) —
 Люде бъ сонце заступылы,
 Якъ-бы малы сылу,
 Щобъ сыроты не свитыло,
 Слёзы не сушыло.
 А за-вищо, Боже мылий!
 За-що свитомъ нудыть?
 Що зробыла вона людамъ,
 Чого хотать люде?
 Щобъ плакала!.. Серце мое!
 Не плачь, Катерыно,
 Не показуй людамъ слёзы,
 Терпы до загыну!
 А щобъ лычко не марнило
 Зъ чорнымъ бровами —
 До схидъ сонця, въ темнымъ лиси
 Умыйся слёзами.
 Умыешся — не побачать,
 То й не засміються;
 А серденько одпочыне,
 Покры слёзы льються.
 Де жъ Катруся блудыть?
 По-пидь-тынню ночувала,

Раненько вставала,
 Поспешала въ Московщину;
 Ажь гульбѣ — зима впала.
 Свыше полемъ завирюха,
 Иде Катерына
 У лычакахъ — лыхо тяжке! —
 И въ одній свытны.
 Иде Катря, шкандыбае;
 Дывыться — щось мріе...
 Лыбонь идуть москалыкы...
 Лыхо!.. сердце мліе...
 Полетела, зострилася,
 Пыта: «Чы немає
 Мого Ёвана чорнявого?»
 А ти: «Мы не знаемъ.»
 И, звычайно, якъ москали,
 Сміються, жартують:
 «Ай да баба! ай да наши!
 Каво не надують!»
 Подывылася Катерына:
 «И вы, бачу, люде!
 Не плачь, сыну, мое лыхо!
 Що буде, то й буде.
 Пиду дальше — бильшь ходыла...
 А може й зострину;
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама — загыну!»
 Реве, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемъ;
 Стоить Катря середъ поля,
 Дала слёзамъ волю.
 Утомылася завирюха,
 Де-де позихае;
 Ще бь плакала Катерына,
 Та слизъ бильшь не мае.
 Подывылася на дытynu:
 Умыте слёзою,
 Червоніе, якъ квіточка

Щобъ лись оглядitys,
 Та де тоби! таке лыхо,
 Що не видно й свита.
 «Еге, бачу, яка фукга!
 Цуръ же ёму зъ лисомъ!
 Питы въ хату... Що тамъ таке?
 Отъ йихъ до-сто-биса!
 Недобра йихъ розносыла,
 Мовъ справди за диломъ.
 Нычыпоре! дывысь лышень,
 Яки побилили!»
 — «Що, москали?.. Де москали?»
 «Що ты? схаменыся!»
 — «Де москали, лебедыкы?»
 «Та онъ, подывыся.»
 Полетила Катерына
 И не одяглася.
 «Мабуть, добре Московщина
 Въ тямку йій далася!
 Бо у-ночи тилько й знае,
 Що москаля клыче.»
 Черезъ пенькы, заметамы,
 Летыть, ледве дыше.
 Боса стала середъ шляху,
 Втерлася рукавами.
 А москали йій назустрить,
 Якъ одынь, верхамы.
 «Лыхо мое! доле моя!»
 До йихъ... колы гяне —
 Попереду старшый йиде.
 «Любый мій Иване!
 Серце мое коханее!
 Де ты такъ барывся?»
 Та до ёго... за стремена...
 А винъ — подывывся,
 Та шпорамы коня въ боки.
 «Чого жъ утикаешъ?
 Хыба забудъ Катерыну?»

Хыба не признаеш?
 Подывыся, мій голубе,
 Подывысь на мене:
 Я Катруся твоя люба.
 На-що рвешь стремяна?>
 А винь коня поганяе,
 Нибы-то й не бачыць.
 «Постривай же, мій голубе!
 Дывысь — я не плачу.
 Ты не признавь мене, Іване?
 Серце, подывыся,
 Йій же Богу, я Катруся!»
 — «Дура, атвяжися!
 Вазьмите прочь безумную!»
 — «Боже мій! Іване!
 И ты мене покыдаеш!..
 А ты жь прысягався!»
 — «Вазьмите прочь! Что жь вы стали?»
 — «Кого? мене взяты?
 За-що жь, скажы, мій голубе?
 Кому хочь оддаты
 Свою Катрю, що до тебе
 Въ садочокь ходыла,—
 Свою Катрю, що для тебе
 Сына породыла?
 Мій батечку, мій братику!
 Хочь ты не цурайся!
 Наймычкою тоби стану..
 Зь другою кохайся...
 Зь цылымь свитомь... Я забуду,
 Що колысь кохалась,
 Що одь тебе сына мала,
 Покрыткою стала...
 Покрыткою... який соромь!
 И за-що я гыну!
 Покынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мос,

Не втикай одъ мене...
 Я вынесу тобі сына.»
 Кынула стремена
 Та въ хатыну. Вертається,
 Несе ёму сына.
 Несповита, заплакана
 Сердешна дытына.
 «Ось-де воно, подывься!
 Де жъ ты? Заховався?
 Утикъ!.. нема!.. Сына, сына
 Батько одцурався!
 Боже ты мій!.. Дытя мое!
 Де динусь зъ тобою?
 Москалыкы! голубчыкы!
 Возьмить за собою;
 Не цурайтесь, лебедыкы:
 Воно тыротына;
 Возьмить ёго та оддайте
 Старшому за сына.
 Возьмить ёго... бо покыну,
 Якъ батько покынувъ,—
 Бодай ёго не выдала
 Лыхая годына!
 Грихомъ тебе на свить Божый
 Маты породыла;
 Выростай же на смихъ людымъ!»
 На шляхъ положила:
 «Оставайся шукать батька,
 А я вже шукала.»
 Та въ лисъ зъ шляху, якъ нависна!
 А дытя осталось,
 Плаче бидне... А москалямъ
 Байдуже, — мынули.
 Воно й добре; та на лыхо
 Лиснычи почулы.

Бига Катря боса лисомъ,
 Бига та голосыть;

То проклина свого Йвана,
 То плаче, то просить.
 Выбигае на возлисса;
 Кругомъ подывылась,
 Та въ ярь... бижить... середь ставу
 Мовчки опынылась.

«Прыймы, Боже, мою душу,
 А ты — мое тило!»
 Шубовсть въ воду!.. По-пидь лёдомъ
 Геть загуркотило.

Чорнобрыва Катерына
 Найшла, що шукала.
 Дунувъ витерь по-надъ ставомъ —
 И слиду не стало.

То не витерь, то не буйный,
 Що дуба ламае;
 То не лыхо, то не тяжке,
 Що маты вмирае;
 Не сироты мали диты,
 Що неньку сховаля:
 Йимъ зосталась добра слава,
 Могыла зосталась.
 Засміються злыи люде
 Малій сиротыни;
 Вылье слёзы на могылу —
 Серденько спочыне.
 А тому, тому на свити,
 Що ёму зосталось,
 Кого батько и не бачывъ,
 Маты одцуралась?
 Що зосталось байстрюкови?
 Хто зъ нымъ заговорить?
 Ни родыны, ни хатыны —
 Шляхы, пискы, горе...
 Панське лычко, чорни бровы...
 На-що? Щобъ пизналы!

Змалювала, не сховала...
 Бодай полынцям!

V.

Ишовъ кобзарь до Кыва
 Та сивъ спочываты.
 Торбынкамы обвшаный
 Ёго повожатый.
 Мале дытя коло ёго
 На сонци куняе,
 А тымъ часомъ старый кобзарь
 «Исуса» спивае.
 Кто йде, йиде — не мынае:
 Кто — бублыкъ, хто — гроши;
 Кто старому, а дивчата —
 Шажокъ михоноши.
 Задывляться черноброви —
 И босе, и голе:
 «Дала,» кажуть, «бровенята,
 Та не дала доли!»

Йиде шляхомъ до Кыва
 Берлынъ шестернею,
 А въ берлыни господыня
 Зъ паномъ и семьею;
 Опынввся проты старцывъ —
 Курява лягае.
 Побигъ Ивась, бо зъ виконця
 Рукою махае.
 Дае гроши Ивасеви,
 Дывується пани.
 А панъ глянувъ... одвернувся...
 Пизнавъ, препоганый,
 Пизнавъ тыи кари очи,

Чорни бровенята...
Пизнавъ батько своего сына,
Та не хоче взяти.
Пыта пани, якъ зоветься?
«Ивась.» — «Какой милай!»
Берлынъ рушывъ, а Ивася
Курява покрыла...
Поличылы, що досталы,
Всталы сиромахы,
Помолылысь на схиць сонця,
Пишлы по-надъ шляхомъ.

ЧЕРНЫЦЯ МАРЬЯНА.

(Частина поемь.)

У неділю на выгони
 Дивчата гулялы,
 Жартувалы зь парубкамы,
 Де-які співалы
 Про досвіткы, вечорныцы,
 Та якъ была маты,
 Щобъ зь козакомъ не стояла...
 Звычайно — дивчата,
 То про свое все й співають,
 Яка про що знае.
 Ажъ ось, зь хлопцемъ стары слипецъ
 Въ село шкандыбае;
 Въ рукахъ чоботы; на плечахъ
 Латана торбына
 У старога. А дытына,
 Сердешна дытына,
 Обидрана, ледве-ледве
 Несе ноженята...
 Безталанны сынъ Катруси!
 «Дывіться, дивчата,
 Кобзаръ иде, кобзаръ иде!»
 Та вси, яко мога,
 Хлопцывъ кынулы, — побіглы
 Зошчычатъ слипога.
 «Диду-серце, голубчыку!
 Заграй намъ що-небудзь:
 Я шага дамъ; я — черешень;
 Я напою медомъ;
 А тымъ часомъ одпочынешъ,
 А мы потанцюемъ.

Заграй же намъ яку-небудь!»

— «Чую, люби, чую!

Спасыби вамъ, мои квиты,
За слово ласкаве.

Загравъ бы вамъ, та бачыте —

Справы нема, справы.

Учора бувъ на базари —

Кобза зопсувалася,

Розвалылася...»

«А струны?»

— «Тільки три осталось.»

«Та хочъ на трѣхъ яку-небудь!»

— «На трѣхъ? Охъ, дивчата!

И на одній колысь-то гравъ,

Та ба, вже не граты!

Постривайте жъ, мои любви.

Трошки одпочыну...

Сядьмо, хлопче!»

Посидали.

Розвязавъ торбыну;

Выйнявъ кобзу; разивъ зо-два

Ударивъ по рваныхъ ..

«Що бъ вамъ заграць?.. Постривайте...

Черныцю Марьяну...

Чы чувалы, чы не чулы?..

Слухайте жъ, дивчата,

Та кайтеся...

Давно колысь

Була соби маты;

Бувъ и батько, та не стало.

Осталась вдовою,

Та й не молодою, —

Изъ воламы, изъ возамы,

Зъ малою дочкою.

Росла дочка Марьяна,

А выросла, якъ панна, —

Чорнобрыва, уродлива,
 Хочь за пана гетьмана.
 Стала маты гадаты
 Та зятя еднаты,
 А Марьяна не до пана
 Выходыла стояты,—
 Не до пана товстого,
 Усатого, старого,
 До Петруса, въ гаю, въ лузи,
 Що-вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнимала, млила,
 Въ раю жыла... а иноди
 Плакала, нимила.
 «Чого плачешь, моя пташко?»
 Петро запытае.
 Вона гляне, усмихнется:
 «И сама не знаю!»
 — «Може, думаешь, покыну?
 Ни, моя рыбчыно!
 Буду ходыть, буду любыть,
 Поки не загыну.
 Хыба було колы въ свити,
 Щобь ти, що кохалысь,
 Розійшыся, не взялыся,—
 Жывыми осталысь?»
 — «Ты жартуешь, мій голубе!
 Ты чувь, що спивають...
 То кобзари выгадують;
 Бо слипи, не знають,
 Бо не бачать, що е бровы,
 Чорни й вари очи,
 И высокый стань козачый,
 И гнучкый дивочый;
 Що е косы, чорни косы,
 Козацька чупрына,
 Що на мову на Петрову
 Въ глухий домовыни

Усмихнуса... скажу ёму:
 — Орле сызокрыльй!
 Люблю тебе й на тимъ свити,
 Якъ на симъ любыла.
 Отакъ, сердце, обнимемось,
 Отакъ поцилую!
 Нехай вкупи заховають...
 Умру—не почую...
 Не почую...»

Обнялыся,
 Обнялысь, зомлилы.
 Отакъ вони любылыся,
 Отакъ и хотилы,
 Щобъ на той свитъ переступыть;
 Та не по йихъ стало...
 Що-вечора сходылыся,
 И маты не знала,
 Де Марьяна до пивночи,
 Зъ кымъ вона гуляла.
 «Воно мале, ще дытына,
 Ничого не знае.»
 Угадала стара маты,
 Та не все вгадала:
 Знать, забула, що минуло,
 Чы не дивувала?

Угадала маты... Марьяна—дытына,
 Не знала, якъ треба на симъ свити жыть,
 Думала, ни люде, а ни домовына
 Зъ Петромъ не рознять—умила любыть.
 Думала, що тилько кобзари спивають,
 Бо, слипи, не бачать карыхъ оченять...
 Що тилько лякають молодыхъ дивчаты...
 Лякають, дивчаты, правдою лякають.
 И я васъ лякаю, бо те лыхо знаю...
 Бодай на симъ свити никома не знать
 Того, що я знаю!... Мынуло, дивчаты,—
 Серце не заснуло—я васъ не забудь;
 Люблю васъ и доси, якъ диточокъ маты;

Буду вамъ спиваты, поки не загну...
 Тоди, мои любви, якъ мене не стане,
 Згадайте про мене, про мою Марьяну,—
 Я вамъ зъ того свита серцемъ усмихнусь...

Усмихнуса...»

Та й заплакавъ.

Дывымысь дивчата,
 Не пытамы, чого плаче,
 Та й на що пытаты?
 Мынулося—помагало
 Ласкаве дивоче
 Щыре слово...

«Выбачайте...

(Утеръ слипи очи)

Выбачайте, мои любви!
 Нехотя журюся...
 Такъ отъ, бачыте, Марьяна
 Зъ убогымъ Петрусемъ
 Що-вечора размовляла,
 А маты не знала.
 Дывувалась: «Що се таке
 «Марьяну спиткало?
 «Чы не прыстрить? Сяде шыты—
 «Не те вышывае;
 «Замість «Грыця», задумавшысь,
 «Петруся» спивае;
 «Часомъ сонна розмовляе,
 «Подушку цилуе...»
 Маты спершу сміялася:
 Думала—жартуе;
 Потимъ бачыть, що не жарты,
 Та й каже Марьяни:
 «Треба буде старостивъ ждаты,
 «Та, може, й одъ пана.
 «Ты вже выросла—нивроку,
 «Уже й дивувала;
 «Я вже думаю, що... бачышь,
 (Насылу сказала)

«Що вже й замижъ, коли тее...»
 — «А за кого, мамо?»
 — «Хто вподоба, то й оддамъ.»

Спиває Марьяна:
 «Минулася твоя доля,
 «На-вики минула...
 «Чомъ ты вчора, якъ вернулась,
 «На-викъ не заснула?
 «Було бъ легче въ домовини
 «Одинокій спаты.
 «Тоди, може бъ, надъ тобою
 «Заплакала маты.
 «Теперь маты не заплаче,
 «Та й не заспиває;
 «А лиха ще буде, буде,
 «Поки заховають!»

Отаке-то мои, люби,
 Бува на симъ свити:
 Одна дочка у матери,
 Та й тій тяжко жыты...

По садочку похажає,
 Слизонькы втырає;
 Поглядає на сонечко—
 Пече, а не сяє.
 Стоить собі середъ неба,
 Мовъ сміється зъ неї.
 Воно не зна, що Марьяна
 Рада бъ пидъ землею
 Заховаться одъ матери,
 Щобъ не почуть знову
 Тіи мовы, що вже чула,

Проклятои мовы.
 Воно не зна, що якъ зайде
 Спочыты за гаємъ,
 Петрусь выйде на долину,
 Петрусь заспивае,
 Петрусь ййи розпытае,
 Якъ братъ заговорыть.
 Поцилуе, роспытае
 Про лютее горе.

Не знала Марьяна, чого сердце мліе,
 Чого плачуть очи... на що ёго знать?
 Хылыться тополя, куды витерь віе...
 Тяжко одынокій на степу стоять.
 Утомыться витерь—тополя спочыне:
 Отакъ и дивоча мыне хуртовына.
 Тяжко одынокій въ степу зостричать,
 А ще гирше любій попереду знать,
 Де и якъ спиткае лыхая годына.

Несподивано Марьяна
 Зострила недолю;
 Спива було, а иноди
 Дае слёзамъ волю.
 Сама не зна, чого плаче;
 Може, сердце й чуе,
 Та не вміе розказаты
 Про те, що вищуе.
 Разъ у-вечери Марьяна,
 Якъ маты заснула,
 Пишла слухать соловейка
 Мовъ зроду не чула.
 Выйшла въ садокъ, послухала,
 Сама заспывала,
 Та й замовкла; пидъ яблуню
 Тыхесенько стала,
 Заплакала, якъ дытына
 Безъ матери плаче...

Петро стоить передь нею—
Ничого не бачыть.

«Оддай мене, моя мамо,
«Та не за старого;
«Оддай мене, мое серце,
«Та за молодого.
«Нехай старый бурлакуе,
«Гроши заробляе,
«А молодой мене любить,
«Доли не шукае.
«Не шукае, не блукае
«Чужымы степами.
«Свои волы, свои возы,
«А мижь парубкымы,
«Якь макивка на-въ городи,
«Цвите-процвитае.
«Мае поле, мае волю,
«Та доли не мае,
«Ёго доля—мои бровы,
«Мои кари очи;
«Мое слово—панство-царство,
«Ничого не схоче.
«У кайданахъ, моя сыза,
«Та не сыротою,
«Тилько, мамо, щобъ плакаты,
«Щобъ спивать зо мною.
«Оддай...»
— «Дочко моя, Марьяно!
«Оддамъ тебе за пана
«За старого, богатого
«За сотныка Йвана,»
— «Умру, серце мамо,
«За сотныкомъ Йваномъ.»
— «Не вмрешъ, будешъ панувати
«Будешъ дитокъ годуваты».

Маты галка, маты чорна
 Литаючы крыче;
 Чорнобрыва дивчынонька,
 Ходя гаемъ, плаче.
 Летыць галка черезъ балку,
 Въ степену погулаты,
 А дивчына нудыць свитомъ,—
 Ни съ кымъ розмовляты.
 Не пускае ййи маты
 Въ-ранци до крыныцы,
 Ни жыта жать, ни лёну братъ,
 Ни на вечорныцы,
 Де дивчата зъ парубкамы
 Жартуюць, спиваюць,
 Та про мене, чорнобрыву,
 Нышкомъ розмовляюць:
 «Багатого дочка батька,
 «Шляхецького роду...»
 Тяжко мамо, важко мамо...
 На-що дала вроду?
 На-що бровы змалювала,
 Дала карі очи?
 Усе дала, тилько доли —
 Доли даць не хочешъ.
 На що мене годувала,
 На-що доглядала?
 Покы лыха я не знала,
 Чомъ не заховала?

 Не слухала стара маты,
 Лягла спочываты;
 А Марьяна заплакала,
 Ледве пишла зъ хаты.
 «Злякалася,» дума маты:
 «Нехай переплаче!»
 А Марьяна за слёзамы
 И свиту не бачыць.
 Пишла въ садокъ... сердце мліе,

Якъ загаде пана.
 Серце мое, рыбка моя!
 Марьяно, Марьяно!
 Постривайте... заспивала—
 Пишла луна гаемъ,—
 Не про «Грыця»,—про «Петруся»,
 Такъ и выливала.
 Заспивае, опынеться,
 Послуха, та знову,—
 Ажъ голосокъ утомився.
 Петровой мовы
 Не чуть, нема, не гукае,
 Не клыче: «Марьяно!»
 «Де ты, пташко? Выльнь, серце,
 «Серденько кохане!»
 Нема Петра, не чуть Петра...
 Не вже жъ то покынувъ
 Сыротою чернобрыву
 Пры лыхій години?
 Побачымо... А тымъ часомъ
 По-надъ темнымъ гаемъ,
 Якъ русалка жде мисяця,
 Марьяна блукае.
 Неспивае чорнобрыва,
 Тяжко-тяжко плаче...
 Ой верныся, подвыся,
 Зрадливый козаче!
 Утомылась бы Марьяна,—
 Утомы не чуе;
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузи
 Ходячы ночуе.
 На схидъ сонця червоніе,
 Ховаються зори;
 Иде дивчына до хаты,
 Несе свое горе.
 Прыйшла въ хату—спала маты;
 Глянула на неи:
 «Ой якъ-бы ты, мамо, знала

«Якою змією
«Окрутила мое сердце,
«Ридной дытны...»
Та й упала на постелю,
Якъ у домовыну!...

ГАЙДАМАКЫ.

Василію Ивановичу Григоровичу.

На память 22-го Апрѣля 1838 года.

Все йде, все мынае и краю немає...
 Куды жь воно дилось? видкиля взялось?
 И дурень, и мудрый ничего не знае.
 Жыве... умирае... одно зацвило,
 А друге завьяло, на-вики завьяло...
 И лыстя пожовкле витры рознесли.
 А сонечко встане, якъ перше вставало,
 И зори червони, якъ перше плылы,
 Поплывуть, и потимъ и ты, билолыцый,
 Го сынѣму небу выйдешъ погулять,
 Выйдешъ подывыться въ жолобокъ, крыницю
 И въ море безкрае, и будешъ сіать,
 Якъ надъ Вавылономъ, надъ ёго садами
 И надъ тымъ, що буде зъ нашыми сынамы.
 Ты вичный безъ краю!... Люблю розмовлять,
 Якъ зъ братомъ, зъ сестрою, розмовлять зъ тобою;
 Спивать тоби думу, що ты жь нашептавъ.
 Порай мени ще разъ, де дитись зъ журбою?
 Я не одынокый, я не сырота:
 Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
 Заховать зъ собою? Грихъ — душа жыва;
 А може, йій легше буде на тимъ свити,
 Якъ хто прочытае ти слѣзы-слова,
 Що такъ вона щыро колысь выльвала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ ными рыдала.
 Ни, не заховаю — бо душа жыва!
 Якъ небо блакитне — нема ёму краю, —
 Такъ души почыну и краю немає;
 А де вона буде? хымерни слова!
 Згадай же хто-небудь ййи на симъ свити —

Безславному тяжко сей свить покидать.
 Згадайте, дивчата, — вамъ треба згадать!
 Вона васъ любила, рожевыи квиты,
 И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане, спочывайте, диты,
 А я помиркую, ватажка де взять.

Сыны мои, гайдамакы!
 Свить широкий, воля —
 Идуть, сыны, погуляйте,
 Пошукайте доли.
 Сыны мои невеликы,
 Нерозумни диты!
 Кто васъ щиро безъ матери
 Привитае въ свити?
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину:
 Хоть и лихо зостринеться,
 Такъ не на чужыни.
 Тамъ найдеться душа щыра,
 Не дасть погыбаты;
 А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
 Колы пустячь въ хату,
 То зострившы насміються, —
 Таки, бачте, люде:
 Все письменни, друковани,
 Сонце навить гудять.
 «Не видтила, каже, сходять,
 «Та не такъ и свитыть;
 «Отакъ, каже, було-бъ треба...»
 Що маешъ робыты?
 Треба слухать, може й справди
 Не такъ сонце сходять,
 Якъ письменни начыталы...
 Розумни, та й годи!
 А що жъ на васъ вони скажуть?
 Знаю вашу славу!

Поглузуют, покепкуют,
 Та й кинуть пидь лаву.
 «Нехай, скажуть, спочывають,
 Поки батько встане,
 Та роскаже по-нашому
 Про свои гетьманы;
 А то дурень расказуе
 Мертвымы словами,
 Та якогось-то Ярему
 Веде передь нами
 У постолахъ. Дурень! дурень!
 Былы, а не вчылы:
 Одъ козацства, одъ гетьманства —
 Высоки могылы,
 Бильшь ничего не осталось,
 Та й ти розрывають;
 А винъ хоче, щобъ слухалы,
 Якъ старци спивають!
 Дарма праця, пане-брате:
 Колы хочешъ грошей,
 Та ще й славы, того дыва,
 Спивай про «Матрешу,»
 Про «Парашу-радость нашу,»
 Султанъ, паркетъ, шпоры, —
 Отъ-де слава! А то спива:
 «Грае сыне море!»
 А самъ плаче; за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!...» — Правда, мудри!
 Спасыби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене шытый;
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбьте.
 Выбачайте! Крычить соби —
 Я слухать не буду,
 Та й до себе не поклычу:
 Вы розумни люде,

А я дурень, одынь соби
 У мой хатыни,
 Заспываю, зарыдаю,
 Якъ мала дытына.
 Заспываю — море грае,
 Витерь повивае,
 Степь чорніе, и могла
 Зъ витромъ розмовляе.
 Заспываю — розвернулась
 Высока могла;
 Ажь до моря Запорозци
 Степь широкый крылы;
 Отаманы на вороныхъ
 Передъ бунчукамы
 Выгравають, а пороги
 Межь очеретами
 Ревуть, стогнуть, розсердылись —
 Щось страшне спывають.
 Послухаю, пожурюся,
 У старыхъ спытаю:
 — «Чого, батькы, сумуете?»
 — «Не весело, сыну, —
 «Днипро на насъ розсердывся,
 «Плаче Украина...»
 И я плачу, а тымъ часомъ
 Пышными рядами
 Выступають отаманы,
 Сотныкы зъ панамы,
 И гетьманы — вси въ золоти...
 У мою хатыну
 Прийшли, силы около мене,
 И про Украину
 Розмовляють, розказують:
 Якъ Сичъ будувалы;
 Якъ козаки на байдагахъ
 Пороги мыналы;
 Якъ гулялы по сынѣму,
 Грылыся въ Скутари,

Та якъ, люльки закурившы
 Въ Польши на пожари,
 Въ Украину верталыся;
 Якъ бенкетувалы:
 «Грай, кобзарю! лый, шынкарю!»
 Козаки гукалы.
 Шынкаръ знае—налывае
 И не скаменеться;
 Кобзарь вшкварывъ, а козаки,
 Ажъ Хортыця гнеться,
 Метельци та гопака
 Гуртомъ оддырають;
 Кухоль ходыть, переходыть,
 Такъ и высыхае.
 — «Гуляй, пане безъ жупана!
 Гуляй, витре, полемъ!
 Грай, кобзарю, лый, шынкарю,
 Поки встане доля!»
 Взявшысь въ боки, навпрысядки
 Парубкы зъ дидамы:
 «Оттакъ, диты! добре, диты!
 Будете панамы!»
 Отаманы на бенкети,
 Неначе на ради,
 Похожають, розмовляють...
 Вельможна громада
 Не втерпила, ударила
 Старымы ногамы;
 И я дывлюсь, поглядаю,
 Сміюся слёзама,
 Дывлюся, сміюся, дрибни утыраю:
 Я не одынокый — йе зъ кымъ въ свити жыть!
 У мойй хатыни, якъ въ степу безкраимъ,
 Козацтво гуляе, байракъ гомоныть;
 У мойй хатыни сыне море грае,
 Могыла сумуе, тополя шумыть,
 Тыхесенько «Грыця» дивчына спивае,—
 Я не одынокый — йе зъ кымъ вискъ дожыть.

Отъ-де мое добро, гроши,
 Отъ-де моя слава;
 А за раду... спасьби вамъ
 За раду лукаву.
 Буде зъ мене, поки жыву,
 И мертвого слова,
 Щобъ выльвать журбу, слёзы.
 Бувайте здорови!
 Пиду сынивъ выпровожать
 Въ далеку дорогу.
 Нехай идуть, може найдуть
 Козака старого,
 Що привита моихъ дитокъ
 Старыми слёзами.
 Буде зъ мене. Скажу ще разъ:
 Панъ я надъ панами!

О такъ, сьдя кинецъ стола,
 Миркую, гадаю:
 Кого просыть, хто поведе?
 На двори свитае,
 Погасъ мисяць, горыть сонце.
 Гайдамаки встали,
 Помолылись, одяглись,
 Кругомъ мене стали.
 Сумно, сумно, якъ сироты,
 Мовчки похылылись.
 «Благословы, кажуть, батько,
 Поки маешъ сылу,
 Благословы шукать долю
 На широкимъ свити!»
 — «Постривайте! свить не хата,
 А вы мали диты,
 Нерозумни. Хто ватажкомъ
 Пиде передъ вами?
 Хто проведе? Лыхо, диты,
 Лыхо мени зъ вами!
 Выкохавъ васъ, выгодувавъ;

Якъ згадае пана.
 Серце мое, рыбка моя!
 Марьяно, Марьяно!
 Постривайте... заспивала—
 Пишла луна гаемъ,—
 Не про «Грыця»,—про «Петруся»,
 Такъ и выливала.
 Заспивае, опыннытсья,
 Послуха, та знову,—
 Ажъ голосокъ утомився.
 Петровои мовы
 Не чутъ, нема, не гукае,
 Не клыче: «Марьяно!»
 «Де ты, пташко? Выльнь, серце,
 «Серденько кохане!»
 Нема Петра, не чутъ Петра...
 Не вже жъ то покынувъ
 Сыротою чернобрыву
 При лыхій годьни?
 Побачымо... А тымъ часомъ
 По-надъ темнымъ гаемъ,
 Якъ русалка жде мисяця,
 Марьяна блукае.
 Неспивае чорнобрыва.
 Тяжко-тяжко плаче...
 Ой верныся, подывыся,
 Зрадлыый козаче!
 Утомылась бы Марьяна,—
 Утомы не чуе;
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузи
 Ходячы ноче.
 На схидъ сонця червоніе,
 Ховаються зори;
 Иде дивчына до хаты,
 Несе свое горе.
 Прийшла въ хату—спала маты;
 Глянула на неи:
 «Ой якъ-бы ты, мамо, знала

«Якою змією
«Окрутила мое серце,
«Рідної дитини...»
Та й упала на постелю,
Якъ у домовину!...

ГАЙДАМАКЫ.

Василію Івановичу Григоровичу.

На пачаць 22-го Апрэля 1838 года.

Все йде, все мынае і краю нямае...
 Куды жь воно дилось? видкіля взялось?
 І дурень, і мудрый нічога не знае.
 Жыве... умирае... адно зацвило,
 А друге завьяло, на-вiкы завьяло...
 І лыця пожовкле витры рознеслы.
 А сонечко встане, якь перше вставало,
 І зорі чэрвоні, якь перше плылы,
 Поплывуть, і потымъ і ты, білолыцый,
 Го сынёму небу выйдешъ погуляць,
 Выйдешъ подывыцца въ жолобокъ, крыныцю
 І въ море безкрае, і будешъ сіяць,
 Якь надъ Вавылономъ, надъ ёго садамы
 І надъ тымъ, що буде зъ нашымы сынамы.
 Ты вiчныі безъ краю!... Люблю размовляць,
 Якь зъ братамъ, зъ сестрою, размовляць зъ тобою;
 Спiваць тобi думу, що ты жь напештавь.
 Пораі мени ще разъ, де дитысь зъ журбою?
 Я не адынокий, я не сырота:
 Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
 Захаваць зъ собою? Грiхъ — душа жыва;
 А може, йiй легше буде на тымъ свiтi,
 Якь хто прочытае ти слёзы-слова,
 Що такъ вона шыро колысь выливала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ нымы рыдала.
 Ни, не заховаю — бо душа жыва!
 Якъ небо блакiтне — нема ёму краю, —
 Такъ души почыву і краю нямае;
 А де вона буде? хымерні слова!
 Згадай же хто-небудъ йiйi на сымъ свiтi —

Безславному тяжко сей свить покидать.
 Згадайте, дивчата, — вамъ треба згадать!
 Вона васъ любила, рожевыи квиты,
 И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане, спочывайте, диты,
 А я помиркую, ватажка де взять.

Сыны мои, гайдамакы!
 Свить широкий, воля —
 Идуть, сыны, погуляйте,
 Пошукайте доли.
 Сыны мои невеликы,
 Нерозумни диты!
 Кто васъ щиро безъ матери
 Привитае въ свити?
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину:
 Хоть и лихо зостринеться,
 Такъ не на чужыни.
 Тамъ найдеться душа щыра,
 Не дасть погыбаты;
 А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
 Коны пустять въ хату,
 То зострившы насміються, —
 Таки, бачте, люде:
 Все письменни, друковани,
 Сонце навить гудать.
 «Не видтила, каже, сходуть,
 «Та не такъ и свитыть;
 «Отакъ, каже, було-бъ треба...»
 Що маешь робыты?
 Треба слухать, може й справди
 Не такъ сонце сходуть,
 Якъ письменни начытали...
 Розумни, та й годи!
 А що жъ на васъ вони скажуть?
 Знаю вашу славу!

Поглузують, покепкують,
 Та й кынуть пидь лаву.
 «Нехай, скажуть, спочывають,
 Поки батько встане,
 Та роскаже по-нашому
 Про свои гетьманы;
 А то дурень расказуе
 Мертвыми словами,
 Та якогось-то Ярему
 Веде передь нами
 У постолахъ. Дурень! дурень!
 Былы, а не вчылы:
 Одъ козацства, одъ гетьманства —
 Высоки могылы,
 Бильшь ничего не осталось,
 Та й ти розрывають;
 А винъ хоче, щобъ слухалы,
 Якъ старци спивають!
 Дарма праця, пане-брате:
 Колы хочешъ грошей,
 Та ще й славы, того дыва,
 Спивай про «Матрешу,»
 Про «Парашу-радость нашу,»
 Султанъ, паркетъ, шпоры, —
 Отъ-де слава! А то спива:
 «Грае сыне море!»
 А самъ плаче; за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!...» — Правда, мудри!
 Спасыби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене шытый;
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте! Крычить соби —
 Я слухать не буду,
 Та й до себе не поклычу:
 Вы розумни люде,

А я дурень, оди́нь собі
 У мо́й хаты́ни,
 Заспываю, зарыдаю,
 Якъ мала дытына.
 Заспываю — море грае,
 Витеръ повивае,
 Степъ чорніе, и могла
 Зъ витромъ розмовляє.
 Заспываю — розвернулась
 Высока могла;
 Ажь до моря Запорозци
 Степъ шырокий крылы;
 Отаманы на воронихъ
 Передъ бунчуками
 Выгравають, а пороги
 Межь очеретами
 Ревуть, стогнуть, розсердылись —
 Щось страшне спивають.
 Послухаю, пожурюся,
 У старыхъ спытаю:
 — «Чого, батькы, сумуете?»
 — «Не весело, сыну, —
 «Днипро на насъ розсердився,
 «Плаче Украина...»
 И я плачу, а тымъ часомъ
 Пышными рядами
 Выступають отаманы,
 Сотныкы зъ панамы,
 И гетьманы — вси въ золоти...
 У мою хатыну
 Прийшли, силы около мене,
 И про Украину
 Розмовляють, розказують:
 Якъ Сичъ будувалы;
 Якъ козаки на байдакахъ
 Пороги мыналы;
 Якъ гулялы по сынёму,
 Гридыся въ Скутари,

Та якъ, люльки закурившы
 Въ Польши на пожари,
 Въ Украину верталыся;
 Якъ бенкетувалы:
 «Грай, кобзарю! лый, шынкарю!»
 Козаки гукалы.
 Шынкаръ знае—наливае
 И не схаменеться;
 Кобзарь вшкварывъ, а козаки,
 Ажъ Хортыця гнеться,
 Метелыци та гопака
 Гуртомъ оддырають;
 Кухоль ходыть, переходыть,
 Такъ и высыхае.
 — «Гуляй, пане безъ жупана!
 Гуляй, витре, полемъ!
 Грай, кобзарю, лый, шынкарю,
 Поки встане доля!»
 Взявшысь въ боки, навпрысядкы
 Парубкы зъ дидамы:
 «Оттакъ, диты! добре, диты!
 Будете панамы!»
 Отаманы на бенкети,
 Неначе на ради,
 Почожають, розмовляють...
 Вельможна громада
 Не втерпила, ударыла
 Старымы ногамы;
 И я дывлюсь, поглядаю,
 Сміюся слёзамы,
 Дывлюся, сміюся, дрибни утыраю:
 Я не одынокый — йе зъ кымъ въ свити жыть!
 У мой хатыни, якъ въ степу безкраимъ,
 Козацтво гулае, байракъ гомонить;
 У мой хатыни сыне море грае,
 Могыла сумуе, тополя шумыть,
 Тыхесенько «Грыдя» дивчына спивае,—
 Я не одынокый — йе зъ кымъ вить дожыть.

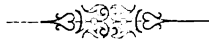
Отъ-де мое добро, гроши,
 Отъ-де моя слава;
 А за раду... спасьби вамъ
 За раду лукаву.
 Буде зъ мене, покъ жыву,
 И мертвого слова,
 Щобъ выльвать журбу, слёзы.
 Бувайте здорови!
 Пиду сынивъ выпровожать
 Въ далеку дорогу.
 Нехай идуть, може найдуть
 Козака старого,
 Що привита моихъ дитокъ
 Старымы слёзамы.
 Буде зъ мене. Скажу ще разъ:
 Панъ я надъ панамы!

О такъ, сьдя кинецъ стола,
 Миркую, гадаю:
 Кого просить, хто поведе?
 На двори свитае,
 Погасъ мисяць, горыть сонце.
 Гайдамакы встали,
 Помолылысь, одяглыся,
 Кругомъ мене стали.
 Сумно, сумно, якъ сыроты,
 Мовчки похылылысь.
 «Благословы, кажуть, батько,
 Покъ маешъ сылу,
 Благословы шукать долю
 На широкимъ свити!»
 — «Постривайте! свить не хата,
 А вы мали диты,
 Нерозумни. Хто ватажкомъ
 Пиде передъ вами?
 Хто проведе? Лыхо, диты,
 Лыхо мени зъ вами!
 Выкохавъ васъ, выгодувавъ;

Вырослы чымали,
 Йдете въ люде, а тамъ теперь
 Все письменне стало.
 Выбачайте, що не вывчывъ,
 Бо й мене; хочъ были,
 Добре были, а багато
 Де-чому навчылъ?
 Тма, мна знаю, а оксію
 Не втну такы й доси.
 Що жъ вамъ скажуть? Ходимъ сыны,
 Ходимо попросимъ.
 Есть у мене щырый батько
 (Ридного немає),
 Дастъ винъ мени раду зъ вами,
 Бо самъ, здоровъ, знае,
 Якъ то тяжко блукать въ свити
 Сыроти безъ роду.
 А до того, душа щыра,
 Козацького роду—
 Не одцуравсь того слова,
 Що маты спивала,
 Якъ малого повывала,
 Зъ малымъ розмовляла.
 Не одцуравсь того слова,
 Що про Украину
 Слиный старецъ сумуючы
 Спивае пидъ тыномъ.
 Любить ййи, думу правды,
 Козацькую славу,
 Любить ййи! Ходимъ, сыны,
 На раду ласкаву.
 Якъ-бы не винъ спиткавъ мене
 Пры лыхій годыни,
 Давно бъ доси заховалы
 Въ снигу на чужыни,
 Заховалы бъ, та й сказали:
 «Такъ, якесь ледащо!»
 Тяжко, важко нудыть свитомъ,

Не знаючы за-що.
 Минулося, щобъ не снылось!...
 Ходимо, хлопьята!
 Коли мени на чужыни
 Не давъ погыбаты,
 То й васъ прыйме, привитае,
 Якъ свою дытну.
 А одъ ёго, помолывшысь,
 Гайда въ Украину!»

Добры-день же, тату, въ хату,
 На твоимъ порогу!
 Благословы моихъ дитокъ
 Въ далеку дорогу.

ИНТРОДУКЦІЯ.

Була колысь шляхетчына,
 Вельможная пани;
 Мирялася зъ москалями,
 Зъ ордою, зъ султаномъ,
 Зъ німотою... Було колысь...
 Та що не мынае?
 Було, шляхта знай чванятыся,
 День и ничъ гуляе
 Та королемъ коверзуюе...
 Не кажу Степаномъ,
 Або Яномъ Собіескымъ:
 Ти два незвычайни,
 А иншымы. Неборакы
 Мовчкы панувалы.
 Сеймы, сеймыкы ревилы,
 Сусиде мовчалы,
 Дывылыся, якъ королы

Изъ Польщи втикають,
 Та слухалы, якъ шляхетство
 Нависне гукае:
 «Neirozwalam! neirozwalam!»
 Шляхта репетуе,
 А магнаты палять хаты,
 Шабелькы гартують.
 Довго таке творылося,
 Цоки не бѣ Варшави
 Запанувавъ надъ ляхамы
 Понятовскый жвавий.
 Запанувавъ, та й думавъ шляхту
 Прыборкаты трешкы... не зумивъ!
 Добра хотивъ, якъ дитямъ маты,
 А, може, й ще чого хотивъ,—
 Едыне слово «neirozwalam»
 Хотивъ у шляхты одибратъ,
 А потимъ... Польща запалала,
 Шляхта сказылася... крычать:
 «Слово гонору, дарма праца!
 Цоганецъ, наймытъ москала!»
 На квалтъ Цулавскаго и Паца
 Встае шляхетская земля,
 И—разомъ сто конфедерацій. ¹⁾

Розбрелысь конфедераты
 По Польщи, Воляни,
 По Лытви, по Малдаванахъ
 И по Украини;
 Розбрелыся, та й забулы
 Волю рятуваты,
 Польшалыся зъ жыдамы,
 Та й ну руйнуваты.
 Руйнувалы, мордувалы,
 Церквы топылы...
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Ножи освятылы.

ГАЛАЙДА.

Яремо! гершь-ту, хамивъ сыну?
 Пиды кобылу прыведы,
 Подай патынны господини
 Та прынесы мени воды,
 Выметы хату, внесы дрова,
 Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
 Пиды до лёху, до коровы,
 Та швыдче, хаме!... Постривай!
 Упоравшысь, бижы въ Вильшану:³⁾
 Имости треба. Не барысь!
 Пишовъ Ярема, похыливсь.

Оттакъ у-ранци жыдъ поганый
 Надъ козакомъ коверзуравъ.
 Ярема гнувся, бо не знавъ,
 Не знавъ, сиромаха, що вырослы крыла,
 Що неба достане, колы полетыть,
 Не знавъ, нагннався...

О, Боже мій мылий!
 Тяжко жыть на свити; а хочеться жыть:
 Хочеться дывытысь, якъ сонечко сле,
 Хочеться послухать, якъ море заграе,
 Якъ пташка щебече, байракъ гомонить,
 Або чернобрыва въ гаю заспивае...
 О, Боже мій мылий, якъ весело жыть!

Сырота Ярема, сырота убогий:
 Ни сестры, ни брата, никого нема!
 Попыхачъ жыдивський, вырись у порогу;
 А не клене доли, людей не займа.
 Та й за-що ихъ лаять? хыба вони знають,
 Кого треба гладыть, кого катувать?
 Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,

А сироти треба самому придбать.
 Трапляється, часомъ тихенько заплаче,
 Та й то не одъ того, що серце болять:
 Що-небудь згадає, або що побачить...
 Та й знову до праці. Оттакъ треба жыть!
 На-що батько, маты, високи палаты,
 Коны нема сердца зъ серцемъ розмовлять?
 Сырота Ярема—сырота багатый,
 Бо йе зъ кымъ заплакать, йе зъ кымъ заспывать:
 Есть карыи очи—якъ зиронькы сяють,
 Били рученята—мліють-обнимають,
 Есть сердце едыне, серденько дивоче,
 Що плаче, сміється, якъ винъ того хоче.

Оттакый-то мій Ярема,
 Сырота багатый.
 Такымъ и я колысь-то бувъ!
 Мынуло, дивчата...
 Мынулося, розійшлося,
 И слиду не стало.
 Серце мліе, якъ згадаю...
 Чому не осталось?

Чому не осталось, чому не витало?
 Легше було бъ слёзы, журбу выльвать.
 Люде одибралы, бо имъ було мало.
 «На-що ёму доля? треба закопать:
 Винъ и такъ багатый...»

Багатый на латы
 Та на дрибни слёзы—бодай не втырать!
 Доле моя, доле! де тебе шукать?
 Верныся до мене, до моеи хаты,
 Або хочъ прысныся... не хочеться спать!

Выбачайте, люде добри!
 Може не до ладу,
 Та прокляте лыхо-злыдни
 Кому не завадыть?
 Може, ще разъ зостринемось,

Поки шкандыбаю
 За Яремою по свиту,
 А може.. й не знаю.
 Лыхо, люде, всюды лыхо.
 Нигде прыгорнуться:
 Куды, каже, хылыть доля,
 Туды й треба гнуться,—
 Гнуться мовчки, усмихаться,
 Щобь люде не знали,
 Що на серци заховано,
 Щобь не привитали.
 Бо ихъ ласка... нехай свиться
 Тому, въ кого доля,
 А сыроти, щобь не слылась,
 Не слылась николи!
 Тяжко, нудно розказувать,
 А мовчать не вмю.
 Выльвайся жь, слово-слёзы:
 Сонечко не гріе,
 Не высушить. Подилюся
 Моими слёзами...
 Та не зь братомь, не зь сестрою—
 Зь нимыми стинамы
 На чужьни... А поки-що—
 До корчмы вернуса:
 Що тамъ робиться?

Жыдюга

Дрижыть, изогнувшысь
 Надъ каганцемь: личыть гроши
 Коло лижка, клятый.
 А на лижку... охъ, ажъ душно!..
 Били рученята
 Розкыдала, розкрылася...
 Якъ квиточка въ гаю,
 Червоніе; а пазуха...
 Пазухы немає—
 Розирвана... Мабуть, душно

А сироти треба самому прыдбать.
 Трапляється, часомъ тыхенько заплаче,
 Та й то не одъ того, що серце болить:
 Що-небудь згадає, або що побачить...
 Та й зову до праці. Оттакъ треба жыть!
 На-що батько, маты, высоки палаты,
 Коли нема серця зъ серцемъ розмовлять?
 Сырота Ярема—сырота багатый,
 Бо йе зъ кымъ заплакати, йе зъ кымъ заспывать:
 Есть карыи очи—якъ зиронькы сяють,
 Били рученята—мліють-обнимають,
 Есть серце едыне, серденько дивоче,
 Що плаче, сміється, якъ винъ того хоче.

Оттакый-то мій Ярема,
 Сырота багатый.
 Такимъ и я колысь-то бувъ!
 Мынуло, дивчата...
 Мынулося, розійшлося,
 И слиду не стало.
 Серце мліе, якъ згадаю...
 Чому не осталось?

Чому не осталось, чому не витало?
 Легше було бъ слёзы, журбу выльвать.
 Люде одибралы, бо имъ було мало.
 «На-що ёму доля? треба закопати:
 Винъ и такъ багатый...»

Багатый на латы
 Та на дрибни слёзы—бодай не втырать!
 Доле моя, доле! де тебе шукать?
 Верныся до мене, до моеи хаты,
 Або хочъ прысныся... не хочеться спать!

Выбачайте, люде добри!
 Може не до ладу,
 Та прокляте лыхо-злыдни
 Кому не завадыть?
 Може, ще разъ зостринемось,

Поки шкандыбаю
 За Яремою по свиту,
 А може... й не знаю.
 Лыхо, люде, всюды лыхо.
 Нигде прыгорнуться:
 Куды, каже, хылыть доля,
 Туды й треба гнуться,—
 Гнуться мовчки, усмихаться,
 Щобь люде не знали,
 Що на серци заховано.
 Щобь не привитали.
 Бо ихъ ласка... нехай свиться
 Тому, въ кого доля,
 А сыроти, щобь не снылась,
 Не снылась николи!
 Тяжко, нудно розказувать,
 А мовчать не вмю.
 Выливайся жъ, слово-слёзы:
 Сонечко не гріе,
 Не высушить. Подилюся
 Моими слёзами...
 Та не зъ братомъ, не зъ сестрою—
 Зъ нимыми стинамы
 На чужыни... А поки-що—
 До корчмы вернуса:
 Що тамъ робыться?

Жыдога

Дрижыть, изогнувшысь
 Надъ каганцемъ: личыть гроши
 Коло лижка, клятый.
 А на лижку... охъ, ажъ душно!..
 Били рученята
 Розкыдала, розкрылася...
 Якъ квиточка въ гаю,
 Червоніе; а пазуха...
 Пазухы немає—
 Розирвана... Мабуть, душно

На перыни спаты
 Одынокій, молоденькій;
 Ни зъ кымъ розмовляты,—
 Одна шепче. Несказанно
 Гарна нехрещена!
 Отго дочка, а то батько—
 Чоргова кышеня.
 Стара Хайка лежить доли,
 Въ перынахъ поганыхъ.
 Де жъ Ярема? Взявши торбу,
 Потагъ у Вильшану.

КОНФЕДЕРАТЫ.

О дчыннай, проклятый жыде!
 Бо будешъ бытый... одчыннай!
 Ламайте двери, пока выйде
 Старый паскуда!»
 — «Постривай!
 Стривайте, заразь!»
 — «Нагаемы!
 Свынчае ухо! Жартувать,
 Чы що ты хочешъ?»
 — «Я? зъ панамы?
 Крый Боже! заразь, дайте встать,
 Ясновельможни (нышкомъ—свыни!)»
 — «Пане полковнику, ламай!»
 Упалы двери... а нагай
 Малюе вдовжъ жывивську спыну.
 — «Здоровъ, свыне, здоровъ, жыде,
 Здоровъ, чортивъ сыну!»
 Та нагаемъ, та нагаемъ.
 А жыдъ зогнувъ спыну:
 — «Не жартуйте, мости-пане!
 Добры-вечирь, въ хату!»

— «Ще разъ шельму! ще разъ! годи!

Выбачай, проклятый!

Добры-вечирь! а де дочка?»

— «Умерла, панове.»

— «Лжешъ, іудо! нагаямы!»

Посыпалысь знову.

— «Ой паночки, голубчыкы,

«Ій-Богу, немає!

— «Брешешъ, шельмо!»

— «Колы брешу,

Нехай Богъ карае!»

— «Не Богъ, а мы. Признавайся!»

— «На що бь мавъ ховаты,

Якъ бы жыва? Нехай, Боже,

Щобъ я бувъ проклятый!...»

— «Ха, ха, ха, ха!... Чортъ, панове,

Литанью спивае.

Перехрыстысь!»

— «Якъ же воно?

Далеби не знаю.»

— «Оттакъ, дывысь...»

Ляхъ хрыстытсья,

А за нымъ іуда.

— «Браво! браво! охрыстылы!

Ну, за таке чудо

Могорычу, мости-пане!

Чуешъ, охрыщенный?

Могорычу!»

— «Заразь, заразь!»

Ревуть, мовъ скажени,

Ревуть ляхы, а поставецъ

По столу гулае.

«Еще Польша не згынела!»

Хто куды гукае.

— «Давай, жыде!»

Охрыщенный

Изъ лѣху та въ хату

Знай шмыгляе, налывае;

А конфедераты
 Знай гукають: «жыде! меду!»
 Жыдъ не скаменеться.
 — «Де цымбалы? грай, псявиरो!»
 Ажъ корчма трясеться —
 Краковяка оддырають,
 Вальса та мазура.
 И жыдъ глянє та ныщечкомъ:
 — «Шляхетська натура!»
 — «Добре, годи! теперь спивай!»
 — «Не вмю, ій-Богу!»
 — «Не божысь, собача шкуро!»
 — «Яку жъ вамъ? «Небогу?»

«Була колысь Гандзя,
 «Калика небога.
 «Божылася, молылася,
 «Що болилы ногы;
 «На панщыну не ходыла,
 «А за паробкамы
 «Тыхесенько, гарнесенько
 «Помижъ бурьянамы».

— «Годи! годи! це погана:
 Схызматы ³⁾ спивають».
 — «Якои жъ вамъ! хыба оцю?
 Стривайте, згадаю...

«Передъ паномъ Хфедоромъ
 «Ходыть жыдъ ходоромъ,
 «И задкомъ,
 «И передкомъ
 «Передъ паномъ Хведиркомъ...»
 — «Добре, годи! теперь платы!».
 — «Жартуете, пане:
 За що платыть?»
 — «Що слухалы.

Не кривысь, поганий!
 Не жартуемъ. Давай гроши!»
 — «Де мени ихъ взяты?
 Ни шеляга; я панською
 Ласкою багатый».
 — «Лжешъ, собака! признавайся!
 А нуте, панове,
 Батогами!»
 Засвыстилы,
 Хрыстять Лейбу знову.
 Перищылы, перищылы,
 Ажъ пирья летило...
 — «Ий же Богу, ни шеляга!
 Йижте мое тило!
 Ни шеляга; квалть! рятуйте!»
 — «Ось мы порятуемъ».
 — «Постривайте, я щось скажу».
 — «Почуемъ, почуемъ,
 Та не брешы, бо, хочъ здохны,
 Брехня не поможе».
 — «Ни, въ Вильшаній...»
 — «Твои гроши?»
 — «Мои!... ховай, Боже!
 Ни, я кажу, що въ Вильшаній...
 Вильшанськи схызматы...»
 — «По тры семьи, по чотыри
 Жывуть въ одній хати!»
 Мы це знаемъ, бо мы самы
 Ихъ такъ очухралы!
 — «Та ни, не те... выбачайте...
 Щобъ лыха не знали,
 Щобъ вамъ гроши прыснмыся...
 Бачте, у Вильшаній
 У костёли... у тытаря...
 А дочка Оксана!
 Ховай, Боже! якъ панночка!
 Що-то за хороше!
 А червинцивъ! хочъ не ёго,

Такъ що? абы гроши». —
 «Абы гроши, однаково!
 Правду Лейба каже;
 А щобъ певна була правда,
 Нехай шляхъ покаже.
 Одягайся!»

Пойихали
 Ляхы у Вильшану.
 Однѣ тилько пидъ лавою
 Конфедератъ пьяный
 Нездужа встать, а курныка,
 Пьяный и веселый:

G. 610.

ТЫТАРЬ.

V гаю, гаю,
 Витру немає;
 Мисяць високо,
 Зиронькы сяють.
 Выйды, серденько, —
 Я выглядаю;
 Хочь на годьну,
 Моя рыбчыно!
 Выглянь, голубко,
 Та поворкуемъ,
 Та посумуемъ;
 Бо я далеко
 Сю ничь мандрую.
 Выглянь же, пташко,
 Мое серденько,
 Поки близенько,
 Та поворкуемъ...
 Охъ, тяжко, важко!»
 Оттакъ, ходя по-пидъ гаемъ,

Ярема спивае;
 Выглядае, а Оксаны
 Немае, немае.
 Зори сяють; середь неба
 Свитыть билыцы;
 Верба слуха соловейка,
 Дывыцца въ крыныцю;
 На калыни, надь водою,
 Такъ и выльвае,
 Неначе зна, що дивчыну
 Козакъ выглядае.
 А Ярема по долини
 Ледве, ледве ходыть,
 Не дывыцца, не слухае...
 «На що мени врода,

Коли нема доли, нема талану?
 Лита молодый марно пропадутъ.
 Одынъ я на свити, безъ роду и доли-
 Стеблына-былына на чужому поли;
 Стеблыну-былыну витры рознесуть,
 Такъ и мене люде не знають, де діты.
 За що жь одцуралысь? що я сирота.
 Одно було серце, одно на всимъ свити,
 Одна душа щыра, та, бачу, що й та,
 Що й та одцуралась.»

И хлынули слёзы.

Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ.
 «Оставайсь здорова! Въ далекій дорози
 Найду або долю, або за Днипромъ
 Лажу головою.., А ты не заплачешъ,
 А ты не побачышъ, якъ воронъ клюе
 Ти карыи очи, ти очи козачи,
 Що ты цилувала, серденько мое!
 Забудь мой слёзы, забудь сыротыну,
 Забудь, що клялася; другого шукай;
 Я тоби не пара: я въ сирій свитыни,
 А ты тытаривна. Кращого витай,—
 Витай, кого знаешъ.. така моя доля!

Забудь мене, пташко, забудь, не журись.
 А колы почувешъ, що на чужимъ поли
 Сховали Ярему, нышкомъ помолысь.
 Одна, сердце, на всимъ свити
 Хочь ты помолыся!»

Та й заплакавъ сіромаха,
 На кый похылывся.
 Плаче соби тыхесенько...
 Шелесть!... колы гляне:
 По-пидь гаемъ, мовъ ласочка,
 Крадеться Оксана.
 Забувь... побигъ... обнялыся...

«Серце!» та й зомлилы.
 Довго, довго тилько — «серце!»
 Та й знову нимилы.

— «Годи, пташко!»

— «Ще трошечы,

Ще... ще... сызокрылий!
 Выймы душу!... ще разъ... ще разъ...
 Охъ, якъ я втомылась!»

— «Одпочынь, моя ты зоре!

Ты зъ неба злетила!»

Пославъ свытку. Якъ ясочка,
 Усмихнулась, сила.

— «Сидай же й ты коло мене »

Сивъ, та й обнялыся.

«Серце мое, зоре моя,

Де це ты зорила?»

— «Я сёгодня забарылась:

Батько занедужавъ;

Коло ёго все поралась...»

— «А мене й байдуже?»

— «Якый бо ты, ій же Богу!»

И слёзы блыснулы.

— «Не плачь, сердце, я жартую.»

— «Жарты!»

Усмихнулась.

Прыхылылась головою,

Та й нібы заснула.
 — «Бачь, Оксано, я жартую,
 А ты й справди плачешь!
 Ну, не плачь же, глянь на мене:
 Завтра не побачышъ.
 Завтра буду я далеко,
 Далеко, Оксано...
 Завтра въ ночи у Чыгрыни
 Свяченый достану.
 Дасть винъ мени срибло-злото,
 Дасть винъ мени славу;
 Одагну тебе, обую,
 Посажу, якъ паву, —
 На дзыкмыку, якъ гетьманшу,
 Та й двытысь буду;
 Поки не вмру, двытымусь.»
 — «А може й забудешь?
 Розбагатіешь, у Кывь
 Пойдешь зъ панами,
 Найдешь соби шляхтяночку,
 Забудешь Оксану!»
 — «Хыба краща йе за тебе?»
 — «Може й йе,—не знаю.»
 — «Гнivyшъ Бога, мое серце:
 Кращой немае!
 Ни на неби, ни за небомъ,
 Ни за сынимъ моремъ
 Нема кращой одъ тебе!»
 — «Що се ты говоришъ?
 Схаменся.»

— «Правду, рыбка!»

Та й знову, та й знову
 Довго воны, якъ бачыте,
 Велы таку мову;
 Цилувалысь, обнималысь
 Зъ усіей сылы;
 То плакалы, то божылысь,

То ще разъ божились.
 Ій Ярема розказувавъ,
 Якъ жыть вони будуть,
 Якъ оуе всю въ золото,
 Якъ долю добуде,
 Якъ вырижуть гайдамаки
 Ляхивъ въ Украина,
 Якъ винъ буде пануваты,
 Колю не загине.
 Ажь обрыдло слушаючы;
 Далеби, дивчата!
 «Отто якый! мовъ и справди
 Обрыдло!»

А маты,
 Або батько якъ побачать,
 Що вы, мои люби,
 Таке дьво чытаете, —
 Гриха на всю губу!
 Тоди, тоди—та цуръ ёму,
 А дуже цикаве!
 А надто вамъ розказать бы,
 Якъ козакъ чорнявий
 Пидъ вербою, надъ водою
 Обнявшись сумуе;
 А Оксана, якъ голубка,
 Воркуе, цилуе;
 То заплаче, то зомліе,
 Головоньку схылыть:
 «Серце мое, доле моя!
 Соколе мій мылий!
 Мій...» ажь вербы нагынались
 Слухатъ тую мову.
 Отто мова! Не розкажу,
 Мои чорноброви,
 Не розкажу протывъ ночи,
 А то ще прыснитъся.
 Нехай соби розійдуться—
 Такъ якъ и зійшлись, —

Тыхесенько, гарнесенько,
 Щобъ нихто не бачывъ—
 Ни дивочи дрибни слёзы,
 Ни щыри козачи.
 Нехай соби... може, ще разъ
 Воны на симъ свити
 Зостринуться... побачымо...

А тымъ часомъ свитыть
 Зъ усихъ виконъ у тытара.
 Що-то тамъ творыться?
 Треба глянуть, та розказать...

Бодай не дывыться!

Бодай не дывыться, бодай не казаты!
 Бо за людей соромъ, бо серце болыть.
 Гляньте, подывыться: то конфедераты,
 Люде, що зибралысь волю бороныть.
 Боронять, прокляти!.. Будь проклята маты,
 И день, и годына, колы понесла,
 Колы породыла, на свить привела!
 Дывыться, що роблять у тытара въ хати
 Пекельныи диты.

У печи пала

Огонь и свитыть на всю хату,
 Въ кутку собакою дрижыть
 Проклятый жыдъ; конфедераты
 Крычать до тытара:— «Хочъ жыть?
 Скажы, де гроши?»

Той мовчыть.

Налыгачемъ скрутылы руки,
 Объ землю вдарылы—нема,
 Нема ни слова.

— «Мало муки!

Давайте прыску! де смола?
 Кропы ёго! оттакъ! холопе?
 Мерщій же прыскомъ посыпай!
 Що? скажешъ, шельмо?... И не стогне!
 Завзята bestiя! Стривай!»

Насыпали въ халавы жару...
 — «У тимья цвяшокъ закатай!»
 Не вытерпивъ святой кары,
 Упавъ сердега. Пропадай,
 Душа, безъ сповиди святой!
 — «Оксано, дочко!» та й умеръ.
 Ляхы задумался стоя,
 Хочь и запекли.

— «Що жъ теперь,
 Пановс, рады? Помиреуемъ,
 Теперь зъ нымъ ничего робыть.
 Запалымъ церкву!»

— «Кгвалть! рятуйте!
 Кто въ Бога вируе!»
 На двори голось, що йе сылы.
 Ляхы зомлилы. «Хто такый?»
 Оксана въ двери:— «Вбылы! вбылы!»
 Та й пада крыжемъ. А старшый
 Махнувъ рукою на громаду.
 Понура шляхта, мовъ хорты,
 За двери выйшла. Самъ позаду
 Бере зомлилюю..

Де жъ ты,
 Яремо, де ты? подывыся!
 А винъ мандруючы спива,
 Якъ Налывайко зъ ляхомъ бився.
 Ляхы пропалы; нежыва
 Пропала зъ ными и Оксана.

Собаки де-де по Вильшаній
 Загавкають, та й замовчать.
 Биліе мисяць; люде сплять,
 И тытарь спыть... Не рано встанс:
 На-вики, праведный, заснувъ.
 Горило свитло, погасало,
 Погасло... Мертвый мовъ здригнувъ,
 И сумно, сумно въ хати стало ⁵⁾.

СВЯТО ВЪ ЧЫГЫРЫНИ.

Гетьманы, гетьманы! якъ-бы то вы встали,
 Встали, подывылись на той Чыгырынъ,
 Що вы будували, де вы панували!
 Заплакали бѣ тяжко, бо вы бѣ не признали
 Козацької славы убогихъ руинъ.
 Базары, де вѣйсько, якъ море червоне,
 Передъ бунчуками, бувало, горыть,
 А ясновельможный, на воронимъ кони,
 Блысне булавою—море закъшыть...

Закъшыть, и разлылося

Степамы, ярамы;

Лыхо мліе передъ нымы...

А за козаками...

Та що й казать?... минулося;

А те, що минуло,

Не згадуйте, паныбраты...

С-но Бо що б не пощили...

Та й що зъ того, що згадаешъ?

Згадаешъ—заплачешъ.

Ну, хочъ глянemъ на Чыгырынъ,

Колысь-то козачый.

Изъ-за лису, зъ-за туману,

Мисяць выплыває,

Червоніе, круглollyцый,

Горыть, а не сѣе,

Неначе зна, що не треба

Людамъ ёго свиту,

Що пожары Украину

Нагріють, освітять.

И смерклося, а въ Чыгырни,

Якъ у домовныи,

Сумно, сумно. (Оттакъ було

По всій Украини

Протывъ noci Маковія,
 Якъ ножи святамы).
 Людей не чутъ; черезъ базаръ
 Кажанъ костокрытый
 Перелететь; на выгони
 Сова завывае.
 А де жь люде?... Надъ Тясмыномъ,
 У темному гаю
 Зибралыся; старый, малый,
 Убогий, багатый
 Поеднались, — дождають
 Велького свата.

У темному гаю, въ зеленій диброви,
 На прыпони кони отаву скубуть;
 Осидлани кони, ворони готови.
 Куды-то пойидуть? Кого повезуть?
 Онъ кого, дывиться. Лягли по долини,
 Неначе побыти, ни слова не чутъ.
 Отто гайдамаки. На егвалтъ Украины
 Орлы налетили; воны рознесуть
 Ляхамъ, жьдама кару;
 За кровь и пожары
 Пепломъ гайдамаки ляхамъ отдадутъ.

По-пидъ дибровою стоять
 Возы залізной тарани:
 То щедрой гостынецъ пани.
 Умила що кому давати!
 Нивроку ій, нехай царстvue;
 Нехай не вадыть, якъ не чуе!
 Помижь возама нигде стать:
 Неначе въ ірій налетило
 Зъ Смилянщыны, зъ Чыгырына,
 Просте козацство, старшына;
 На певне дило налетили.
 Козацьке панство похожае,
 Въ кыреяхъ черныхъ, якъ одинъ,

Тыхонько ходя розмовляе
И поглядае на Чыгрынь.

Старшына первый.

Старый Головатый щось дуже коверзуге.

Старшына другый.

Мудра голова! сыдыть соби въ хутори, ныбы не знае
ничого, а дывышся—скрызъ Головатый. «Колы самъ,» каже,
«не повершу, то сынови передамъ».

Старшына третій.

Та й сынъ же штука! Я вчора зострився зъ Зализнякомъ;
таке розказуе про ёго, що цуръ ёму! «Кошовымъ», каже,
«буде, та й годи; а може ще и гетьманомъ, коли тее...»

Старшына другый.

А Гонта на-що? а Зализнякъ? до Гонты сама... сама
пысала: «Колы, каже...»

Старшына первый.

Цытьте лышень, здається дзвонять!

Старшына другый.

Та ни, то люде гомонять.

Старшына первый.

Гомонять, покы ляхи почують. Охъ, стари головы та
розумни; хымерать, хымерать, та й зроблять зъ лемеша швай-
ку. Де можна лантухъ, тамъ торбы не треба. Купылы хрину,
треба зысты: плаче, очи, хочъ повывлазьте: бачылы, що купу-
валы; грошамъ не пропадать! А то думаютъ, думаютъ, ни
въ голосъ, ни мовчкы; а ляхи догадаються—отъ тоби й
пшыкъ! Що тамъ за рада? чомъ воны не дзвонять? Чымъ
спынышъ народъ, щобъ не гомонивъ? Не десять душъ, а слава
Богу вся Смилянщина, колы не вся Украина. Онъ, чуєте?
спивають.

Старшына третій.

Справди спива щось; пиду спыню.

Старшына первый.

Не спынай, нехай соби спивае, абы не голосно.

Старшына другый.

Отто, мабудь, волохъ! ⁶⁾ Не втерпивъ такы старый дурень; треба, та й годи.

Старшына третій.

А мудро спивае! колы не послухаешъ, усе иншу. Пидкрадьмось, братци, та послухаемъ; а тымъ часомъ задзвонять.

Старшына первый и другый.

А що жъ? то й ходимо!

Старшына третій.

Добре, ходимо.

(Старшыны вышкомъ стали за дубомъ, а пидъ дубомъ сыдыть слыпый кобзарь; кргомъ ёго запорозци и гайдамакы. Кобзарь спивае зъ повагою и неголосно).

Кобзарь.

«Ой волохы, волохы!

Васъ осталося трохы;

И вы, молдаваны,

Теперь вы не паны:

Ваши господари ..

Наймыты татарамъ,

Турецькымъ султанамъ,

Въ кайданахъ, въ кайданахъ!

Годи жъ, не журиться;

Гарно помолиться,

Братайтесь зъ нами,

Зъ нами козакамы;

Згадайте Богдана,

Старого гетьмапа;

Будете панами,
 Та, якъ мы, зъ ножами,
 Зъ ножами святымы,
 Та зъ батькомъ Максимомъ
 Сю ничъ погуляемъ,
 Ляхивъ погойдаемъ,
 Та такъ погуляемъ,
 Що ажъ пекло засміється,
 Небо запалае...
 Добре погуляемъ!»

Запорожець.

Добре погуляемъ! правду старый спива, якъ не бреше.
 А що бъ то зъ ёго за кобзарь бувъ, якъ бы не волохъ!

Кобзарь.

Та я й не волохъ; такъ тилько—бувъ колысь у Волощени, а люде и зовуть волохомъ, самъ не знаю за що.

Запорожець.

Ну, та дарма; утны ще яку-небудь. А ну лышень, про батька Максима ушкварь.

Гайдаманка.

Та не голосно, щобъ не почула старшына.

Запорожець.

А що намъ ваша старшына? почуе, такъ послуха, колы мае чымъ слухаты, та й годи. У насъ одинъ старшый—батько Максимъ; а винъ, якъ почуе, то ще карбованця дасть. Спивай, старче Божый, не слухай ёго.

Гайдаманка.

Та воно такъ, чоловиче; я це й самъ знаю, та ось що: не такъ паны, якъ пидпанкы! або покы сонце зійде, то роса очи выишь.

КОБЗАРЬ.

Запорожець.

Брехня! співай, старче Божий, яку знаєш, а то ї
дзвона не диждемо—поснемо.

Гуртомъ.

Справди поснемо; співай яку-небудь.

Кобзарь (спиває).

«Лита орель, лита сызый
По пидь небесамы:
Гуля Максимъ, гуля батько
Степамы, лисамы.
Ой литає орель сызый,
А за нымъ орлята;
Гуля Максимъ, гуля батько,
А за нымъ хлопьята.
Запорозци—ти хлопьята,
Сыны ёго, диты.
Помиркує, загадає,
Чы быты, чы пыты,
Чы танцювать,—то й ушкварять,
Ажъ земля трясеться;
Заспиває—заспивають,
Ажъ лыхо сміється.
Горилку, медь не чаркою,
Поставцемъ черкає,
А ворога заплющывшысь
Ката, пе мынає.
Оттакый-то нашъ отаманъ,
Орель сызокрылий!
И воює, и гарцює
Зъ усієи силы.
Нема въ ёго ни осели,
Ни саду, ни ставу...
Степь и море—скризь бытій шляхъ,
Скризь золото, слава.
Шануйтєся жъ, вражи ляхы,
Скажєни собаки

Йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ,
За нымъ гайдамакы.»

Запорожець.

Оце то такъ! вчыстывъ, ничего сказаты: и до ладу, и правда. Добре, далеби добре! Що хоче, то такъ и втне. Спасыби, спасыби.

Гайдамака.

Я щось не второпавъ, що винъ спивавъ про гайдамакивъ?

Запорожець.

Якый бо ты бевзь и справди! Бачышь, ось що винъ спивавъ: щобъ ляхы погани, скажени собаки, калялись, бо йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ зъ гайдамакамы, щобъ ляхивъ, бачышь, ризаты...

Гайдамака.

И вишаты, и мордоваты! Добре, ий-Богу, добре! Ну, це такъ! Далеби, давъ бы карбованця, якъ бы бувъ не пропывъ учора! Шкода! Ну, нехай стара вязне, бильше мяеса буде. Поборгуй, будь ласкавъ, завтра оддамъ. Утны ще щонебудъ про гайдамакивъ!

Кобзарь.

До грошей я не дуже ласый. Абы була ласка слухаты, помы не охрыпъ, спиватыму; а охрыпну — чарочку, другу тий ледащици-жывыци, якъ то кажуть, та й знову. Слушайте жъ, панове громадо!

«Ночувалы гайдамакы
Въ зеленій диброви,
На прыпони паслы кони,
Сидлани, готови.
Ночувалы ляшкы-панкы
Въ будынеахъ зъ жыдамы,

Напылыся, простяглыся,
Та й....»

Громада.

Цыть лышень! здаецься, дзвоняць. Чуешць?... ще разь .. о!

Кобзарь.

«Задзвоннылы, задзвоннылы!
Пишла луна гаемь.
Идць же вы, та молцься,
А я доспываю.»

Повалылы гайдамакы,
Ажь стогне диброва;
Не повезлы, а на плечахь
Чумацькы воловы
Несуть возы. А за нмы
Слпный волохь знову:
«Ночувалы гайдамакы
Вь зеленій дибровы».
Шкандыбае, курныкае,
И гыць не до речы.
— «Ну лышь иншу, старче Божий!»
Зь возамы на плечахь
Крычать ёму гайдамакы.
— «Добре, хлопцы, нате!
Оттакь! оттакь! добре, хлопцы!
А нуте, хлопьята,
Ушкварымо!»

Земля гнеться,
А воны зь возамы
Так и рижуть. Кобзарь грае,
Додае словамы:
«Ой гопь, такы-такь?
Клыче Гандзю козакь:
— Ходы, Гандзю, пожартую,
Ходы, Гандзю, поцилую;
Ходимь, Гандзю, до попа

Богу помолыться;
 Нема жыта ни снопа,
 Вары варенныци.
 Оженився, зажурився —
 Ничого немае;
 У рядныни ростуть диты,
 А козакъ спивае:
 — И по хати ты-ны-ны,
 И по синяхъ ты-ны-ны,
 Вары, жинко, лыны,
 Ты-ны-ны, ты-ны-ны!»

— «Добре! добре! ще разъ! ще разъ!»
 Крычать гайдамакы.

«Ой гоць того дыва!
 Наварылы ляхы лыва,
 А мы будемъ шынкувать,
 Ляшкивъ-панкивъ частувать.
 Ляшкивъ-панкивъ почаствуемъ,
 Зъ панянкамы пожартуемъ.
 Ой гоць, такы-такъ!
 Клыче панну козакъ:
 — Панно, пташко моя!
 Панно, доле моя!
 Не соромся, дай рученьку,
 Ходимъ погуляймо;
 Нехай людямъ лыхо сныться,
 А мы заспиваймо.
 А мы заспиваймо,
 А мы посадаймо,
 Панно, пташко моя,
 Панно, доле моя!»

— «Ще разъ, ще разъ!»

«Якъ-бы такы, або такъ, або сякъ,
 Якъ-бы такы запорозьскый козакъ,

Якъ-бы такы молодой, молодой,
 Хочь по хати бь поводывь, поводывь.
 Страхъ мени не хочеться
 Зь старымъ дидомъ морочыться,
 Якъ-бы такы...»

— «Цу-цу, скажени! схамениться!
 Бачь, розходылся! А ты,
 Стара собако, де бь молыться,
 Верзешь тутъ погань. Отъ чорты!»
 Крычыть отамань. Опынылысь;
 Ажъ церковь бачать. Дякъ спива,
 Попы зь кадыламы, зь кропыломъ;
 Громада—нибы нежыва,
 А ни телень... Помижь возамы
 Попы зь кропыламы пишлы;
 За ными корогвы неслы,
 Якъ на велыкдень надъ паскамы.

«Молитесь, братія, молитесь!».
 Такъ благочынный начына:
 «Кругомъ святого Чыгрына
 Сторожа стане зь того свиту,
 Не дасть святого роспынать.
 А вы Украину ховайте:
 Не дайте матери, не дайте
 Въ рукахъ у ката пропадать.
 Одъ Конашевыча и доси
 Пожарь не гасне, люде мруть,
 Канають въ тюрмахъ, голи, боси...
 Диты нехрещени ростуть,
 Козацьки диты; а дивчата!...
 Земли козацькой краса,
 У ляха вяне, якъ першь маты,
 И непокрытая коса
 Стыдомъ сичеться; кари очи
 Въ неволи гаснуть; росковать
 Козакъ сестру свою не хоче,

Самъ не соромыться канать
 Въ арми у ляха... горе, горе!
 Молитесь, диты! страшный судъ
 Ляхы въ Украину несуть—
 И зарыдають чорни горы.
 Згадайте праведныхъ гетьманивъ:
 Де ихъ могылы? Де лежать
 Останокъ славного Богдана?
 Де Острияныцяна стоить
 Хоть-бы убогая могыла?
 Де Налывайкова? нема!
 Жывого и мертвого спалылы. ⁷⁾
 Де той Богунъ, де та зима?
 Ингуль що зиму замерзае —
 Богунъ не встане загатыть
 Шляхетськымъ трупомъ. ⁸⁾ Ляхъ гулае!
 Нема Богдана червонить
 И Жовти Воды й Рось зелену.
 Сумуе Корсуень староденный:
 Нема журбу зъ кымъ подилыть.
 И Альта плаче: «Тяжко жыты!
 «Я сохну, сохну...» де Тарась? ⁹⁾
 Нема, не чуть... не въ батька диты!
 Не плачте, братія: за насъ
 И души праведныхъ, и сыла
 Архистратыга Михаила.
 Не за горами кары часъ.
 Молитесь, братія!»

Моылысь,
 Моылысь щыро козаки,
 Щыро, якъ диты; не журылысь,
 Гадалы тее... а зробылось —
 Надъ козаками хусточки!
 Одно добро, одна слава —
 Биліе хустына,
 Та й ту знимуть...
 А діяконъ:

«Нехай ворогъ гине!
 Берить ножи! освятылы».
 Ударылы въ дзвоны,
 Реве гаємъ: «освятылы!»
 Ажь сердце холоне!
 «Освятылы, освятылы!
 Гине шляхта, гине!»
 Розибралы, забыщалы
 По всій України. ¹⁰⁾

ТРЕТИ ПИВНИ. ¹¹⁾

Ше день Україну катувалы
 Ляхы скажени; ще одынь,
 Одынь останній сумувалы
 И Украина, и Чыгрынь.
 И той мынувь день Маковія,
 Велике свято въ України,
 Мынувь—и ляхъ, и жыдовынь
 Горилкы, крови упывалысь,
 Клялы схызмата, роспыналы,
 Клялы, що ничего вже взять.
 А гайдамакы мовчки ждалы
 Поки поганци ляжуть спать.
 Ляглы, и въ головы не клалы,
 Що вже имъ завтра не вставать.
 Ляхы заснулы, а іуды
 Ще личять гроши у-ночи,
 Безъ свитла личять барыши,
 Щобъ не побачылы, бачъ, люде.
 И ти на золото ляглы,
 И сномъ нечыстымъ задрималы.
 • Дримаютъ... на вики бодай задрималы!
 А тымъ часомъ мисяць плыве оглядать
 И небо, и зори, и землю, и море,

Та глянуть на люде, що вони моторять,
 Щобъ Богови въ-ранци про те розказать.
 Свитыть билолыцый на всю Украину,
 Свитыть... а чи бачыть мою сиротыну,
 Оксану зъ Вильшаны, мою сироту?
 Де ййи мордують, де вона воркуе?
 Чи знае Ярема? чи знае, чи чуе?
 Побачымо потимъ, а теперь не ту.
 Не ту заспиваю, иншой заграю:
 Лыхо—не дивчата—буде танцювать.
 Недолю спиваю козацького краю;
 Слухайте жъ, щобъ дитямъ потимъ розказать,
 Щобъ и диты зналы, внукамъ розказалы,
 Якъ козаки шляхту тяжко покаралы,
 За те, що не вмила въ добри панувать.

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровъ степамы
 Текла, червонила.
 Текла, текла, та й высохла.
 Степы зеленіють;
 Диды лежать, а надъ нымы
 Могылы снвнють.
 Та що зъ того, що високи?
 Нихто ихъ не знае,
 Нихто щыро не заплаче,
 Нихто не згадае.
 Тилько витерь тыхесенько
 Повіе надъ нымы,
 Тилько росы ранесенько
 Слэзамы дрибнымы
 Ихъ умыють. Зійде сонце.
 Осушыть, прыгріе;
 А унуки? имъ байдуже,
 Жыто соби сіють.
 Багато ихъ, а хто скаже,
 Де Гонты могыла,—

Мученька праведного
 Де похоронили?
 Де Зализнякъ, душа щира,
 Де одпочывае?
 Тяжко! важко!...

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровъ степамы
 Текла, червонила.
 И день, и ничъ квалтъ, гарматы;
 Земля стогне, гнетъся;
 Сумно, страшно, а згадаешъ—
 Серце усмихнеться.

Мисяцю мій ясный! зъ високого неба
 Сховайся за гору, бо свиту не треба;
 Страшно тобі буде, хочъ ты й бачывъ Рось,
 И Альту, и Сену: и тамъ розлылось,
 Не знать за що, крови широкее море.
 А теперь що буде! Сховайся жъ за гору;
 Сховайся, мій друже, щобъ не довелось
 На старистъ заплакать...

Сумно, сумно середъ неба
 Сяе билолыцый.
 По-надъ Днипромъ козаць иде,
 Може, зъ вечорныци.
 Иде смутный, невеселый,
 Ледве несуть ноги.
 Може, дивчына не любить,
 За те, що убогий?
 И дивчына ёго любить
 Хочъ лата на лати.
 Чорнобрывый, а не згыне,
 То буде й багатый.
 Чого жъ смутный чорнобрывый
 Иде—чуть не плаче?

Якусь тяжку недоленьку
 Вищує козаче.
 Чує серце, та не скаже,
 Яке лихо буде.
 Мыне лихо... Кругомъ ёго
 Мовъ вымерлы люде.
 А ни пивня, ни собаки:
 Тилько изъ-за гаю
 Десь далеко сироманьци
 Вовкы завывають.
 Байдуже! иде Ярема,
 Та не до Оксаны,
 Не въ Вильшану на досвиткы,—
 До ляхивъ поганыхъ
 У Черкасы. А тамъ третій
 Пивень заспивае...
 А тамъ... а тамъ... Йде Ярема,
 На Днипръ поглядае.

«Ой Днипре мій, Днипре широкий та дужый!
 Багато ты, батьку, у море носивъ
 Козацької крови; ще понесешъ, друже!
 Червонивъ ты сыне, та не напоивъ;
 А сю ничъ упьешся. Пекельнее свято
 По всій України сю ничъ зареве;
 Потече багато, багато, багато
 Шляхетської крови. Козакъ оживе:
 Оживуть гетьманы въ золотимъ жупани;
 Прокынетъся доля; козакъ заспива:
 «Ни жыда, ни ляха», а въ степахъ України—
 Дай-то, Боже мыйый—блысне булава!»

Такъ думавъ, идучы въ латаній свытыни,
 Сердега Ярема зъ сваченымъ въ рукахъ.
 А Днипръ, мовъ підслухавъ: широкий та сынній,
 Піднявъ горы-хвыли; а въ очеретахъ
 Реве, стогне, завывае,
 Лози нагнае;

Гримъ гогоче, а блискавка
 Хмару роздырае.
 Иде соби нашъ Ярема,
 Ничого не бачыть;
 Одна думка усмихнется,
 А друга заплаче.
 «Тамъ Оксана, тамъ весело
 И въ сирій свытыни;
 А тутъ... а тутъ... що ще буде?
 Може ще загыну».
 А тимъ часомъ изъ байраку
 Пивень «кукуруку!»
 «А, Черкасы!... Боже мыый!
 Не вкороты вику!»

ЧЕРВОНЫЙ ВЕНКЕТЪ.

Вадзвонны въ уси дзвоны
 По всій Украины;
 Закрычалы гайдамакы:
 «Гыне шляхта, гыне!
 Гыне шляхта! погуляемъ
 Та хмару нагріемъ!»
 Занялася Смилянщина, —
 Хмара червоніе;
 А найперша Медведивка
 Хмары нагривае.
 Горыть Смила, Смилянщина
 Кровью пидпывае.
 Горыть Корсунь, горыть Канивъ,
 Чыгырынъ, Черкасы;
 Чорнымъ шляхомъ¹²⁾ запалало,
 И кровь помылася
 Ажъ у Волянъ. По Полисси

Гонта бенкетуе,
 А Зализнякъ въ Смилянщине
 Дамаску гартуе
 У Черкасахъ, де й Ярема
 Пробуе свячений.
 — «Оттакъ, оттакъ! добре, диты!
 Мордуйте скаженихъ!
 Добре, хлопци!» на базари
 Зализнякъ гукае.
 Кругомъ пекло; гайдамаки
 По пеклу гуляють.
 А Ярема—страшно глянуть—
 По тры, по чотыри
 Такъ и кладе. «Добре, сыну.
 Матери ихъ хыря!
 Мордуй, мордуй: въ раю будешь,
 Або есауломъ.
 Гуляй, сыну! Нуте, диты!»
 И диты майнули
 По горыщахъ, по коморахъ,
 По лѣхахъ,—усюды;
 Всихъ уклалы, все забрали.
 — «Теперь, хлопци, буде!
 Утомылись, одпочыньте».
 Улицы, базары
 Крылись трупомъ, плылы кровью.
 — «Мало клятымъ кары!
 Ще разъ треба перемучыть,
 Щобъ не повставалы
 Нехрыщени, кляти души».
 На базаръ збиралысь
 Гайдамаки. Йде Ярема,
 Зализнякъ гукае:
 — «Чуешь, хлопче? ходы сюды:
 Не бійсь, не злякаю».
 — «Не боюся!» Знявши шапку,
 Ставъ, мовъ передъ паномъ,
 «Видкиля ты? хто ты такый?»

— «Я, пане, зъ Вильшаны».

— «Зъ Вильшанои, де тытара
Псы замордувалы?»

— «Де? якого?»

— У Вильшаній;

И кажутъ, що вералы

Дочку ёго, колы знаешъ,»

— «Дочку у Вильшаній?»

— «У тытара, колы знававъ.»

— «Оксано, Оксано!»

Ледве вымовывъ Ярема

Та й упавъ до-долу.

«Еге! ось що. . Шкода хлопця;

Провитры, Мыколо!»

Провитрився.— «Батьку! брате!

Чомъ я не сторукый?

Дайте ножа, дайте сылу,

Муки ляхамъ, муки!

Муки страшнои, щобъ пекло

Тряслося та млило!»

— «Добре, сыну! ножи будуть

На святее дило.

Ходимъ зъ нами у Лысанку

Ножи гартуваты!»

— «Ходимъ, ходимъ, отамане,

Батьку ты мій, брате,

Мій едыный! На край свита

Полечу, достану,

Зъ пекла вырву, отамане...

На край свита, пане...

На край свита, та не найду,

Не найду Оксаны!»

— «Може й найдешъ. А якъ тебе
Зовуть? я не знаю».

— «Яремою».

— «А призвище?»

— «Призвища немає!»

— «Хиба байстрюкъ? Безъ призвища —

Запышы, Мыколо,
У реестерь. Нехай буде...
Нехай буде Голый,
Такъ и пышы!»

— «Ни, погано!»

— «Ну, хйба, Бидою?»

— «И це не такъ».

— «Стривай лышень,

Пышы Галайдою!»

Запысалы.

— «Ну, Галайдо,

Пойдемъ гуляты.

Найдешъ долю... а не найдешъ...

Рушайте, хлопьята».

И Яреми далы коня

Зайвого зъ обозу.

Усмхнувся на воронимъ,

Та й знову у слёзы.

Выйхалы за царыну;

Палають Черкасы...

— «Чи вси, диты?»

— «Уси, батьку!»

— «Гайда!»

Простяглася

По диброви по-надъ Днипромъ

Козацька ватага.

А за ными кобзарь волохъ

Перевагы-вагы

Шкандыбае на коньку,

Козакамъ спивае:

«Гайдамакы, гайдамакы!

Зализнякъ гуляе».

Пойихали... а Черкасы

Палають, палають.

Байдуже, никто й не гляне!

Сміються та лають

Кляту шляхту; хто балака,

Хто кобзаря слуха.
А Зализнякъ попереду
Нашорошивъ уха,
Иде соби, люльку курить,
Никому ни слова;
А за нымъ нимый Ярема.
Зелена диброва
И темный гай, и Днипръ дужый,
И высоки горы,
Небо, зори, добро, люде
И лютее горе —
Все пропало, все! Ничого
Не знае, не бачить,
Якъ убытый. Тяжко ёму,
Тяжко, а не плаче.
Ни, не плаче: змя люта
Жадно выпывае
Его слёзы, давить душу,
Серце роздырае.
«Ой вы, слёзы, дрибни слёзы!
Вы змыете горе.
Змыйте ёго!... тяжко! нудно!
И сывёго моря,
И Днипра, щобъ вылить люте,
И Днипра не стане.
Занапастыть хйба душу?
Оксано, Оксано!
Де ты, де ты? Подывся,
Моя ты едина,
Подывся на Ярему!
Де ты? Може, гыне,
Може, тяжко клене долю,
Клене, умирае,
Або въ пана у кайданахъ
У склепу канае.
Може, згадуе Ярему,
Згадуе Вильшану,
Клыче ёго. Серце мое,

Обними Оксану!
 «Обнимемось, мій соколе!
 «На вики зомліємъ.
 «Нехай ляхи згнуцаються —
 «Не почуемъ!...» Віе,
 Віе витерьъ зъ-за Лыману,
 Гне тополю въ поли,
 И дивчына похылтыся,
 Куды гне недоля.
 Посумуе, пожурыться,
 Забуде... и може...
 У жупани сама пани;
 А ляхъ... Боже, Боже!
 Карай пекломъ мою душу,
 Выльи муки море,
 Розбий кару надо мною,
 Та не такимъ горемъ
 Карай серце: розырветься,
 Хоть-бы було камень.
 Доле моя! Серце мое!
 Оксано, Оксано!
 Де ты дилася, подилась?»
 И хлынули слёзы;
 Дрибни, дрибни полылыся.
 Де воны взялыся!
 А Зализнякъ гайдамакамъ
 Каже опынытыся:
 — «У лись, хлопци! вже свитае,
 И кони прыстали:
 Попасемо», — и тыхенько
 У лиси сховались.

ГУПАЛИВЩИНА.

Війшло сонце; Украина —
 Де палала, тлила,
 А де шляхта, запершыся,
 У будынкахъ млила.
 Скризь по селахъ шыбеныци;
 Навишано трупу —
 Тилько старшихъ, а такъ шляхта —
 Купою на купи.
 На улыцяхъ, на розпуттяхъ
 Собаки, вороны
 Йидять шляхту, клюють очи;
 Нихто не боронить.
 Та й нікому: остались
 Диты та собаки;
 Жинкы навить зъ рогачамы
 Пишли въ гайдамакы.

Оттаке-то було льхо
 По всій Украини!
 Гирше пекла... А за вищо,
 За що люде гынуть?
 Того жъ батька, таки жъ диты, —
 Жыты бъ та брататься,
 Ни, не вмилы, не хотилы,
 Треба розъеднатся!
 Треба крови, брата крови,
 Бо заздры, що въ брата
 Йе въ комори и на двори,
 И весело въ хати!
 «Убьемъ брата! спалымъ хату!»
 Сказалы, и сталося.
 Все бъ, здається; ни, на кару
 Сыроты остались.
 Въ слёзахъ росли, та й вырослы;

Замучени руки
 Розвязались, — и кровь за кровь,
 И муки за муки!
 Болить сердце, якъ згадаешъ:
 Старыхъ славянъ диты
 Вплысь кровью, а хто вынень?
 Ксёндзы, іезуиты ¹⁸⁾.

Мандрували гайдамакы
 Лисамы, ярамы,
 А за нымы и Галайда
 Зъ дрибнымы слёзами.
 Вже минулы Воронивку,
 Вербивку; въ Вильшану
 Прыйихали. «Хиба спытатъ,
 Спытатъ про Оксану?
 Не спытаю, щобъ не знали,
 За що пропадаю».
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Ё Вильшану мынають.
 Пытаецься у хлопчыка:
 «Що, тытаря вбылы?»
 — «Ба ни, дядьку: батько казавъ,
 Що ёго спалылы
 Отти ляхы, що тамъ лежать,
 И Оксану вкралы;
 А тытаря на цвынтари
 Вчора поховалы.»
 Не дослухавъ... «Несы, коню!»
 И поводы кынувъ.
 «Чомъ я вчора, помы не знавъ,
 Вчора не загынувъ!
 А сёгодня, колы ё умру,
 Зъ домовыны встану
 Ляхивъ мучыть. Серце мое!
 Оксано! Оксано!
 Де ты?»

Замовкъ, зажурився,
 Пойихавъ ходю.
 Тяжко, важко сиромаси
 Бороться зъ нудьгою.
 Догнавъ своихъ. Боровыивъ
 Вже хутиръ мынають.
 Корчма тліе зъ стодолю,
 А Лейбы немає.
 Усмихнувся мій Ярема,
 Тяжко усмихнувся.
 Оттуть, оттуть позавчора
 Передъ жьдомъ гнувся,
 А сёгодня... та й жаль стало,
 Що лыхо минуло.
 Гайдамакы по-надъ яромъ
 Зъ шляху повернули.
 Наганяють пивпаробка.
 Хлопець у свытны
 Полатаній, у постолахъ,
 На плечахъ торбына.
 «Гей, старченя! стривай лышень!»
 — «Я не старецъ, пане!
 Я, якъ бачте, гайдамака.»
 — «Якый же ноганый!
 Видкиля ты?»
 — «Зъ Кереливки.» ¹⁴⁾
 — «А Будища ¹⁵⁾ знаешь?
 И озеро коло Будищъ?»
 — «И озеро знаю,
 Оттамъ воно; оцимъ яромъ
 Втрапыте до ёго.»
 — «Що, сёгодня ляхивъ бачывъ?»
 — «Нигде ни одного;
 А вчора було багато.
 Винкы не святамы:
 Не дали ляхы прогляти.
 За те жъ ихъ и были!
 И я, й батько сватымъ ножемъ;

А маты нездужа,
 А то й вона бь.»
 — «Добре, хлопче.
 Ось на жь тоби, друже,
 Цей дукачыкь, та не згубы.»
 Узявъ золотого,
 Подввыся: «Спасыби вамь!»
 — «Ну, хлопци, въ дорогу!
 Та чуєте? безь гомону.
 Галайдо, за мною!
 Въ оцимь яру йе озеро
 Й лись по-пидь горою,
 А въ лиси скарбь. Якъ прыйдемь,
 То щобь кругомь стали,
 Скажы хлопцямь. Може, лѣхы
 Стерегты осталась
 Яка погань.»

Прыихали,
 Сталы кругомь лиса;
 Дывляться — нема никого...
 «Ту ихъ до-сто-биса!
 Яки груши уродымы!
 Збывайте, хлопьята!
 Швыдче! швыдче! Оттаеь! оттаеь!»
 И конфедераты
 Посыпалыся до-долу—
 Груши гнылобоки.
 Позбывалы, упоралысь,
 Козакамь нивроку.
 Найшлы лѣхы, скарбь забрамы,
 У ляхивь кышени
 Потрусилы, та й потяглы
 Караты мерзеныхъ
 У Лысянчу. ¹⁶⁾

БЕНКЕТЪ У ЛЫСЯНЦИ.

Смеркалося. Изъ Лысянки
 Кругомъ засвѣтло:
 Отто Гонта зъ Зализнякомъ
 Люльки закурылы.
 Страшно, страшно закурылы!
 И въ пекли не вмѣють
 Оттакъ курить. Гнылый Тыкычъ
 Кровью червоніе
 Шляхетською, жывивською;
 А надъ нымъ палають
 И хатына, и будынокъ;
 Мовъ доля карае
 Вельможного й неможного.
 А середъ базару
 Стоить Гонта зъ Зализнякомъ,
 Крычатъ: «ляхамъ кары!
 Кары ляхамъ, щобъ каялысь!»
 И диты карають.
 Стогнуть, плачуть; одынъ просыть,
 Другый проклинае;
 Той молятся, сповидае
 Грихы передъ братомъ,
 Уже вбытымъ. Не мылуютъ,
 Карають завзяты.
 Якъ смерть люта, не вважають
 На лита, на вроду:
 Шляхтяночки й жывивочки
 Тече кровь у воду.
 Ни калика, а ни старый,
 Ни мала дытына
 Не остальсь, — не вблагалы
 Лыхой годины.
 Все поляглы, все покотомъ;
 Ни души жывои

Шляхетської й жидивської.
 А пожаръ удвое
 Разгорився, распалвся
 До самой хмары.

А Галайда знай гукає:
 «Кары ляхамъ, кары!»
 Мовъ скажений, мертвыхъ риже,
 Мертвыхъ виша, палить.
 «Дайте ляха, дайте жыда!
 Мало мени, мало!
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточить зъ поганныхъ!
 Крови море... мало моря...
 Оксано! Оксано!
 Де ты?» Крыкне й сховається
 Въ поломь, въ пожари.
 А тымъ часомъ гайдамаки
 Столы вздовжь базару
 Постаवлы, несуть страву,
 Де що запопалы,
 Щобъ засвітла повечерять.
 «Гуляй!» загукалы.
 Вечеряють, а кругомъ ихъ
 Пекло червоніє.
 У поломь повишани
 На кроквахъ чорніють
 Панські трупы. Горять кроквы
 И падають зъ нмы.
 «Пийте, диты! пийте, лийте!
 Зъ панами такымы,
 Може, ще разъ зостринемось,
 Ще разъ погуляемъ.»
 И поставець однимъ духомъ
 Зализнякъ черкає.
 «За прокляти ваши трупы,
 За души прокляти
 Ще разъ выпью! Пийте, диты!

Выпьемъ, Гонто, брате!
 — «Постривай, я дожыдаю,
 Що ляхы прокляти...»
 Ярема вставъ:—«Яки ляхы?»
 — «Отто бо завзятый!
 Пый горилку, мій голубе!
 Яки ляхы, брате?»
 — «По тимъ боци, у будынку
 Заперлись прокляти!»
 — «Розвіємо!» — «Шкода муру,
 Старосвитська штука!
 А ще гирше: Богдановы
 Мурувалы руки!»
 — «Богдановы? шкода, шкода
 Гетьманської праці.»
 — «Я пославъ сказати проклятымъ,
 Щобъ выдалы Паца.
 Помылю! Не выдадутъ—
 Порохъ засыпаю...
 Потайныкы вже зроблени...»
 — «И ляхы гуляють?»
 Личать зори? Добре, брате!
 А покы що буде,
 Выпьемъ чарку!» — «Добре, выпьемъ!
 — «Пийте, добри люде,
 Та не дуже, бо ще може
 Не кончылы кары!»
 — «Не кончылы!... Пийте, бийте!
 Грай, спивай, кобзарю!
 Не про дидивъ, бо не згирше
 Й мы ляхивъ караемъ;
 Не про льхо, бо мы ёго
 Не знали й не знаемъ.
 Веселой утны, старче,
 Щобъ земля ломылась,—
 Про вдовыцю-молодыцю,
 Якъ вона журылась.»

(Кобзарь грає й приспівує).

«Одъ села до села
Танци та музыкы:
Курку, яйця продала —
Маю черевкы.
Одъ села до села .
Буду танцювати:
Ни коровы, ни вола —
Осталася хата.
Я оддамъ, я продамъ
Кумови хатыну,
Я куплю, я зроблю
Яточку пидъ тыномъ;
Торгувать, шынкувать
Буду чарочкамъ,
Танцювать та гулять
Таки зъ поробкамъ.
Охъ вы, диткы мои,
Мои голубята,
Не журитесь, подывитесь,
Якъ танцюе маты.
Сама въ наймы піду,
Дитокъ въ школу оддамъ,
А червонимъ черевычкамъ
Таки дамъ, таки дамъ!»

— «Добре! добре! Ну, до танцивъ,
До танцивъ. кобзарю!»
Слипый вшкварывъ — навпрысядки
Пишли по базару,
Земля гнеться. «Нумо, Гонто!»
— «Нумъ, брате Максиме!
Ушкварымо, мій голубе,
Поки не загынемъ!»

«Не дывуйтеся, дивчата,
Що я обидрався;

Бо мій батько робивъ гладко,
То й я въ ёго вдався.»

- «Добре, брате, їй же Богу!»
- «А ну, ты, Максиме!»
- «Постривай лышть!»

«Оттакъ чыны, якъ я чыню,
Любы дочку абы-чыю.
Хочъ попову, хочъ дякову,
Хочъ хорошу мужыкову.»

Вси танцюють, а Галайда
Не чує, не бачить.
Сыдыть соби кинєць стола,
Тяжео, важко плаче,
Якъ дытына. Чого бъ бачься? .
Въ червонимъ жупани,
И золото, и слава йе...
Та нема Оксаны;
Ни зъ кымъ долю подилыты,
Ни зъ кымъ заспиваты;
Одынъ, одинъ сыротою
Мусыть пропадаты.
А того, того й не знає,
Що ёго Оксана
По тимъ боци за Тыкычемъ
Въ будынку зъ панамы,
Съ тымы самымы ляхамы,
Що замордували
Ийи батька. Недолуды!
Теперь заховалысь
За мурамы, та дывытесь,
Якъ жыды канають,
Браты ваши! А Оксана
Въ викно поглядає
На Лысянку засвичену.
«Де-то мій Ярема?»

Сама думае. Не знае,
 Що винь коло неи,
 У Лысянци, не въ свытыни—
 Въ червонимъ жупани,
 Сыдыть одынь та думае:
 «Де моя Оксана!
 Де вона, моя голубка
 Приборкана, плаче?»
 Тяжко ёму.

А изъ яру
 Въ кыреи козачій
 Хтось крадеться.
 — «Хто ты такый?»

Галайда пытае.
 «Я посланецъ пана Гонты.
 Нехай погулае,
 Я подожду.»
 — «Ни, не диждешъ,
 Жыдивська собака!»
 — «Ховай Боже, якый я жыдь!
 Бачышь? гайдамака!
 Ось копійка... подывся...
 Хиба ты не знаешъ?»
 — «Знаю, знаю,» и свяченый
 Зъ халявы выймае.
 «Признавайсь, проклятый жыде,
 Де моя Оксана?»
 Та й замахнувься.

— «Ховай, Боже!...
 Въ будынку... зъ панамы...
 Вся въ золоти...»
 — «Выручай же!
 Выручай, проклятый!»
 — «Добре, добре... Яки жъ бо вы,
 Яремо, завзяти!
 Иду заразь и выручу:
 Гроши муръ ламають,—
 Скажу ляхамъ—замість Пада...»

— «Добре, добре! знаю.
Иды швыдче!»

— «Заразь, заразь,
Гонту забавляйте
Съ пивъ-упруга, а тамъ нехай.
Идять же гуляйте...
Куды везты?»

— «У Лебедынь!
У Лебедынь, чуешъ?»
— «Чую, чую.»

И Галайда
Зъ Гонтою танцюе.
А Зализнякъ бере кобзу:
— «Потанцюй, кобзарю,
Я заграю».

Навпрысядкы
Слипый по базару
Оддырае постоламы,
Додае словамы:
«На городи пустырнакъ, пустырнакъ;
Чы я жъ тоби не козаць, не козаць?
Чы я жъ тебе не люблю, не люблю?
Чы я жъ тоби черевычкивъ не куплю?
Куплю, куплю, чорнобрыва,
Куплю, куплю того дыва.
Буду, сердце, ходыть,
Буду, сурце, любить.»

«Ой гоць, гопака!
Полюбыла козака,
Та рудого, та старого—
Лыха доля така.
Иды жъ, доле, за журбою,
А ты, старый, за водою,
А я—такъ до шынку.
Выпью чарку, выпью другу,
Выпью третю на потугу,
Пьяту, шосту, та й кинець.

Пишла баба у танець,
 А за нею горобець,
 Выхрутасомь, выхлысомь...
 Молодець горобець!
 Старый рудый бабу клыче,
 А та ёму дули тыче:
 «Оженився, сатано,—
 «Заробляй же на пшоно:
 «Треба дитокъ годувать,
 «Треба дитокъ одягать;
 «А я буду добувать;
 А ты, старый, не гришы,
 «Та въ запичку колышы,
 «Та мовчы, не дышы!»

«Якъ була я молодою преподобницею,
 Цовисла хвартушыну надь виконницею,
 Кто йде—не мыне,
 То кывне, то моргне.
 А я шовкомъ вышиваю,
 Въ кватырочку выглядаю:
 Семены, Иваны!
 Надивайте жупаны,
 Та ходимо погулаймо,
 Та сядемо заспиваймо.»

«Заганяйте квочку въ бочку,
 А курчята въ вершу.»

.

«И.. гу!
 Загнувъ батько дугу,
 Тягне маты супоню,
 А ты завьяжы, доню.»

— «Чы ще? чы годи?
 — «Ще, ще,
 Хочь погану! сами ноги носить» .

«Ой сыпъ сыривецъ
 Та крышы опенькы:
 Дидь та баба, то й до ладу,—
 Обое раденьки.

Ой сыпъ сыривецъ
 Та крышы петрушку:

.

«Ой сыпъ сыривецъ
 Та накрышы хрину:

.

«Ой сыпъ воду, воду
 Та пошукай броду, броду...»

— «Годи! годи!» крычыть Гонта:
 «Годи, погасае.
 Свитла, диты!... А де Лейба?
 Що ёго немае?
 Найты ёго та повисыть.
 Петелька свын्याча!
 Гайда, диты! погасае
 Каганецъ козачый!»
 А Галайда:— «Отамане!
 Погуляймо, батьку!
 Дывысь—горыть; на базари
 И выдко, и гладко.
 Потанцюемъ. Грай, кобзарю!»
 — «Не хочу гуляты!
 Огню, диты! дѣгтю, клоччя!
 Давайте гарматы;
 Въ потайныкы лустить огонь!
 Думають, жартую!»
 Заревилы гайдамакы:
 «Добре, батьку! чuemъ!»

Черезъ греблю повалылы,
 Гукають, спивають.
 А Галайда крычыть:—«Батьку!
 Стійте!... пропадаю!
 Постривайте, не вбывайте:
 Тамъ моя Оксана.
 Годыночку, батькы мои:
 Я ййи достаю!»
 — «Добре, добре!... Зализняче,
 Гукны, щобъ палылы.
 Преподобыться зъ ляхама!..
 А ты, сызокрылйй,
 Найдешъ иншу.»
 Оглянувся—
 Галайды немае.
 Ревуть горы, и будынокъ
 Зъ ляхама гуляе
 Коло хмары. Що осталось,
 Пекломъ запалало...
 — «Де Галайда?» Максимъ клыче.
 И слиду не стало...
 Покры хлопьята танцювалы,
 Ярема зъ Лейбою прокралысь
 Ажъ у будынокъ, въ самый лёхъ;
 Оксану выхопывъ чуть жыву
 Ярема зъ лёху, та й полынувъ
 У Лебедынь...

ЛЕБЕДЫНЬ.

Д сырота зъ Вильшанои,
 Сырота, абусю.
 Батька ляхы бзамучылы,
 А мене... боюся,
 Боюся згадать, моя сыза...

Узялы зъ собою.
 Не распытуй, бабусенько,
 Що було зо мною.
 Я моылась, я плакала,
 Серце розрывалось,
 Слѣзы сохлы, душа мерла...
 Охъ; якъ бы я знала,
 Що побачу знову,—
 Вдвое, втрое бѣ вытерпила
 За едыне слово!
 Выбачай, моя голубко;
 Може, я гришыла,
 Може, Богъ за те й карае,
 Що я полюбыла—
 Полюбыла станъ высокый
 И карыи очи—
 Полюбыла, якъ умила,
 Якъ серденько хоче.
 Не за себе, не за батька
 Моылась въ неволи,—
 Ни, бабуся, а за ёго,
 За мылого долю.
 Карай, Боже! Твою правду
 Я вытерпить мушу.
 Страшно сказать: я думала
 Занапастыть душу.
 Якъ-бы не винъ, може бѣ... може
 И занапастыла.
 Тяжко було! я думала:
 «О, Боже мій мылий!
 «Винъ сирота, — хто безъ мене
 «Его привитае?
 «Хто про долю, про недолю,
 «Якъ я, распытае?
 «Хто обійме, якъ я ёго?
 «Хто душу покаже?
 «Хто сироти убогому
 «Добре слово скаже?»

Я так думала, бабуся,
И сердце сміялось:

«Я сирота: безъ матери,

«Безъ батька осталась,

«И винъ одынь на всимъ свити

«Мене вирно любитъ;

«А почуе, що я вбылась,

«То й себе погубить».

Такъ я думала, моылась,
Ждала, выглядала:

Нема ёго, не прыбуде,—

Одна я осталась...»

Та й заплакала. Черныця,

Стоя коло неі,

Зажурылась.

«Бабусенько!

Скажи мени, де я?»

— «Въ Лебедыни, моя пташко;

Не вставай: ты хвора».

— «Въ Лебедыни! чи давно я?»

— «Ба ни, позавчора».

— «Позавчора?... Стривай, стривай...

Пожаръ надъ водою...

Жыдъ, будыногъ, Майданівка...¹⁷⁾

Зовуть Галайдою...»

— «Галайдою Яремою

Себе называе,

Той, що привизъ...»

— «Де винъ, де винъ?

Теперь же я знаю!...»

— «Черезъ тыждень обицявся

Прыйти за тобою».

— «Черезъ тыждень! черезъ тыждень!

Раю мій, покою!

Бабусенько, мынулася

Лыхая годына!

Той Галайда—мій Ярема!...

По всій України
 Їго знають. Я бачыла,
 Якъ села горили;
 Я бачыла — каты-ляхы
 Трусылыся, млилы,
 Якъ хто скаже про Галайду.
 Знають вони, знають,
 Хто такый и видкля винь,
 И кого шукае!...
 Мене шукавъ, мене найшовъ,
 Орель сязокрыль!
 Прилтай же, мій соколе,
 Мій голубе сязый!
 Охъ, якъ весело на свити,
 Якъ весело стало!
 Черезъ тыждень, бабусенько...
 Ще тры дни осталося.
 Охъ, якъ довго!...

«Загрибай, мамо, жаръ, жаръ,
 «Буде тоби дочки жаль, жаль
 Охъ, якъ весело на свити!
 А тоби, бабусю,
 Чи весело?»

— «Я тобою,
 Пташко, веселюся!»

— «А чомъ же ты не спиваешь?»

— «Я вже одспивала...»

Задзвонили до вечерни;

• Оксана осталась,

А черныця, помолывшыся,

Въ храмъ пошкандыбала.

Черезъ тыждень въ Лебедыни¹⁸⁾

У церкви спивалы:

«Исаія ликуй!» Въ-ранци

Ярему винчалы;

А въ-вечери мій Ярема

(Отъ хлопецъ звичайный!)
 Щобъ не сердить отамана,
 Покинувъ Оксану:
 Ляхивъ кинча; зъ Зализнякомъ
 Весилля справляе
 Въ Уманщени, на пожарахъ.
 Вона выглядае, —
 Выглядае, чи не йде
 Зъ боярами въ гости —
 Перевезты изъ келии
 Въ хату на помости.

Не журися, сподивайся
 Та Богу молися.
 А мени теперь на Умань ¹⁹⁾
 Треба подывытысь.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Хвалымыся гайдамакы,
 На Умань идучи:
 «Будимъ драгы, паны-браты,
 Зъ кытайкы онучи!»

Мынають дни, мынае лито,
 А Украина знай горыть;
 По селамъ плачуть мали диты —
 Батькивъ немає. Шелестыть
 Пожовкле лыстя; по диброви;
 Гуляють хмары сонце спыть;
 Нигде не чутъ людської мовы;
 Звиръ тилько вие, йде въ село,
 Де чуетъ групы: не ховалы,
 Вовкывъ ляхамы годувалы,
 Поки ихъ снигомъ занесло.
 Не спыныла хуртовына

Пекельной кары:
 Ляхы мерзли, а козаки
 Грились на пожари.
 Встала й весна, чорну землю
 Сонну розбудыла,
 Уквитчала ййи растомъ,
 Барвинкомъ покрыла;
 И на поли жайворонокъ,
 Соловейко въ гаи
 Землю, убрану весною,
 Въ-ранци зостричаютъ...
 Рай та й годи! А для кого?
 Для людей. А люде?
 Не хотять на ёго й глянуть,
 А глянуть—огудять:
 Треба кровью домалювать,
 Освитыть пожаромъ;
 Сонця мало, расту мало
 И багато хмары.
 Пекла мало!... Люде, люде!
 Колы-то зъ вась буде
 Того добра, що маєте?
 Чудни, чудни люде!

Не спынула весна крови,
 Ни злости людської.
 Тяжко глянуть; а згадаемъ—
 Такъ було и въ Трои,
 Такъ и буде.

Гайдамакы

Гуляють, карають;
 Де пройидуть—земля горыть,
 Кровью пидпльвае.
 Придбавъ Максимъ соби сына
 На всю Украину.
 Хочъ не рідный сынъ Ярема,
 А щыра дытына.
 Максимъ риже, а Ярема

Не рижѣ — люте:
 Зѣ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ
 И днюе й ноче.
 Не мылуе, не мынае
 Нигде ни одного;
 За тытара ляхамъ платить,
 За батька святого;
 За Оксану... та й зомліе,
 Згадавши Оксану.
 А Зализнякъ: «Гуляй, сыну!
 Поки доля встане,
 Погуляемъ!»

Погулялы:

Купою на купи
 Одъ Кыива до Умани
 Лягли ляхы трупомъ.
 Якъ та хмара, гайдамакы
 Умань обступылы
 О-пивночи; до схиць сонця
 Умань затопылы,
 Затопылы, закрычалы:
 «Карай ляха знову!»
 Покотылысь по базару
 Кинни Nagodowi; ²⁰⁾
 Покотылысь мали диты
 И каликы хвори.
 Гвалть и галась. На базари,
 Якъ посередъ моря
 Кровавого, стоить Гонто
 Зѣ Максимомъ завзятымъ.
 Крычать у-двохъ: «Добре, диты!
 Оттакъ ихъ проклятыхъ!»
 Ажъ ось ведуть гайдамакы
 Ксѣндза-іезуита
 И двоухъ хлопцивъ. — «Гонто, Гонто!
 Оце твои диты.
 Ты насъ рижешъ — зарижъ и ихъ:
 Вони католикы.

Чого жъ ты ставъ? чомъ не рижешъ?
 Поки не вельки,
 Зарижъ и ихъ, бо выростуть,
 То тебе зарижуть...»
 — «Убьйте пса! а собачать
 Своею зарижу.
 Клычъ громаду! Признавайтесь,
 Що вы католыкы?»
 — «Католыкы.. бо насъ маты...»
 — «Боже мій велькый!
 Мовчить, мовчить! знаю, знаю!»
 Зибралась громада.
 «Мои диты католыкы...
 Щобъ не було зрады,
 Щобъ не було поговору,
 Панове громадо...
 Я присягавъ, бравъ свяченый
 Ризать католыка...
 Сыны мои, сыны мои!
 Чомъ вы не вельки?
 Чомъ вы ляха не рижете?...»
 — «Будемъ ризать, тату!»
 — «Не будете! не будете!
 Будь проклята маты,
 Та проклята католычка,
 Що васъ породыла!
 Чомъ вона васъ до схидъ сонця
 Була не втопыла?
 Менше бъ гриха: вы бъ умерлы
 Не католыкамы:
 А сёгодня, сыны мои,
 Горе мени зъ вами!
 Поцилуйте мене, диты,
 Бо не я вбываю,
 А прысяга...»
 Махнувъ ножемъ—
 И дитей немає!
 Попадалы заризани.

«Тату!» белькотали,
 «Тату, тату... мы не ляхы!
 «Мы...» та й замовчали.
 — «Поховать хыба?»
 — «Не треба!»

Воны католики.
 Сыны мои, сыны мои!
 Чомъ вы не велыки?
 Чомъ ворога не ризали?
 Чомъ матиръ не вбыли,
 Ту прокляту католичку,
 Що васъ породыла?²¹⁾
 — Ходимъ, брате!»

Взявъ Максима,
 Пишли вздовжъ базару,
 И обидва закрычали:
 — «Кары ляхамъ, кары!»
 И каралы: страшно, страшно
 Умань запалала.
 Ни въ будынку, ни въ костёли,
 Нигде не осталось,—
 Все полягли. Того лыха
 Не було николи,
 Що въ Умани робылося.
 Базыліянъ школу,
 Де учылись Гонты диты,
 Самъ Гонта руйнуе:
 — «Ты поїила моихъ дитокъ!»
 Гукае, лютуе:
 «Ты поїла невелыкыхъ,
 Добру не навчыла!...
 Валить стины!»

Гайдамаки
 Стины розвалылы,—
 Розвалылы, обь каминця
 Ксѣндзивъ розбывалы,
 А школяривъ у крынцы
 Жывыхъ поховалы.

До самой ночи ляхивъ мордували;
 Души не осталось. А Гонта кричить:
 «Де вы, людойиды? де вы поховалысь?
 Збыли моихъ дитокъ, — тяжко мени жыть!
 Тяжко мени плакаты! ни съ кымъ говорыть!
 Сыны мои люби, мои черноброви!
 Де вы поховалысь? Крови мени, крови!
 Шляхетської крови, бо хочеться пыть,
 Хочеться дывытысь, якъ вона черніе,
 Хочеться напытысь... Чомъ витерь не віе,
 Ляхивъ не навіе?... Тяжко мени жыть!
 Тяжко мени плакаты! Праведны зори!
 Сховайтесь за хмару; я васъ не займавъ,
 Я дитей заризавъ!... Горе мени, горе!
 Де я прыхылюся?»

Такъ Гонта кричавъ;
 По Умани бигавъ. А середъ базару,
 Въ крови, гайдамаки ставылы столы;
 Де що запопалы, стравы нанесли,
 И силы вечерять. Остатня кара,
 Остатня вечера!

— «Гуляйте, сыны!

Пыйте, покы пьеться, быйте, покы бьеться!»
 Зализнякъ гукае. «А ну, нависный,
 Ушеварь намъ що небудь, нехай земля гнеться,
 Нехай погуляють мои козаки!»

И кобзарь ушеварывъ:

«А мій батько орандарь,

Чоботарь;

Моя маты пряха

Та сваха;

Браты мои, соколы,

Прывелы

И корову изъ дибровы,

И намыста нанесли.

А я соби Хрыста

Въ намысти;

А на лыштли лыстя

Та лыстя,
 И чоботы, и пидковы.
 Выйду въ-ранци до коровы,
 Я корову напою,
 Подою,
 Зъ паробкамы постою,
 Постою».

«Ой гопъ по вечери,
 Замыкайте, диты, двери,
 А ты, стара, не журись,
 Та до мене прыгорнысь!»

Вси гуляють. А де жъ Гонта?
 Чомъ винъ не гулае!
 Чому не пье зъ козакамы?
 Чому не спивае?
 Нема ёго; теперь ёму,
 Мабуть, не до неи,
 Не до спивы.

А хто такый
 У чорній кыреи
 Черезъ базаръ переходить?
 Ставь; розрыва купу
 Ляхивъ мертвыхъ: шука когось.
 Нагнувся, два трупы
 Невелькыхъ взявъ на плечи
 И, позадь базару,
 Черезъ мертвыхъ переступа,
 Крыється въ пожари
 За костѣломъ. Хто жъ це такый?
 Гонта, горемъ бытый,
 Несе дитей поховаты,
 Землею накрыты,
 Щобъ козацьке мале тило
 Собаки не йлы.
 И темными улыцями,

Де менше горило,
 Понись Гонта дитей своихъ,
 Щобъ никто не бачывъ,
 Де винь сынивъ поховае,
 И якъ Гонта плаче.
 Вынись въ поле, геть одъ шляху;
 Свяченый выймае,
 И свяченымъ копа яму.
 А Умань палае,
 Свитыть Гонти до роботы
 И на дитей свитыть.
 Неначе сплять одагнени.
 Чого-жь страшни литы?
 Чого Гонта нибы краде,
 Або скарбъ ховае?
 Ажь трусыться. Изъ Умани
 Дс-де чуть — гукають
 Товариши гайдамакы;
 Гонта мовъ не чуе,
 Сынамъ хату середь степу
 Глыбоку будуе.
 Та й збудувавъ. Бере сынивъ,
 Кладе въ темну хату,
 Й не дывыться, нибы чуе:
 «Мы не ляхы, тату!»
 Поклавъ обохъ, изъ кышени
 Кытайку выймае;
 Поцилувавъ мертвыхъ въ очи,
 Хрыстыть, накрывае
 Червоною кытайкою
 Головы козачи.
 Роскрывъ, ще разъ подывывся...
 Тяжко, важко плаче:
 «Сыны мои, сыны мои!
 На ту Украину
 Подывыться: вы за нею
 Й я за нею гыну.
 А хто мене поховае?»

На чужому поли
 Кто заплаче надо мною?
 Доле, моя, доле!
 Доле моя несчастлива!
 Що ты наробыла?
 На-що мени дитей дала?
 Чомъ мене не вбыла?
 Нехай воны бѣ поховалы,
 А то я ховаю.»
 Поцилувавъ, перехрыстывъ,
 Покрывъ, засыпае:
 — «Спочывайте, сыны мои,
 Въ глыбокій осели!
 Сука маты не прыдбала
 Новои постели.
 Безъ васылькывъ и безъ руты
 Спочывайте, диты,
 Та благайте, просить Бога,
 Нехай на симъ свити
 Мене за васъ покарае,
 За грихъ сей великый.
 Простить, сыны! я прощаю,
 Що вы католыкы.»
 Зривнявъ землю, покрывъ дерномъ,
 Щобъ ниhto не бачывъ,
 Де поляглы Гонты диты,
 Головы козачи.
 «Спочывайте, выглядайте,
 Я швыдко прыбуду.
 Укоротывъ я вамъ вику,
 И мени те буде.
 И мене вбють... колы бѣ швыдче!
 Та хто поховае?
 Гайдамакы!... Пиду ще разъ,
 Ще разъ погуляю!...»

Пишовъ Гонта похыльшысь;
 Иде, спотыкнется.

Пожаръ свитыть; Гонта гяне,
 Гяне—усмихнется.
 Страшно, страшно усмихався,
 На степь оглядався.
 Утеръ очи.. тилько мріе
 Въ дыму, та й сховався.

ЕПИЛОГЪ.

Давно те мынуло, якъ—мала дытына,
 Сырота въ рядныни—я колысь блукавъ,
 Безъ свыты, безъ хлеба, по тій України,
 Де Зализнякъ, Гонта зъ свяченымъ гулявъ.
 Давно те мынуло, якъ тымы шляхамы,
 Де йшли гайдамакы,—малымы ногамы
 Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
 Щобъ добру навчылы. Я теперъ згадавъ,
 Згадавъ, та й жаль стало, що лыхо мынуло.
 Молодее лыхо! якъ-бы ты вернулось,
 Проминявъ бы долю, що маю теперъ.
 Згадаю те лыхо, степы ти безкраи,
 И батька, и дида старого згадаю...
 Дидусь ще гуляе, а батько вже вмеръ.
 Бувало, въ недилю; закрывшы Мынею,
 По чарци зъ сусидомъ выпившы тыеи,
 Батько дида просыть, щобъ той розказавъ
 Про Коливщину, якъ колысь бувало,
 Якъ Зализнякъ, Гонта ляхивъ покаравъ.
 Столитніи очи, якъ зори, сіялы,
 А слово за словомъ сміялось, лылось:
 Якъ ляхы каналы, якъ Смила горила,
 Сусиде одъ страху, одъ жалю нимилы.
 И мени, малому, не разъ довелось
 За тытаря плакать. И ниhto не бачывъ,
 Що мала дытына у куточку плаче.

Спасыби, дидусю, що ты заховавъ
 Въ голови столитній ту славу козачу:
 Я ййи онукамъ теперь розказавъ.

Выбачайте, люде добри,
 Що козацьку славу
 Такъ навманя розказую,
 Безъ книжної справы.
 Такъ дидъ колысь розказувавъ,
 Нехай здоровъ буде!
 А я за нымъ. Не знавъ, старый,
 Що письменни люде
 Тьи речи прочытають.
 Выбачай, дидусю, —
 Нехай лають; а я поки
 До своихъ вернуся,
 Та доведу вже до краю,
 Доведу — спочыну,
 Та хочъ кризь сонъ подывлюся
 На ту Украину,
 Де ходылы гайдамакы
 Зъ святымы ножами —
 На ти шляхы, що я миравъ
 Малымы ногами.

Погулялы гайдамакы,
 Добре погулялы:
 Трохы не рикъ шляхетською
 Кровью наповалы
 Украину, та й замовкы —
 Ножи поцербылы.
 Нема Гонты; нема ёму
 Хреста, ни могылы.
 Буйни витры розмахалы
 Попиль гайдамакы,
 И никому помолытись,
 Никому заплакать.
 Одынъ тилько братъ названий

Оставсь на всимь свити;
 Та й той почувь, що такь страшно
 Пекельны диты
 Ёго брата замучылы,
 Зализнякь заплакавъ
 Въ перше зроду; слёзы не втерь,
 Умерь неборака.
 Нудьга ёго задавила
 На чужому поли,
 Въ чужу землю положила: ²²⁾
 Така ёго доля!
 Сумно, сумно гайдамакы
 Зализную сылу
 Поховалы; насыпали
 Высоку могылу;
 Заплакалы, розійшлыся,
 Видкиля взялыся.
 Однѣ тилько мій Ярема
 На кый похылвся,
 Стоявъ довго.— «Спочынь, батьку,
 На чужому доли,
 Бо на своимь нема мѣста;—
 Спи козаче, душа щыра!
 Хто-небудь згадае.»
 Пишовъ степомъ сиромаха,
 Слёзы утырае.
 Довго, довго оглядався,
 Та й не выдко стало.
 Одна чорна середь степу
 Могыла осталась.

Посіялы гайдамакы
 Въ України жыто,
 Та не воны ёго жалы.
 Що мусымь робыты?
 Нема правды, не выросла;
 Кривда повивае...

Розійшлыся гайдамакы,
 Куды якый знае;
 Хто до-дому, хто въ диброву,
 Зъ ножемъ у халяви
 Жыдивъ кинчать. Така й доси
 Осталася слава. ²³⁾
 А тымъ часомъ стародавню
 Сичь розруйнували:
 Хто на Кубань, хто за Дунай;
 Тилько и остались,
 Що пороги середъ степу,
 Ревуть, завывають:
 «Поховалы дитей нашихъ,
 И насъ розрываютъ».
 Ревуть соби й ревитымутъ —
 Ихъ люде мынули;
 А Украина на-вики,
 На-вики заснула.

Съ того часу въ Украини
 Жыто зеленіе;
 Не чутъ плачу, ни гарматы,
 Тилько витерь віе,
 Нагынае вербы въ гаи,
 А тырсу на поли.
 Все замовкло. Нехай мовчыть:
 Така Божа воля.

Тилько часомъ у-вечери,
 По-надъ Днипромъ, гаемъ,
 Идуть стари гайдамакы,
 Идучы спивають:

«А въ нашего Галайды хата на помости!
 Грай, море! добре, море!
 Добре буде, Галайда!»

П Р Ы П Ы С Ы.

¹ «Энциклопедическій лексиконъ», томъ 5, Барская конфедерація и «Historia królestwa Polskiego» g. s. Bandke. tom 2.

² Вильшана або Ольшана — мистечко Кивьскои губерніи Звенигородскаго повиту; міжъ Звенигородскою и Вильшаною, по старому шляху, Боровкивъ хутірѣ и корчма, де-бъ то Ярема Байстриукъ, а потімъ Гагайда, бувъ у жыда наймытомъ. (Одъ старыхъ людей).

³ Неунитивъ ляхи называли схызматамы.

⁴ Про конфедеративъ такъ розказують люде, котори ихъ бачыли, и не дыво, бо то була все шляхта, з honorem, безъ дисциплины: робить не хочеться, а йисти треба.

⁵ Анахронизмъ: тытаря ляхи замучыли зимою, а не литомъ.

⁶ За гайдамаками ходывъ кобзарь; ёго называли слипымъ Волохомъ (Дидъ розказувавъ).

⁷ Павла Налывайка жывого спалыли въ Варшави, Ивана Острияницю и тридцать старшынъ козацкихъ, пился страшнои муки, розчетвертували и розвезли ихъ тила по всій Украини. Зиновій-Богданъ и сынъ ёго Тимофій булы поховани въ Суботови, коло Чыгрына; Чарнецькый, коронный гетьманъ, не доставшы Чыгрына, одъ злости спалывъ ихъ мертвыхъ. (Георгій Конискій).

⁸ Полковникъ Богунъ потопывъ ляхивъ въ Ингули. Зиновій-Богданъ выривавъ 40 зъ чымъ-то тысячъ ляхивъ надъ Росью въ Корсуни. Тарасъ Трысило выривавъ ляхивъ надъ Альтою И та ничъ, въ котору те трапилось, зоветься Тарасова, або кровава. (Бантышъ Каменскій).

⁹ Тарасова и Варфоломеева noci одна другои вартъ на стыдъ римскои тиары.

¹⁰ Такъ про Чыгрынське свято розказують стари люде.

¹¹ Трети пивни — сигналъ. Розказують, що Зализняка есаулъ, не дидавшы третихъ пивнивъ, запалывъ Медведивку, мистечко межъ Чыгрыномъ и Звенигородскою.

¹² Чорный шляхъ выходывъ одъ Днипра міжъ устями ричокъ Сокаривки и Носачивки и бигъ черезъ степи запорозьски, черезъ воеводства Кивьське, Подольське и Волянське — на Червону Русь до Львова. Чорнымъ названный, що по ёму татары ходыли въ Польшу и своими табунами выбывали траву.

¹³ До Уни козаки зъ ляхами мырылыся и яеъ-бы не йезуиты, то може-бъ и не ризалыся. Йезуитъ Посевынъ, легать палськый, першый, начавъ уни въ Украини

¹⁴ Кереливка, або Карилровка — село Звенигородскаго повиту. Червонецъ, що давъ Зализняка хлопцеви, и доси есть у сына того хлопця, которому бувъ даный; а самъ ёго бачывъ.

¹⁵ Село Будыща — недалеко одъ Кереливки; въ яру озеро и надъ озеромъ лисъ невеликый, зоветься Гупалушчыною, за те, що тамъ Зализняка збивавъ Ляхивъ зъ дерева. Лёхы, де бувъ захованный шляхетськый скарбъ, и доси вылко, тилько вже розруйновани.

¹⁶ Лысянка — мистечко Звенигородскаго повиту — надъ ричкою Гнылымъ Тымычемъ. Тутъ зйшлыся Гонта зъ Зализнякомъ и розруйновали старосвятськый будынокъ, Богданомъ нибы-то будованный.

¹⁷ Майданивка — село, недалеко одъ Лысянки.

¹⁸ Лебедынъ — дивочый монастырь межъ Чыгрыномъ и Звенигородскою.

¹⁹ Умань — городъ повитовый, губерніи Кивьскои.

²⁰ Kawaleria Narodowa, — такъ звались польскіи драгуны; ихъ тоди було въ Умани 3000, и вси були побити гайдамаками.

²¹ Въ Умани Гонта убивъ дитей своихъ, за те, що ихъ мати-католичка помогла іезуитамъ перевести ихъ у католики. Младановичъ, товаришъ синивъ Гонты, бачивъ зъ дзвиници, якъ вони умерли, и якъ школяривъ базиліянскои школы потопивъ Гонта въ криници. Винъ багато написавъ объ гайдамачини, але надрукованого нема ничего.

²² Зрадою взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли ёго въ кайданахъ у польскій лагерь, недалеко Балты, зъ одризанымъ языкомъ и правую рукою; Б., польскій генералъ, такъ велить зробыть, щобъ винъ чого-небудь не сказавъ на ёго. Потимъ каты роздягли ёго, якъ мати родима, и посадили на гарячи штабы зализа; потымъ зняли дванадцать пастъ зъ спины шкуры. Гонта повивъ очима и страшно глянувъ на Б.; той махнувъ рукою, — и розняли Гонту на четверо, розвезли тило и по-пробывали на середохрестныхъ шляхахъ. Зализнякъ, почувшы, що такъ страшно ляхи замучили Гонту, заплакавъ, занедужавъ, та й умеръ; ёго гайдамаки поховали въ степу надъ Днестромъ та й розійшлися.

²³ Злодій, розбійникъ, або гайдамака — такими остались гайдамаки по Колівищени. Такими ихъ знаютъ и доси.

ПЕРЕДМОВА.

(До Гайдамакивъ.)

По мови, передмова, — можна-бъ и безъ неи. Такъ ось, бачте, що: все, що я бачивъ надрукованого, (тільки бачивъ, а прочитавъ дуже небагато), — всюды йе передслово, а въ мене нема. Якъ-бы я не друкувавъ своихъ «Гайдамакивъ», то воно-бъ не треба й передмовы, а коли вже пускаю въ люде, то треба й зъ чымъ, щобъ не сміялись на обирванцивъ, щобъ не сказали: «Отъ лкый! хйба диды та батькы дурнійши були, що не пускалы въ люде навить граматкы безъ предисловія!» Такъ, далеби такъ, выбачайте! Треба предисловіе. Такъ якъ же ёго скомпонувать, щобъ, знаете, не було и кривды, щобъ не було и правды, а такъ якъ вси предисловія komponуются? Хочъ убий, не вмю: треба-бъ хвалить, — такъ соромъ, а гудыть не хочеться. *Начнемъ же уже начало кныи сице:* Весело подивыться на слипого кобзаря, якъ винъ соби сыдыть зъ хлопцемъ, слипый, пидъ тыномъ, и весело послухать ёго, якъ винъ за-спивае думу про те, що давно діялось... якъ боролись ляхы зъ козаками... Весело... а все-таки скажешъ: «слава

Богу, що минуло!» А надто якъ загадаешъ, що мы однои матери диты, що вси мы славяне. Серце болить, а розказувать треба: нехай бачать сыны и внуки, що батькы ихъ помылялись, нехай братаються знову зъ своимы ворогамы, нехай жытомъ-пшеницею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на вины одъ моря и до моря славянская земля. Про те, що діялось на Украини 1768 року, розказую такъ, якъ чувъ одъ старыхъ людей: надрукованого и критикованого ничего не чытавъ, бо здаеться и нема ничего. Галайда въ половыну выдуманный, а смерть вильшаньского тытара — правдыва, бо ще йе люде, котори ёго знали. Гонта и Зализнякъ—отаманы того кривавого дила, може выведени въ мене не такъ, якъ вони булы,—за се не ручаюсь. Дидь мій, нехай здоровъ буде, колы зачына розказувать що-небудъ таке, що не самъ бачывъ, а чувъ, то спершу скаже: «колы стари люде брешуть, то й я зъ ними.»

1844.

НАЙМЫЧКА.

Прологъ.

У недилю въ-ранци рано
Поле крылося туманомъ;
У тумани на могыли,
Якъ тополя, похыллалась
Молодыця молодая.
Щось до лоня прыгортае
Та зъ туманомъ розмовляе:

«Ой, тумане, тумане —
Мій латаный талане!
Чому мене не сховаешъ
Оттуть середь лану?
Чому мене не задавышьъ,
У землю не вдавышьъ?
Чому мени злои доли,
Чомъ вику не збавышьъ?
Ни, не давы, туманочку!
Сховай тилько въ поли,
Щобъ никто не знавъ, не бачывъ
Моеи недоли!...
Я не одна,— есть у мене
И батько, и маты...
Есть у мене... туманочку,
Туманочку, брате!...

Дытя мое, мій сыночку,
 Нехрыщений сыну!
 Не я тебе хрыстытыму
 На лыху годыну;
 Чужи люде хрыстытымуть,
 Я не буду знаты,
 Якъ и зовуть... Дытя мое!
 Я була багата...
 Не лай мене, мольтымусь,
 Изъ самага неба
 Долю выплачу слёзамы
 И пошлю до тебе».

Пишла полемъ рыдаючи,
 Въ тумани ховалась,
 Та кризь слёзы тыхесенько
 Про вдову спивала,
 Якъ удова въ Дунаеви
 Сынивъ поховала:

«Ой у поли могола;
 Тамъ удова ходыла,
 Тамъ ходыла-гуляла,
 Труты-зилля шукала.
 Труты-зилля не найшла,
 Та сынивъ двоухъ прывела,
 Въ кытаечку повыла.
 И на Дунай однесла:
 «Тыхый, тыхый Дунай!
 «Мойхъ дитокъ забавляй.
 «Ты, жовтенький писокъ!
 «Нагодуй мойхъ дитокъ;
 «Искупай, исповый,
 «И собою укрий!»

I.

Бувъ соби дидъ та баба.
 Зъ давняго давна, у гаи надъ ставомъ,
 У-двохъ соби на хутори жылы,
 Якъ диточокъ двое, —
 Усюды обое.

Ще зъ малечку у-двохъ ягнята паслы,
 А потимъ побралыся,
 Худобы диждалися, —
 Прыдбалы хутирь, ставъ и млынъ,
 Садокъ у гаи розвель,
 И пасику чымалу, —
 Всёго надбалы.
 Та диточокъ у ихъ Бигъ-ма,
 А смерть зъ косою за плечыма.

Хто жъ ихъ старистъ прывитае,
 За дытыну стане?
 Хто заплаче, поховае?
 Хто душу спомяне?
 Хто пожыве добро честно,
 Въ добрую году, —
 И згадае дякуючы,
 Якъ своя дытына?...

Тяжко дитей годуваты
 У безверхій хати,
 А ще гирше старитыся
 У бильхъ палатахъ —
 Старитыся, умирааты,
 Добро покидаты
 Чужимъ людамъ, чужимъ дитамъ
 На смихъ, на рострату!

II.

И дидь, и баба у недилю
 На прыспи въ-двохъ соби смдили
 Гарненко, въ билихъ сорочкахъ.
 Сіяло сонце въ небесахъ;
 А ни хмарыночки, та тыхо,
 Та любо, якъ у рай.
 Сховалося у серци лыхо,
 Якъ звирь у темнимъ гай.

Въ такимъ рай, чого бь, бачься,
 Старымъ сумоваты?
 Чи то давне яе лыхо
 Прокынулось въ хати?
 Чи вчерашне, задавлене
 Зновъ заворушылось,
 Чи ще тилько заклюнулось —
 И рай запалыло?

Не знаю, що и пился чого
 Стари сумують. Може, вже
 Отсе збираються до Бога;
 Та хто въ далекую дорогу
 Имъ добре коней запряже?
 — «А хто насъ, Насте, поховас,
 Якъ помремо?»

— «Сама не знаю!

Я все отсе миркувала,
 Та ажъ сумно стало:
 Одиноки зостарилысь...
 Кому понадбалы
 Добра сѣго?»...

— «Стривай лишень!

Чи чуешъ? щось плаче
 За воритьмы... мовъ дытына!
 Побижимъ лышъ!... Бачышь?
 Я вгадувавъ, що щось буде!»

И разом скопылись
 Та до ворить... Прибитають.
 Мовчки зупынылись:
 Передь самымъ перелазомъ—
 Дытына сповыта,
 Та й не туго, й новенькою
 Свытыною вскрыта,
 Бо то маты сповывала—
 И литомъ укрыла
 Останнёю свытыною!...
 Дывылись, молылись
 Стари мои. А сердешне
 Неначе благае:
 Выпручало рученята
 Й до ихъ простагае
 Манюсиньки... и замовкло,
 Неначе не плаче,
 Тилько пхыка.
 — «А що, Насте?
 Я й казавъ! Отъ бачышь?
 Отъ и таланъ, отъ и доля,
 И не одыноки!
 Беры-жь лышень та сповывай...
 Ачь яке, нивроку!
 Несы-жь въ хату, а я верхи
 Кынусь за кумама
 Въ Городыще».
 Чудно якось
 Діється мижъ нами!
 Одынь сына прокынае,
 Зь хаты выганяе;
 Другый свичечку, сердешный,
 Пдтомъ заробляе
 Та рыдаючи становить
 Передь образами:
 Нема дітей!... Чудно якось
 Діється мижъ нами!

III.

Ажъ три пары на радощахъ
 Кумивъ назбиралы,
 Та въ-вечери й охрыстылы
 И Маркомъ назвали.
 Росте Марко. Стари мои
 Не знаютъ, де диты,
 Де посадить, де положить
 И що зъ нымъ робыты.
 Мынае рикъ. Росте Марко—
 И дїйна корова
 У роскоши купається.
 Ажъ ось чорноброва
 Та молода, билолыца
 Прийшла молодниця
 На той хутирь благодатный
 У наймы просыться.

«А що жъ?» каже, «возьмимъ, Насте».
 — «Возьмимо, Трохыме,
 Бо мы стари, нездужаемъ;
 Та такы й дытына,
 Хоча воно вже й пидросло,
 Та все жъ такы треба
 Коло ёго пиклуватись».
 — «Та воно-то треба,
 Бо й я свою вже часточку
 Проживъ, слава Богу, —
 Пидтоптався. — Такъ що жъ теперь,
 Що визьмешъ, небого?
 За рикъ, чи якъ?»
 — «А що дасте».
 — «Е, ни! треба знаты,
 Треба, дочко, личыть плату,
 Зароблену плату;
 Бо сказано: хто не личыть,

То той и не мае.
 Такъ оттакъ хiba, небого?
 Ни ты насъ не знаешь,
 Ни мы тебе. А пожывешь,
 Роздывыпшя въ хати,
 Та й мы тебе побачымо, —
 Отгоди й за плату.
 Чи такъ, дочко?»
 — «Добре, дядьку».
 — «Просымо-жь у хату».

Поеднались. Молодыця
 Рада та весела,
 Нибы зъ паномъ повинчалась,
 Закупыла села.
 И у хати, и на двори,
 И коло скотыны
 У-вечери и въ-досвита;
 А коло дытыны
 Такъ и пада, нибы маты:
 Въ буддень и въ недилю
 Головоньку ёму змые,
 Й сорочечку билу
 Що-день Божый надивае.
 Грається, спивае,
 Робыть возыкы, а въ свято,
 То й зъ рукъ не спускае.
 Дывуються стари мои
 Та моляться Богу.
 А наймычка невсыпуца
 Що-вечирь, небога,
 Свою долю прокынае,
 Тяжко, важко плаче;
 И никто того не чуеть,
 Не знае й не бачыть,
 Опричь Марка маленького.
 Такъ воно не знае,
 Чого наймычка слёзамы

Ёго умывае.
 Не зна Марко, чога вона
 Такъ ёго цилуе, —
 Сама не зыйишь и не допье,
 Ёго нагодуе.
 Не зна Марко, якъ въ колысци
 Часомъ середъ ночи
 Прокынется, ворухнется, —
 То вона вже скочыть,
 И укрые й перехрыстыть,
 Тыхо заколыше:
 Вона чуе зъ тїи хаты,
 Якъ дытына дыше.
 Въ-ранци Марко до наймычкы
 Ручкы простягае
 И мамою невсыпушу
 Ганну вельчае...
 Не зна Марко, росте соби,
 Росте, вырастае.

IV.

Чимало лить перевернулось,
 Воды чимало утекло;
 И въ хутирь лыхо завернуло,
 И слизь чимало прынесло.
 Бабусю Настю поховалы
 И ледве, ледве одволалы
 Трохыма дида. Прогуло
 Прокляте лыхо, та й заснуло.
 На хутирь знову благодать
 Зъ-за гаю темного вернулася
 До дида въ хату спочывать.

Уже Марко чумакуе
 И въ-осены не ноче
 Ни пидь хатою, ни въ хати...
 Кого-небудь треба сватать.
 «Кого жь бы туть?» старый дума
 И просыть порады
 У наймычки. А наймычка
 До царивны бь рада
 Слать старосты:— «Треба Марка
 Самого спытаты.»
 — «Добре, дочко, спытаемо,
 Та й будемо сватать».
 Роспыталы, порадылысь,
 Та й за старостамы
 Пишовь Марко. Вернулыся
 Люде зь рушныкамы,
 Зь святымь хлибомь обминенымь.
 Панну у жупани,
 Таку кралю высваталы,
 Що хочь за гетьмана,
 То не соромь. Оттаке-то
 Дыво запопалы!

«Спасыби вамь!» старый каже.
 «Теперь, щобь вы знали,
 Треба краю доводыты,
 Коны й де винчаты,
 Та й весилля. Та ще ось-що:
 Кто въ насъ буде маты?
 Не дожыла моя Настя!...»
 Та й залысь слёзамы.
 А наймычка, у порогу,
 Вхопылась рукамы
 За одвирокь, та й зомлила.
 Тыхо стало въ хати;
 Тилько наймычка шептала:
 «Маты... маты... маты!»

V.

Черезъ тыждень молодыци
 Коровай мислы
 На хутори. Старый батько
 Зъ усіен сылы
 Зъ молодыцями танцюе
 Та двирь вымитае,
 Та прохожыхъ, пройижачыхъ
 У двирь заклыкае,
 Та вареною частуе,
 На весилля просыть.
 Знай бигае, а самого
 Ледве ноги носить.
 Скризь гармыдерь та реготня
 Въ хати и на двори.
 И жолобы выкотылы
 Зъ новой коморы.
 Скризь пораня: печуть, варять,
 Вымитають, мыють...
 Та все чужи. Де жъ наймычка?
 На прощу у Кывивъ
 Пишла Ганна. Благавъ старый,
 А Марко ажъ плакавъ,
 Щобъ була вона за матирь.
 — «Ни, Марку, ніяко
 Мени матирью сидиты:
 То багати люде,
 А я наймычка... ще й зъ тебе
 Сміятся будуть.
 Нехай Богъ вамъ помагае!
 Пійду помолюся
 Усімъ святымъ у Кывиви,
 Та й знову вернуся
 Въ вашу хату, якъ приймете.
 Пока маю сылы,
 Трудытымусь... »

Чыстымъ сердцемъ
 Поблагословила
 Свого Марка.. заплакала
 Ё пишла за ворота.

Розвернулося весилля.
 Музыкамъ робота
 И пидковамъ. Вареною
 Столы ё лавы мыють.
 А наймычка шкандыбае,
 Поспишае въ Кывивъ.
 Прыйшла въ Кывивъ — не спочыла:
 У мишанкы стала,
 Нанялася носыть воду,
 Бо грошей не стало
 На акафысть у Варвары.
 Носыла, носыла,
 Кипъ изъ висимъ заробыла, —
 Ё Маркови купыла
 Святу шапочку въ пещерахъ
 У Ёвана святого,
 Щобъ голова не болила
 Въ Марка молодого;
 И перстенныкъ у Варвары
 Невистци достала,
 И, всимъ святымъ поклонившысь,
 До-дому верталась.

Вернулася. Катерына
 И Марко зострилы
 За воритьмы, ввели въ хату
 Ё за стиль посадылы;
 Напувалы ё годувалы,
 Про Кывивъ пыталы,
 И въ кимнати Катерына
 Одпочыть послала.

«За що воны мене люблять?
 За що поважають?»

О, Боже мій милосердний!
 Може, вони знають...
 Може, вони догадальсь...
 Ни, не догадальсь;
 Вони добри...»
 И наймычка
 Тяжко зарыдала.

 VI.

Трычи крыга замерзала,
 Трычи роставала,
 Трычи наймычку у Кывивъ
 Катря проважала,
 Такъ якъ матирь; и въ четвертый
 Провела небогу
 Ажъ у поле, до могылы,
 И молыла Бога,
 Щобъ швыденько верталася,
 Бо безъ неи въ хати
 Якось сумно, нибы маты
 Покинула хату.

Писля Пречыстои въ недилю,
 Та писля Першой, Трохымъ
 Старый сядивъ въ сорочци билій,
 Въ брыли на прыспи. Передь нымъ
 Зь собакою унучекъ грався,
 А внучка въ юпку одяглась
 У Катрыну и нибы йшла
 До дида въ гости. Засміявсь
 Старый и внучку прывитавъ,
 Неначе справди молодыцю.
 — «А де жъ ты дила паляныцю?
 Чы, може, въ лиси хто однявъ?»

Чи по-просту — забула взяти?...
 Чи, може, ще й не напекла?
 Е, соромъ, соромъ, лепська маты!»
 Ажъ зыркъ, — и наймычка ввійшла
 На двирь. Побигъ стричаты
 Зъ онукамы свою Ганну.
 — «А Марко въ дорози?»
 Ганна дида пыталася.
 — «Въ дорози ще й доси.»
 — «А я ледве додыбала
 До вашои хаты,
 Не хотилось на чужыни
 Одній умираты!
 Колыбъ Марка диждатыся...
 Такъ щось тяжко стало!»
 И внучяткамъ изъ клуночка
 Гостынци виймала:
 И хрестыкы. й дукачыкы,
 Й намыста разочокъ
 Орыночци, и червоный
 Зъ хвольгы образочокъ;
 А Карпови соловейка
 Та ковыкивъ пару;
 И четвертый уже перстень
 Святой Варвары
 Катерыни; а дидови
 Изъ воску святого
 Тры свичечкы; а Маркови
 И соби ничого
 Не прынесла: не купыла,
 Бо грошей не стало,
 А заробить нездужала.
 — «А ось ще осталось
 Пивъ-бублычка!»
 Й по шматочку
 Дитямъ роздидыла.

VII.

Ввійшла въ хату. Катерина
 Їй ноги умыла,
 Ї полудновать посадила.
 Не пыла ѣ не йила
 Стара Ганна.

— «Катерыно!

Колы въ насъ недиля?»

— «Писля-завтра».

— «Треба буде

Акафысть наняты

Мыколаеви святому

Ї на часточку даты;

Бо щось Марко забарывся...

Може, де въ дорози

Занедужавъ, сохрани, Боже!»

Ї покапалы слёзы

Зъ старыхъ очей замученыхъ.

Ледве, ледве встала

Изъ-за стола.

— «Катерыно!

Не та вже я стала:

Зледашила, нездужаю

И на ноги встаты.

Тяжео, Катре, умираты

Въ чужій теплій хати!»

Занедужала небога.

Уже ѣ прычащалы,

Ї маслосвятіе службылы,—

Ни, не помагало.

Старый Трохымъ по надвирью,

Мовъ убытый, ходыть.

Катерина зъ болящои

И очей не зводыть;

Катерина коло неи

И днюе, й ноче.
 А тымъ часомъ, сычи въ-ночи
 Недобре вищуютъ
 На комори. Болящая
 Що-день, що-година,
 Ледве чуты, пытається:
 «Доню Катерино!
 Чи ще Марко не прыйхавъ?
 Охъ, якъ-бы я знала,
 Що диждуся, що побачу,
 То ще бь подождала!»

VIII.

Иде Марко зъ чумакамы,
 Идучы спивае,
 Не посиша до господы —
 Волю попасае.
 Везе Марко Катерины
 Сукна дорогого,
 А батькови штытый поясъ
 Шовку червоного,
 А наймыщци на очипокъ
 Парчи золотой
 И червону добру хустку
 Зъ билою габою,
 А диточкамъ черевычки,
 Хвыгъ та винограду,
 А всимъ вкупи червоного
 Вына зъ Цариграду
 Видерь зъ трое у барыли,
 И кавьяру зъ Дону,—
 Всёго везе, та не знае,
 . Що дѣтсья дома!

Иде Марко, не журыться.
 Прыйшовъ—слава Богу!
 И ворота одчынае,
 И мольтся Богу.
 — «Чи чуешъ ты, Катерыно?
 Бижы зостричаты?
 Уже прыйшовъ! бижы швидче!
 Швидче веди въ хату!
 Слава Тоби, Хрысте-Боже!
 Насылу джыдала!»
 И «Отче нашъ» тыхо, тыхо,
 Мовъ кризь сонъ, чытала.

Старый волю выпрагае,
 Занозы ховае
 Мережаці, а Катруса
 Марка оглядае.
 — «А де жъ Ганна, Катерыно?
 Я пакъ и байдуже!
 Чи не вмерла?»
 — «Ни, не вмерла,
 А дуже нездужа.
 Ходимъ лышень въ малу хату,
 Покры выпрагае
 Волю батько: вона тебе,
 Марку, дожыдае.»

Выйшовъ Марко въ малу хату
 И ставъ у порогу...
 Ажъ злякався. Ганна шепче:
 — «Слава... слава Богу!
 Ходы сюды, не лякайся...
 Выйды, Катре, зъ хаты:
 Я щось маю распытаты,
 Де-що розказаты.»

Выйшла зъ хаты Катерына,
 А Марко схылывся

До наймычки у головы.
 — «Марку! Подывися,
 Подывися ты на мене:
 Бачь, ягь я змарнила?
 Я не Ганна, не наймычка,
 Я...»

Та й занимала.
 Марко плакавъ, дывувався.
 Зновъ очи одкрыла,
 Пыльно, пыльно подывылась —
 Слѣзы покотылись.
 — «Просты мене! Я каралась
 Весь вить въ чужій хати...
 Просты мене, мій сыночку!
 Я... я твоя маты.»

Та й замовѣла . .
 Зомливъ Марко,
 Й земля задрожала.
 Прокынувся... до матери —
 А маты вже спала!

С О Н Ъ.

(Частина зъ поемы).

Прощай, свите, прощай, земле,
 Неприязный краю!
 Свои муки, свои люти
 Въ хмари заховаю.
 А ты, моя Украинно,
 Безталанна вдово!
 Я до тебе литатыму
 Зъ хмари на розмову;
 На розмову тыху, сумну,
 На раду зъ тобою,
 О-пивночи падатыму
 Чыстою росюю.
 Порадымось, посумуемъ,
 Поки сонце встане,
 Поки твои мали диты
 На ворога стануть...
 Прощай же ты, моя нене,
 Удово небого!
 Годуй дитокъ! Жыва правда
 У Господа Бога.

Лечу... дывлюся: ажъ свитае,
 Край неба палае;
 Соловейко въ темнимъ гай
 Сонце зостричае;
 Тыхесенько витерь віе,
 Степы, ланы мріють,
 Мижъ ярамы надъ ставама
 Вербы зеленіють...
 Сады рясни похыллысь,
 Тополи по воли

Стоять собі, мовъ сторожи
 Розмовляють въ поли.
 И все то-те... вся краина
 Повыта красою,
 Зеление, вмывається
 Раннёю росою;
 Вмывається, красується,
 Сонце зостричае,—
 И нема ёму почыну,
 И краю немае.
 Нихто ёго не додбае,
 А ни розруйнуе.
 Душе моя убогая!
 Чого ты сумуешь?
 Душе моя убогая!

Чого тобі шкода? Хиба ты не бачышь,
 Хиба ты не чуешь людського плачу?
 Онъ, глянь... подивыся, а я полечу
 Высоко, высоко за сыніи хмары:
 Немае тамъ власти, немае тамъ кары,
 Тамъ смиху людського и плачу не чутъ!
 Онъ, глянь, у тимъ раю, що ты покидаешь,
 Латану свытыну зъ каликы здіймають,
 Зъ шкурою здіймають, бо ничымъ обуць
 Паняць недорослыхъ...
 А тамъ по-пидь-тынню
 Опухла дытына голодная мре,
 А маты пшеницю на панщыни жне...
 А тамъ... а тамъ... очи, очи!
 На-що вы здалися?
 Чомъ вы змалеку не высохлы,
 Слизмы не злылися?
 Тамъ покытва по-пидь-тынню
 Зъ байстрамъ шкандыбае:
 Батько й матирь одцуралысь,
 Чуши не прыймають;
 Старци навить цураються...

А панычъ не знае!
Зъ двадцятою, недолитокъ,
Души пропывае...
Душе моя убогая!
Лышенько зъ собою!

ЧЫГЫРЫНЪ.

Чыгрыне, Чыгрыне!
 Все на свити гыне,
 И святая твоя слава,
 Якъ пыльна, лыне
 Зъ витрамы холоднымы,
 Въ хмари пропадае.
 Надъ землею летать лета,
 Днипро высыхае,
 Розсыпаються могылы,
 Высоки могылы —
 Твоя слава; и про тебе,
 Старче малослымый,
 Нихто й слова не промовыть,
 Нихто й не покаже,
 Де ты стоявъ, чого стоявъ.....
 И на смѣхъ не скаже.

За що-жъ боролысь мы зъ ляхамы!
 За що-жъ мы ризалысь съ панамы!
 За що скородылы спѣсамы
 Татарськи ребра!.. Засивалы,
 И рудою полывалы,
 И шаблямы скородылы.
 Що-жъ на ныви уродылы?
 Уродыла рута, рута —
 Воли нашої отрута.

А я, кородывый, на твоихъ руинахъ
 Марно слѣзы трачу. Заснула Вкраина,
 Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
 Въ калюжи, въ болоти, сердце прогниола
 И въ душло холодне гадюкъ напустыла,
 А дитямъ надію въ степу оддала.

А надію

Витерь по полю розвіявъ,
Хвиля моремъ рознесла.
Нехай же витерь все розносить
На неокраенимъ крыли,
Нехай же сердце плаче, просить
Святой правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,

Мій друже єдиный!
Проспавъ еси степы, лисы
И всю Украину!
Спы-жь повытый жыдовою,
Поки сонце встане!

Помолывшысь, и я бъ заснувъ.....

Такъ думы прокляты
Рвуться душу запалаты,
Серце розирваты.
Не рвить, думы, не палите!
Може, верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.

Може, выкую я зъ ёго
До старого плуга
Новый лемишь и чересло,
И въ тяжки упругы,
Може, зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посію мои слёзы,
Мои щыри слезы;
Може, зійдуть и выростуть
Ножи обоюдни;
Роспанахають погане,
Гныле сердце, трудне;
И выцидять сукровату,
И наллють жывои

Бозацькой тiн крoви,
Чыстoй, святоi.

Може, може... а мiжъ тымы,
Мiжъ нoжамы рута
И барвинокъ розивьеться;
И слово забуте,
Мое слово тыхе, сумне,
Богобоязлыве
Згадаеться,—и дивоче
Серце боязлыве
Стрепенеться, якъ рыбонька,
И мене згадае...
Слово мое, слёзы мои
Раю ты мiй, раю!

.....
С. К.

Москва, 19 Феврала 1844 года

ДО ОСНОВЬЯНЕНКА.

Бьютъ пороги; мисяць сходять,
 Якъ и перше сходывъ...
 Нема Сичи, пропавъ и той,
 Хто всимъ верховодывъ!
 Нема Сичи; очереты
 У Днипра пытають:
 «Де-то наши диты дилысь,
 Де вони гуляють?»
 Чайка скиглыть летаючи,
 Мовъ за дитымы плаче;
 Сонце гріє, витерь віє
 На степу казачимъ.
 На тымъ степу скривъ могылы
 Стоять та сумують;
 Пытаються у буйного:
 «Де наши панують?
 Де панують, бенкетують?
 Де вы забарылысь?
 Вернитесь!... Дывитесь —
 Жыта похмылысь,
 Де паслыся ваши кони
 Де тырса шумила,
 Де кровъ ляха, татарына
 Моремъ червонила...
 Вернитесь!»...

• • • • •

Слава не поляже;
 Не поляже, а расказе,
 Що діялось въ свити,
 Чія правда, чія кривда
 И чіи мы диты.
 Наша дума, наша пiсня
 Не вмере, не загине...
 Отъ де, люде, наша слава
 Слава України!
 Безъ золота, безъ каменю,
 Безъ хитрой мовы,
 А голосна та правдыва,
 Якъ Господа слово.
 Чи такъ, батьку, отамане?
 Чи правду спиваю?
 Эхъ, якъ-бы то!.. Та що й казать,
 Кебеты не маю!

С-ка
 «Не потурай!» може, скажешъ.

Та що зъ того буде?
 Насміються на псаломъ той,
 Що выллю слезамы;
 Насміються! Тяжко, батьку!

. . . 1/2
 Поборовся бѣ.

Якъ бы малось слы;
 Заспивавъ бы, — бувъ голосеъ,
 Та повычки зъйиць..

Оттаке-то лихо тяжке,
 Батьку ты мій, друже!
 Влужу въ снигахъ та самъ соби:
 «Ой не шуми, луже!»

Не втну бильше. А ты, батьку,
 Якъ самъ здоровъ знаешъ;
 Тебе люде поважають,
 Добрый голосъ маешъ,
 Спивай же имъ, мій голубе,

Про Сичъ, про могылы,
Колы яку насыпалы,
Кого положили.
Про старыну, про те диво.
Що було, минуло...
Утны, батьку, щобъ нехота
На весь свить почувы,
Що діялось въ Украини,
За що погыбала,
За що слава козацькая
На весь свить стала!
Утны, батьку, орле сызый!
Нехай я заплачу,
Нехай свою Украину
Я ще разъ побачу;
Нехай ще разъ послухаю
Якъ те море грае,
Якъ дивчына пидъ вербою
Грыця заспивае;
Нехай ще разъ усмихнется
Серце на чужыни,
Поки ляже въ чужу землю,
Въ чужій домовыни.

ДО МЕРТВЫХЪ И ЖЫВЫХЪ И НЕНАРОЖ-
 ДЕННЫХЪ ЗЕМЛЯКИВЪ МОИХЪ, ВЪ УКРАИНИ
 И НЕ ВЪ УКРАИНИ СУЩЫХЪ, МОЕ ДРУЖЕЕ
 ПОСЛАНІЕ.

«Аще кто речеть, яко люблю Бога, а
 брата своего ненавидитъ, ложь есть».

И свитае, и смеркае,
 День Божий мынае,
 И знову людъ потомлений
 И все спочывае...
 Тилькы я, мовъ окаянный,
 И день, и ничь плачу
 На распуттяхъ велелюдныхъ,
 А ни хто не бачыть;
 И не бачыть, и не знае...
 Оглухлы, не чують...
 Кайданамы миняються,
 Правдою торгують,
 И Господа зневажають —
 Людей запрягають
 Въ тяжки ярма, оруть лыхо;
 Лыхомъ засивають...
 А що вродить? Побачыте,
 Яки будуть жыва...
 Схаменитсья, недолюды,
 Диты юродиви!
 Подывитесь на рай тихый —
 На свою Вкрайну;
 Полюбите щырымъ сердцемъ
 Ведыку руину;

Розкуйтеся, братайтеся
 У чужому краю,
 Не шукайте, не пытайте
 Того, що немає
 И на неби, а не тильки
 На чужому поли...
 Въ свой хати — своя й правда.
 И сыла и воля!
 Нема на свити України,
 Немає другого Днипра —
 А вы претеса на чужыну
 Шукаты доброго добра,
 Добра святого, воли, воли,
 Братерства братнёго... Найшлы,
 Неслы, неслы съ чужого поля
 И въ Украину прынесли
 Велькыхъ словъ вельку сылу.
 Тай бильшь ничого... Крычите...

0-40

И знову шукуру дерете
 Зъ бративъ незрячихъ гречкосивъ,
 И сонця правды дозривать
 Въ немецьки земли, у чужыи
 Претеса знову. Якъ бы взать
 И всю мизерію съ собою,
 Дидамы крадене добро,
 Тоди бъ zostався сыротою
 Зъ святымы горами Днипро!

Охъ якъ бы то сталося, щобъ вы не вертались,
 Щобъ тамъ и здыхалы, де вы порослы:
 Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала;
 Не чулы бъ у Бога вашой хулы;
 И сонце не грило бъ смердячого гною
 На чыстій, шырокій, на вольній земли,
 И люде бъ не знали, що вы за орлы,
 И не покывалы бъ на васъ головою...

Схаменитесь! будьте люде,
 Бо лихо вамъ буде:
 Розкуються незабаромъ
 Заковани люде;
 Настане судъ, заговорять
 И Днипро и горы,
 И потече сторикамы
 Кровь у сыне море
 Дитей вашихъ; и не буде
 Кому помагаты, —
 Одцурається братъ брата
 И дытыны маты;
 И дымъ хмарою заступыть
 Сонце передъ вами,
 И на-вики прокльнетесь
 Своими сынамы.
 Умыйтєся, образъ Божий
 Багномъ не скверните;
 Не дурите дитей вашихъ,
 Що вони на свити
 На те тилькы, щобъ панувать;
 Бо невчене око
 Загляне нимъ въ саму душу
 Глыбоко, глыбоко...
 Дознаються небожята,
 Чия на васъ шкура,
 Та й засудять, и премудрыхъ
 Немудри одурать.

Якъ бы вы вчылись такъ якъ треба,
 То й мудрость бы була своя;
 А то зализете на небо:
 «И мы — не мы, и я — не я,
 И все те бачывъ, все те знаю:
 Нема ни пекла, а ни раю,
 Немае й Бога, тилькы я,
 Та куций немецъ узлуватый,
 Та й бильшь никого...» — «Добре, брате!
 Що-жь ты таке?»

— «Нехай немецъ
 Скаже, — мы не знаемъ!»
 Оттакъ то вы навчааетесь
 У чужому краю!
 Немець скаже: «Вы моголы!»
 — «Моголы, моголы,
 Золотого Тамерлана
 Онучята голи!»
 Немець скаже: «Вы славяне!»
 — «Славяне, славяне,
 Славныхъ праидивъ, великихъ
 Правнуки погани!» —
 И Коляра чытаете
 Зъ усiei сылы,
 И Шафарыка, и Ганку,
 И въ славянофылы
 Такъ и претесь, и вси мовы
 Славянського люду,
 Все знаете, а свои
 Дастъ-Бигъ... «Колысь будемъ
 И по своему глаголатъ,
 Якъ немецъ покаже,
 А до того й исторію
 Намъ нашу роскаже.
 Отоди мы заходымось!
 Добре заходымось
 По немецькому показу,
 Та й заговорылы
 Такъ, що й немецъ не второпа,
 Учитель великый,
 А не то, щобъ прости люде!
 А гвалту! а крыку!
 «И гармонія, и сыла,
 Музыка, та й годи!
 А исторія? Поема
 Вольного народу!
 Що ти рымляне убоги!
 Чортъ-зна що не Бруты...

Матерыны очи
 Современнымы огнямъ,
 Повесты за викоу,
 За нимцямъ, недорику,
 Слипую калику.
 Добре, ведить, показуйте.
 За науку буде
 Матерына добра плата:
 Роспадеться луда
 На очахъ вашыхъ насытыхъ;
 Побачите славу,
 Жыву славу дидивъ своихъ
 И батькивъ лукавыхъ.

Учитесь, браты мои,
 Учитесь, чытайте,
 И чужому научайтесь
 Й свого не цурайтесь:
 Бо хто матирь забувае,
 Того Богъ карае,
 Чужи люде цураються,
 Въ хату не пускають,
 Свои диты—мовъ чужыи,
 И немае злomu
 На всій земли безконешній
 Веселого дому.

Я рыдаю, якъ згадаю
 Дила незабутни
 Дидивъ нашихъ: тяжки дила!
 Якъ бы ихъ забыты,
 Я отдавъ бы веселого
 Вику половыну!
 Оттака-то наша слава,
 Слава Украины!..
 Оттакъ и вы прочытайте,
 Щобъ несоннымъ слылысь
 Все неправды, щобъ роскрылысь

Высоки моголы
 Передь вашими очыма,
 Щобъ вы роспыталы
 Мученыкывъ: кого, колы
 Й за що роспыналы?

.

Обнимите жь, браты мои,
 Найменьшого брата,—
 Нехай маты усмихнется,
 Заплакана маты;
 Благословить дитей своихъ
 Твердымы рукамы
 И обмытыхъ поцилуйте
 Вольнымы устамы!
 И забудеться сромотня
 Давняя годына,
 И оживе добра слава,
 Слава Украины,
 И свить ясный не вечерній
 Тыхенько засле...

Обнимитесь жь, браты мои,
 Молю васъ, благаю!

1845 г. 14 Декабря.

Вьюныце, Полтав. губ. Переяславск. уезда, недалеко видъ Канева.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Посвященіе.

Аумы мои молоды,
 Понурны диты!
 И вы мене покинули!..
 Пустку натопыты
 Нема кому... Остався я,
 Та не сиротою,
 А зъ тобою, молодою,
 Раю мій, покою,
 Моя зоре досвітняя,
 Едина думо
 Пречыстая!.. Ты витаешъ...
 Якъ у того Нумы
 Тая нимфа Егерія, —
 Такъ ты, моя зоре,
 Просіяешъ надо мною,
 Нибы заговоришь,
 Усмихнешся... Дывлюся я —
 Ничого не бачу...
 Прокынуся — сердце плаче,
 И очи заплачуть.
 Спасыби, зиронько!

Мынае

Неясный день мій; вже смеркае;
 Надъ головою вже несе
 Свою неклепаную косу
 Косарь непевный... мовчки скосять;
 А тамъ — и слидъ мій занесе
 Холодный витерь... Все мынае!..
 Згадаешъ, може, молодая,
 Вылыту слёзамы

Мою думу,—и тыхымы,
 Тыхымы ричамы
 Проговорышъ: «я любыла
 Ёго на симъ свити,
 Й на тимъ свити любытому...
 О, мій тыхый свите,
 Моя зоре вечирняя!
 Я буду витаты
 Коло тебе, и за тебе
 Господа богататы!

Той блукае за морямы,
 Свить перехожае,
 Доли, доленькы шукае...
 Немае, немае,—
 Мовъ умерла! А той рветься
 Зъ усіей сылы
 За долею... отъ-отъ догнавъ!
 И—бебехъ въ могылу!
 А въ иншого сиромыхы
 Ни хаты, ни поля,
 Тилькы торба; а зъ торбыны
 Выглядае доля,
 Мовъ дытынка; а винъ ййи
 Лае, прокынае
 И за чвертку закладае,—
 Ни, не покидае!
 Якъ репяхъ той, учепыться
 За латани полы,
 Та й збирае колосочки
 На чужому поли;
 А тамъ—снопы, а тамъ—скырты,
 А тамъ—у палатахъ
 Сыдыть соби сиромыха,
 Мовъ у своїй хати.

Такая-то доля тая,—
 Хоть и не шукайте:
 Кого схоче—сама найде,
 У колысци найде.

Ще на Украини весели
 И вольныи пышалысь села
 Тоди, якъ праведно жылы
 Старый козаць и дитокъ двое...
 Ще за гетьманщины старои,
 Давно се діялось колысь.
 Такъ коло полудня, въ недилю,
 Та на зеленыхъ ще й святкахъ,
 Пидъ хатою въ сорочци билій
 Сьдивь, зъ бандурою въ рукахъ,
 Старый козаць.

— „И такъ, и сякъ!“

Старый миркуе, розмовляе:
 «И треба бѣ», каже, «й трохи шеода.
 А треба буде; два-тры годы
 Нехай по свиту погуляе
 Та самъ *своєи* пошукае,
 Якъ я шукавь колысь... Ярыно!
 А де Степанъ?» — «А онъ пидъ тыномъ,
 Неначе вкопаныи, стоить».
 — «А я й не бачу! А йдить
 Лышень сюды, та йдить обое...
 А нуте, диты, оттакои!» —

И вшкварывъ по струнахъ.

Старый грае, а Ярына
 Зъ Степаномъ танцюе;
 Старый грае, прымовляе,
 Ногами тупцюе:

«Якъ-бы мени лыха, та лыха,
 Якъ-бы мени свекривонька тыха,
 Якъ-бы мени чоловикъ молодой,
 До другои не ходывъ, не любывъ!

Ой гопъ, чыкы-чыкы! —
 Та червони черевыкы,
 Та троисти музыкы,
 Одъ вику до вику
 Я любила бѣ чоловіка!
 Ой гопъ! Заходывсь,
 Зробывъ хату, оженивсь,
 И пичъ затопывъ,
 И вечерять наварывъ».

— «А нуте, диты, оттакои!» —
 И старый пиднявся;
 Якъ ударыть, якъ ушеварыть. —
 Ажъ у боки взявся.

«Чи такъ, чи не такъ, —
 Уродывъ постернакъ,
 А петрушку
 Крышы въ юшку, —
 Буде смакъ, буде смакъ!
 Ой такъ, такы-такъ,
 Оженився козаць:

Кынувъ хату
 И кимнату,

Та й потягъ у байракъ».

— «Ни, не така вже, пидтопталась

Стара моя сыла,
 Утомывся... А все це вы
 Такъ розворушылы.
 О, бодай васъ! Що-то лита!
 Ни вже, не доладу...
 Мынулося. Иды лышень
 Полуднувать лагодъ;
 Гуляючи, якъ той казавъ,
 Шматокъ хлиба зъисты.
 Иды жъ, доню... А ты, сыну,
 Послухаешъ висты.
 Сидай лышень. Якъ убылы
 Твого батька Йвана
 Въ Шляхетчыни, то ты ще бувъ

Маленькымъ, Степане, —
 Ще й не лазывъ». — «То я не сынъ,
 А чужый вамъ, тату?» —
 — «Та не чужый! стривай лышень.
 Отъ, умерла й маты,
 Таки твоя, а я й кажу,
 Покійній Марыни —
 Мойй жинци: а що, кажу,
 Визьмемъ за дытну,
 Тебе бь оце? — Добре, каже
 Покійна Марына,
 Чому не взять? — Взялы тебе
 Мы, та й спарувалы
 Зь Ярыночкою до-купы...
 А теперь осталося
 Ось-що робить: ты на лити,
 И Ярына зріе; —
 Треба буде людей шукать
 Та що-небудь дять.
 Якъ ты скажешъ?» — «Я не знаю,
 Бо я думавъ... тее...»
 — «Що Ярына сестра тоби?
 А воно — не тее;
 Воно просто: любитесь,
 Та й зь Богомъ до шлюбу.
 А покы-що, треба буде
 И на чужи люде
 Подывытсь, якъ тамъ жыуть:
 Чи оркуть,
 Чи не на ораному сіють,
 А просто — жнуть
 И немолоченее віють;
 Та якъ и мелють и йндять —
 Все треба знать.
 Такъ отъ-якъ, друже: треба въ люде
 На рикъ, на два питы
 У наймыты;
 Тоди й побачымо, що буде.

Бо хто не вміе заробить,
 То той не вміе й пожити.
 А ты якъ думаешъ, небоже?..
 Не думай: колы хочешъ знати,
 Де лучче лыхомъ торгувати,
 Иди ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможе, —
 Тамъ найисся всихъ хлибивъ;
 Я ихъ чимало попойивъ:
 И доси нудно, якъ згадаю!
 Колы здобудешъ — прынесешъ;
 А колы згубишъ — поживешъ
 Мое добро! то хочъ звичаю
 Козацького наберешся,
 Та побачишъ свита,
 Не такого, якъ у бурси,
 А живи мыслите
 Зъ товариствомъ прочитаешъ,
 Та по-молодечы
 Будешъ Богу молытыся,
 А не по-чернечы
 Харамаркати. Отакъ, сыну! —
 Помолывшысь Богу,
 Осидлаемъ буланого,
 Та й гайда въ дорогу!
 Ходимъ лишень полуднувати.
 Чи ты вже, Ярыно,
 Змайструвала намъ що-нибудь?
 Оттаке-то, сыну!..» —
 — «Уже таточку!» озвалась
 Изъ хаты Ярына,

Не йисться, не пьеться и сердце не бьеться,
 И очи не бачать, не чутъ головы!
 Замисть шматка хлиба — за кухню береться.
 Дывитья Ярына та нышкомъ сміеться.
 — «Що се ёму стало? Ни йсты, ни пыть, —
 Ничого не хоче! Чи не занедужавъ?
 Братику Степане, що въ тебе болыть?» —

Маленькымъ, Степане,—
 Ще й не лазывъ». — «То я не сынъ,
 А чужый вамъ, тату?» —
 — «Та не чужый! стривай лышень.
 Отъ, умерла й мати,
 Такы твоя, а я й кажу,
 Покійній Марыни —
 Моій жинци: а що, кажу,
 Визьмемъ за дытynu,
 Тебе бъ оце?—Добре, каже
 Покійна Марына,
 Чому не взять?—Взялы тебе
 Мы, та й спарувалы
 Зъ Ярыночкою до-купы...
 А теперь осталосъ
 Ось-що робить: ты на лити,
 И Ярына зріе; —
 Треба буде людей шукать
 Та що-небудъ дїать.
 Якъ ты скажешъ?» — «Я не знаю,
 Бо я думавъ... тее...»
 — «Що Ярына сестра тоби?
 А воно — не тее;
 Воно просто: любитеса,
 Та й зъ Богомъ до шлюбу.
 А покы-що, треба буде
 И на чужи люде
 Подывытысь, якъ тамъ живуть:
 Чи орють,
 Чи не на ораному сіють,
 А просто—жнуть
 И немолоченее віють;
 Та якъ и мелють и йидять —
 Все треба знать.
 Такъ отъ-якъ, друже: треба въ люде
 На рикъ, на два питы
 У наймыты;
 Тоди й побачымо, що буде.

Бо хто не вміе заробить,
 То той не вмитыме й пожыть.
 А ты якъ думаешъ, небоже?..
 Не думай: колы хочешъ знать,
 Де лучше лыхомъ торгувать,
 Иды ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможе, —
 Тамъ найисыся всихъ хлибивъ;
 Я ихъ чимало попойивъ:
 И доси нудно, якъ згадаю!
 Колы здобудешъ — принесешъ;
 А колы згубышь — поживешъ
 Мое добро! то хочъ звичаю
 Козацького наберешся,
 Та побачышь свита,
 Не такого, якъ у бурси,
 А жыви мыслите
 Зъ товариствомъ прочытаешъ,
 Та по-молодечы
 Будешъ Богу молытыся,
 А не по-чернечы
 Харамаркаты. Отакъ, сыну! —
 Поюлывшысь Богу,
 Осидлаемъ буланого,
 Та й гайда въ дорогу!
 Ходимъ лышень полуднувать.
 Чи ты вже, Ярыно,
 Змайструвала намъ що-нибудь?
 Оттаке-то, сыну!..» —
 — «Уже таточку!» озвалась
 Изъ хаты Ярына,

Не йиється, не пьється и сердце не бьється,
 И очи не бачать, не чутъ головы!
 Замість шматка хлиба — за кухоль береться.
 Дывыться Ярына та нышкомъ сміється.
 — «Що се ёму стало? Ни йсты, ни пыть, —
 Ничого не хоче! Чи не занедужавъ?
 Братуку Степане, що въ тебе болыть?» —

Ярына пытае. Старому байдуже,
 Нибы-то й не чуе.— «Чи жать, чи не жать,
 А сіяты треба!»— старый промовляе
 Нибы-то до себе.— «А нумо вставать!
 До вечери, може, ще пошкандыбаю.

А ты, Степане, ляжешъ спать,
 Бо завтра рано треба встать
 Та коня сидлатъ».

— «Степаночку, голубчыку!
 Чого се ты плачешъ?
 Усмихнися, подивыся:
 Хиба ты не бачышъ,
 Що й я плачу? Разсердывся
 Богъ знае на кого,
 Та й зо мною не говорыть.
 Утечу, йй-Богу,
 Та й сховаюсь у бурьяни...
 Скажы бо, Степане,
 Може, й справди нездужаешъ?
 Я зилля достану,
 Я побіжу за бабою...
 Може, це зъ прыстриту?»
 — «Ни, Ярыно, мое серце,
 Мій рожевый квите!...
 Я не братъ тоби, Ярыно!
 Я завтра покыну
 Тебе й батька,— на чужыни
 Де-небудъ загыну;
 А ты мене й не згадаешъ, —
 Забудешъ, Ярыно,
 Свого брата»... — «Схаменыся!
 Йй-Богу, зъ прыстриту!
 Я не сестра?... хто жъ оце я?
 О, Боже мій свите!
 Що тутъ діять? Батька нема,
 А винъ занедужавъ
 Та ще й умре. О, Боже мій!

А ёму й байдужь,
 Мовъ сміється. Степаночку!
 Хиба ты не знаєшь,
 Що безъ тебе и таточка
 И мене не стане?» —
 — «Ни, Ярыно, я не кыну,
 А тилькы пойду
 Недалеко. А на той рикъ
 Я до васъ прыйду
 Зъ старостамы—за тобою
 Та за рушныкамы...
 Чи подаєшь?» — «Та цуръ тоби
 Зъ тымы старостамы!
 Ще й жартує!» — «Не жартую,
 Йій-Богу, Ярыно,
 Не жартую!»!... — «Та це й справди
 Ты завтра покынешъ
 Мене й батька? Не жартуєшь?
 Скажы бо, Степане,
 Хиба й справди не сестра я?» —
 — «Ни, мое коханна,
 Мое серце!» — «Боже жъ ты мій!
 Чому я не знала?
 Була бъ тебе не любила
 И не цилувала...
 Ой, ой, соромъ! Геть одъ мене!
 Пусты мене! Бачышь,
 Якый добрый! Та пусты бо!
 Йій-Богу, заплачу.» —
 И заплакала Ярына,
 Якъ тая дытна.
 И кризь слёзы промовляла:
 «Покыне! покыне!»
 Якъ той явиръ надъ водою,
 Степанъ похмылся,
 Щыри слёзы козацькыи
 Въ серци запеклыся,
 Мовъ у пекли. А Ярына

То клене, то просыть,
 То замовкне, подвытсья,
 И зновъ заголосыть.
 Не счумься, якъ смерклося;
 И сестру и брата,
 Нибы скованыхъ до-купы,
 Заставъ батько въ хати.

И свить наставъ, а Ярыни
 Не спыться, — рыдае.
 Уже Степанъ изъ крыныци
 Коня напувае.
 Й вона зъ видрамы побигла
 Нибы за водою
 До крыныци. А тымъ часомъ
 Запорозьску зброю
 Старый вынисъ изъ коморы.
 Дывыться, радіе,
 Прымирае, нибы знову
 Старый молодіе.
 Та й заплакавъ.— «Зброе моя,
 Зброе золотая!...
 Лита мои молодыи,
 Сыло молодая!
 Послужы, моя ты зброе,
 Молодій ще сыли,
 Послужы ёму такъ щиро,
 Якъ мени служыла!» —
 Вернулись одъ крыныци,
 И Степанъ сидлае
 Коня, свого товариша,
 Й жупанъ надивае.
 А Ярына дае зброю,
 На порози стоя;
 Степанъ ййи надивае,
 Та плачуть обое.
 И шаблюка, мовъ гадюка,
 Й ратыще-дрючына,

Й самопаль сепмьпяденный
 Повмысь за плечыма.
 Ажь зомлила, якъ узрила.
 И старый заплакавъ,
 Якъ побачывъ на коневи
 Такого юнака.
 Веде коня за поводы
 Та плаче Ярына;
 Старый батько иде радомъ,
 Научае сына:
 Якъ у війську пробувати,
 Старшынь шанувати,
 Товариство поважаты,
 Въ таборъ не ховатысь.
 — «Нехай тебе Богъ заступить!»
 Якъ за селомъ стали,
 Сказавъ батько, — та вси трое
 Разомъ зарыдали.
 Степанъ гукнувъ, и курява
 Шляхомъ пиднялася.
 — «Не барыся, мій сыночку,
 Швыдче повертайся!»
 Сказавъ старый. А Ярына,
 Мовъ тая ялына
 Пры долыни, похылылась...
 Мовчала Ярына,
 Тилькы слёзы утырае,
 На шляхъ поглядае.
 Изъ курявы щось выгяне
 И зновъ пропадае;
 Нибы шапка черезъ поле
 Котыться, чорніе,
 Пропадае, мошечкою
 Тилькы-тилькы мріе,
 Та й пропало. Довго, довго
 Стояла Ярына
 Та дывылась, чи не вырне
 Знову комашына

Изъ курявы. Не вырнула —
 Пропала! И знову
 Заплакала Ярыночка
 Та й пишла до-дому.

Мынають дни; мынае лето;
 Настала осинь, шелестыть
 Пожовкле лыста; мовь убитый
 Старый пидь хатою сидыть:
 Дочка нездужае Ярына!
 Ёго едина дытына
 Покинуть хоче. Зь кымь дожыть,
 Добыты вику викового?
 Згадавь Степана молодого,
 Згадавь свои благи лета,
 Згадавь — та й заплакавь
 Багатый сывий сырота. —

— «Въ Твоихъ рукахъ все на свити,
 Твоя всюды воля!
 Нехай буде такъ, якъ хочешъ, —
 Така моя доля!...»
 Старый вымовывь, и нышкомь
 Богу помолывся;
 Та й пишовь соби зь-пидь хаты
 Въ садокъ походыты.

И барвинкомь, и рутою,
 И рястомь квитчае
 Весна землю, мовь дивчыну
 Въ зеленому гаи!
 И сонечко середь неба
 Опынылось — стало,
 Мовь женыхъ той, молодую,
 Землю оглядало.
 И Ярына выйшла зь хаты
 На свить Божый глянуть,
 Ледве выйшла; усмихнеться,
 То пиде, то стане,

Розглядає, дивується,
 Та любо, та тихо,
 Нибы вчора народилась...
 А лютеє лихо
 Въ самимъ серци ворухнулось
 И свить запалыло.
 Якъ былина підкошена,
 Ярына схылалась;
 Якъ зъ квіточки роса въ ранци —
 Слѣзы полылася...
 Старый батько коло неї
 Якъ дубъ похылвся.

Одужала Ярыночка.

Идутъ люде въ Къивь
 Та въ Почаивь помолытыся,
 И вона йде зъ ними.
 У Къиви великому
 Всихъ святыхъ благала;
 У Межыгорського Спаса
 Трычи прычалалась;
 У Почаиви святому
 Рыдала-молылась,
 Щобъ Степанъ той, доля тая,
 Иій хоча прыснылась.
 Не прыснылась!... Вернулася...
 Знову забилала
 Зима била. За зимою
 Зновъ зазеленила
 Весна Божа. Выйшла зъ хаты
 На свить дывуватись
 Ярыночка, та не Бога
 Святого благаты,
 А ныщечкомъ у ворожки
 Про ёго спытаты...

И ворожка ворожыла,
 Прыстрить замовляла,

Таланъ, дою та весилля
 Зъ воску выливала.
 — «Онъ, бачишь: кинь осидланный
 Тупае ногою
 Пидь козакомъ; а онъ-де иде
 Дидусь зъ бородою
 Ажъ до колинъ. Отто гроши;
 Якъ бы догадався
 Козакъ оттой злякать диди...
 Злякавъ! — та й сховався
 За могылу, личыть гроши...
 А онъ знову шляхомъ
 Козакъ иде, нибы старецъ,
 То, бачъ, рады страху,
 Щобъ ляхы, або татары
 Часомъ не спиткалы.» —
 И радесенька Ярына
 До-дому верталась.

Уже третій и четвертый
 И пятый мынае
 Немалый рикъ, а Степана
 Немае, немае!
 И стежечка, дорижечка,
 Яромъ та горою
 Утоптана до ворожки,
 Поросла травкою, —
 Нема ёго!... У черныци
 Косу расплятае
 Безталанна; коло неи
 Падае-благае
 Старый батько, — хочъ литечко,
 Хочъ Петра диждаты,
 Хочъ зеленои недилы...

Диждалсь, и хату
 Уквитчалы гарнесенько,
 И въ сорочкахъ билыхъ

Невесели, мовъ сироты,
 Пидь хатою силы.
 Сыдять соби та сумують.
 Слухають... щось грае
 Мовъ на кобзи, на улыци,
 И нибы спивае...

Дума.

Внедилью въ-ранци рано
 Сыне море грало:
 Товариство кошового
 На ради прохало:
 «Благословы, отамане,
 Байдакы спускаты,
 Та за Тендеръ погуляты,
 Турка пошукаты».
 Чайкы й байдакы спускалы,
 Гарматамы рештувалы,
 Зъ Днипрового гирла шырокого выплывалы,
 Середь ночи темной
 На мори сынёму,
 За островомъ Тендеромъ потопалы, пропадалы...
 Одынъ потопаеть,
 Другый вырынаеть,
 Козацеству-товариству изъ сынёи хвыли рукою махае
 И зычно гукае:
 «Нехай вамъ, панове товариство, Богъ допомагае!»
 И въ сыній хвыли потопаеть, пропадае...
 Тилькы тры чайкы, слава Богу,
 Отамана куриного,
 Сыроты Степана молодого,
 Сыне море не втопыло,
 А въ турецьку землю Агарянську
 Безъ кормылъ прыбыло.

Тоди сыроту Степана,
 Козака лейстроваго,
 Отамана молодого,
 Туркы-янычары ловылы,
 Зъ гарматы грымалы,
 Въ кайданы кувалы.
 Въ тяжкую неволю завдавалы...
 Ой Спасе нашъ Межыгорський,
 Чудотворный Спасе!
 И лютому ворогови
 Не допусты впасты
 Въ турецкую землю, въ тяжкую неволю!
 Тамъ кайданы по тры пуды,
 Отаманамъ—по чотыри...
 И свита Божого не бачать, не знають,
 Пидъ землею каминь ламають,
 Безъ сповиди святой умирають,
 Якъ собаки здыхають.
 И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
 Свою далеку Украйну,
 Неридного батька старого,
 И конька вороного,
 И неридну сестру Ярыну...
 Плаче, рыдае,
 До Бога руки здѣймае,
 Кайданы ламае,
 Утикае на вольную волю...
 Уже на третѣму поли
 Туркы-янычары догналы,
 До стовпа въязалы,
 Очи выймалы,
 Гарячымъ залигомъ выпикалы,
 Въ кайданы кувалы,
 Въ тюрьму посадылы
 Та й замурувалы...»
 Оттакъ на улыци, пидъ тыномъ,
 Ще молодой кобзарь стоявъ

И про невольника спивавъ.
 За тыномъ слухала Ярына,
 И не дослухала — упала.
 «Степаночку! Степаночку!»
 Кричала, рыдала.
 «Степаночку, мое сердце!
 Де жъ це ты барывся?
 Тату! тату! идить сюды,
 Идить, подывитесь!» —
 Прийшовъ старый, розглядае,
 И свого Степана
 Не признае. Таке зъ ёго
 Зробылы кайданы.
 — «Сыну ты мій безталаный!
 Моя ты дытыно!
 Де ты въ свити погыбаешъ,
 Сыну мій едыный?» —

Плаче старый та рыдае,
 Й Степанъ слипый плаче,
 Невыдющымы очыма
 Мовъ сонце побачывъ.
 И берутъ ёго пидъ руки
 И ведуть у хату;
 И витае Ярыночка,
 Мовъ ридного брата:
 И голову ёму змыла,
 И ноги умыла,
 И въ сорочци тонкій, билій
 За стиль посадыла;
 Годувала, напувала,
 Положила спаты
 У кимнати, — и тыхенько
 Выйшла зъ батькомъ зъ хаты.
 Черезъ тыждень безъ старостивъ
 За Степана свата
 Старый свою Ярыночку, —
 И Ярына въ хати...

«Ни, не треба, мій таточку,
 Не треба, Ярыно!» —
 Степанъ каже — «я загынувъ,
 На — вики загынувъ!
 За що жъ свои молоды
 Ты лита погубышь
 За каликою, Ярыно?...
 Насміються люде,
 И Богъ святой покарае,
 И прожене долю
 Зъ ціи хаты веселой
 На чужее поле...
 Ни, Ярыно! Богъ не кыне
 И знайде дружыну;
 А я пиду въ Запорожжя:
 Тамъ я не загыну, —
 Нагодують.» — «Ни, Степане,
 Моя ты дытыно!
 И Господь тебе покыне,
 Якъ ты насъ покынешъ.
 Оставайся, Степаночку;
 Колы не хочь братысь,
 То такъ будемъ: я — сестрою,
 А ты будешъ братомъ,
 И дитымы ёму обое,
 Батькови старому.
 Не йды одъ насъ, Степаночку,
 Не кыдай насъ знову!...
 Не покынешъ?...» — «Ни, Ярыно!» —
 И Степанъ остався.
 Зрадивъ старый, мовъ маленький,
 Ажъ за кобзу взявся,
 Хотивъ вшкварыть метельцю
 Зъ усіей сылы,
 Та не вшкварывъ...
 Пидъ хатою
 Уси трое силы.
 — «Роскажи жъ ты намъ, Степане,

Про свою недолю;
 Бо й я такы гулявъ колысь
 Въ турецькій неволи».

— «Отто зъ мене, вже сліпого
 На свить выпускалы
 Зъ товариствомъ. Товариство
 На Сичъ прямувало
 И мене взяло зъ собою,
 черезъ Балканы
 Просталы мы въ Украину
 Вольными ногами;
 А на тихому Дунаю
 Насъ перебигають
 Сичовыкы-запорозци
 И въ Сичъ завертають...
 И розказують, и плачуть:
 Якъ Січъ руйновалы,
 Якъ москалы срибло, злото
 И свичи забралы
 У Покрови; якъ козаки
 Въ-ночи утикалы
 И на тихому Дунаю
 Новымъ Кошемъ сталы;
 Якъ цариця по Кыву
 Зъ Нечосомъ ходыла

 И якъ степы запорозьки
 Тоди подилылы
 И панамъ на Украины
 Людъ закрипостылы...

 Оттакъ, тату! Я щасливый,
 Що очей не маю,
 Що ничего того въ свити
 Не бачу й не знаю...

 Оттаке-то! тяжко, тату,
 Изъ своей хаты

До турчына поганого
 Въ сусиды прохатысь.
 Теперь, кажуть, въ Слободзеи
 Останкы збирае
 Головатый, та на Кубань
 Хлопцивъ пидмовляе...
 Нехай ёму Богъ поможе!
 А що зъ того буде —
 Святый знае: почуемо,
 Що роскажуть люде».

Оттакъ воны, що-день Божый,
 У двохъ розмовлялы
 До пивночи, а Ярына
 Господарювала,
 Та святыхъ оттихъ благала...
 Такы жъ ублагала:
 На всеидній у неділю
 Вона спарувалась
 Зъ слипымъ своимъ...

Такее-то
 Скоилось на свиту,
 Мои любы дивчаточка,
 Рожевы квити!
 Такее-то. Одружымысь
 Мои молоды.
 Може воно й не до-ладу,
 Та що маю діять,
 Коли таке сподіялось.

Рикъ уже мынае,
 Уже й другый. Зъ дружною
 Ярына гуляе
 По садочку. Старый батько
 Сыдыть коло хаты,
 Та вчыть внука нузанчыка
 Чоломъ отдаваты...

Епилогъ.

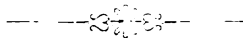
Оце и вся моя дума...
 Не здвуйте, люде!
 Те, що було, минулося
 И знову не буде.
 Минулися мои слёзы,
 Не рвется, не плаче
 Поточене старе сердце,
 И очи не бачать
 Ни тихой хатыночки
 Въ забутому краю,
 Ни тихой долиночки,
 Ни темного гаю;
 Ни дивчины молодой
 Й малои дитыны
 Я не бачу щасливои...
 Все плаче, все гине!
 И радъ бы я сховатися,
 Але де?—не знаю.
 Скризь неправда, де не гляну,
 Скризь Господа лають!..
 Серце вяне, засыхае,
 Замерзають слёзы...
 И втомивсь я, одынокый,
 На самій дорози...
 Отгаке-то... не здвуйте,
 Що ворономъ кричу:
 Хмара сонце заступила —
 Я свита не бачу!..
 Ледви, ледви о-пивночи
 Серцемъ прозираю
 И немощну мою душу
 За свить посылаю
 Сцилющои й жывущои

Воды пошукаты:
 Якъ инколы, то й прынесе
 И покропыть въ хати,—
 И засвѣтитъ огонь чыстый,
 И сумно, и тыхо
 Росказуе про весилля,
 Звертае на лыхо...

Теперь мени про слипого
 Сыроту кинчае,
 Але якъ довесты краю—
 И сама не знае:
 Бо не було того дыва
 Може споконъ-вику,
 Щобъ щаслыва була жинка
 Зъ слышымъ чоловикомя.
 Отъ же сталоь таке дыво!
 Годъ, другый мынае,
 Якъ побралысь; а дывышся —
 Въ-купочци гудяють
 По садочку... Старый батько
 Сыдыть коло хаты,
 Та вчыть внука маленькобо
 Чоломъ отдаваты.

16 Октября 1845.

С. Маринское.

ПОСЛАНІЕ СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРЫКОВИ.

Пры поеме „Иванъ Гусь“, або „Эретыкъ“.

Запалылы у сусида
 Нову добру хату
 Сусиды зли; нагрлыся
 Та й поляглы спаты,
 И забулы теплы попилъ
 По полю розвιάть...
 Лежыть попилъ на распутти,
 А въ попели тліе
 Огню искра великого,
 Тліе, не вгасае,
 Пидпалу жде, якъ той местныкъ
 Часу дожыдае,
 Злого часу. Тлила искра,
 Тыхо дотливала
 На распутти шырокому,
 Та й гаснуты стала.

Оттакъ нимота запалыла
 Велыку хату, и семью —
 Семью славянъ розъедыныла,
 И нышкомъ тыхо упустыла
 Усобыць лютую змію.
 Попылыся рикы крови,
 Пожаръ погасылы,
 А нимчыкы пожарыще
 Й сырить подилылы;
 Выросталы у кайданахъ
 Славянськы диты,
 И забулы, невольныкы,
 Чи воны диты.

А на давнимъ пожарыщи
Искра братства тлила, —
Дотливала, дождала
Рукъ твердыхъ та смилыхъ...
И дождалась. Прозривъ-есы
Въ попели, глыбоко
Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
Смилымъ орлимъ окомъ!
И засвитывъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли...
И славянъ семью велику,
Во тьми и неволи,
Переличывъ до одного,
Переличывъ трупы,
А не славянъ — и ставъ есы
На великыхъ купахъ —
На розпутти всесвѣтнѣму —
Иезекилемъ.
И, о диво! трупы встали
И очи роскрылы!
И братъ зъ братомъ обнялся
И проговорылы
Слово тихой любви
На вики и вики! —
И потеклы въ одно море
Славянскыи рики!
Слава тоби, любомудре,
Чеху-славяныне,
Що не давъ ты потонуты
Въ немецкѣй пучыни
Нашѣй правды! Твое море
Славянскее, нове,
Затѣго вже буде повне,
И поплыве човенъ
Зъ шырокымы витрыламы
И добрымъ кормыломъ, —
Поплыве на вольнымъ мори,
На шырокихъ хвляхъ!

Слава жъ тоби, Шафарыку,
 Во вѣки и вѣки,
 Що звивъ еси въ одно море
 Славянськыи рѣки!

Привитай же въ свой слави
 И мою убогу
 Лепту — думу немудрую
 Про чеха святого,
 Великого мученька,
 Про славного Гуса!
 Приймы, отче! а я нышкомъ
 Богу помолюся,
 Щобъ уси славяне стали
 Добрыми братамы,
 И сынамы сонця правды
 И еретыкамы
 Оттакымы, якъ констанськый
 Еретыкъ великый!..
 Мыръ мируи подарують
 И славу во вѣки!

22 Ноября 1845.

Переяславъ.

ДВИ ЧАСТИНЫ ЗЪ ПОЕМЫ „ИВАНЪ ГУСЬ“ (*).

I.

Камень, его же поберегоша внидущіе, сей бысть
во главу угла; отъ господа бысть сей и есть де-
вень во всѣхъ нашихъ.

Псаломъ, СХVII, ст. 22.

Кругомъ неправда и неволя,
Народъ замученый мовчать,
А на апостольскимъ престоли
Чернецъ годованый сыдыть,
Людською кровію торгуе
И рай у наймы оддае.
О, Боже! судъ твій правый всеу

*) Урывокъ зъ поэмы «Иванъ Гусь» бувъ першый разъ надрукованый въ статьи редактора «Домашней Бесѣды» — «И мои воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ» (Дом. Бес. 1861 г., вып. 33). Зъ неи видко, що поема «Иванъ Гусь» була Т. Г. Шевченкомъ зовсимъ выроблена и читана автору тии статьи ще 26 мая 1846 року. — Це свидчанія сочасныка Шевченкового, а особливо одповидь намъ шанов. добр. Д. Г. Лебединцева о деякихъ рукописахъ Шевченка, даныхъ имъ для перепису чыновнику П-чу не задовго до арешту ёго въ Києви (1847 року), въ решти одыдее думку, що Тарасъ Григоровичъ Шевченко, напысавъ тилько «Посланіе славному П. І. Шафарыку при поемѣ «Иванъ Гусь» або «Еретыкъ». Доброд. Д. Г. Лебединцевъ повидавъ намъ, що авторъ піесы, вернувшись зъ высылкы въ Петербургъ, запевнявъ ёго, що ця поема була имъ зовсимъ выкончена и вниъ памятае, що въ Києви, въ 1847 роци, вниъ зоставивъ йиѣи комусъ цѣлкомъ. Шевченко прохавъ д. Лебединцева роспытатись про неи у Києви, и вниъ дознавъ, що Шевченко давъ цю поему зъ иншими своими творамы для перепису чыновнику Киевской консисторіи, П-чу; дей же, після того, якъ Шевченко бувъ арештованый, зъ переляву, спаливъ уси рукописы покойного, яки було дано ему для перепису. Усю оцю исторію зъ рукопысами добр. Лебединцевъ переказавъ Шевченкови, который зразу жъ згадавъ, кому и для чого вниъ давъ свои рукописы, мижъ котрыми була и выкончена поема «Иванъ Гусь». Думка, що поема була тилько задумана одыддається такожъ ще й тымъ, що въ бумагахъ, котри зоставль після покойного П. І. Шафарыка у ёго сына, знайшовся урывокъ зъ цїей жъ поемѣи, названый — «Папська Булла»; але цїиою поемѣи — мижъ рукопысами П. І. Шафарыка — такъ-таки й не розшукано. Такимъ робомъ, поема «Иванъ Гусь», або «Еретыкъ» не дійшла до насъ цѣлкомъ и мы друкуемо нини урывкы зъ неи, яки були вже надруковани въ часописы «Правда» 1873 р.

И все царствіе твое!
 Розбійники, людойиды
 Правду поборолы,
 Осміялы твою славу
 И силу и волю.
 Люде стогнуть у кайданахъ,
 Немае зъ кымъ взятись,
 Роскуватись, одностаине,
 Односердне стати
 За евангелію правды
 За темны люде.
 Нема кому!... Боже. Боже!
 Чи то жъ и не буде?
 Чи настане великый часъ
 Небесной кары?
 Чи розломымъ тры короны
 На гордій тиари?
 Розломимо!... Благословы —
 Не на мечь и муки —
 Благословы мои, Боже,
 Нетверды руки
 И слово тыхес... О, Боже!
 Чи вони жъ почувють?...

Оттакъ

У кели своїй правдивый
 Иванъ Гусъ думавъ роскувать
 Народъ замученый, и диво,
 Святее диво, показать
 Очамъ незрячымъ...

«Поборюсь!..

За правду Богъ!.. Да совершиться!..
 И въ Выфліемськую каплицю
 Пишовъ молыться вирный Гусъ.

II.

ПАПСЬКА БУЛЛА.

«Во имя Господа Христа,
 За насъ распятаго на древи,
 И всихъ апостоливъ святыхъ,
 Петра и Павла особлыве,
 Мы розришаемо грихы
 Святою буллою сією
 Рабыни божый отгій,
 Що водылы по улыцяхъ
 Въ Празі позавчора,
 Що хылылась...
 По шынкахъ, по станахъ,
 По чернечыхъ переходахъ,
 По келіяхъ пьяна.
 Отта сама заробыла
 Та буллу купыла:
 Теперь свята...»

— «Боже, Боже,
 Великая сымо!

Великая славо! зглянься на людей,
 Одпочынь одъ кары у святому раи!
 За що пропадають, за що Ты карашь
 Своихъ и покирныхъ, и добрыхъ дитей?
 За що закрывъ ихъ добри очи
 И вильныхъ розумъ окувавъ
 Кайданамы лыхои ночи?!
 Прозрите, люде! день наставъ!
 Проснитъся, чехы, змыйте луду
 ... будьте люде,

А не посмишыще ченцямъ!
 Розбійныкы, каты въ тіарахъ,
 Все потопылы, все взяли,
 Мовъ у Москви татары,

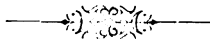
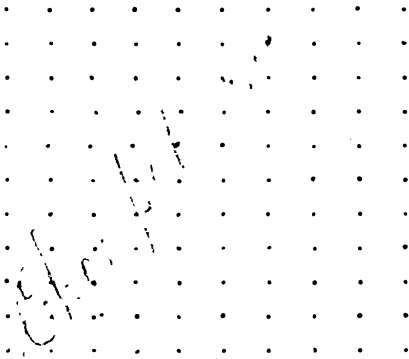
И намъ, слепымъ, передали
 Свои догматы. Кровь, пожары
 Все зла на свити, войны, чвары,
 Пекельныхъ мукъ безкраій рядъ
 И повенъ Рымъ байстрять—
 Отъ ихъ догматы и ихъ слава!
 То явна слава... А теперь
 Святымъ положено конклавомъ:
 Кто безъ святой буллы вмеръ—
 У пекло просто! Кто жъ заплатитъ
 За буллу вдвое—рижъ хочъ брата,
 Окроме папы и чепца,
 И въ рай иды—кинець кинцямъ.
 У злодія вже злодій краде,
 Та ще й у церкви... Гады! гады!
 Чи наплылися вы. чи ні
 Людської крови?!—Не мени,
 Великий Господи, простому,
 Судитъ великы дила
 Твоеи воли... люти зла
 Не діешъ безъ выны никому!»
 И плакавъ Гусъ, молитву дія,
 И тяжко плакавъ; людъ мовчавъ
 И дывувався: що винъ діявъ?
 На кого руку пиднимавъ?
 О-хо ч-ри. ррвсс
 Все здригнулы:
 Иванъ Гусъ буллу розидравъ!
 Изъ Выфлемской каплицы
 Ажъ до всесвітнѣи столицы
 Луна, гогочучы, неслась;
 Ченци ховаються: мовъ кара,
 Луна въ конклави виддалась,—
 И похылылася тіара...
 Шепочеться Авньоно
 Зъ рымськымы ченцями;
 Шепочуться антыпапы,
 Ажъ трасуться стины

Видь шопоту. Кардыналы,
 Якъ гадюкы, вьются
 Кругъ тiары, та ныщечкомъ,
 Мовъ коты, грызуться
 За мышеня... Та й якъ такы:
 Однiей шкуры
 Така сыла! А мьясыва!
 Ажь здригнулы муры,
 Якъ зачулы, що у Прази
 Закгелкалы гусы
 Та зь орламы летать быться...
 Конклавъ скаменувся.
 Конклавъ *дiяв* *рада* положили:
 Однѣтайне статы,
 И всихъ...
 ... склыкаты,
 Та и стерегты, яко мога,
 И зь верху, и зь долу,
 Щобъ не втекла тая птаха
 На славянське поле.
 Якъ та галичь поле крыла,
 Ченци повалылы
 До Констанцьи: пляхы, степы
 Мовъ сарана вкрылы.

ЗАПОВИТЬ.

Якъ умру, то поховайте
 Мене на могыли,
 Середъ степу широкого,
 На Вкраини мыйй;
 Щобъ ланы шыровополи,
 И Днипро, и кручи
 Булы видни, було чуты,
 Якъ реве ревучий...

1846

ПУСТКА.

(М. С. Щепкину).

Заворожи мени, волхве,
Друже сывоусый!
Ты вже сердце запечатавъ,
А я — ще боюся...
Боюся ще погорилу
Хату руйнувати,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати...
Може вернуться надія
Зъ тією водою
Цілющою, живущею —
Дрибною слезою;
Може вернуться въ некрыту
Пустку зимувати,
И укрые, и нагріе
Погорилу хату,
И вымете, и вымые,
И свитло засвितить;
Може, ще разъ прокынуться
Мои думы-дити;
Може, ще разъ пожурюся,
Зъ дитками заплачу,
Може, ще разъ сонце правды
Хочъ кривъ сонъ побачу!

1846. *Книжъ.*

До 1847 року.

УТОПЛЕНА.

Витерь въ гай не гуляе —
Въ ночи спочывае;
Прокынется, — тыхесенько
Въ осоки пытае:
«Хто се, хто се по симъ боци,
Чеше косу? хто се?...
Хто се, хто се по тимъ боци
Рве на соби косы?...
Хто се, хто се?» тыхесенько
Спытае-повіе,
Та й задрима, покъ неба
Край зачервоніе.

«Хто се, хто се?» спытаете,
Цикави дивчата.
Отто дочка по симъ боци,
По тимъ боци — маты.

Давно комысь те діялось
У насъ на Украини...
Середъ села вдова жыла
У новій хатыни;
Биломыця, кароока
И станомъ висока,
У жупани, — кругомъ пани,
И спереду, й збоку.

И молода — нивроку їй, —
 А за молодую,
 А надто ще за вдовою,
 Козаки ордою
 Такъ и ходять. И за нею
 Козаки ходылы,
 Поки вдова безъ сорома
 Дочку породыла;
 Породыла, та й байдуже;
 Людямъ годуваты
 Въ чужимъ сели покинула:
 Оттака-то маты!...
 Постривайте, що ще буде!
 Годувалы люде
 Малу дочку, а вдовыця,
 Въ недилю и въ будень,
 Зъ жонатымы, зъ парубкамы,
 Пыла та гуляла,
 Поки лыхо не спиткало,
 Поки не та стала:
 Не счулася, якъ минулы
 Лита молодны...
 Лыхо, лыхо! маты вяне,
 Дочка червоніе,
 Выростас... Та й выросла
 Ганна кароока,
 Якъ тополя, середъ поля,
 Гнучеа та висока.
 «Я Ганнуси не боюся!»
 Спивае матуся;
 А козаки, якъ хмиль отгой,
 Вьються кругъ Ганнуси.
 А надто той рыбалонька,
 Жвавий, кучерявий,
 Мліе, вяне, якъ зострине
 Ганнусю чорняву.
 Побачыла стара маты,
 Сказылася люта:

«Чи бачь, погань росхристана,
 Байстрия необуге!
 Ты вже выросла, дивуешь,
 Зь хлопцями гуляешь...
 Постривай же, ось я тобі!...
 Мене зневажаешь?
 Ни, голубко!»

И одь злости
 Зубамы скрегоче.
 Оттака-то була маты!...
 Де жь сердце жиноче?
 Серце матери?... Охь, лыхо,
 Лышенько, дивчата!
 Маты стань гнучкый, высокый,
 А сердца — не маты.
 Изогнеться стань высокый,
 Бровы полыняють,
 И не счуетесь; а люде
 «Сміючысь згадають
 Ваши лита молоди,
 Та й скажуть: ледащо!
 Тяжко плакала Ганнуся,
 И не знала за що,
 За що маты згнуцається,
 Лае, проклинае,
 Свое дытя безь сорома
 Байстриямь нарикае.
 Катувала, мордувала,
 Та не помагало:
 Якь макивка на городи,
 Ганна розцвитала;
 Якь калына пры долини
 Вь-ранци пидь росюю,
 Такь Ганнуся червонила,
 Мылася слёзою.
 «Заворожена!... стривай же!»
 Шепче люта маты!

«Треба труты роздобути,
Треба йти шукати
Стару видьму!»

Найшла видьму
И труты достала,
И трутою до схиць сонця
Дочку наповала.
Не помогло... Кляне маты
Той часъ и годьну,
Колы на свить породыла
Нелюбу дытну.
«Душно мени; ходимъ, дочко,
До ставка купатысь».
— «Ходимъ, мамо».

На берези
Ганна роздяглася,
Роздяглася, роскынулась
На билій сорочци.
Рыбалонька кучерявий
Мліе на тимъ боци...
И я колысь... Та цуръ ёму!
Соромъ—не згадаю.
Якъ дытна калыною
Себе забавляе,
Гне станъ гнучкый, розгынае,
На сонечку гріе.
Маты дывыться на неи—
Одъ злости ниміе;
То жовтіе, то сыніе;
Росхристана, боса,
Зъ роту пина; мовъ скажена,
Рве на соби косы.
Кынулася до Ганнуси
И въ косы впылася.
«Мамо! мамо! що ты робышь?»
Хвѣля роздалася,
Закыпила, застогнала,

И обохъ покыла.
 Рыбалонька кучеравый
 Эъ усїен сылы
 Кынувсь въ воду; плыве, сыню
 Хвѣлю роздырае,
 Плыве, плыве... отъ-отъ доплывъ!
 Пурнувъ, вырывае—
 И утоплєну Ганнусю
 На берегъ выносыть,
 Изъ рукъ матери заклятыхъ
 Вырывае косы.
 «Серце мое! доле моя!
 Роскрый карї очи!
 Подывься, усмихнїея!
 Не хочешъ? не хочешъ!»
 Плаче, пада коло неи,
 Роскрыва, цїлуе
 Мертви очи. «Подывься!...
 Не чуеть, не чуеть!»
 Лежыть соби на писочку,
 Били ручєнята
 Роскыдала; а за нею
 Стара люта маты:
 Очи вывело изъ лоба
 Одъ страшной муки!
 Втеребыла въ писокъ жовтый
 Стари сыни руки.
 Довго плакавъ рыбалонька:
 «Нема въ мене роду,
 Нема доли на симъ свити,—
 Ходимъ жыты въ воду!» —
 Пиднявъ йїи, поцїлувавъ...
 Хвѣля застогнала,
 Роскрылася, закрылася,
 И слїду не стало...

Эъ того часу ставокъ чыстый
 Зарисъ осокою;

Не купаються дивчата,
 Обходять горою;
 Якъ углядять, то хрыстаться,
 И зовуть заклятымъ..
 Сумно, сумно кругомъ ёго...
 А въ-ночи, дивчата,
 Выплывае зъ воды маты,
 Сяде по тимъ боци;
 Страшна, сына, росхристана,
 И въ мокрїй сорочци;
 Мовчки дывыться на сей бижь,
 Рве на соби косы...
 А тимъ часомъ сына хвыля
 Ганнусю выносить.
 Голисинька, стрепенеться,
 Сяде на писочку...
 И рыбалка выплывае,
 Несе на сорочку
 Баговинна зеленого;
 Поцилуе въ очи —
 Та и въ воду: соромыться
 На гнучкый дивочый,
 На станъ голый подывыться...
 И никто не знае
 Того дыва, що творыться
 Середь ночи въ гаи:
 Тилько витерь зъ осокою
 Шепче: «Хто се, хто се
 Сыдыть сумно надъ водою,
 Чеше довги косы?»

Н. МАРКЕВИЧУ.

Бандурысте, орле сизый!
 Добре тобі, брате!
 Маєшь крыла, маєшь силу;
 Йе-коли литаты.
 Теперъ летышь въ Украину:
 Тебе виглядають;
 Полетивъ бы за тобою,
 Та хто привитає?
 Я й тутъ чужый, одынокый,
 И на Украини
 Я сырота, мій голубе,
 Якъ и на чужыни!
 Чого жъ сердце бьется, рвется?
 Я тамъ одынокый...
 Одынокый!.. а Украина!
 А степы широки!
 Тамъ повіе буйнесеный,
 Якъ братъ заговорить;
 Тамъ въ широкомъ поли воля!
 Тамъ синіе море,
 Выграває, хвалить Бога,
 Тугу розганяє;
 Тамъ могилы зъ буйнымъ витромъ
 Въ степу розмовляють, —
 Розмовляють, сумуючы;
 Оттака ихъ мова:
 «Було колысь, минулося, —
 Не вернется знову?»
 Полетивъ бы, послухавъ бы,
 Заплакавъ бы зъ ными...
 Та ба, — доля приборчала
 Мижъ людьмы чужымы!

НА ВИЧНУ ПАМ'ЯТЬ КОТЛЯРЕВСЬКОМУ.

Сонце гріє, вітеръ віє
 Зъ поля на долину;
 Надъ водою гне зъ вербою
 Червону калыну;
 На калыни одыноке
 Гниздечко гойдає.
 А де жъ дився соловейко?
 Не пытай,—не знає!
 Згадай лыхо—то й байдуже:
 Мынулось, пропало;
 Згадай добре—серце вяне:
 Чому не осталось?

Отто жъ глянупу, та й згадаю:
 Було, якъ смеркає,
 Защербече на калыни,—
 Нихто не мынає:
 Чи багатый, кого доля,
 Якъ маты дытну,
 Убирає, доглядає,—
 Не мыне калыну;
 Чи сирота, що до-свита
 Мусить уставаты,
 Опынитися, послугає,—
 Мовъ батько та маты,
 Роспытують, розмовляють:
 Серце бьється любо,
 И свить божый, якъ великъ-день,
 И люде, якъ люде!
 Чи дивчына, що мылого
 Що-день выглядає,
 Вяне, сохне сиротою,
 Де дитысь не знає,—

Пиде на шляхъ подивытыся,
 Поплакаты въ лозы;
 Защебече соловейко —
 Сохнуть дрибни слёзы,
 Послухае, усмихнется,
 Пиде темнымъ гаемъ...
 Нибы зъ мылымъ розмовляла.
 А винъ знай спивае,

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае —
 Покры выйде злодій на шляхъ погулять
 Зъ ножемъ у холяви—пиде луна гаемъ,
 Пиде та й замовкне: на-що щебетать?
 Запеклюю душу злодія не спыныть,
 Тилькы стратыть голосъ, добру не навчыть;
 Нехай винъ лютуе, покы самъ загине,
 Покры безголовъя воронъ прокрычыть.

Засне долина, —на калыни
 И соловейко задрима.
 Повіе витерь по долини,
 Пишла дибровою луна,
 Луна гуляе—божа мова —
 Встануть сердегы працювать,
 Пійдуть коровы на дибровы,
 Выйдуть дивчата воду брать,
 Выгляне сонце. Рай та й годи!
 Верба сміється, —свято скризь!
 Злодій заплаче, дарма що злодій.

Такъ було першъ; теперъ дывысь:
 Сонце гріе, витерь віе
 Зъ поля на долину;
 Надъ водою гне зъ вербою
 Червону калыну;
 На калыни одыноке
 Гниздечко гойдае.
 А де дився соловейко?—
 Не пытай, не знае!

Недавно, недавно у насъ въ Украини
 Старый Котляревський отакъ щебетавъ;
 Замокъ, неборока, сиротамы кынувъ
 И горы, и море, де перше витавъ,
 Де ватагу пройдысвита
 Водывъ за собою.
 Все осталось, все сумуе,
 Якъ руины Трои;
 Все сумуе, тилькы слава
 Сонцемъ засіяла:
 Не вмре кобзарь, бо на-вики
 Ёго привитала.
 Будешъ, батьку, пануваты,
 Поки жыуть люде;
 Поки сонце зъ неба сѣе,
 Тебе не забудуть.

Праведная душе! приймы жъ мою мову,
 Немудру та щыру, приймы, привитай;
 Не кынь сиротою, якъ кынувъ дибровы,
 Прильны до мене хочъ на одно слово,
 Та про Украину мени заспивай.
 Нехай усмихнется душа на чужыни,
 Хочъ разъ усмихнется, дывлючысь, якъ ты
 Всю славу козацьку за словомъ единымъ
 Перенись въ убогу хату сироты.
 Прильнь, сызый орле, бо я одынокый
 Сирота на свити въ чужому краю;
 Дывлюся на море шыроке, глыбоке,
 Поплывъ бы на той бикъ—човна не дають!
 Згадаю Енея, згадаю родыну,
 Згадаю—заплачу, якъ тая дытына;
 А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.
 А може я й темный, ничого не бачу,
 Може моя доля на тымъ боци плаче,
 Бо сироту всюды люде осміють;
 Нехай бы сміялись, та тамъ море грае,
 Тамъ мисяць, тамъ сонце яснійше сія,

И зъ витромъ могла въ степу розмовляе,
Тамъ неодинокый зъ нею бувъ бы я.
Праведная душе! приймы мою мову,
Немудру та щыру, приймы, привитай,
Не кынь сиротою, якъ кынувъ дибровы,
Прылыны до мене, хочъ на одно слово,
Та про Украину мени заспивай.

ДУМКЫ.

Шече вода въ сыне море,
 Та не вытикае,
 Шука козакъ свою долю,
 А доли немає.
 Пишовъ козакъ свить за очи;
 Грае сыне море,
 Грае сердце козацькее,
 А думка говорить:
 «Куды ты йдешъ, не спытавшысь?
 На кого покынувъ
 Батька, неньку старенькую,
 Молоду дивчыну?
 На чужыни не ти люде, —
 Тяжко зъ нымы жыты!
 Ни съ кымъ буде поплакаты,
 Ни поговорыты».

Сыдыть козакъ на тимъ боци, —
 Грае сыне море.
 Думавъ, доля зостринеться, —
 Спиткалося горе.
 А журавли летять соби
 До-дому ключама.
 Плаче козакъ — шляхы быти
 Зарослы тернама.

Витре буйный, витре буйный!
 Ты зъ моремъ говоришь, —
 Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
 Спытай сыне море:

Воно знае, де мій мылий,
 Бо ёго носыло;
 Воно скаже, сыне море,
 Де ёго подило.
 Колю мылого втопыло,
 Розбий сыне море;
 Пиду шукать мыленького,
 Втоплю свое горе,
 Втоплю свою недоленьку...
 Найду ёго, прыгорнуся,
 На серци зомлю.
 Тогди, хвыле, несы зъ мылымъ,
 Куды витерь віе!
 Колю жъ мылий на тимъ боци, —
 Буйнесенькый, знаешъ,
 Де винъ ходыть, що винъ робыть:
 Ты зъ нымъ розмовляешъ.
 Колю плаче, то й я плачу;
 Колю ни—спиваю;
 Колю жъ згынувъ чорнобрывий,
 То й я погыбаю.
 Тогди несы мою душу
 Туды, де мій мылий;
 Червоною калыною
 Поставъ на могыли.
 Буде легше въ чужимъ поли
 Сыроти лежаты:
 Буде надъ нымъ ёго мыла
 Квиткою стояты.
 И квиткою й калыною
 Цвисты надъ нымъ буду,
 Щобъ не пекло чуже сонце,
 Не топталы люде.
 Я въ-вечери посумую,
 А въ-ранци поплачу;
 Зійде сонце—утру слёзы,
 Нихто й не побачыть!
 Витре буйный, витре буйный!

Ты зъ моремъ говоришь, —
 Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
 Спытай сыне море...

На що мени чорни бровы,
 На що кари очи,
 На що лита молоды,
 Весели дивочи?
 Лита мои молоды
 Марно пропадають,
 Очи плачуть, чорни бровы
 Одъ витру лынають.
 Серце вяне, нудыть свитомъ,
 Якъ пташка безъ воли.
 На що жъ мени краса моя,
 Колы нема доли?
 Тяжко мени сыротою
 На симъ свити жыты:
 Свой люде—якъ чужыи,
 Ни съ кымъ говоришы;
 Нема кому роспытаты,
 Чого плачуть очи;
 Нема кому розказаты,
 Чого серце хоче,
 Чого серце, якъ голубка,
 День и ничъ воркуе;
 Нихто ёго не пытае,
 Не знае, не чуе.
 Чужы люде не спытають,
 Та й на-що пытаты?
 Нехай плаче сыротына,
 Нехай лита тратыть!
 Плачь же, серце, плачте, очи,
 Поки не заснулы,

Голоснійше, жалібнійше,
 Щобъ витры почулы,
 Щобъ понесли буйнесеньки
 За сынее море,
 Чорнявому зрадливому
 На лютеє горе!

Тяжко, важко въ свити жыты
 Сыроти безъ роду:
 Нема куды прыхылыться, —
 Хочъ зъ горы та въ воду!
 Утопывся бь молоденькый,
 Щобъ не нудыть свитомъ;
 Утопывся бь — тяжко жыты,
 И нема, де дитысь.
 Въ того доля ходыть полемъ —
 Колоскы збирае;
 А моя десь, ледащыця,
 За моремъ блукае.
 Добре тому багатому:
 Ёго люде знають;
 А зо мною зостринуться —
 Мовъ не добачають.
 Багатого губатого
 Дивчына шануе;
 Надо мною, сиротою,
 Сміється, кешуе.
 «Чи я жь тоби не вродливый,
 Чи не въ тебе вдавса,
 Чи не люблю тебе щыро,
 Чи зъ тебе сміявся?
 Любы жь соби, мое серце,
 Любы, кого знаешь,

Та не смійся надо мною,
 Якъ колы згадаешъ.
 А я пиду на край свита...
 На чужій сторонци
 Найду крашу, або згину,
 Якъ той лысть на сонци».

Пишовъ козакъ сумуючы —
 Никого не кынувъ;
 Шукавъ доли въ чужимъ поли,
 Та тамъ и загынувъ.
 Умираючы дывввся,
 Де сонечко сяе...
 Тяжко, важко умирати
 У чужому краю!

Ва думою дума роємъ вылитае.
 Одна давить сердце, друга роздырае,
 А третья тыхо, тыхесенько плаче
 У самому серци — и ниhto не бачыть.

Кому жъ ййи покажу я?
 И хто тую мову
 Прывитае, угадае
 Велькее слово?
 Все оглухлы, похылылись
 Въ кайданахъ — байдуже...
 Ты сміешся; а я плачу,
 Велькый мій друже.
 А що вродыть зъ того плачу?
 Большоловъ, брате...

Нехай, брате! а мы будемъ
 Сміятись та плакать.

Чого мени тяжко? чого мени нудно?
 Чого сердце плаче, рыдае, кричить,
 Мовъ дытя голодне?... Серце мое трудне,
 Чого ты бажаешь? що въ тебе болить?
 Чи пыты, чи йисты, чи спатонькы хочешъ?
 Засны, мое сердце, на-вики засны,
 Невкрыте, голодне... а людъ нависный
 Нехай скаженіе... закрой, сердце, очи!..

Мынають дни, мынають ночи;
 Мынае лито; шелестыть
 Пожовкле лыстя... гаснуть очи;
 Заснулы думы, сердце спыть;
 И все заснуло, — и не знаю,
 Чи я жыву, чи дожываю,
 Чи такъ по свиту волочусь,
 Бо вже й не плачу, й не сміюсь...

Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Колы доброй жаль, Боже,
 То дай злои, злои?
 Не дай спаты ходячому,
 Серцемъ замираты,
 И гнылою колодою
 По свиту валатысь;
 А дай жыты — сердцемъ жыты
 И Тебе хвалыты,
 И Твій свить нерукотворный
 И людей любыты...

Страшно впасть у кайданы,
 Умирать въ неволи;

А ще гирше — спаты, спаты,
 И спаты на воли,
 И заснуты на вить-вики,
 И слиду не кынуть
 Ніякого!.. однаково —
 Чи жывъ, чи загынувъ..

Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Коны доброй жаль, Боже,
 То дай злои, злои!..

Витерь въ гаи нагынае
 Лозу и тополю,
 Лама дуба, котыть полемь
 Перекотыполе...
 Такъ и доля: того лама,
 Того нагынае,
 Мене котыть — и де спыныть,
 И сама не знае!..

У якому краи мене заховають,
 Де я прыхылюся — на-вики засну?
 Коны нема доли, нема талану,
 То никого й кынуть... Нихто не згадае,
 Не скаже хоть на смихъ: «нехай спочывае. —
 Тильки ёго й доли, що рано заснувь!..»

Не хочу я женытсы,
 Не хочу я братысь:
 Не хочу я у запячку
 Дитей годуваты.

Не хочу я, моя маты,
 За плугомъ ходыты:
 Оксамытови жупаны
 На рилли носыты.
 А пиду я одружуся
 Зъ моимъ вирнымъ другомъ —
 Зъ славнымъ батькомъ запорозськымъ
 Та зъ Великымъ Лугомъ.
 На Хортыци у матери
 Буду добре жыты,
 У оксамыти ходыты.
 Меды, вына пыты».

Пишовъ козакъ нерозумный
 Славы добуваты...
 Осталася сиротою
 Старенькая маты.
 Ой згадала въ недиленьку,
 Сидяючы йисты:
 «Нема мого сына Йвана
 И немае висты!»

Не черезъ два, не тры лита,
 Не черезъ чотыри
 Вернувся нашъ запорожець,
 Якъ та хыря-хыря,
 Обидраный, облатаный,
 Каликою въ хату.
 Оце тобі Запорожжя!
 И сердешна маты:
 Нема кому привитаты,
 Ни съ кымъ пожурытысь:
 Треба було бь молодому,
 Треба бь одружытысь.
 Минулыся молодии
 Веселии лита;
 Немае съ кымъ остылого
 Серденька нагриты,

Нема кому зостринуты,
Затопыты хату,
Нема кому воды тьи
Калици податы.

Не женися на багатій, бо выжене съ хаты;
Не женися на убогій, бо не будешъ спаты.
Оженись на вольній воли, на козацькій доли;
Яка буде, така й буде, — чи гола, то й гола! —
Та ниhto не розважае, ниhto не пытае:
Чого болыть? и де болыть? — самъ про тее знаешъ.
У-двохъ, кажуть, и плакаты — мовъ — легше неначе...
Брешуть люде: легше плакать, якъ ниhto не бачыть.

Не завьдуй багатому: багатый не мае
Ни прыязни, ни любви, — винъ все те наймае;
Не завьдуй могучому, бо той заставляе;
Не завьдуй и славному: славный добре знае,
Що не ёго люде люблять, а ту тяжку славу,
Що винъ кровью та слёзамы вылье на забаву.
И моюди, якъ зйдуться, то любо та тыхо,
Якъ у раю, — а дывышся: ворущыться лыхо,..
Не завьдуй же никому, — дывысь кругомъ себе:
Нема раю на всимъ свити, — хиба-що на неби?

* *
* *

Вильни, города преславнимъ,
Оце случилося недавно,
Ще бувъ тоди... (отъ якъ на те
Не вбгаю въ виршу сёго слова)..

Тоди здоровый, прездоровый
 Зробылы зь ёго лазаретъ,
 А бакаляривъ розигнали
 За те, що шапки не ламалы
 У Острий Брами... дурня знать
 По пѣходу. Отъ же назвать,
 Йй-Богу, я ёго не вмю
 Того студента, що жъ намъ дѣять?..
 То сынокъ бувъ лытовской
 Гордой графыни:
 И хороше, и багате,
 И одна дытына,
 И учылась не панычемъ,
 И шапку знимало
 Въ Острий Брами. Добре було,
 Та лыхо спиткало:
 Улюбылося сердешне
 (Було молодее)
 У жыдивку молодую,
 Та й думало зь нею,
 Щобъ сѣго не знала маты,
 Звычайне побратысь,
 Бо не можно рады даты.
 Що то за проклята!
 Мовъ змалѣвана сыдила
 До самой ночи
 Передъ викномъ и втырала
 Заплакани очи:
 Бо й вона такы любыла,
 И страхъ якъ любыла!
 Та на бульваръ выходыла
 И въ школу ходыла
 Усе зь батькомъ, то й не можно
 Було рады даты;
 И банкыръ якыйсь изъ Любська
 Жыдивочку сватавъ.
 Що тутъ на свити робыты?
 Хоть иты топытысь

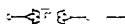
До Закрета: не хочется
 Безъ жывки жыты
 Студентови. А жыдъ старый, —
 Нибы тее знае,
 Дочку свою одиночу
 Въ хати замыкае,
 Якъ иде до лавокъ въ-ранци,
 И найма сторожу—
 Стару Рухлю. Ни, небоже,
 Рухля не поможе!
 Уже де вона на свити
 Романъ сей читала
 Зъ шовковою драбынкою? —
 И Рухля не знала, —
 Може сама догадалась;
 Тилько заходьлась
 Та сплела й соби такую,
 И въ ноци спустылась
 До студента на ульцю.
 И де бь утiekаты,
 А воны (звычайне, диты)
 Любо цилуватысь
 Коло ворить заходьлысь.
 А жыдъ изъ на-двору,
 Мовъ скаженный, выбига
 Зъ сокрыю. Горе!
 Горе тоби, стара маты!
 Нема твого сына:
 На ульци валяється
 Убыта дытына,
 Убытая жыдовыномъ.
 Горе тоби, маты!
 Жыдивочка... (де та сыла
 Взялася въ дытаты?!)
 Выхватыла ту сокрыу
 И батькови въ груди
 Ажъ по обухъ вгородыла!

Оттаке-то чудо
У тимъ мисти преславному,
У тій Вильни сталося.
Дывувалысь довго люде,
Де вона сховалась,
Жыдивочка та гадюча,
Що батька убыла?
А вона въ-ночи любенько
Въ Вилиі втопылась,
Бо найшли йїи въ Закрети;
Тамъ и поховалы.
А графына безъ дытны
Сердешна осталась.
Пойихала у Рымъ, кажуть.
Та десь опынылась,
Та зъ маркызомъ якимсь голымъ,
Кажуть, одружылась.
Може й брешуть, бо, звычайне,
На те воны люде:
И вдовыцю не забудуть
И тую осудять.

1847.

(Перше пиврочча).

РУСАЛКА.

Дородыла мене маты
Въ высокыхъ палатахъ,
Та й понесла середь-ночи
У Днипри скупаты.
Купаючы, розмовляла
Зо мною, малою:
— «Плывы, плывы, моя доню,
Днипромъ за водою,
Та выплывы русалкою
Завтра середь-ночи;
А я выйду гуляты зъ нымъ,
А ты й залоскочешъ.
Залоскочы, мое сердце,
Нехай не сміється
Надо мною, молодю;
Нехай пье, упеться
Не моими кровъ-слёзамы —
Сынёю водою
Днипровою. Нехай соби
Гуляе съ дочкою.
Плывы жъ, моя единая!
Хвыли мои, хвыли,
Прывитайте русалоньку!...» —
Та й заголосыла,
Та й побигла. А я соби

Шыла за водою,
 Поки сестры не зострилы,
 Не взяли зъ собою.
 Уже зъ тыждень, якъ расту я,
 Зъ сестрамы гуляю
 О-пивночи, та зъ будынку
 Батька выглядаю.
 А може, вже поєдналась
 Зъ паномъ у палатахъ;
 Може, знову роскошуе
 Моя гришна маты.
 Та й замовкла русалочка,
 Въ Днипро порынула,
 Мовъ плыточка, а лозына
 Тыхо похытнулась.

Выйшла маты погуляты —
 Не спытсья въ палатахъ;
 Пана Яна нема дома,
 Ни зъ кымъ розмовляты.
 А якъ прыйшла до берега,
 То й дочку згадала,
 И згадала, якъ купала
 И якъ прымовляла;
 Та й байдуже... Пишла соби
 У палаты спаты;
 Та не дійшла: довелося
 Въ Днипри почуваты.
 И не чулась, якъ зуспили
 Днипрови дивчача,
 Та до неи: ухапылы,
 Та й ну зъ нею гратысь.
 Радисиньки, що піймалы, —
 Гралысь, лоскоталы,
 Поки въ вершу не запхалы;
 Та й зареготалысь.
 Одна тилько русалонька
 Не зареготалась.

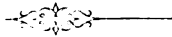
Л И Л Е Я.

За що мене, якъ росла я,
 Люде не любылы?
 За що мене, якъ выросла,
 Молодую вбылы?
 За що вони теперъ мене
 Въ палатахъ витають,
 Царивною называють,
 Очей не спускають
 Зъ мого цвиту, дывуються,
 Не знають, де диты?
 Скажы мени, мій братику,
 Королевый цвите».

— «Я не знаю, моя сестро». —
 И цвить королевый
 Схмыльвъ свою головоньку
 Червоно-рожеву
 До билого поныклого
 Лыченька лилеи.
 И заплакала лилея
 Росою-слёзою,
 Заплакала и сказала:
 — «Брате мій! зъ тобою
 Мы давно вже кохаємось,
 А я й не сказала,
 Якъ була я людыною,
 Якъ я мордувалась.
 Моя маты... чого вона,
 Вона все журылась,
 И на мене, на дытynu,
 Дывылась, дывылась
 И плакала? Я не знаю,
 Мій брате' єдиный,
 Хто ій лыхо заподіявъ,
 Я була дытына:

Я гралася, забавлялась;
 А вона все вьяла,
 Та нашого злого пана
 Кляла, прокльнула,
 Та й умерла. А мене панъ
 Взявъ догодуваты.
 Я выросла, выкохалась
 У билыхъ палатахъ;
 Я не знала, що байстрия я,
 Що ёго дытна.
 Панъ пойхавъ десь далеко,
 А мене покынувъ.
 И прокляли ёго люде,
 Будынокъ спалылы;
 А мене, не знаю за що,
 Убылы — не вбылы,
 Тилько мои довги косы
 Острылы; накрылы,
 Острыжену ганчиркою,
 Та ще й реготалысь;
 Жыды навить нечыстыи
 На мене плювали.
 Оттаке-то, мій братику,
 Було мени въ свити!
 Молодого короткого,
 Не дали дожыты
 Люде вику. Я умерла
 Зимою пидъ тыномъ,
 А весною процвила я
 Цвитомъ пры дольни,
 Цвитомъ билымъ, якъ снигъ билымъ,
 Ажъ гай звеселыла.
 Зимою люде, Боже мій,
 Въ хату не пустылы;
 А весною, мовъ на дыво,
 На мене дывылысь.
 А дивчата заквитчалысь
 И почалы зваты

Лилею-снигоцвитомъ;
И я процвитаю
Стала въ гай, и въ теплыци,
И въ бѣлыхъ палатахъ.
Скажи жъ мени, мій братику,
Королевый цвите,
На-що мене Богъ поставывъ
Цвитомъ на симъ свити:
Щобъ людей я веселыла,
Тыхъ самыхъ, що вбыли
Мене й матирь?... Мылосердый,
Святый, Боже мылый!» —
И заплакала лилея...
А цвить королевый
Схылывъ свою головоньку
Червоно-рожеву
На биле поныклее
Лыченько лилеи.

КАЛЫНА.

Чого ты ходышь на могылу?
 На-сылу маты говорыла:
 «Чого ты плачешь идучы,
 Чого воркуешь у-ночи,
 Моя голубка сызокрыла?»
 — «Такъ, мамо, такъ!»
 И зновъ ходыла,
 А маты плакала ждучы.

Не сонъ-трава на могыли
 Въ ночи процвитае:
 То дивчына заручена
 Калыну сажает,
 И слёзаны поливает,
 И Господа просыть:
 «Пошлы, Боже, дощи въ ночи
 И дрибны росы,
 Щобъ калына прыйнялася,
 Роспустыла виты:
 Може, пташкою прылыне
 Мылый зъ того свита.
 Зовью ёму кубелечко
 И сама прылыну,
 И будемо щebetаты
 Въ-купци на калыни.
 Будемъ плакать, щebetаты,
 Тыхо розмовляты,
 Будемъ въ купочци у-ранци
 На той свить литаты».

И калына прыйнялася,
 Виты роспустыла,

И тры літа на могылу
 Дивчына ходыла.
 На четверте—не сонь-трава
 Въ-ночи процвітае:
 То дивчына съ калыною
 Плачс-розмовляе:

«Шырокая, высокая
 Калыно мая!
 Не водою до схидь сонця
 Польшваная!
 Шырокі слёзы-рыкі
 Тебе полылы.
 Ихъ славою лукавою
 Люде понесли.
 Зневажають подруженькы
 Подругу свою,
 Зневажають червону
 Калыну мою;
 Повый мою головоньку,
 Росою умый
 И витамы шырокімы
 Одъ сонця закрый.
 Мене зпайдуть—поховають,
 Мене осміють,
 Шырокіы твои виты
 Диты обірвуть».

Въ-ранци рано на калыни
 Пташка щебетала;
 Пидъ калыною дивчына
 Спала, не вставала:
 Утомылось молодее,
 На вкы спочыло.
 Вставало сонце зъ-за могылы,

Радили люде встаючы;
А маты й спаты не лягала,
Вечерять доню дожыдала
И тяжко плакала ждучы.

1847, Петербургъ.

ТРИ ШЛЯХЫ.

Три шляхи широкы
 До-купы зійшлися;
 На чужыну зь України
 Браты розійшлися;
 Покинули стару матирь;
 Той жинку покинувъ,
 А той сестру, а найменьшый —
 Молоду дивчыну.
 Посадыла стара маты
 Тры ясени въ полн,
 А невестка посадыла
 Высоку тополю;
 Тры яворы посадыла
 Сестра пры долини,
 А дивчына заручена —
 Червону калыну.

Не прийнялись тры ясени,
 Тополя всыхала,
 Повсыхали тры яворы,
 Калына зивьяла
 Не вертаються тры браты.
 Плаче стара маты,
 Плаче жинка зь диточкамы
 Въ нетопленій хати;
 Сестра плаче — йде шукаты
 Бративъ на чужыну,
 А дивчыну заручену
 Кладуть въ домовыну...

Не вертаются три брата,—
По свиту блукають,
И три шляхи широкыи
Терномъ заростають.

1847, Петербург.

ПУСТКА.

Рано въ-ранци новобранци
 Выходылы изъ села,
 А за нымы молодымы
 Одна дивчына пишла.
 Подыбала стара маты
 Дочку зъ мылымъ разлучаты.
 Разлучыла та вмовляла,
 Поки въ землю закопала,
 А сама въ старци пишла.

Стоить село—не выросло,
 Не переминылось.
 Тилько пустка на край села
 На бикъ похылылась.
 Коло пусткы на мылыци
 Москаль шкандыбае,
 На садочокъ позырае,
 Въ викно заглядае.
 Заглядае,—не выгляне
 Чорнобрыва зъ хаты,
 Не поклыче стара маты
 Вечеряты въ хату.
 А винъ колысь бувъ клыканный,
 Рушныкы вже ткалысь,
 И хустына мерезалась,
 Шовкомъ вышывалась:
 Думавъ жыты, любытыся,
 Весь викъ веселытысь,
 А довелось, мій голубе,
 Слѣзамы умытысь!

Сыдыть москаль пидъ хатою,
На двори смеркае,
А въ викно, неначе баба,
Сова выглядае.

1847, Петербургъ.

ХУСТЫНА.

Чи то на те Божа воля,
 Чи такай ййи доля?...
 Росла въ наймахъ, выростала,
 Зъ сиротою покохалась.
 Неборакъ, якъ голубъ, зъ нею,
 Зъ безталанною своею,
 Одъ зиронькы до зиронькы
 Сыдять соби у вдивонькы,
 Сыдять соби, розмовляють,
 Пречыстои дождають.
 Дождалься...

Зъ Чыгырну
 По всій славній України
 Заревлы великы дзвоны,
 Щобъ сидлалы хлопцы кони,
 Щобъ мечи, шабли гострылы
 Та збиралысь на весилля,
 На веселе погуляння,
 На криваве зальцяння...

У недиленьку та ранесенько
 Сурмы трубы выйгравалы:
 Въ походы у дорогу славни компанійци
 До схидь сонечка рушалы.
 Выпровожала вдова свого сына,
 Ту єдиную дытну,
 Выпровожала сестра свого брата,
 А сирому—сиротына.
 Выпровожала, коня напувала
 До зирныци изъ крыныци,
 Выносила збрую: шаблю золотую
 И рушныцю-гакивыню.
 Выпровожала тры поля, тры мыли,
 Прощалася при долини,

Дарувала шыту шовкамы хустыну,
Щобъ згадувавъ на чужыни.

Ой хустыно, хустыночко,
Мережана шыта!
Тилько й славы козацькою—
Сиделечко вкриты.

Вернулася, журылася,
На шляхъ бытій дывылася,
Квитчалася, прыбиралася;
Що-день Божый сподивалася,
А въ недиленьку ходыла
Выглядаты на могылу.

Мынае лито, мына й друге,
А на трейте лынуть
Преславныи компанійци
Въ свою Украину.
Иде вѣйско, иде й друге,
А за трейтимъ стыха...
Не дывыся, безталанна!
Везуть тоби льхо:
Везуть труну малѣвану,
Кытайкою крыту;
А за нею зъ старшыною
Иде, въ чорній свыти,
Самъ полковныкъ компанійський,
Характерныкъ зъ Сичи.
За нымъ идуть есаулы,
Та плачуть идучы.
Несуть паны есаулы
Козацькую збрую:
Лытій панцерь порубаный,
Шаблю золотую,
Тры рушныцы-гакивныци
И тры самопалы;
А на збруи козацькая

Кровь позасыхала.
Ведуть коня вороного —
Розбити копыта,
А на ёму сиделечко,
Хустьною верыте.

В Е Ч И Р Ъ.

(Аф. Ал. Лазаревскій).

Садокъ вышневый коло хаты;
 Хрущи надъ вышнями гудуть;
 Плугатаря зъ плугамы йдутъ;
 Спивають идучы дивчата,
 А метери вечерять ждуть.

Семья вечера коло хаты;
 Вечирня зиронька встае;
 Дочка вечерять подае;
 А маты хоче научаты,—
 Такъ соловейко не дае.

Поклала маты коло хаты
 Маленькихъ диточокъ своихъ,
 Сама заснула коло ихъ;
 Затыхло все... тилько дивчата
 Та соловейко не затыхъ.

Ва байракомъ байракъ,
 А тамъ степь та могола.
 Изъ моголы козакъ
 Встае сывий, похылый.
 Встае самъ у-ночи.
 Иде въ степь, а йдучы
 Спива, сумно спивае:
 — «Наносылы земли,
 Та й до-дому пишлы,
 И нихто не згадае...
 Насъ тутъ трыста, якъ скло,

Товариства лягло,
 И земля не приймае.
 Якъ запродавъ гетьманъ
 У ярмо хрыстіянъ,
 Насъ пославъ поганяты, —
 По своїй по земли
 Свою кровъ розлили
 И заризали брата;
 Крови брата выплысь,
 И оттуть полягли
 У могыли заклятій. —
 Та й замовкъ, зажурывсь
 И на спысь похылывсь,
 Ставъ на самій могыли.
 На Днипро позыравъ;
 Тяжко плакавъ, рыдавъ;
 Сыни хвыли голосылы...
 Зъ-за Днипра, изъ села
 Луна гаемъ гула,
 Трети пивни спивалы.
 Провальвся козакъ,
 Стрепенувся байракъ,
 А могыла застогнала.

Ой стричечка до стричечкы
 Мережаю три ниченькы,
 Мережаю, вышиваю, —
 У неділю погуляю!

Ой плахотка-червчаточка, —
 Дывуйтеся, дивчаточка,
 Дывуйтеся, парубкы,
 Запорозьскы козацкы.

Ой дывуйтеся, лыцяйтеся,
 А зь иншымы винчайтеся:
 Подавани рушныкы.
 Оттаке-то, козагы!

Ой одна я, одна,
 Якъ быльнонька въ поли,
 Та не давъ мени Богъ
 А ни щастя, ни доли.

Тилькы давъ мени Богъ
 Красу, карыи очи. —
 Та й ти выплакала
 Въ самотыни дивочій.

Ани братика я,
 Ни сестрычкы не знала,
 Мижъ чужымы зросла,
 Та вже й вянуты стала...

Де жь дружна моя,
 Де вы, добрыи люде?!
 Ихъ нема,—я сама,
 А дружны—й nebude!..

Ше кыдай матери!» казалы;
 А ты покынула, втекла.
 Шукала маты, не найшла,
 Та вже й шукаты перестала,
 Умерла плачучы. Давно
 Не чутъ никого, де ты гралась;
 Собака десь помандрувала,
 И въ хати выбыто викно;

Въ садочку темному ягнята
 У-день пасуться, а въ-ночи
 Вишуютъ совы та сычи
 И не дають сусидямъ спаты;
 И твій барвиночокъ хрепчатый
 Зарись богылою, ждучы
 Тебе, неквайтчану; и въ гай
 Ставочокъ чыстый высыхае,
 Де ты купалася колысь;
 И гай сумуе, похылывсь;
 У гай пташка не спивае—
 Й йий зъ собою занесла;
 Въ яру крыныця завалылась,
 Верба усохла, похылывлась,
 И стежечка, де ты ходыла,
 Колючымъ терномъ поросла.
 Куды полынула, де дилась,
 До кого ты перелетила?
 Въ чужій земли, въ чужій семьи
 Кого ты радуешь? до кого,
 До кого руки прырослы?
 Вишуетъ сердце, що въ палатахъ
 Ты роскошуешь, и не жаль
 Тоби покынутой хаты.
 Благаю Бога, щобъ печаль
 Тебе до вику не збудыла,
 Щобъ у палатахъ не найшла;
 Щобъ Бога ты не осудыла,
 И матери не прокляла.

До надъ полемъ иде,
 Не покосы кладе,
 Не покосы кладе—горы:
 Стогне земля, стогне море,
 Стогне та гуде.

Косаря у ночи
 Зостричают сычи;
 Тне косарь, не спочывае;
 Ни на кого не вважае, —
 Хоть и не просы.

Не крычы й не просы;
 Не клепае косы;
 Чи то городъ, чи то поле,
 Якъ бритвою, старый голтыть
 Усе, що дасы:

Музыка й шинкаря,
 Сыроту кобзаря;
 Приспивуе старый, косыть,
 Кладе горама покосы,
 Не мыне й царя.

И мене не мыне,
 На чужыни зотне —
 За решеткою задавыть.
 И хреста нихто не поставыть
 И не помьяне!

30 Мая, 1847.

1847

(Друге пиврочча).

Думы мой, думы мой!
Вы мой едны!
Не выдайте хочъ вы мене
Пры лыхій годыни!
Прылітайце, сызокрылі
Мои голубьята,
Изъ-за Днипра шырокаго
У степь погуляты
Съ кыргызама убогыма!
Воны вже убоги,
Уже голи... Та на воли
Ще моляцца Богу.
Прылітайце жъ, мои любі!
Тыхыма речамы
Прывітаю васъ, якъ дитокъ,
И заплачу зъ вамы.

МОИМЪ СОУЗНЫКАМЪ.

Вгадайте, братія моя,
 (Бодай те лихо не верталось!),
 Якъ вы гарнесенько и я
 Изъ-за решотки вызырали
 И, певне, думали: «колы —
 На раду тыху, на розмову —
 Колы мы зійдемося знову
 На сій ззубоженій землі?»
 Николы, братія, николы!...
 Зъ Днипра у-купи не пьемо,
 Розійдемося, рознесемо
 Въ степы, въ лисы свою недолю,
 Повируемъ ще трохи въ волю,
 А потимъ жыты почнемо
 Мижъ людьмы, якъ люде...

А поки те буде,
 Любитесь, браты мои,
 Украйну любите,
 И за неи безталанну
 Господа молитє.
 И ёго забудьте, другы.
 И не прокльняйте,
 И мене въ неволи лютїи
 Инколы згадайте...

Въ неволи тяжко, хоча й воли —
 Сказать по-правди — не було;
 Та все-таки якось жылось —
 Хоть на чужому, та на поли...

Теперь же злон ти доли,
 Якъ Бога, ждаты довелось.
 И жду ййи, и выглядаю,
 Дурный свй розумъ проклинаю,
 Що дався дурнямъ одурить.
 Въ калюжи волю утопить.
 Холоне сердце, якъ згадаю,
 Що не въ Украйни поховають,
 Що не въ Украйни буду жыть,
 Людей и Господа хвалыть.

Не спалося; а ничь, якъ море, —
 Хочь діялось не въ-осены,
 Такъ у неволи. До стины
 Не заговоришь ни про горе,
 «Ни про младенческіе сны».
 Верчуся, свиту дожыдаю;
 А за дверыма про свое
 Солдатськее нежытіе
 Два часовыи розмовляють.

Першый.

Така ухабиста собой,
 И меньше бѣлой не дарила;
 А баринь бѣдненькой такой.
 Меня-то, слышь, и подсмотрили;
 Свезли въ Калугу и забрали.
 Такъ вотъ-тѣ случай-то какой!

Другый.

А я... ажъ страшно, якъ згадаю...
 Я самъ пишовъ у москаля.
 Такы жь у нашому сели

Назнавъ я дивчыну. Вчащаю
 И матирь удову еднаю;
 Такъ панъ заклятый не дае.
 Мала, каже,—нехай джѣдуса.
 Я, знай, вчащаю до Ганнуса.
 На той рикъ знову за свое:
 Пишовъ я зъ матирью просыты.
 «Шкода, каже, и не просы!
 Пятсотъ, каже, колы дасы,
 Беры хочъ заразы». Що робыты?
 Головка бидна! Позычать?
 Та хто таку pozyчыть сылу!
 Пишовъ я, брате, зароблять.
 И де вже ноги не носылы!...
 Покры ти гроши заробывъ,
 Я годивъ зо-два проходывъ
 По Чорноморіи, по Дону;
 И подарункивъ накупывъ
 Найдорогійшыхъ. Отъ, вертаюсь
 Въ село до дивчыны въ-ночи;
 Ажъ тилько маты на печи,
 Та й та сердешна умирае,
 А хата пустокою гные.
 Я выкресавъ огню, до неи:
 Одъ неи пахне вже землею,
 Уже й мене не пизнае.
 Я до пона та до сусиды:
 Прививъ попа, та не заставъ—
 Вона вже вмерла. Нема й слиду
 Моеи Ганны. Я спытавъ
 Такры сусиду про Ганнусю.
 «Хиба ты й доси ще не знаешъ?
 Ганнуса на Сибирь пишла.
 До паныча, бачышь, ходыла,
 Покры дытыну привела,
 Та у крыныци й затопыла».
 Неначе згага запекала...
 Я ледве, ледве выйшовъ зъ хаты.

Ще не свитало. Я въ палаты
 Пишовъ зъ ножемъ—не чувъ земли.
 Ажъ паныча вже одвезлы
 У школу въ Кывивъ. Отъ якъ, брате!
 Остались и батько, й маты,
 А я пишовъ у москали.
 И доси страшно, якъ згадаю:
 Хотивъ палаты запалыть,
 Або себе занапастыть.
 Та Богъ помылувавъ. А знаешь,
 Его до насъ перевели
 Изъ арміи, чи що?

Першый.

Такъ что-же?
 Ну, вотъ теперь и приколи!

Другый.

Нехай соби... а Богъ поможе,
 И такъ забудеться колысь.

Воны ще довго говорылы;
 Я ставъ передъ-свитомъ дримать,
 И панычи мени прыснылись,
 И не дали, погани, спать.

Сиднь у другого пытаемъ:
 На що насъ маты привела—
 Чи для добра, чи то для зла?
 На-що жывемъ? Чого бажаемъ?
 И не дознавшысь, умираемъ,
 А покидаемо дила.

Яки жъ мене, мій Боже мылий,
 Дила осудать на земли?

Бодай ти диты не росли,
 Тебе святого не гнивылы.
 Що у неволи народылись
 И стыдъ на тебе понесли.

Чамому чудно. А де-жь дитысь,
 Що дѣяты и що почать?
 Людей и долю прокльнать
 Не вартъ, ий Богу! Якъ же жыты
 На чужныи, на самоти,
 И що робыты взаперти?
 Якъ-бы кайданы перегрызты,
 То грызь по троху бь... Такъ не ти,
 Не ти ихъ ковали кувалы,
 Не такъ зализо гартувалы,
 Щобъ перегрызты. Горе намъ,
 Невольныкамъ и сиротамъ,
 Въ степу безкраймъ за Ураломъ!

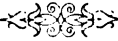
Сонце заходыть; горы чорніють;
 Пташечка тыхне; поле ниміе;
 Радіють люде, що одпочнуть;
 А я дывлюся, и серцемъ лыну .
 Въ темный садочекъ на Украину;
 Лыну я, лыну, думу гадаю,
 И ныбы сердце одпочывае.
 Чорніе поле, и гай, и горы,
 На сыне небо выходыть зоря.
 Ой зоре, зоре!—и слѣзы кануть—
 Чи ты зійшла вже и на Украини?

Чи очи карі тебе шукають
 На неби синимъ, чи забувають?
 Коли забулы— бодай заснулы,
 Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Привыкло, кажутъ, собака за возомъ
 бигты, то бижыть и за саньмы.—

Со такъ и я теперъ пишу:
 Папиръ тилько, черныло трачу.
 А першъ (ій-Богу, не брешу!)
 Згадаю що, чи що побачу,
 То такъ утну, що ажъ заплачу;
 И нибы самъ перелечу
 Хочъ на годину на Вкраину;
 На неи гляну, подивлюсь.
 И мовъ добро кому зроблю —
 Такъ любо серце одпочине.
 Якъ бы сказать, що не люблю,
 Що я Украйну забуваю,
 Або лукавыхъ проклинаю
 За те, що я теперъ терплю.—
 Ій-Богу, братія, прощаю
 И Милосердому молюсь,
 Щобъ вы лыхымъ чымъ не згадалы;
 Хочъ я вамъ кривды не робивъ,
 Та все такы мижъ вами жывъ,
 То може де-що и осталось.—

У и мы ще зйдемося знову,
Чи вже на-вики розійшлись,
И слово правды и любви
Въ степы, вертепы понесли?
Нехай и такъ!... Не наша маты,
А довелося поважаты.
То—воля Господа!... Годить,
Смыритесь, молитесь Богу
И згадуйте одынь другого,
Свою Украину любить;
Любить ййи, бо время люте...
Въ останню, тяжкую мынуту
За неи Господа молитъ!

КНЯЖНА.

Зоре моя вечерняя,
 Зійды надъ горою,
 Поговоримъ тихесенько
 Въ неволи съ тобою.
 Роскажи, якъ за горою
 Сонечко сѣдае;
 Якъ у Днипра веселочка
 Воду позычае;
 Якъ широка сокорына
 Виты роспустила,
 А надъ самою водою
 Вѣрба похмылилась —
 Ажъ по води розистлала
 Зеленѣи виты,
 А на вѣтахъ гойдаються
 Нехрещени диты;
 Якъ у поли на могили
 Вовкудакъ ноче,
 А сичъ въ лиси, та на стриси
 Недолю вищуе;
 Якъ сонъ-трава пры дольни
 Въ-ночи росцвѣтае...
 А про людей... та нехай имъ!
 Я ихъ, добрыхъ, знаю,
 Добре знаю!.. Зоре моя.
 Мій друже єдиный!
 Ты не знаєшь, що дѣється
 Въ насъ на Украини,
 А я знаю и роскажу
 Тоби—й спати не ляжу,
 А ты завтра тихесенько
 Богови роскажешъ

Село! и сердце одпочине
 Село на нашій Украини—
 Неначе пысанка—село
 Зеленымъ гаємъ поросло;
 Цвितуть сады; биліють хаты,
 А на гори стоять палаты,
 Неначе дыво; а кругомъ
 Широколыстыи тополи,
 А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
 И сини горы за Днипромъ...
 Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
 Весели здалека палаты—
 Бодай вы терномъ порослы!
 Щобъ люды й слиду не найшлы,
 Щобъ и не знали, де й шукаты!

Въ тому господнѣму сели,
 На нашій славній Украини,
 Не знаю, де вони взялись,
 Приблуда князь, була й княгыня.
 Ще молоди соби булы,
 Жылы сами; булы багати:
 Высоки на гори палаты,
 Чималый у яру ставокъ,
 Зеленый на гори садокъ.
 И вербы, и тополи,
 И витрякы на поли,
 И доломъ геть—соби село
 По надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
 Бувало литомъ и зимою
 Музыка тне, выно ризою
 Гостей несытыхъ налива;
 А князь ажъ синій похожае,
 Та самъ несмылымъ наливае,

Та ще й покрыкуе: «вивать!»
 Гуляе князь, гуляют гости,
 И покотылись на помости...
 А завтра знову ожива,
 И знову пье, и зновъ гуляе...
 И такъ за днямы день мынае...
 Мужыцкы души ажъ пыщать;
 Судовкы благають Бога...
 Пьяницы, знай соби, крычать:
 — «И патриотъ! и братъ убогихъ!
 Нашъ славный князь! Вивать! Вивать!
 А патриотъ, убогихъ братъ,
 Дочку й телычку однимае
 У мужыка...—

Княгыня взаперти сидыть
 Йийи и въ сины не пускае
 Убогихъ братъ. А що-жъ робыть?
 Сама втекла и повинчалась,
 И батько й маты не пускалы,
 Казалы: «въ гору не залазь!»
 Такъ ни, за князя. Отъ и князь!
 Отъ и пышайсь теперь, княгыне!
 Загынешь, серденько, загынешь,
 Мовъ рясть весною у ночи;
 Засхнешь, не знатымешь ничего;
 Не знатымешь, якъ хвалять Бога,
 Якъ люде люблять живучы.
 А жыть такъ, Господы, хотилось!
 Хотилось любыты,
 Хоть годочекъ, хоть часочекъ,
 На свить подывытысь.
 Не довелось,—а все було,
 Всёго понадбала
 Стара маты. Саму тебе
 Мовъ намалювала:
 Хочь молысь передь тобою,
 Мовъ передь святою.

Красо моя молодая,
 Горенько съ тобою!
 Жыть бы, жыть, та славить Бога
 И добро творыты,
 Та Божою красотою
 Людей веселыты —
 Такъ-же ни! А молоды
 Та карыи очи,
 Щобъ марнылы въ самотыни...
 Може, Богъ такъ хоче?
 Боже! Боже! даешъ волю
 И разумъ на свити,
 Красу даешъ, сердце чысте,
 Та не даешъ жыты...
 Не даешъ на рай веселый,
 На свить твій великый
 Надывытысь, намолытысь
 И заснуть на —вики.

Не весело на свити жыть,
 Колы нема кого любить,
 Оттакъ и ій, одній, едынй,
 Ще молодій моій княгыни,
 Красу и сердце засушыты
 И марно сгннуть въ самотыни —
 Ажъ страшно. А вона моылась
 И жыть у Господа просылась,
 Бо буде вже кого любить.
 Вона вже матирью ходыла,
 Уже пышалась и любыла
 Свое дытя; и давъ дожыты
 Господь ій радости на свити —
 Узреть ёго, поцилувать
 Свое едыннее дытя,
 И першый крыкъ ёго почуты...
 Охъ! диты! диты! диты!
 Велька Божа благодать!

Слѣзы высохлы, пропали,
 Сонце просіяло,
 И княгinya зъ дытною
 Не тією стала:
 Нибы на свить народилась,
 Гралась, веселылась,
 И княжни своїй маленькій
 Сорочечкы шыла,
 И маленьки рукавчята
 Шовкомъ вышывала,
 И купала, й колыхала,
 Сама й годувала:
 Бо княгини тилькы вміють
 Привести дытynu,
 А годувать, та доглядать
 Не вміють княгини;
 А потимъ оха: «забуває
 Мене мій Поль, або Филать»
 За що-жъ воно тебе згадає —
 За те хиба, що привела?
 А моя свою дытynu
 Сама доглядала,
 А п'яного свого князя
 И не допускала.
 Мовъ яблучко у садочку,
 Кохалась дытна;
 И говорыть уже стала,
 И вчыла княгinya
 Тилько «мамо» вымовляты,
 А «тато» не вчыла...
 И книжычокъ зъ кунштыкамы
 Въ Ромни накупыла,
 Забавляла, розмовляла,
 И Богу молытысь
 И азбуку по кунштыкахъ
 Заходылась вчыты;
 И що Божий день купала,
 Рано спаты клала,

И пылыночки на ней
 Впасть не давала;
 И всю ниченьку надъ нею
 Витала, не спала,
 Надвлялась, любовалась
 Княжною своєю...
 И жениха їй еднала,
 И радила зъ нею,
 И плакала. Довги косы
 Уже распитала
 И, лышенько, свого князя
 Пьяного згадала
 У мундыри, та й закрыла
 Заплакани очи.
 А дытны нібы снытсья,
 Мовъ вымовыть хоче:
 — Не плачь, мамо, не расплитай
 Мои довги косы —
 Посичуться... — Що день Божый
 Радости прыносять
 Свойй матери щаслывій
 Дочка уродлива:
 Мовъ тополя, выростае
 Свитови на дыво;
 Выростае... та недовго
 Буде веселыты
 Свою матирь: Богъ карае
 Княгыню на свити...
 А за вищо? Чудно людымъ,
 Бо люде не знають,
 Чому добре умирае,
 Злее оживае...
 Занедужала княгыня,
 И князь схаменувся —
 За бабамы знахаркамъ
 На селахъ метнувся,
 Найихалы; заходмысь
 Личмы, личмы,

Поки ййи безталанну
Въ труну положили.

Не стало на сели княгыни,
И гусла знову загулы.
А сырота ййи въ сели,
Ййи единая дытына,
Мовъ одирвалось одъ гилли:
Ненагодоване и босе,
Сорочычку до зносу носыть,
Спеклося бидне на жару;
Лопуцькы йистъ, ставочки гатыть
Въ калюжахъ зъ дитьмы у яру.

Умыйся, серденько, бо маты

Онъ дывиться й не пизнае

Мижы дитьмы дытя свое

И думаете—тебе не стало.

Умыйся, сердце, щобъ пизнала

Тебе, единою свою.

И Господа бъ благословляла

За долю добрую твою.

Умылася; а добри люде

Прибрали, въ Кыевъ одвезлы

У институтъ... А тамъ що буде?

Побачымъ.

Гусла загулы...

Гуляе князь, гуляють гости,

Ревуть палаты на помости,

А голодь стогне на сели.

И стогне винь, стогне по всій Украини,
Кара Господева. Тысячамы гнуть
Голодны люде... А скырты гныють,
А паны й полову жыдамъ продають,
Та голоду ради, та Бога благають,
Щобъ ще хочъ годочокъ хлибець не розавъ:
Тоди бъ и въ Парыжи и иному краю
Нашъ братъ хуторянынъ себе показавъ.

.

Бо се було бь диво,
 Щобь чуты и бачыть и не покарать!
 Або вже ажь надто долготерпыливый...
 Мынають лита. Люде гынуть;
 Лютуе голодь въ Украини,
 Лютуе въ княжому сели.
 Скрыты вже княжи погнылы,
 А винь байдуже: пье, гуляе,
 Та жыда зь гришмы выглядае.
 Нема жыдка... Хлибы зійшлы;
 Радіють люде, Бога просятъ;
 Ажь ось изь Кыева привозятъ
 Княжну. Мовь сонечко зійшло
 Надь обикраденнымъ селомъ.

Чернобрыва, кароока—
 Вылытая маты!
 Тилько смутна, невеседа.
 Чого бь сумуваты?
 Або, може, вже такую
 Воно й уродылось?
 Або, може, молодее
 Чи не полюбыло
 Кого-небудь? Ни никого.
 Весела гуляла,
 Мовь ласочка съ кубелечка,
 На свить выглядала
 Зь того Кыева; ажь пды
 Побачыла села
 Знивечени; съ того часу
 Стала невеседа.

Мовь сызая голубонька
 Село облетила;
 У всіхь була, всіхь бачыла,
 Все повеселилы:
 Тамь словами привитала,
 Тамь нагодувала;

Що-день Божый обходила
 Село; помагала
 Усякому; а сироты
 До ней въ покой
 Приходьлы и матирью
 Своею святою
 Ййи звалы, и все село
 За ней моылось.
 А тымъ часомъ жыды въ село
 Зь гришмы появьлысь...
 Радіе князь, запроде
 Съ половою жыто
 И молотыть выганяе
 Людей недобытыхъ.
 Змолотылы, нивроку имъ.
 За одну годьну
 И съ клунею провіялы.
 Князь и не спочынувъ:
 На могорычь закыкае,
 Та пье, та гулае
 Ажъ у гаи; бо въ покояхъ
 Дочка спочывае.

Гармыдеръ, галась, гамъ у гаи;
 Срамотни спивы; ажъ лящыть
 Жиночый регить; завывае,
 Реве хазяинь:— «Будемъ пыть,
 Ажъ покы наша доня спыть»!
 А доня взаперти сыдыть,
 Въ своему сумному покой,
 И дывиться, якъ надъ горою
 Червоный мисаць ажъ горыть,
 Зь-за хмары тыхо выступае,
 И нибы горы оживають.
 Дубы зь дибровы, мовъ дыва,
 У поле тыхо одхожають,
 И пугачъ пуга, и сова
 Зь-пидъ стрихы въ поле вылитае,

А жабы крикають, гудуть.
 Дивитесь очи, молодци,
 Якъ зори Божьи встають,
 Якъ сходять мисяць, червоніе,
 Дивитесь, помы вась гріе,
 А зори спаты не дають.

Головою молодою
 На руку схмылась,
 До-пивночи невеседа
 На зори дывылась
 Княжна моя. Дывылася,
 Та й плакаты стала.
 Може, сердце яке лыхо
 Тыхо прошептало...
 Та байдуже: поплакала
 Трошки, усмихнулась,
 Помодылась, та й спать лягла,
 И тыхо заснула.

Въ гаю все покотомъ лежало—
 Пляшки и гости: де що впало,
 Тамъ и осталось. Самъ не впавъ,
 Остатню каплю допывавъ;
 Та й ту допывъ. Встае, не пада,
 Иде въ покой.

Северный гаде,
 Куды ты лизешъ? Схаменъсь!
 Не схаменувся. Ключъ виймае,
 Прийшовъ и двери одмыкае,
 И лизе до дочкы. Прокынься,
 Прокынься, чыстая! Схопысь,
 Убий гадюку—покусае!
 Убий и Богъ не покарае,
 Якъ тая Ченціо колысь
 Убыла батька кардынала...
 Ни, не прокынулася—спыть.
 А Богъ, хочъ бачыть, та мовчыть,
 Грихамъ великымъ потурае...

Не чуть ничего. Часъ мынае,
 А потимъ крыкъ, а потимъ гвалтъ,
 И плачь почулы изъ палать,
 Почулы совы; потимъ знову
 Не чуть ничего.

И въ той часъ
 Скрыты и клуны зайнялысь
 И зори зныкы. Хоть бы слово,
 Хоть бы де голосъ обиззавсь.
 Паны въ гаю не ворущылысь;
 А люде сбиглысь, та дывылысь,
 Якъ дымъ до неба пидіймавсь.

Прокынулысь въ-ранци гости;
 Ажъ бачять що лыхо—
 Покынули своего князя,
 Та любо, та тыхо.
 Такъ и мы ёго покынемъ,
 Такъ и Богъ покыне.
 Тебе тилько не покыне
 Лыхая годына,
 Княжно моя безталанна,
 Знивеченый цвите.
 Ты ще будешъ покутовать
 Грихы на симъ свити,
 Грихы батьковы. О, доле,
 Лукавая доле!
 Покынь ййи хоть на старисть,
 Хоть на чужимъ поли,
 На безлюдди. Не покынешь,
 Поведешъ до краю,
 До самой домовыны,
 Сама й поховаешь.

Въ сели не бачылы й не чулы,
 Де вона подилась.
 Думалы—на пожарыщи
 Небога сгорела.

Стоить село. Невесело
 На гори палаты
 Почорнили. Князь хыріе,
 Нездужае встаты;
 А пидвесты нема кому—
 Нихто й не загляне
 До гришного болящаго
 Въ будынкы погани.
 Люде трохи очунали;
 Господа благають,
 Щобъ княжна до ихъ вернулась,
 А ййи немае
 И не буде вже, святой.
 Дежъ вона подилась?
 У Києвы пресвятому
 Въ черныци пострыглась.

Родылась на свить жыть, любить,
 Сіять Господнею красою,
 Витать надъ гришнымы святою,
 И всякому добро творить,—
 А сталоь ось якъ: у черныцяхъ
 Занапастылося добро.

Блукаючы по Украини,
 Прибывсь якомь я въ Чыгырынъ
 И въ манастырь отой дивочый,
 Що за пискамы, на болоти,
 У лозахъ, самотный стоить.
 Отамъ мени и розказала
 Стара черныця новыну,
 Що въ манастырь до ихъ зайшла
 Княжна якась изъ-за Днипра
 Позаторикъ. Одпочывала,
 Та й Богу душу оддала.
 Вона була ще молодою
 И прехорошая собою;
 На сонци дуже запеклась,
 Та й занедужала. Лежала

Недовго щось, седмици зъ три,
И все до врыхты розказала
Мени и Ксеніи сестри,
И вмерла въ насъ. И де ходыла.
Въ якыхъ то праведныхъ мистахъ,
А въ насъ сердешна опочыла...
Оце ййи свята могла...
Ще не поставылы хреста.

Боже мій зь тобою!
 Мій краю прекрасний, роскошний, багатий
 Хто тебе не мучивъ?!.. Якъ бы розказать
 Про якого небудь одного магната
 Исторію-правду, то перелякать
 Саме бѣ пекло можно, а Данта старого
 Полупанкомъ нашимъ можно здывувать.

.

Росказали кобзари намъ
 Про войны и свары,
 Про тяжкее лыхолитте
 Про лютыи кары,
 Що ляхы намъ завдавали, —
 Про все розказали

.

И здалека
 Запорожци чулы,
 Якъ дзвонили у Глухови,

.

Зъ далекого Крыму

Чулы, чулы небожята,
 Чулы, та мовчали,
 Бо й имъ добре на чужьни
 Мурзы завдавали.
 Мордувались сыромахы,
 Плакали, и зъ ными
 Заплакала Матирь Божа
 Слѣзамы святымы;
 Заплакала мылосерда,
 Неначе за сыномъ.
 И Богъ зглянувъ на ти слѣзы
 И на Украину.

Вернулись запорожци,
 Принесли зъ собою
 Въ Гетьманщину той чудовый
 Образъ Пресвятой,
 Поставили у Иржавци
 Въ мурованимъ храми.

А. О. КОЗАЧКОВСЬКОМУ.

Аввно те діялось! Ще въ школи.
 Такы въ учителя дяка
 Гарненько вкраду пятака,
 (Бо я було трохи не голе,
 Таке убоге!) та й куплю
 Паперу аркушь, и зроблю
 Маленьку книжечку; хрестами
 И везерунками зъ квитками
 Кругомъ листочки обведу,
 Та й списую Сковороду,
 Або «Тры царіе со дары;»
 Та самъ соби у бурьяни,
 Щобъ не почувъ хто, не побачывъ,—
 Выспивую було та плачу...

И довелося зновъ мени
 На старистъ зъ виршами ховатись,
 Мережать книжечкы, спиваты
 И плакаты у бурьяни,
 И тяжко плакаты!.. и не знаю,
 За що мене Господь карае...
 У школи мучылось, росло,
 У школи й сывить почало,
 У школи дурня й поховають;
 А все за того пятака,
 Що вравъ маленькымъ у дяка,
 Мабудь, Господь мене карае...

Ось слухай же, мій голубе,
 Мій орле-козаче!
 Якъ канаю я въ неволи,
 Якъ нужу я свитомъ.
 Слухай, брате, та научай
 Своихъ малыхъ дитокъ,
 Научай ихъ, щобъ не вчылись
 Змалку виршуваты;

Колыжъ яке поквапыться,
 То ныщечкомъ, брате,
 Нехай соби у куточку
 И виршуе, й плаче
 Тыхесенько, щобъ Богъ не чувъ,
 Щобъ и ты не бачывъ,
 Щобъ не довелося, брате,
 И ему каратысь,
 Якъ я теперь у неволи
 Караюся, брате...
 Неначе злодѣй, по за валамы
 Въ недилю крадуся я въ поле,
 Таламы выйду по-надъ Ураломъ
 На степъ широкый, мовъ на волю.

И болящее, побыте
 Серце стрепенеться,
 Мовъ рыбонька надъ водою;
 Тыхо усмихнеться
 И полныне голубкою
 По надъ чужымъ полемъ.—
 И я нибы оживаю
 На поли, на воли...
 И на гору высокую
 Выхожу, дывлюся—
 И згадую Украину—
 И згадать боюся..
 И тамъ степы, и тутъ степы,
 Та тутъ не такыи—
 Руди, руди ажъ червони,
 А тамъ голубыи,
 Зеленны, мережани
 Нывамы, ланамы,
 Высокымы могыламы,
 Темнымы лугамы...

А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
 И хочъ бы на-смихъ де могыла
 О' давнимъ давни говорила.
 Неначе люде не жылы.

Одъ споконъ-вику и до ныни
 Ховалась одъ людей пустыня,
 А мы такы ййи знайшлы...
 Уже й твердыни поробылы,
 Затогу будуть и могылы—
 Всего наробымо колысь!...

О моя доле! моя Крайно!..

Чи я то вырвусь зъ цїи пустыни?..

Чи може (крый, Боже!)

Туть и загыну...

И почорніе червоне поле...

Айда въ казармы, айда въ неволю!
 Неначе крыкне хто надо мною,—
 И я прокынусь. По за горою
 Вертаюсь, крадуся, по надъ Ураломъ
 Неначе злодїй той по за валамы.
 Оттакъ я, друже мїй, святкую
 Оттуть недиленьку святую!
 А понедилокъ! Друже-брате!
 Прыходьтє ничъ въ смердячу хату,
 Осядуть думы; розибьють
 На сто крать сердце и надїю,
 И те, що вымовыть не вмїю —
 И все на свити проженуть,
 И спынять ничъ: часы—литами,
 Вькамы глухо потечуть...
 И я кровавымы слёзамы
 Не разъ постелю омочу.
 Переличу и дни, и лета,
 Кого я, де, колы любывъ?
 Кому яке добро зробывъ?
 Никого въ свити, никому въ свити!
 Неначе по лису ходывъ.
 А малась воля, малась сыла!
 Та сылу позычки зносылы,
 А воля въ гостяхъ упылась,
 Въ степу, небога, заблудыла
 Та й ушываться зареклась.

Не поможе, мыйй Боже!
 Якъ то кажуть люде:
 «Буде каяття на свити
 Вороття не буде...
 Благаю Бога, щобъ свитало;
 Мовъ воли, сонця, свиту жду...
 Цвиркунъ замовкне; зорю бьють —
 Благаю Бога, щобъ смеркало!
 Бо на позорыще ведуть
 Старого дурня муштруваты,
 Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,
 Щобъ знавъ, що дурня всюды бьють...
 Мынають лита молоды,
 Минула доля, а надія
 Въ неволи знову за свое,
 Зо мною знову лыхо діе
 И серцю жалю завдае:
 А може, ще добро побачу,
 А може лыхо переплачу,
 Воды Днипровои напыюсь,
 На тебе, друже, подывлюсь?
 И, може, въ тихій твоій хати
 Я буду знову розмовляты
 Зъ тобою, друже мій... Боюсь!..
 Боюся самъ себе спытаты,
 Чи се колы сподіється?
 Чи може вже зъ неба
 Подывлюсь на Украину,
 Подывлюсь на тебе...
 А иноди такъ буває,
 Що й слезы не стане —
 И благовъ бы я о смерти —
 Такъ тая Украина
 И Днипро крутоберегий
 И ты, друже, брате,
 Не даете мени Бога
 О смерти богатых!

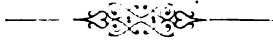
Мени однаково, чи буду
 Я жыть въ Украини, чи ни,
 Чи хто згадае, чи забуде
 Мене въ снугу, на чужыни —
 Однаковисенько мени.
 Въ неволи вырись мижъ чужымы,
 И, не оплаканный своими,
 Въ неволи, плачучы умру
 И все зъ собою заберу,
 Малого слиду не покину
 На нашій славній Украини,
 На нашій несвойй земли.
 И не помьяне батько зъ сыномъ,
 Не скаже сынови: «молись...
 Молись сыну! За Вкраину
 Ёго колись».
 Мени однаково, чи буде
 Той сынъ молытсы, чи ни...
 Та не однаково мени,
 Якъ Украину злы люде
 Прысплять, лукави; и въ огни
 Ййи окраденную збудять...
 Охъ, неоднаково мени!

Мени трынадцатый мынавъ.
 Я пасъ ягнята за селомъ.
 Чи то такъ сонечко сіяло,
 Чи такъ мени чого було —
 Мени такъ любо, любо стало,
 Неначе въ Бога
 Уже проклякылы до паю,
 А я соби у бурьяни

Молюся Богу; и не знаю,
 Чого маленькому мени
 Тоди такъ прязно моылось,
 Чого такъ весело було.
 Господне небо и село,
 Ягня, здається, веселылось,
 И сонце грило—не пекло.

Та недовго сонце грило,
 Недовго моылось:
 Запекло, почервонило
 И рай запалыло.
 Мовъ прокынувся! Дывлюся:
 Село почорнило,
 Боже небо голубее
 И те помарнило.
 Поглянувъ я на ягнята —
 Не мои ягнята;
 Обернувся я на хаты ---
 Нема въ мене хаты.
 Не давъ мени Богъ ничего!
 И хлынули слезы,
 Тяжки слезы... А дивчына,
 Пры самій дорози,
 Недалеко коло мене,
 Плоскинь выбирала,
 Та й почула, що я плачу.
 Прыйшла, привитала,
 Утырала мои слёзы
 И поцилувала...
 Неначе сонце засіяло,
 Неначе все на свити стало
 Мое—ланы, гаи, сады...
 И мы, жартуючы, погналы
 Чужи ягнята до воды.
 Брыдня!... а й доси, якъ згадаю,
 То серце плаче, та болыть:
 Чому Господь не давъ дожыть

Малого вику у тымъ раю!
Умеръ бы, орючы на ныви,
Ничого бѣ на свити не знавѣ,
Не бувѣ бы въ свити юродывымъ,
Людей бы не проклявѣ.

С О Н Ъ.

Доры мои высокыи!
 Не такъ и высоки,
 Якъ хороши, хорошии,
 Блакытни здалека—
 Зъ Переяслова старого,
 Зъ *Выблои-могилы*,
 Ще старшой, мовъ ти хмары,
 Що за Днипромъ силы.

Иду я тихою ходою,
 Дывлюсь—ажъ онъ передо мною,
 Неначе дыва, вырынають
 Обрывъ высокый, гай, байракъ;
 Хаткы биленьки выглядяють,
 Мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ
 У пижмуркы въ яру гуляють;
 А доли сывий нашъ козаць—
 Днипро зъ лугамы выграваеть;
 А онъ-де, онъ-де, за Днипромъ,
 На прыгори, нибы каплычка,
 Козацька церква невеличка
 Стоить зъ похыленнымъ хрестомъ.

Давно стоить: выглядаеть
 Запорожца зъ Лугу;
 Зъ Днипромъ своимъ розмовляеть,
 Розважаеть тугу.

Оболонкамъ старымъ,
 Мовъ мертвецъ очыма
 Зеленымъ, позыраеть
 На свить зъ домовыны.

Може, чаешь оновлення?
 Не жды тїя славы:
 Твои люде окрадени.
 А панамъ лукавымъ

Киевськымъ шляхомъ вербы похыли;
 Требратни давни могылы вкрылы;
 Зъ Трубайломъ Альта мижь осокою
 Зійшлысь, зъєдналысь, мовъ братъ зъ сестрою.
 И все те, все те радуе очи,
 А сердце плаче—глянуть не хоче!

Попрощалось ясне сонце
 Зъ чорною землею;
 Выступае круглый мисяць
 Зъ сестрою зарею,
 Выступають изъ-за хмары,—
 Хмары звеселылы,
 А старый мій подывывся—
 Слѣзы покотылысь.
 «Молюсь Тоби, Боже мыйый,
 Господе великый,
 Що не давъ мени загнуть,
 Небесный владыко!
 Що давъ мени добру сылу
 Пересылыть горе,
 И прывивъ мене, старого,
 На си святы горы
 Одынокый вить дожыты,
 Тебе восхвалыты,
 И Твоею красотою
 Серце веселыты,
 И поховать побытее
 Грихама людськымы,
 На горахъ оцихъ высокыхъ,
 И витать надъ ными».

Утеръ слѣзы нехолодни,
 Хочъ немолоды,
 И згадувавъ лита свои,
 Давниі благіи:
 Де, якъ, колы и що робылось;
 Було що справди, а що снылось;
 Яки моря переплывавъ;

И темный гаёкъ зелененький,
 И чорнобривка молоденька,
 И мисяць зъ зорями сіявъ,
 И соловейко на калыни
 То затыхавъ, то щебетавъ,
 Святого Бога выхвалявъ.
 И все то, все то въ Украини!
 И усмихнувся сивый дидь:
 Бо, може,—нигде правды дить—
 Було таке, що й женихалъсь,
 Та розійшлыся, не побралъсь:
 Покинула самого жыть,
 Въ хатыни вику доживаты.
 Старый мій знову зажурывсь;
 Ходывъ довгенько коло хаты,
 А потимъ Богу помолывсь,
 Пишовъ у хату ночуваты,
 А мисяць хмарою повывсь.

Оттакый то на чужыни
 Сонъ мени прыснився,—
 Нибы знову я на волю,
 На свить народывся.
 Дай-же, Боже, колы-небудь,
 Хочъ на старисть, стати
 На тыхъ горахъ ограденыхъ,
 У маленькій хати;
 Хоча сердце замучене,
 Поточене горемъ,
 Прынесы и положыты
 На Днипровыхъ горахъ.

Н. И. КОСТОМАРОВУ *)

Веселе сонечко ховалось
 Въ веселыхъ хмарахъ весняныхъ;
 Гостей закованныхъ своихъ
 Сердешнымъ чаемъ напували
 И часовыхъ переминалы —
 Сынемундырныхъ часовыхъ...
 И до дверей, на ключъ замкнутыхъ,
 И до решоты на викни
 Привыкъ я трохи, и мени
 Не жаль було давно одбутыхъ,
 Давно похованыхъ, забытыхъ,
 Моихъ тяжкихъ, кривавыхъ слёзъ;
 А ихъ чимало розмылось
 На марне поле. Хочъ бы рута,
 А то ничего не зійшло!
 И я згадавъ свое село,
 Кого я тамъ, колы покынувъ?
 И батько, й маты въ домовини!
 И жалемъ серце запеклось,
 Що нікому мене згадаты!
 Дывлюсь... твоя, мій брате, маты
 Чорнійше чорной земли
 Иде, зъ хреста неначе знята...
 Молюся!.. Господы, молюсь!
 Хвалить тебе не перестану,
 Що я ни зъ кымъ не поділю
 Мою тюрму, мои кайданы!..

*) Надруковано у Р. Стар. 1880 р. № 3.

1848

— 326 —

А нумо знову виршувать,
Звычайне нышкомъ. Нумо знову,
Поки новынка на основи,
Старынку Божу лицювать,
А сиричь... якъ бы вамъ сказать,
Щобъ не збрехавшы... Нумо знову
Людей и долю проклянуть.
Людей за те, щобъ насъ знали,
Та насъ шанували;
Долю за те, щобъ не спала,
Та насъ доглядала.
А то, бачъ, що наробыла:
Кынула малого
На распутти, та й байдуже,
А воно убоге,
Молодее, сивоусе—
Звычайне дытына —
И подыбало тыхенько
По-пидъ чужымъ тыномъ
Ажъ за Ураль... Опынылось
Въ пустыни, въ неволи...
Якъ же тебе не проклянуть,
Лукавая доле?
Не проклянну жъ, тебе доле,
А буду ховатись
За валамы, та ныщечкомъ
Буду виршувать,

Нудить свитомъ, сподиватысь
 У-гости въ неволю
 Изъ-за Днипра широкого
 Тебе, моя доле!

На не дай, Господы, никому,
 Якъ мени теперъ старому,
 У неволи пропадаты,
 Марне лига коротаты.

Ой пиду я степомъ, лугомъ
 Та розважу свою тугу!
 — «Не йды, кажуть, зъ ціи хаты!»
 Не пускають погуляты!

Огни горять, музыка грае,
 Музыка плаче, завывае!
 Алмазомъ добрымъ, дорогимъ
 Сіяють очи молодни,
 Витае радость и надія
 Въ очахъ веселыхъ. Любо имъ,
 Очамъ негришнымъ, молодымъ!
 И вси регочуться, сміються.
 И вси танцюють. Тилько я,
 Неначе заклятый, дывлюся
 И нышкомъ плачу, плачу я.
 Чого жъ я плачу? Мабуть шкода,
 Що безъ прыгоды, мовъ негода,
 Минула молодость моя.

Не для людей и не для славы,
 Мережани та кучеряви
 Оци вирши виршую я —
 Для себе, братія моя.
 Мени легшае въ неволи,
 Якъ я ихъ складаю:
 Зъ-за Днипра, мовъ, далекого
 Слова прьлитають
 И стелються на папери,
 Плачучы, сміючысь,
 Мовъ ти диты, и радують
 Мою сыру душу,
 Убогую... Любо мени,
 Любо мени зъ нымы,
 Мовъ батькови багатому
 Зъ дитками малымы.
 И радый я, и веселый,
 И Бога благаю,
 Щобъ не прыспавъ моихъ дитокъ
 Въ далекому краю:
 Нехай летять додомоньку
 Легенькыи диты,
 Та роскажуть—якъ то тяжко
 Було имъ на свити...
 И въ семьи веселій, тихій
 Дитей прьвитають,
 И сывою головою
 Батько побывае;
 Маты скаже: бодай ты
 Диты не родылись;
 А дивчына подумае:
 Я ихъ полюбыла.

1848 г.

Орская крьжостъ.

ВАРНАКЪ.

Выняючысь на чужыни
 По надь Элекомъ, стривъ я дида
 Вельмы стараго. Нашъ землякъ
 И недомученый варнакъ
 Старый той бувъ. Та у недилю,
 Якось у поли мы зострились,
 Та й забалакались. Старый
 Згадавъ свою Волюнь святую
 И волю—долю молодую,
 Свою бувальщину. И мы
 Въ травѣ за валомъ посады
 И розмовлялы, сповидалысь
 Одынь другому: «Довгий вить!»
 Старый промовывъ. «Все отъ Бога.
 Одъ Бога все! А самъ ничего
 Дурный не вдиє чоловикъ!
 Я самъ, якъ бачышь, марно, всеу...
 Я самъ занивечывъ свій вить!
 И ни на кого не жалкую,
 И ни у кого не прошу я,
 Ничого не прошу. Оттакъ,
 Мій сыну, друже мій едныи,
 Такъ и загыну на чужыни,
 Въ неволи. И старый варнакъ
 Заплакавъ нышкомъ.—Сывый брате!
 Поки живе надя въ хати,
 Нехай живе, не выганяй!
 Нехай пустку нетоплену
 Иноди нагріе;
 И потечуть зъ очей старыхъ
 Слэзы молоды;
 И, умытее слэзамы,
 Серце одпочыве

И полныне изъ чужыны
На свою краину.

«Багато де чого не стало,»
Сказавъ старый: «Воды чимало
Изъ Ивекы въ море утекло...
Надъ Ивкою було село.
У тимъ сели на безталанна
Та на погыбель вырись я...
Лыхая доленька моя!
У нашой старой пани
Малыи панычи булы,
Таки однолиты зо мною.
Вона й бере мене въ покои
Сынкамъ на выграшку. Рослы,
Рослы панята, выросталы.
Якъ ти щенята, покусалы
Не одного мене, мали.
Оттожь и вчыты почалы
Письму панять. На безголове
И я учуся. Слизьмы, кровью
Письмо те полылося! Насъ,
Дешевшыхъ панської собаки,
Письму учыты!?
Мольтыся Богу
Та за раломъ спотыкатысь,
А бильше ничего
Неповыненъ знать невольныкъ.—
Така ёго доля!
Оттожь и вывчывся я, вырись,
Прошу соби воли—
Не дае, и въ москалы.
Проклята, не голыты!
Що тутъ на свити робыты?
Пишовъ я до рала,
А панычывъ у гвардію
Поопредилылы...

Годына тяжкая настала,
 Насталы тяжкы лита!
 Оттожъ працюю я за раломъ.
 Я бувъ убогый сырота,
 А у сусиды выростала
 У наймахъ дивчына. И я...
 О, доле, доленько моя!
 О Боже мій! О мій едныи!
 Воно тоди було дытына,
 Воно... Не намъ твои дила
 Судыть, о, Боже нашъ великый!
 Оттожъ вона, мени на лыхо
 Та на погыбель, пидросла.
 Не довелося й подывытысь...
 А я вже думавъ одружытысь,
 И веселытыся, и жыть,
 Людей и Господа хвалыть...
 А довелося...

Накупылы

И краму, й пыва наварылы—
 Не довелося тилько пыть.
 Старои пани бахуръ сывий
 Окравъ той крамъ, розлывъ те пыво,
 Пустывъ покыркую... Дарма!
 Мынуло... годи!.. Не до ладу
 Теперь и згадувать! Нема,
 Нема, мынулося, пропало...
 Покынувъ ныву я и рало,
 Покынувъ хату и городъ—
 Усе покынувъ. Чортъ нарадывъ,
 Пишовъ я въ пысари въ громаду.
 То сякъ, то такъ мынае годъ...
 Пышу соби, зъ людьмы братаюсь
 Та добрыхъ хлопцивъ добираю.
 Мынувъ и другый. Панычи
 На трете лито позъязжалысь,
 Уже засватани. Жылы,
 Въ двори гулялы, въ карты грамы,

Та молодыхъ дивчать въ сели.
 Мовъ бугаи, перебиралы,—
 Звычайне панычи. Ждемо.
 И мы ждемо весилля.
 Оттожь у клеччану недилю
 Ихъ и повинчано обохъ,
 Такы въ домашнѣму костѣли,—
 Воны ляхы булы. Ниволю
 Ничого кращаго самъ Богъ
 Не бачывъ на земли великѣй,
 Якъ молодіи ти булы. .
 Заграла весело музыка—
 Ихъ изъ костѣлу повелы
 Въ возобновленны покои...
 А мы ѣ зострили ихъ и всихъ
 Князять, панячь и молодыхъ—
 Всихъ переризалы. Рудою
 Весилля вмылося. Не втикъ
 Ниже еднныи католыгъ—
 Все поляглы, мовъ поросята
 Въ багни смердячому. А мы,
 Упоравшысь, пишы шукаты
 Новои хаты; и найшы
 Зелену хату и кимнату
 У гаи темному. Въ дугахъ,
 Въ степахъ шырокихъ, въ байракахъ
 Крутыхъ, глыбовыхъ — всюды хата!
 Було де въ хати погуляты
 И одпочты де було.
 Мене господаромъ обралы.
 Семья моя що-день росла
 И вже до сотни даростала.
 Мовъ поросяча кровъ лылась!
 Я ризавъ все, що паномъ звалось,
 Безъ мылосердія и зла,
 А ризавъ такъ. И самъ не знаю,
 Чого хотилося мени?
 Ходивъ три годы я зъ ножами.

Неначе пьяный той ризныкъ.
 До слёзь, до крови, до пожару—
 До всёго, всёго я привыкъ.
 Було, мовъ жабу ту на спыси,
 Спряжешъ дытну на огни,
 Або панянку билолыцю
 Розипнешъ голу на кони,
 Та й пустышъ въ степь!..
 Всёго, всёго тоди бувало—
 И все докучыло мени...

Одуривъ я, тяжко стало
 У вертепахъ жыты.
 Думавъ самъ себе заризать,
 Щобъ не нудыть свитомъ.
 И заризавъ-бы, та дыво,
 Дыво дывне сталось
 Надо мною, недолюдомъ.
 Вже на свить займалось...
 Выйшовъ я зъ ножемъ въ халяви
 Зъ броварського лису,
 Щобъ заризаться. Дывлюся,
 Мовъ на неби высить
 Святый Кыевъ нашъ великый!
 Святымъ дывомъ сяють
 Храмы Божи, нибы зъ самымъ
 Богомъ розмовляють.
 Дывлюся я, а самъ млію.
 Тыко задзвонны
 У Киеви, неначе на неби...
 О, Боже мій мылый!
 Який дивный Ты! Я плакавъ,
 До полудня плакавъ...
 Та такъ мени любо стало!
 И малого знаку
 Нудьгы тыи не осталось,
 Мовъ переродився...
 Подыввся кругомъ себе
 И, перехрыстывшысь,

Пишовъ собі тыхо въ Кыевъ
Святымъ помолытись,
Та суда, суда людського
У людей просыты.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулишу).

V
К
 Къиви, на Подоли,
 Було колысь, и николи
 Не вернеться, що діялось,
 Не вернеться сподиване...
 Не вернеться... А я, брате,
 Такы буду сподиватись,
 Такы буду выглядати,
 Серцю жалю завдавати.

У Къиви, на Подоли,
 Братерська наша воля,
 Безъ холопа и безъ пана,
 Сама соби у жупани,
 Розвернула ся весела:
 Оксамытомъ шляхы стеле,
 И едвабомъ застилае,
 И никому не звертае.

У Къиви, на Подоли,
 Козаки гуляють:
 Якъ ту воду, видромъ-дебромъ
 Выно розливають;
 Лѣхы, шынкы зъ шынкаркы,
 Зъ вынамы, медамы
 Закупылы Запорозци
 Та й тнуть корякы!
 А музыка реве, грае,
 Людей звеселяе,
 А изъ Братства те бурсацьство
 Мовчки выглядаетъ;
 Нема голій школи воли,
 А то бь догодыла!..

Кого жъ то тамъ зъ музыкамы
Люде обступылы?

Въ червонныхъ штаняхъ оксамытныхъ
Матнею улыцю мете—
Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
Що вы творыте? На то те жъ
Старый ударывъ въ закаблукы,
Ажъ встала курява. Оттакъ!
Та ще й прыспивуе козакъ:
«По дорози ракъ, ракъ,
Нехай буде такъ, такъ!
Якъ бы такы молодыци
Посіаты макъ, макъ!

Дамъ лыха закаблукамъ,
Закаблукамъ лыха дамъ,
Достанеться й передамъ!
А вже жъ ты закаблукы
Набралися лыха, муки...
Дамъ лыха закаблукамъ,
Дамъ лыха закабламъ,
Достанеться й передамъ!»

Ажъ до Межыгорського Спаса
Протанцювавъ сывый,
А зъ нимъ и товариство
И ввесь святыи Кывивъ.
Дотанцювавъ ажъ до брамы,
Крыкнувъ: «пугу, пугу!..
Прывітайте, святы ченци,
Товарыша зъ Лугу!»

Свята брама одчынылася—
Козака впустилы;
И зновъ брама зачынылася,
На вихъ зачынылася
Козакови.

Хто жъ цей сывый
Попрощався зъ свитомъ?

Семень Палій запорожець,
Лыхомъ недобытый.

Ой високо сонце сходять,
Низенько заходять:
Въ довгій рясѣ по келіи
Старый чернець ходять.
Иде чернець у Вышгородъ
На Кыйвъ дывытысь,
Та посидить на прыгори,
Та хочъ пожурытысь;
Иде чернець дзвонковую ¹⁾
У яръ воду пыты,
Та згадуе, якъ-то тяжко
Було въ свити жыты;
Иде чернець у келію
Мижъ стины нимы,
Та згадуе лита свои —
Лита молоды;
Бере цисьмо святе въ руки,
Голосно чытае,
А думкою старый чернець
Далеко литае...
И тыкнуть Божьи слова...
И въ келіи, неначе въ Сичи,
Братерство славне ожива,
А сывый гетьманъ, мовъ сова,
Чеңцєви зазырае въ вичи!
Музыкы... танци... и Бердычивъ...
Кайданы брязкають... Москва...
Боры, снigy и... Енысей...
И покотылысь изъ очей
На рясу слёзы...

¹⁾ Дзвонковою крыццья прозывается недалеко одъ монастыря.

Прии. автора

«Был поклоны

И плоть старечу усмирай,
 Свѣте писаніе чытай!
 Чытай, чытай, та слухай дзвона,—
 А сердцеви не потурай:
 Воно тебе въ Сибирь водыло,
 Воно тебе весь виць дурыло,
 Прыспы жъ ёго, и занехай
 Свою Борзну и Хвастовщину:
 Загыне все, ты самъ загынешь,
 И не згадають—щобъ ты знавь...»

И старецъ тяжко зарыдавъ,
 Чытать писаніе покынувъ,
 Ходывъ по келии, ходывъ,
 А потимъ сивъ и зажурывся:
 «Для чого жъ я на свить родывся,
 Свою Украину любывъ?»

До утрени завывъ зъ дзвиницы
 Велькый дзвинь; чернецъ мій вставъ,
 Надивъ клобукъ, взявъ патырыцю,
 Перехрыстывся, чоткы взявъ...
 И за Украину молытись
 Палій-Чернецъ пошкандыбавъ.

1848. Орская крѣпость.

На батька бисового трачу
 И дни, и пера, и паперъ?
 А иноди—то ще й заплачу,
 Таки ажъ надто. Не на мырь
 И на дила ёго дывывшысь,
 А такъ, мовъ иноди упывшысь,
 Дядусь сввесенькый рыда
 Того, бачте, що сырота.

Ой гляну я, подивлюся
 На той степь, на поле,
 Чи не дасть Богъ милосердый,
 Хочь на старисть, воли?
 Пишовъ бы я въ Украинну
 Пишовъ бы до-дому—
 Тамъ бы мене привитали,
 Зрадили бь старому,
 Тамъ бы я спочывъ хочь мало,
 Молывшыся Богу.
 Тамъ бы я... та шкода й гадкы:
 Не буде ничего!
 Якъ же ёго у неволи
 Жыты безь надіи?
 Навчить мене, люде добри,
 А то одурію!

Буває, иноди старый,
 Не знае самъ чого, зрадіе,
 Неначе стане молодой
 И заспивае, якъ уміе.
 И стане ясно передь нымъ
 Надія ангеломъ святымъ
 И зоря, молодость ёго,
 Витае весело надь нымъ.
 Що жь се зробылося зь старымъ,
 Чого зрадивъ оце? Того,
 Що, бачыте, старый подумавъ
 Добро якесь комусь зробыть.
 А що жь якъ зробыть! Добре жыть
 Тому, чья душа и дума
 Добро навчылася любыть:

Не разъ такому любо стане,
 Не разъ барвинкомъ зацвите.
 Оттакъ, бувае, въ темну яму
 Святее сонечко загляне,
 И въ темній ями, якъ на те,
 Зелена травка поросте.

Чи то недоля та неволя,
 Чи то лига ти летячи,
 Розбылы душу? Чи николи
 Ї не жывъ я зъ нею? Жывучы
 Зъ людмы въ паскуди, опаскудывъ
 И душу чыстую!.. А люде
 (Звычайне люде), сміючысь,
 Зовуть ййи и молодою,
 И непорочною, святою,
 И ще якоюсь... Ворогы!
 И люти, люти!.. Вы жъ украли,
 Въ багно погане заховали
 Алмазъ мій чыстый, дорогой—
 Мою, колысь святую, душу;
 Та й сміетесь!.. Нехрыстіяне!
 Чи не мижъ вамы жъ я, погани,
 Такъ опаганывъсь, що й не знать,
 Чи й бувъ я чыстымъ колы-небудь!
 Бо вы мене зъ святого неба
 Взялы мижъ себе, и пысать
 Погани вирши научылы.
 Вы тяжкый камень положилы
 По-середъ шляху и розбылы
 О ёго, Бога боячысь,
 Мое малее та убоге
 Те серце, праведне колысь...
 Теперь иду я безъ дороги,

Безъ шляху бытого... А вы
Дьвустесь, що спотыкаюсь,
Що васъ и долю проклинаю,
И плачу тяжко, и, якъ вы,
Души убогой цураюсь—
Своеи гришної души.

А обро, у кого йе господа,
А въ тій господи йе сестра,
Чи маты добрая! Добра,
Добра такого такы зъ роду
У мене, правда, не було,
А такъ соби якось жылось...

И довелось колысь мени,
Въ чужій далекій сторони
Заплакати, що немає роду,
Нема прыстаныща, господы...

Мы довго въ мори пропадали;
Прийшли въ Дарью, на якорь стали;
Зъ «Ватагы» письма принесли,
И вси тыхенько зачитали.
А мы зъ..... лягли,
То щось такее розмовляли.
Я думавъ: де-бъ того добра,
Письмо чи матеръ, взяти на свити?
А въ тебе есть?» — «Жюна и диты,
И домъ, и маты, и сестра...
А письма нема...»

Віба самому написати
 Таки посланіє до себе
 Та все до-чисто розказати,
 Усе, що треба, що й не треба?
 А то не диждешся ёго,
 Того пысанія' святого,
 Святои правды ни одъ кого.
 Та й ждати не маю одъ кого.
 Бо вже бь, здавалося, пора:
 Лыбонь уже десяте лито,
 Якъ людянь давъ я «Кобзаря».
 А имъ неначе ротъ запыто:
 Нихто й не гавкне, не лайне,
 Неначе й не було мене!
 Не похвалы соби, громадо,—
 Безъ неи може обійдусь—
 А рады жду соби, порады;
 Та мабутъ въ яму перейду
 Изъ москаливъ, а не диждусь...
 Мени було, ажъ серце млило,
 Мій Боже мылий, якъ хотилося,
 Щобъ хто-небудь мени сказавъ
 Хочъ слово мудре; щобъ я знавъ,
 Для кого я пышу, для чого,
 За-що я Украину люблю,
 Чи вартъ вона огня святого?
 Бо хочъ востаріюсь за-того,
 А ще не знаю, що роблю.
 Пышу соби, щобъ не миняты
 Часа святого такъ на такъ,
 Та иноди старый козакъ
 Верзеться гришному,—усатый,
 Зъ своею волею мени
 На чорнимъ ворони-кони.

А бильшь ничого я не знаю,
Хочь я за це и пропадаю
Теперь въ далекій сторони...

Чи доля такъ оце зробыла,
Чи маты Богу не молылась,
Якъ понесла мене,—що я,
Неначе лютая змія
Ростоптана въ степу здыхае,
Захода сонця дождыдае.
Оттакъ-то я тепёръ терплю,
Та смерть изъ степу выглядаю!.
А за що?—ій-Богу, не знаю!
А все такы ййи люблю,
Мою Украину шыроку,
Хочь я по ій и одынокый,
(Бо, бачте, пары не найшовъ),
Ажь до погыбели дйшовъ.

Ничого, друже, не журися:
Въ дулевыну (?) себе закуй,
Гарненько Богу помолыся,
А на громаду хочь наплюй—
Вона капуста головата.
А въ тимъ, якъ знаешь, панебрате:
Не дурень—самъ соби миркуй.

И золоти, й дорогои
Мени, щобъ зналы вы, не жаль
Моеи доли молодои.
А иноди така печаль
Оступыть душу, ажь заплачу!..
А ще—до того, якъ побачу
Малого хлопчыка въ сели:
Мовъ одирвалось одъ гилли,

Одно, однисеньке пидь тыномъ
 Сыдыть соби въ старій рядныни.
 Мени здається, що се я,
 Що це-жъ та молодость моя.
 Мени здається, що николи
 Воно не бачытyme воли,
 Святой воленькы; що такъ
 Даремне, марне пролетать
 Ёго найкращыи лита;
 Що винъ не знатыме, де дитысь
 На симъ шырокимъ вольнимъ свити,
 А пиде въ наймы; и колысь,
 Щобъ винъ не плакавъ, не журывсь,
 Щобъ винъ де-небудь прыхымысь,
 То отдадутъ у москали.

Идоси снытсья: пидь горою,
 Мижь вербамы, та надъ водою,
 Биленька хаточка; сыдыть,
 Неначе й доси, сывый дидь
 Коло хатыночки, и бавыть
 Хорошее та кучеряве,
 Свое маленькое внуця.
 И доси снытсья: выйшла зъ хаты
 Веселая сміючысь маты,
 Цилуе дыда и дытя—
 Ажъ трычи весело цилуе,
 Прыйма на руки и годуе,
 И спать несе; а дидь сыдыть
 И усмихається,—и стыха
 Промовыть ныщкомъ: «де жъ те лыхо?
 Печали тїи, ворогы?...»
 И ныщечкомъ старый чытае
 Перехрестывшысь «Отче-нашь».

Кризь вербы сонечко сіяе
 И тыхо гасне... День погасъ,—
 И все почыло... Сывый въ хату
 И самъ пиповъ опочываты.

Мы въ купочки колысь росли,
 Маленькымы соби любылись;
 А матери на насъ дывылись
 И говорылы, що колысь
 Одружымо ихъ. Не вгадалы.
 Стари заранна повмиралы,
 А ми малымы розійшысь,
 Та вже й не сходылись никоы.
 Мене, по воли и неволи,
 Носыло всюды. Прынесло
 На старисть ледве и до-дому.
 Веселее колысь село
 Чомусь теперь мени старому
 Здавалось темнымъ и нимымъ,
 Тавымъ, якъ я теперь старымъ;
 И, бачытсья, въ сели убогимъ—
 Мени такъ бачытсья—ничого
 Не выросло и не згныло—
 Таке соби, якъ и було:
 И яръ, и поле, и тополя,
 И надъ крыницею верба
 Нагнулася, якъ та журба
 Далеко въ самотній неволи;
 Ставокъ, гребелька и витрякъ
 Зъ-за гаю крыламы махае,
 И дубъ зеленый, мовъ козакъ
 Изъ гаю выйшовъ та й гулае
 По-пидъ горою; по гори

Садочокъ темный, а въ садочку
 Лежать соби у холодочку,
 Мовъ у раю, мои стари.
 Хресты дубови посхылялысь,
 Слова дощемъ позалывалысь...
 И не дощемъ, и не слова
 Гладесенько Сатурнъ стырае
 Нехай святымы спочывають
 Мои стари!.. «Чи жыва
 Отта Оксаночка?» пытаю
 У брата тыхо я.—«Яка?»
 «Отта маленька, кучерява,
 Що зъ нами гралася колысь».
 —«Чого жъ ты, брате, зажурывсь?»
 «Я не журюсь». — «Помандрувала
 Отта Оксаночка въ цоходъ
 За москалями, та й пропала...
 Вернулась, правда, черезъ годъ,
 Та що зъ того! Зъ байстрямя вернулась
 Острижена. Бувало, въ-ночи
 Сыдыть пидъ тыномъ, мовъ зовуля,
 Та кукае, або крычыть,
 Або тыхесенько спивае,
 Та нибы косы роспिताе.
 А потимъ зновъ кудысь пишла,
 Нихто не знае, де подилась.
 Занапастылась, одурила...
 А що за дивчына була,
 Такъ-такъ що краля! И не вбога,
 Та талану Господь не давъ...
 А може й давъ, та хтось укравъ...

И станомъ гнучымъ и красою,
 Пренепорочно молодою,
 Старыи очи веселю.
 Дывлюся иноди, дывчюсь...
 И чудно... мовь передь святою,
 Передь тобою помолюсь.
 И жаль мени старому стане
 Твоеи божои красы.
 Де зъ нею динешся есы?
 Кто коло тебе въ свити стане
 Святымъ хранителемъ твоимъ,
 И хто заступить? Хто укрые
 Одъ зла людьского въ часъ лыхый?
 Хто сердце чыстее нагріе
 Огнемъ любви, хто такый?
 Ты сырота—нема никого,
 Оприче праведного Бога.
 Молысь же, сердце! Помолюсь
 И я зъ тобою.

Щось пророче
 Мени вже зазырае въ очи—
 И я вже Богу не молюсь,
 Уже й на тебе не дывлюсь.
 Мени прыснылось—ты вже маты.
 Не въ оксамытахъ, не въ палатахъ
 Твое голоднее дитя...
 И вянешь ты. А дни летять,
 Несуть все добре за собою,
 Уже й надію понесли,
 А ты осталась на земли,
 Одна, однисенька. Зъ тобою
 Едынее добро було—
 Твое дытя—поки росло,
 Въ колодочки поки вбывалось.
 Оперылось, а ты осталась

Стара и немощна. Людей,
 Людей непрязныхъ благаешъ
 И, Христа-рады, простягаешъ
 Коло зачыненыхъ дверей
 Старыи руки.

Отгажь я иноди тобою,
 Тобою, сердце, молодую
 Старыи очи веселю.
 Дывлюся иноди, дывлюсь
 На станъ твоій гнучый, и за тебе
 Тыхенько Богу помолюсь.
 Молися й ты, щобъ и на тебе
 Зъ святого неба низійшла
 Твоя и доля, и недоля.

и въ-осени такы похожи
 Хочь капельку на образъ Божый, —
 Звычайне, що не вси, а такъ,
 Хочь де-яки.

Крутый байракъ,
 Неначе цыганъ чорный, голый,
 Въ диброви вбитый, або спить;
 А по долини, по роздолли
 Изъ степу перекотыполе
 Рудымъ ягнятчкомъ бижить
 До ричечкы соби напытысь.
 А ричечка ёго взяла
 Та въ Днипръ шырокий понесла,
 А Днипръ—у море; на край свита
 Былну море покотыло,
 Та й кынуло на чужыни.

И жаль тоби ййи стане,
 Малои былыны.

Пидешь соби зажурившись
 Гаємъ по долини...
 Гай шепоче, гнутья лозы
 Въ яру пры дорози...
 И хочеться сповидатись,
 Серце расповыты!
 И хочеться... Боже мый!
 Якъ хочеться жыты
 И любыты твою правду,
 И весь свить обняты!

Благо тобі, друже, брате,
 Якъ йе въ тебе хата;
 Благо тобі, якъ у хати
 Йе зь кымъ розмовляты...
 Хочь дытына немовляща:
 И воно вгадае
 Твои думы веселы!—
 Самъ Богъ розмовляе
 Непорочными устами.

А тобі, мій одынокый,
 Мій друже едынний,
 Горе тобі на чужыни
 Та на самотыни!
 Хто зь тобою заговорыть,
 Прывитае, гляне?..
 Кругомъ тебе простягнулась
 Трупомъ бездыханнымъ
 Помарнилая пустыня,
 Кывутаая Богомъ.

Готово! Парусь распустылы;
 Посунулы по сыній хвыли,
 По-мижь кугою, въ Сырь-Дарью,

Байдару та баркасъ чималый.
 Прощай, убогий Косъ-Аралей!
 Нудьгу заклятую мою
 Ты розважавъ такы два лета.
 Спасыби, друже! Похвалысь,
 Що люде и тебе знайшли
 И знали, що зъ тебе зробить...
 Прощай же, друже! Ни хвалы,
 А ни ганьбы я не сплитаю
 Твоій пустыни; въ иншимъ краю,
 Не знаю, може й нагадаю
 Нудьгу колышнюю, колысь...

Бога за дверьмы лежала сокрыа.
 А Богъ тоди зъ Петромъ ходывъ
 По свиту, та дыва творывъ.
 А кайзакъ на хырю,
 Та на тяжке лыхо
 Любенько та тыхо
 И вкравъ ту сокрыу;
 Та й потягъ по дрова
 Въ зелену диброву;
 Древину выбравшы, та й цюкъ!
 Якъ вырветься сокрыа зъ рукъ,—
 Пишла по лису косовыця!
 Ажь страхъ, ажь жаль було дывыться?
 Дубы и всяки дерева
 Вельколитни, мовъ трава,
 Въ покосы стелеться; а зъ яру
 Встае пожаръ и дыму хмара
 Святее сонце покрыва.
 И стала тьма, и одъ Уралу
 Та до Тынгыза, до Аралу ¹⁾

¹⁾ Аральское море.

Кыпила въ озерахъ вода;
 Палають села, города;
 Рыдають люде; выють звиры
 И за Тоболомъ у Сибири
 Въ снигахъ ховаються. Симъ лить.
 Сокрыра Божа лись стынала,
 И пожарыще не вгасало
 И меркъ за дымомъ божый свить.

.
 На восьме лито у недилку,
 Неначе ляля въ лёли билій,
 Святее сонечко зійшло.
 Пустыня цыганомъ чорнила:
 Де городъ бувъ, або село, —
 И головня уже не тлила.
 И попилъ витромъ рознесло,
 Былыны навить не осталосьь.
 Тилько однимъ одно хыталось
 Зелене дерево въ степу.
 Червоніе по пустыни
 Червона глына, та тычына,
 Бурьянъ колючый, та будякъ,
 Та инде тырса зъ осокою
 Въ яру чорніе пидъ горою.
 Та дыкый инколы кайзакъ
 Тыхенько выйде на гору
 На тимъ захылимъ верблюди.
 Непевне діеться тоди:
 Мовъ степъ до Бога заговорыть,
 Верблюдь заплаче, и кайзакъ
 Понурыть голову и гяне
 На степъ и на Кара-бутаць, ¹⁾
 Сынгиць-агачъ ²⁾. Кайзакъ вспомьяне,
 Тыхенько спустыться зъ горы

¹⁾ Невелычка ричка

²⁾ Одно дерево.

И згыне въ глыняній пустыни.
 Однимъ единымъ пры долини,
 Въ степу край дороги,
 Стоитъ дерево высоке,
 Покинуте Богомъ;
 Покинуте сокрыю,
 Огнемъ не палыме,
 Шепочеться зъ долиною
 О давній годныи.
 И кайзакы не мынають
 Деревя святого,
 На долину зайижжають,
 Дывуються зъ ёго,
 И моляться и жертвамы
 Дерево благають,
 Щобъ паросты роспустыло
 У ихъ биднимъ край.

Де знаю, якъ теперь ляхы жывуть
 Зъ своимы вольнымы братамы:
 А мы браталыся зъ ляхамы,
 Ажъ покы третій Сыгызмондъ
 Зъ проклятымъ ёго ксёндзамы,
 Не розъедналы насъ. Оттакъ
 Те лихо діялося зъ нами.

Во имя Господа Христа
 И матери Ёго Святой,
 Ляхы прыйшли на насъ войною.
 Святыи Божьи миста
 Ксёндзы скажени осквернылы.
 Земля козача зайнялася,
 И кровью, сыну, помылася,
 И за могылою могыла,

Неначе горы, порослы
 На нашій, сыночку, земли.
 Я жывъ на хутори,
 Я старъ бувъ, немоцень. Пославъ
 Съ табунъ я коней до обозу,
 Гармату, гакивныць два возы,
 Пшона, пшеницы, що прыдбавъ;
 Я всю мызерію оддавъ
 Моій Украйни небози
 И трѣхъ сынивъ своихъ. Нехай,
 Я думавъ гришний, передъ Богомъ
 Нехай хоть часточка убога
 За мене пиде, за нашъ край,
 За церковь Божую, за люде,
 А я молытысь въ хати буду.
 Бо вже нездужавъ, сыну, встать,
 Руки на ворога пиднять.

Зо мною, слухай же, осталысь,
 Даныло, чура мій, та я,
 Та Прися, донечка моя.
 Воно ще тилько выростало,
 Ще тилько, тилько налывалось,
 Мовъ та черешенька. За грихъ,
 За тяжкый, мабуть, грихъ, великый
 Не давъ мени Святий Владыка
 Очей нарадувать старыхъ
 Моимъ дятяткомъ.

Не ходылы
 Ксѣндзы по селахъ, а возылы
 На людяхъ ихъ зъ села въ село.
 Такее то у насъ було!
 Якосъ ихъ, клятыхъ, и до мене
 Въ-ночи на хутирь занесло;
 А зъ ными челядь ихъ сважена,
 Та ще драгуны. Дай мени
 Хочъ колы-небудъ, Боже мылнй,

На свить твоѣй выглянуть зъ могылы --
 Спряжу всю шляхту на огни!
 Воны, воны—не бѣйся, сыну—
 Воны, всѣндзы, мою дытыну
 Зъ собою въ хату завелы,
 Замкнулысь пьяныи, я бачывъ;
 А челядь пьяна полягала
 У клуни на соломи спать;
 Драгуны тежъ. А мы зъ Даныломъ
 Соломы въ сини наносылы,
 А клуню просто запылалы.
 Не встануть, прокляти, опять
 Дитей козачыхъ мордувать!
 Уси до одного згорылы.
 И Прися бидная моя
 Згорыла зъ клятымы. А я
 На пожарыщи хрестъ зъ Даныломъ
 Поставылы, та помолымысь,
 Заплакалы, та й потяглы,
 На коней сившы, до обозу.
 Сыннивъ всихъ трѣхъ моихъ найшлы,
 Та въ добрый часъ и поляглы
 Отгуть у-купи...

.
 А якъ мы былысь, умыралы!
 За що мы головы складалы
 Въ оди могылы? Будешъ жыть,
 То може й знатымешъ, небоже;
 Бо слава здорово крычыть
 За наши головы. А може,
 И про могылы, и про насъ
 Зъ старцямы божымы по селахъ
 Правдыва дума невесела
 Мижъ людьмы ходыть...

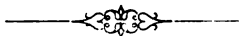
НА РИЗДВО.

(Ө. М. Лазаревському).

Не до-дому въ-ночи йдучы
 Зъ кумыной хаты,
 И не спаты лягаючы,
 Згадай мене, брате,—
 А якъ прыйде нудьга въ гости,
 Та й на ничъ засяде...
 Отоди мене, мій друже,
 Зовы на пораду!
 Отоди згадай—въ пустыни,
 Далекы, надъ моремъ,
 Свого друга веселого,
 Якъ винъ горе боре.
 Якъ винъ, свои думы тии
 И сердце убоге
 Заховавши, ходить соби
 Та молыться Богу,
 Та згадае Украину
 И тебе, мій друже;
 Та иноди й пожуриться...
 Звычайне—не дуже;
 А такъ-тыльки... На-двори, бачъ,
 Наступае свято...
 Тяжко его, друже-брате,
 Самому стричаты
 У пустыни!.. Завтра рано
 Заревуть дзвиници
 Въ Украини, завтра рано
 До церкви молытысь
 Пійдуть люде... Завтра жъ рано
 Завые голодный
 Звирь въ пустыни, и повіе

Ураганъ холодный,
 И занесе пискомъ, снегомъ
 Куринь — мою хату.
 Отакъ мени доведеться
 Свято зостричаты!..
 Що жъ дѣяты?.. На те й лыхо,
 Щобъ зъ тымъ лыхомъ бытысь...
 А ты, друже мій єдиный,
 Якъ маешъ журытысь,
 Прочытай оцю цидулу
 И знай, що на свити
 Тилькы й тяжко, що въ пустыни
 У неволи жыты...
 Та й тамъ жывуть, хочъ погано...
 Що жъ дѣяты маю!..
 Треба бь вмерты, — такъ надія,
 Брате, не вмірае!

Косъ Араль, на Аральскому мори, 24 Декабря 1848.

Неначе степомъ чумаки
 У-осены верству проходить,—
 Такъ и мене мынають годы;
 А я й байдуже. Книжечкы
 Мережаю, та начыняю
 Такы, виршамы, — розважаю
 Дурную голову свою
 Та кайданы соби кую...
 Якъ ци добродіи дознають!..
 Та вже жъ нехай хочъ розипнуть,
 А я безъ вирши не улежу:
 Уже два годы промерезавъ
 И третій въ добрый часъ почну.

Ва сонцемъ хмаронька плыве,
 Червони полы розстилае,
 И сонце спатонькы зове
 У сыне море; покрывае
 Рожевою пеленою,
 Мовъ маты дытynu...
 Очамъ любо... годиночку,
 Малуу годину
 Нибы серце одпочыне,

Зъ Богомъ заговорить...
 А туманъ - неначе ворогъ —
 Закрывае море
 И хмароньку рожевую;
 И тьму за собою
 Розстилае туманъ сивый,
 И тьмою нимою
 Оповые тоби душу,
 Й не знаешь, де дитись.
 И ждешъ ёго, того свиту,
 Мовъ матери диты...

И небо невмыте, и заспани хвыли
 И по-надъ берегомъ геть-геть,
 Неначе пьяный, очереть
 Безъ витру гнеться. Боже мылый!
 Чи довго буде ще мени
 Въ оцій незамкнутой тюрми,
 По-надъ оцимъ никчемнымъ моремъ,
 Нудыты свитомъ?.. Не говорить —
 Мовчыть и гнеться, мовъ жыва,
 Въ степу пожовкляя трава;
 Не хоче правдонькы сказать,
 А бильше ни въ кого спытать...

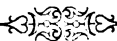
Мовъ за подушне, оступылы
 Оце мене на чужыни
 Нудьга и осинь... Боже мылый!
 Де жъ заховатися мени?
 Що дияты? Уже й гуляю

По цимъ Аралу, и пышу—
 Виршую—нищечкомъ гришу—
 Богъ-зна-колышніи случаи
 Въ души своій перебираю
 Та спысую, щобъ та печаль
 Не перлася, якъ той москаль,
 Въ самотню душу... Лютый злодій
 Впирається табы та й годи...

И зновъ мени не привезла
 Ничого почта зъ Украины!
 За гришныи, мабутъ, дила
 Караюсь я въ оцій пустыни
 Сердытымъ Богомъ. Не мени
 Про тее знать, за що караюсь;
 Та й знать не хочеться мени...
 А сердце плаче, якъ згадаю
 Хоть невеселыи случаи
 И невеселыи ти дни,
 Що пронеслися надо мною
 Въ мойй Украины колысь.
 Колысь божылысь та клялысь,
 Браталысь, сестрылысь зо мною,
 Покры, мовъ хмара, розійшысь —
 Безъ слёзъ—росы тїи святой.
 И довелося зновъ мени
 Людей на старости... Ни, ни!
 Вони зъ холеры повмиралы —
 А то бь хочъ клаптыкъ переслалы
 Того паперу...

Ой изъ журбы та изъ жалю,
 Щобъ не бачыть, якъ чытають
 Лысты тыи,—погуляю,

Погуляю по-надъ моремъ,
Та розважу свое горе,
Та Украину згадаю.
Та писеньку заспиваю.
Люде скажуть, люде зрадать,
А вона мене порадыть,
И порадыть и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

НА ВКРАИНУ.

Немає гирше, якъ въ неволи
 Про волю згадувать. А я
 Про тебе, воленько моя,
 Оце нагадую. Николи
 Ты не здавалася мени
 Такою свиже-молодою
 И прехорошою такою,
 Якъ на далекій чужьни,
 Та ще й въ неволи. Доле! доле!
 Моя проспиванная воле!
 Хочь глянь на мене зъ-за Днипра,
 Хочь усмихнися зъ-за...

И ты, моя едняя,
 Встаешь изъ-за моря,
 Зъ-за туману, слухняная
 Рожевая зоре!
 И ты, моя едняя,
 Ведешь за собою
 Литя мои молодьи,
 И передо мною,
 Нибы море, выступають
 Широки села
 Зъ вышневыми садочками,
 И люде весели;
 И ти люде, и село те,
 Де колысь, мовь брата,
 Привитали мене. Маты,
 Старесенька маты!
 Чи збираються ще й доси
 Веселы гости
 Погуляты у старои,

Погуляты просто
 По давнѣму, по-старому —
 Одъ свиту до свиту?
 А вы, мои молодьи,
 Чорнявыи диты,
 Веселыи дивчаточка!
 И доси въ старой
 Танцюете? А ты, доле,
 А ты, мій покою,
 Мое свято чернобрыве!
 И доси мижъ ными
 Тыхо, пышно похожаешъ?
 И тымы очыма
 Ажъ чорными голубыми
 И доси чаруешъ
 Людськи души? Чи ще й доси
 Дывуються всеу
 На станъ гнучкый? Свято мое,
 Едынее свято!
 Якъ оступлять тебе, доле,
 Диточки-дивчата
 Й защебечуть по своему
 Доброму звычаю,
 Може й мене пенарокомъ
 Диточки згадають;
 Може, яка и про мене
 Скаже яке лыхо.
 Усмихныся, мое сердце,
 Тыхесенько, тыхо,
 Щобъ никто и не побачывъ,
 Та й бильше ничего.
 А я, доленько, въ неволи
 Помолюся Богу.

1849, Надъ Араломъ.

И широкую долину,
 И высокую могилу,
 И вечернюю годину,
 И що снылось, говорылось—

Не забуду я.

Та що зъ того?.. не побралысь:—

Розійшыся, мовъ не зналысь...

А тымъ часомъ дороги

Лита наши молоды

Марне пронеслись.

Помарнили мы обое,

Я—въ неволи, ты—вдовою.

Не жывемъ, а тилькы ходымъ

Та згадуемъ тыи годы,

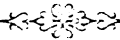
Якъ жылы колысь.

Якъ-бы зострылся мы знову,
 Чи ты злякалася бъ, чи ни?
 Якее тыхее ты слово
 Тоди бъ промовыла мени?
 Ніякого! и не пизнала бъ!
 А може бъ потимъ нагадала,
 Сказавшы: снылося дурній...
 А я зрадивъ бы, мое дыво,
 Моя ты доле чернобрыва,
 Якъ бы побачывъ, нагадавъ
 Веселее, та молодее
 Колышне лишенько лыхее.
 Я зарыдавъ бы, зарыдавъ

И помолывсь, що не правдывымъ,
 А сномъ лувавымъ розійшлось,
 Слизьмы-водою розлылось
 Колышнее святее дыво.

Якъ маю я журытыся—
 Докучаты людямъ:
 Пійду соби свить-за-очи!
 Що буде, те й буде!
 Найду долю—одружуся,
 Не найду—втоплюся,
 Та не продамсь я никому,
 Въ наймы не наймуся.

Пишовъ же я свить-за-очи...
 Доля заховалась,
 А воленьку люде добри
 И не торгували,
 А безъ торгу закнулы
 Въ далеку неволю,
 Щобъ не росло таке зілля
 На нашому поли...

КОЗАЦЬКАЯ ДОЛЯ.

На що мени женытсья?
 На що мени братысь?
 Будуть зь мене молодого
 Козаки сміятысь.
 «Оженывся», вони скажуть,
 «Голодный и голый,
 Занапастывь, нерозумный,
 Молодую волю!»
 Воно й правда. Що жь діаты?
 Навчить мене, люде.
 Иты хйба до вась вь наймы?
 Чи до ладу буде?
 Ни, не буду чужи воли
 Пасты, заганаты;
 Не буду я вь чужій хаты
 Тещу поважаты;
 А буду я красуватысь
 Вь голубимь жупани
 На коньку вороному
 Передь козаками..
 Найду соби чорнобрыву
 Вь степу пры долини —
 Высокую могылоньку
 На тій України.
 На весилля товариство
 Выйде погулаты,
 Та вынесе самопалы,
 Выкотыть гармату.
 Якъ понесуть товариша
 Вь новую свитлыцю,
 Загомонять самопалы,
 Гукнуть гакывныци.

Якъ положить отамана
 Въ новій хати спаты—
 Загомоньть, якъ та маты,
 Голосна гармата.
 Гукатыме, крычатыме
 Не одну году, ну,
 И рознесе тую славу
 По всій Украини.

1849 р. Пидь Араломъ.

къ бы тоби довелося
 Въ насъ попануваты,
 То знавъ бы ты, пане брате,
 Якъ ихъ называты,
 Отыхъ твоихъ безталанныхъ
 Дивчатокъ покритыхъ;
 А то верзе бисы-зна-що,
 Та й думае: мы-то,
 Мы то людямъ покажемо
 Оцыхъ безталанныхъ,
 Та навчымо шануватысь
 Паньчывъ поганыхъ.
 Шкода й пради! Поки села,
 Поки паны въ селахъ—
 Будуть соби тынятыся
 Покриты весели
 По шыночкахъ зъ москалямы,
 И не турбуйсь, брате!
 — Добре, кажу. А все такы
 Невельчку нате
 Оцю одну останнюю.
 Слухайте жь, панята!

Дивчата на луци греблы,
 А парубкы копыци клалы,
 Та и знай на сонце позыралы,
 Та нисенитныцю верзлы;
 Звычайне, хлопци; а дивчата,
 Мовь ти сорокы цокоталы,
 Та до крыныци уцащали —
 У ярь погулаты.

Найкращая зь всёго села
 Давненько вже у ярь пишла,
 Узавшы глечыкъ, та й немає;
 А лановый и не шукае,
 Мовь и не бачыть. Не новый
 Оцей лукавыи лановый —
 Стара собака, та ще й быта.
 У бальци стало щось крычатъ.

Побиглы хлопци рятовать.
 А тамъ панычъ несамопытый,
 Недолитокъ таке творыть —
 Сердешну дивчыну мордуе;
 Сердешна дивчына крычыть...
 Прыбиглы хлопци не рятують —
 Боятся пана. А одынъ,
 Що наймолодший, озырнувшысь,

Та выламы пана

И просадывъ, мовь ту жабу...

Застогнавъ поганецъ

Та й... Порадылысь,

Далы въ городъ знаты.

Судь найихавъ; подывылысь,

Попылысь завзято

Судовыкы. Закувалы

Хлопця молодого,

Та въ тюрму заквасувалы.

Та й бильше ничего.

На верстовімъ шляху, въ поли,
 Корчма пидъ вербою
 Стоитъ соби въ холодочку;
 А по-пидъ корчмою
 Сыдятъ въ путахъ арестанты.
 Трохы одпочты
 Позволено бидолахамъ,
 Та воды напытысь.
 Сыдятъ соби розмовляють,
 А де-хто й куняе.
 А зъ-за горы поїизжане
 На шляхъ выїизжають,
 Ажъ тры тройкы. И звычайне,
 Коло корчмы стали:
 Даты конямъ одпочты,
 Та й дружкы прыстали,
 Спиваючы. Оттожъ стали.
 Молодая встала,
 Взяла кварту оковыты,
 Та й почаствовала
 Сердешного невольныка
 И ёго сторожу.....
 Колю дыветься, погляне—
 Боже, мылый Боже!
 Мижъ невольныкамы въ путахъ
 Той самый еднний,
 Йійи местникъ безталаннний,
 Несе зъ Украины
 Ажъ у Сибирь ланцюгъ, пута.
 А ты будешъ тута
 У роскоши и не будешъ
 Ни знаты, ни чуты
 Ёго плачу вседневною.
 Не почаствовала
 Свого местныка святого
 И не прывитала;
 Тилько глянула на ёго
 Та й бiльше ничего.

По переду пойизжане
 Рушылы въ дорогу,
 А за нымы й невольныкы
 Пубрязкалы цутомъ
 По-надъ шляхомъ. И никого
 Не видно, не чуты
 Коло корчмы; одна соби
 Покры-що осталась
 Зъ шинкаркою. Кругомъ неи
 Дымомъ розстилалась
 Въ поли курява.

И смерклося.

И вкь невеликый.
 Не тилько день. На хутори
 Танци та музыкы
 Ажъ до пивночи. Прыдане
 Постиль пишлы стлаты
 У комору; а молода
 Выйшла мовчки зъ хаты,
 Та й пропала. Скризь шукалы,
 До свиту шукалы,
 Та не найшлы. Де-жь подилась?
 Де? Помандрувала
 За невольныкомъ убогымъ
 У Сибирь... Та й годи.

МАТЫ ПОКРЫТКА.

V нашимъ раи, на земли,
 Ничого крацого немае,
 Якъ тая маты молодая
 Зъ своимъ дятяточкомъ малымъ.
 Бувае, иноди дывлюся,
 Дывуюсь дывомъ—и печаль
 Охватить душу, стане жаль
 Мени ййи... и зажүрюся,
 И передь нею помолюся,
 Мовъ передь образомъ святымъ
 Тіей матери святой,
 Що въ миръ нашъ Бога принесла.

Теперь ій любо, любо жыты!
 Вона середь-ночи встае,
 И стереже добро свое,
 И дожыдае того свиту,
 Щобъ зновъ на ёго подывытысь,—
 Наговорытысь... «Це мое,
 Мое...» —и дывытыся на ёго,
 И молытыся за ёго Богу,
 И йде на улыцю гулять
 Гордише самой царыци,
 Щобъ людямъ, бачте, показать
 Свое добро... «А подывытыся —
 Мое найкраще надъ всима!»
 И ненарокомъ иншыи гляне,—
 Весела, рада,—Боже мій!
 Несе до дому свого Йвана,
 И ій здається все село
 Весь день дывылося на ёго,
 Що тилькы й дыва тамъ було,

А бильше не було ничего...
Щасливая!....

Лита мынають;
По троху диты вырастають;
И вырослы и розійшлысь
На заробиткы, въ москали...
А ты осталася, небого,
И не осталося никого
Сь тобою дома... Наготы
Старои ничымъ одягты
И вытопыть зимою хату;
А ты нездужаешъ и встаты,
Щобъ хочъ огонь той розвесты...
Въ холодній молышся осели
За ихъ, за диточокъ...

А ты,
Велькомучынице! села
Мжнаешъ, плачучы, въ-ночи;
И полемъ, степомъ идучы,
Свого ты сына закрываешъ,
Бо й пташка иноди пизнае
И защебече: — онъ, байстрия
Несе покрытка на базарь.—
Безталанная! де дилася
Краса твоя тая,
Що вси люды дывовалысь?
Пропала, немає!..
Все забрала дытыночка...
И выгнала зъ хаты;
И вийшла ты за царыну,
Зъ хреста нибы знята;
Старци тебе цураються,
Мовъ тьи проказы;
А воно таке маленьке—
Воно ще й не лазыть,
И колы то воно буде
Гратысь— и промовыть
Слово: «мамо» — великее,

Найкраще слово!...
 Ты зрадієшъ—и роскажешъ
 Дытны правдыво
 Про паньча лукавого,—
 И будешъ счаслыва...
 Та недовго: бо не дійде
 До-зросту дытна,—
 Пійде соби слипця водыть,
 А тебе покыне
 Каликою на роспутти,
 Щобъ собакъ дражныла,
 Та ще й вылае... за те, бачъ,
 Що на свить родыла,
 И за те ще, що такъ тяжко
 Дытну любыла...
 И любытимешъ, небого,
 Поки не загынешъ
 Межи псама на морози,
 Де-небудъ пидъ тыномъ...
 Отъ тымъ мени и жалъ стане
 Матери небогы
 Що вона ёго такъ любыть
 Такъ гыне за ёго;
 За те чадо поганее
 Занапастыть въ свити
 Найкраще добро свое —
 Молодыи лита.
 А воно,—бувае зъ ёго
 Не выйде ничого,
 Або выйде недолюдокъ
 Сатана безрога!
 И николи изъ байстрыы
 Не матыме маты
 Соби доброй дытны,
 Хочъ вона й багата.
 Добре оттимъ панамъ жыты —
 Ничого не знаютъ!

И не знают, якъ ихъ диты
 У ихъ выростають?
 Бо матери тамъ не мають,
 А мамку наймають.

Вацвила въ долини
 Червона калына,
 Ныбы засміялась
 Дивчына-дытына.
 Любо-любо стало,—
 Пташечка зрадила
 И защебетала...
 Почула дивчына
 И, въ билій свытыни,
 Зъ биленьею хаты
 Выйшла погуляты
 У гай на долину.
 И выйшовъ до неи
 Зъ зеленого гаю
 Козакъ молоденькый.
 Цилюе, витае,—
 И йдутъ по долини
 И йдучы спивають,
 Якъ диточокъ двое;
 Пидъ тую калыну
 Прыйшли, посадали,
 И поцилувались...
 Якого жъ мы раю
 У Бога благаетъ?

Не такъ тїи ворогы,
 Якъ добрии люде—
 И окрадутъ жалуючы,
 Плачучы осудать,
 И попросятъ тебе въ хату.
 И будутъ витаты,
 И пытать тебе про тебе,
 Щобъ потимъ сміятись,
 Щобъ зъ тебе сміятись,
 Щобъ тебе добыты.

Безъ ворогивъ можно въ свити
 Якъ-небудъ прожыты;
 А си добри люде
 Найдуть тебе всюды,
 И на тимъ свити, добрягы,
 Тебе не забудуть.

П. С.

Де жаль на злого: коло ёго
 И слава сторожемъ стоять;
 А жаль на доброго такого,
 Що й славу вміе одурить.

И доси нудно, якъ згадаю:
 Готычеській зъ часамы домъ,
 Село обидране кругомъ,
 И шапочку мужыкъ знимае,
 Якъ флагъ побачить: значить панъ
 У себе зъ прычетомъ гуляють.
 Оцей годованый кабанъ,
 Оце ледащо—щырый панъ,
 Потомокъ гетьмана дурного
 И презавзятый патріотъ,
 Та й хрыстіянынъ ще до того!
 У Кывивъ йиздыть всякій годъ;
 У свыти ходыть міжъ панамы
 И пье горилку зъ мужыкамы,
 И вольнодумствуе въ шынку.
 Отутъ винъ ввесь, хочъ надрууѣ!
 Та ще въ сели своихъ дивчатокъ
 Перебирае; та спроста
 Такы своихъ байстрыхъ зъ десятокъ
 У годъ поддержыть до хреста.
 Та й тилько-жъ то... Кругомъ паскуда!
 Чому жъ ёго не такъ зовуть?
 Чому на ёго не плюють?
 Чому не топчуть? Люде, люде!
 За шмать гнылой ковбасы
 У васъ хочъ матирь попросы,

То оддасте... Не жаль на ёго,
На пьяного Петра кривого,
А жаль великый на людей,
На тыхъ юродивыхъ дитей.

МАРЫНА.

Неначе цвяшокъ въ сердце вбитый,
 Оцю «Марыну» я ношу.
 Давно бѣ списать несамовыту,
 Такъ що жъ? сказали бѣ, що брешу;
 Що на панивѣ, бачышъ, сердытый,
 То все такее и пышу
 Про ихъ собачьи звычаи.
 Сказали бѣ просто: дурень лае
 За те, що самъ крипакъ,
 Неодукованый сиракъ.
 Не правда—ій-Богу, не лаю!
 Мени не жаль, що я не панъ,
 А жаль мени, и жаль великый,
 На просвищенныхъ хрыстіянь.
 И звить того не зробить дыкый,
 Що вы, бьючи поклоны,
 Зъ братамы діете. Законы...

. . . . писани за васъ,
 То вамъ байдуже—въ добрый часъ!
 У Кывѣ йиздыте що-року.
 Та сповидаець, нивроку,
 У схымныка.

Та й те сказать,
 Чого я турбуюсь;
 А ви злого, ни доброго
 Я вже не почую.
 А якъ, кажу, хто не чуе,
 То тому й байдуже.
 Прилитай же зъ Украины,
 Едыный мій друже,
 Моя думо пречыстая,
 Вирная дружыно!

Та розкажи, моя зоре,
 Про тую Марыну:
 Якъ вона у пана злого
 И за що страдала;
 Та нищечкомъ, щобъ не чулы,
 Або не дозналысь;
 А то скажуть, що по шляхахъ
 Чынемо розбои,
 Та ще дальше заправторять;—
 Пропадемъ обоє.

.

..... Недавно се було.
 Черезъ село весилля йшло,
 А панъ зъ костѣлу йхавъ,
 Чи управитель, а не панъ.
 За выхлясамы приданъ,
 За зыкомъ, та за смихомъ,
 Нихто й не бачывъ, якъ пройхавъ
 Той управитель, ляхъ ледачый!
 А винъ такъ добре бачывъ,
 А надто молодую.
 За що пакъ мылує Господь
 Лыхую тварь такую,
 Якъ сей правитель? Другый годъ,
 Якъ винъ зъ немецкымы плугамы
 Забрался голый въ цей кутокъ,—
 А що тыхъ бидныхъ покритоць
 Пустывъ по свиту съ байстрюкамъ!
 Отъ-же й ничего! А жонатый,
 И мае двое диточокъ,
 Якъ янголяточокъ.
 Дивитесь—вийшла погуляты,
 Мовъ краля, пани молодая,
 Зъ двома маленькымы дитьмы.
 Изъ коча панъ мій вылизае
 И посыла за молодымъ.

А потимъ диточокъ витае
 И жинку, кралю молодую,
 Ажъ трычи бидную цилуе.
 И розмовляючы, пишлы
 Соби въ покои. Незабаромъ
 И молодого привелы.
 На завтра въ городъ одвезлы,
 Та й заголылы въ москаля.
 Отакъ, по нашому звычайу,
 Не думавшы кончають!

А молода? Мабуть безъ пары
 Судылось Господомъ зносыть
 Красу и молодость. Мовъ чары,
 Розсыпалось та розлылось...
 И знову въ люде довелось
 Просытысь въ наймы? Ни, не знову:
 Вона вже панна покоёва,
 Уже Марысею зовуть,
 А не Марыною. Найпаче
 Сердешній плакаты не дають;
 Вона жъ сховається, та й плаче,
 Дурна! Й шкода мужыка,
 Та жаль святого сиряка.—
 А глянь лышь гарно кругомъ себе:
 И раю крапцого не треба!
 Чого ты хочешъ—забажай,
 Всёго дадутъ, та ще й багато.
 Не треба, кажешъ, дайте хату!
 Сёго вже лучче й не благай,
 Бо це... сама, здорова, знаешъ...
 Дывыся, огеремъ якимъ
 Самъ панъ кругъ тебе нохожае,—
 Уже чи добрымъ, чи лыхымъ,
 А будешъ панською риднею,
 Хиба повисышся... За нею
 Прыходыла маты
 У пана просыты;

Звелівъ не пускаты,
 А якъ прийде—быты.
 Що тутъ їй робыты?
 Пишла рыдаючы въ село,—
 Однимъ одно дытя було,
 Та й те пропало...

Неначе воронъ той, летячы,
 Про непогоду людямъ кряче:
 Такъ я про слёзы, та печаль,
 Та про байстрять отыхъ ледачыхъ
 Хоть и никому ихъ не жаль,
 Росказую, та плачу.
 Мени ихъ жаль!.. Мій Боже мыйий!
 Даруй словамъ святую силу—
 Людськее серце пробывать,
 Людськыи слёзы проливать,—
 Щобъ милость душу осинила,
 Щобъ спала тихая печаль
 На очи ихъ, щобъ стало жаль
 Моихъ дивчатокъ, щобъ навчылись
 Путиами добрыми ходыть,
 Святого Господа любыть
 И брата мыловать.

Насылу

Прийшла до-дому. Подывлась—
 Цвты за образомъ святымъ,
 И на викни стоять цвты;
 На стинахъ хварбама хресты,
 Неначе добрая картына,
 Понамалёвани... Марына,
 И все Марына, все сама...
 Тилько Марыночки нема...
 И ледве, ледве выйшла зъ хаты.
 Пишла на гору—на прокляти
 Палаты глянуть; та й пишла
 Ажъ до палать. Пидъ тыномъ сила
 И ничъ цилисяньку сыдила

Та плакала. Уже въ села
 Ватажныкы ватагу гналы,
 А маты плакала, рыдала.
 Уже и сонечко зійшло,
 Уже й зайшло—смеркаты стало,
 Не йде, сердешная, въ село—
 Сыдыть пидь тыномъ. Проганялы,
 Уже й собаками цькували—
 Не йде, та й годи.

А Марына въ сукни билій,
 Неначе билыця,
 Богу мольться, та плаче,
 Замкнута въ свитлыци.

Опричь пана, у свитлицю
 Нихто не вступае:
 Самъ и ийсты ій приносятъ,
 И просыть, благае,
 Щобъ на ёго подывылась,
 Щобъ утерла очи.
 И дывытыся не хоче,
 И йисты не хоче.
 Мордується ляхъ поганый,—
 Не зна що й початы.
 А Марына вяне, сохне
 У билыхъ палатахъ.
 Уже й лито минулося,
 Зима вже на двори;
 А Марына сыдыть соби,
 Уже й не говорить
 И не плаче. Отакъ ййи
 Доканавъ, небогу,
 Той правытель! А все-такы
 Не вдіе ничого...
 Хочъ зарижъ ййи та й годи!
 Така вже вродылась.

Разъ у-вечери зимою
 Марына дывылась

На лись чорный; а зъ-за лису
 Червоный дижою
 Мисяць сходявь. — «И я колысь
 Була молодую!...» —
 Прошентала, задумалась,
 Потимъ заспивала:

«Хата на помости!
 Найихалы гости.
 Росплиталы косы,
 Та стричкы знималы.
 А панъ просыть сала,
 А чортъ йисты просыть.
 Гусы, гусы били
 Въ ирій полетили,
 А сири—на море».

Завылы пси на двори,
 Зареготалыся псари,
 А панъ, червоный ажъ горыть,
 Иде въ свитлицю до Марыны,
 Язь Кырыкъ пьяный...
 Нибы въ хати,
 На холоди сердешна маты
 Пидь тыномъ, знай соби, сыдыть.
 Стара неначе одурила.
 Морозъ лютуе, ажъ скрыпыть,
 Луна червона побиллила,
 И сторожь боязно крычыть,
 Щобъ злого пана не збудыть.
 Ажъ глядь—палаты зайнялися.
 Пожарь! пожарь!.. И де взялися
 Ти люде въ Бога! Мовъ зъ землі
 Родылися и тутъ росли,
 Неначе хвыли напльвалы,
 Та на пожарь той дывувалысь.
 Та й дыво тамъ такы було!
 Марына гола-на-голо

Передъ будынкомъ танцювала
 У-пари зъ матерью, и—страхъ!—
 Зъ ножемъ окровленнымъ въ рукахъ,
 И приспивувала:

«Чи не це-жъ та кумася,
 Що пидтыкалася!..
 Якъ була я пани
 Въ новому жупани.—
 Панычи лыцямсь,
 Руку цилувалы». (До матери).

— А вы до мене на весилля
 Зъ того свиту прыйшли?
 Мени вже й косу роспелы,
 Та панъ прыхавъ. Гыля! гыля!
 Чи то не гусы, то паны!
 Дывыся—въ прій полетилы...
 Агу! гыля до сатаны,
 До чорта въ гости... Чуешъ! чуешъ!
 У Кыви вси дзвоны дзвонять.
 Чи бачышъ—онъ огонь горить,
 А панъ лежыть соби, чытае
 И просыть пыты... А ты знаешъ,
 Що я зарізала ёго?..
 Дывыся—онъ-де головнею
 Стоить на комини... Чого,
 Чого ты дывышся на ней?
 Це маты, маты! не дывысь!
 А то зъвсы. Ось на, давысь!

(Дас дуля и спивае)

«Полюбыла москаля,
 Та ще й зубы выскала!
 Москаля, москаля
 Запасокъ навезлы;
 Панычи—
 Дукачивъ;
 А поповычи зъ миста
 Навезлы намыста.

Бый, дзвоне, бый—
 Хмару розбый!
 Нехай хмара
 На татары;
 А сонечко на хрыстьяне!
 Бый, дзвоне, бый!»

Маты.

Марыночка! Ходимо спать!

Марына.

Ходимо спать, бо завтра рано
 До церкви пидемо. Поганый—
 Дывыся—лизе цилувать.
 Ось тоби, на!

Маты.

Ходимо спать! (До людей)
 Хрыщени люде, помогите!

Марына.

Берить мене! берить, вяжите,
 Ведить до пана у свитлицю!
 А ты чи пидешь подывытсья,
 Якою панною Марына
 У папа взаперти сыдыть
 И вяне, сохне, гыне, гыне
 Твоя едывая дытына,
 Твоя Марыночка? (Спяе)
 «Ой гыля, гыля, сирны гусы,
 Гыля на Дунай!
 Завязала головоньку—
 Теперь сыды, та думай!»
 И пташкамь воля въ чыстимь поли,
 И пташкамь весело литать...
 А я зовьянула въ неволи... (Плаче)
 Хоча-бъ намысто було взять,—
 Оце бь повислась... оть бачышь.

Теперъ и шкода!.. Хочъ топысь!
 Чого жъ ты, мамо моя, плачешъ?
 Не плачь, голубочко, дывысь:
 Це я—Марыночка твоя.
 Дывыся—чорная змія
 По снигу лизе... Утечу!
 У ирій знову полечу!
 Бо я зозулею вже стала...
 Чи винъ у гости не приходивъ?
 Убылы, мабудь, на войны...
 А знаешъ—смылося мени:
 У-день неначе мисяць сходивъ;
 А мы гуляемъ по-надъ моремъ
 У-двохъ собі. Дывлюся—зори
 Попадали, неначе въ воду;
 Тилько осталася одна,
 Одна, однисенька на неби.
 А я, неначе нависна,
 Въ Дунаеви шукаю броду;
 Зъ байстрамъ розхристана бреду.
 Сміються люде надо мною,
 Зовуть покриткою, дурною;
 И ты смієшся, а я плачу.
 Ба ни! не плачу—регочусь...
 Дывыся—якъ я полечу.
 Бо я—сова...»

Та й замахала,
 Неначе крилами, руками
 И пострыбала черезъ двіръ
 У поле, व्यючы, мовъ звірь.
 Пошкандыбала стара маты
 Свою Марыну доганяты.
 Паны до одного спеклись,
 Неначе добри поросята;
 Згорили били палаты;
 А люде тыхо розійшлись.

Марыны й матери не стало..
Уже весной, зябь оралы,
Два трупы на поли найшлы
И на могыли поховалы.

СОТНЫКЪ.

У Оглави... Чи по знаку
 Кому цей Оглавъ билохатый?
 Троха лишъ! Треба розказаты,
 Щобъ зъ жалю не зробить смиху.

Одъ Борысполя недалеко,
 А буде такъ, якъ Борысполь,
 И доси ще стоить любенько
 Рядокъ на выгони тополь;
 Неначе зъ Оглава дивчата
 Ватагу выйшли выглядаты,
 Та й стали.

Буде вже давно—
 Оттуть, бувало, изъ-за тыну
 Вылась квасоля по тычынн;
 И зъ оболонками виєно
 Въ садочокъ литомъ одчынялось,
 И хата, бачыте, була
 За тыномъ — сотныкова хата.
 А сотныкъ бувъ соби багатый,
 То въ ёго, знаете, росло
 На Божій харчи, за дытыну,
 Чієсь байстря. А може, й такъ
 Узявъ соби старый козакъ
 Чію сыритку за дытыну,
 То й доглядає вь-затышку,
 Якъ квиточку, чужу дочку.
 А сына — (Сотныкъ бувъ жонатый,
 Та жинка вмерла) сына давъ
 У бурсу въ Кывь обучатысь.
 А самъ Настусю пиджыдавъ,

Таки годованеу, щобъ зъ нею
 Соби зробытыся риднею:
 Не сына зъ нею поеднать,
 А забандюрлось старому
 Самому въ дурняхъ побувать.
 А щобъ не знать було никому,
 То ще й не радывся ни зъ кымъ,
 А тилько самъ соби гадае;
 А жиночки... лыхый ихъ знае!
 Уже сміялися надъ нымъ,—
 Вони цю страву носомъ чують.

.

Сыдыть сотныкъ —
 Та думку гадае:
 А Настуся по садочку
 Пташкою литае.
 То посыдыть коло ёго,
 Руку поцилуе;
 То усымы страшенными
 Сывымы пустуе.
 Ну—звычайне, якъ дытына—
 Пестуе старого.
 А старому не до того:
 Иншого якогось,
 Гриховного пестування
 Старе тило просить.
 И пальцями старый сотныкъ
 Настусены косы,
 Мовъ дви гадыны велыки,
 До-ушы сплитае;
 То росплете, та кругъ шыи
 Трычи обмотае.
 А вона, моя голубка,
 Ничого не знае;
 Мовъ кошени на прыпичку
 Зъ старымъ котомъ грае.

Сотыныкь.

Та одчепысь, божевильна!
Дывысь лышень—косы,
Мовь русалка, розтрипала.
А чому ты й доси
Никола не вплетешь кисныкы,—
Отти що титка привезла?

Настя.

Якъ-бы пустылы на музыкы,
То я бь кисныкы заплела,
Надила бь жовти черевыкы,
Червону бь юпку одагла,
Заквитчала бь барвинкомь косы.

Сотыныкь.

Стривай, стривай, простоволоса!
Дурненька: де бь же ты взяла
Того барвинку заквитчатись?

Настя.

А коло тыну. Тамь такы
Порись зелены, та хрещаты,
Та сныи, сине-голубы,
Зацвивь. . . .

Сотыныкь.

Не будешь дивуваты!

Настя.

А що жь, умру хйба?

Сотыныкь.

Ба ни!

А снылось въ-осены мени,
Тоди якь щепы мы щепылы,
Якъ прыймуться... мени прыснылось...
Якъ прыймуться, то въ-осены
Ты выйдешь замижь.

Настя.

Схаменусь!
И щепы ваши поламаю.

Сотникъ.

И якъ барвинокъ зацвите...

Настя.

То я й барвинокъ позрываю.

Сотникъ.

А одъ весилля не втечешь!

Настя.

Ба ни, втечу, та ще й заплачу. (Плаче).

Сотникъ.

Дурна ты, Насте, якъ я бачу, —
И посміяться не дасы!
Хиба не бачышь, я жартую.
Пиды лышь скрыпку прынесы:
Та зъ лыха гарно потанцюешь,
А я заграю.

Настя.

Добре, тату!
(И веселенька шастъ у хату).

Сотникъ.

Ни, трохи треба подождать.
Воно-бъ то такъ, та отъ що, брате:
Лита не ждуть, лита летять;
А думка проклята марою
До серця такъ и прыросла.
— А ты вже й скрыпку прынесла!
Яку жъ мы вчыстымо зъ тобою?

Настя.

Е ни, стривайте, цурь не грать!
А то не буду й танцювать,
Поки барвинку не нарву,
Та не уквитчаюсь. Я заразъ!

(Иде недалечко, рве барвинокъ, квитчається и спивае. Сотникъ налагожує скрынку).

Сотникъ.

Отъ же одна вже й увирвалась;
Стривай, и другу увирву.

Настя.

(Вертається заквитчана, спиваючи).

Якъ-бы мени крыла, крыла
Соколыны,
Полетила бь я за мылымъ
За дружыною.
Полетила бь у диброву,
У зеленый гай.
Полетила бь черноброва
За тыхий Дунай!

(Тымъ часомъ, якъ вона спивае, у садочокъ входить молодой хлопецъ въ соломяному брыли, въ короткому сынѣму жупанку, въ зеленыхъ шараварахъ, зъ торбыною за плечыма и зъ нагаежъ).

Петро.

Зь тымъ днемъ, що сѣгодня,
Боже, помогай!

Настя.

Тату! тату! Петро, Петро
Изъ Кыва прыйшовъ!

Сотникъ.

А, выдомъ выдаты, слыхомъ слыхаты! Чи по воли, чи по неволи?

Петро.

По воли, тату, та ще й богословомъ.

Сотникъ.

Овъ!

Настя.

Богословомъ! Ажъ страшно!

Сотникъ.

Дурна, чого ты боишся! (Подходить до сына, хрстыть ёго в щеле).
Боже, тебе благословы, моя дытныно. Настусю! поведы ёго въ покой, та нагодуй: бо винъ ще, може, й не обидавъ.

Петро.

Та такы й такъ. (Йде въ свитлицю зъ Настею).

Сотникъ. (Самъ).

И дарувавъ же мени Богъ
Таке дытя, такого сына!
И богословъ уже... прычына,
Прычына мудрая. (Задумується). Чого,
Чого я думаю? Въ поны!
А якъ не схоче, то на Сичъ—
И тамъ не згыне, вражый хлопецъ.
Итты лыщъ въ хату. Отъ ще ричъ:
Заставыть треба богослова,
Щобъ дома байдькивъ не бывъ,
Щобъ винъ гуляючы навчывъ
Настусю заповидь. Щобъ знову
Не довелось дяка наймать,
Якъ для покойной. А знаю,
Безъ сёго вже не повинчае
Отець Хома... Питты сказать,
А то забуду. (Йде въ Хату).

Жыть бы, жыть, хвалыты Бога,
 Кохатыся въ дитяхъ;
 Такъ же ни, самому треба
 Себе одурты.
 Оженныся старому
 На такой дытныни!
 Схаменныся, не женныся:
 И вона загыне,
 И самъ сывымъ посмишыщемъ
 Будешъ въ свой хати.
 Будешъ самъ отте весилля
 По-викъ прокlynаты;
 Будешъ плакать, и никому
 Ты слёзы старечи
 Буде втерты. Не женныся,
 И гычъ не до речи!
 Дывыся — рай кругомъ тебе
 И диты, якъ квиты.
 За що жъ ты ихъ, молоденькыхъ,
 Думаешъ убыты?
 Ни! старый мій чепуртыся,
 Ажъ брыдко дывытыся.
 А Настуся зъ богословомъ
 Заповиди вчытыся.
 Онъ дывытыся: у садочокъ
 Выйшылы погуляты,
 У-двохъ соби похожають,
 Мовъ ти голубьята.
 А старого нема дома,
 То имъ своя воля
 Награтыся. Дывытыся—
 Тамъ коло тополи
 Сталы соби, та й дывлятыся
 Одно на другого.
 Оттакъ ангелы святыи
 Дывлятыся на Бога,
 Якъ вони одно на друге.
 И Петрусь пытас:

Петро.

Чомъ же ты оде, Настусю,
Справди не чытаешъ?

Настя.

А хйба я школяръ, чи що? Не хочу, та й годи!

Петро.

Хоть одну невеличку заповидь сёгодня вывчы, хоть п'яту.

Настя.

И п'ятой, и шостой, н'якои не хочу.

Петро.

То пиць и не винчатые николи, якъ не вмитынешъ.

Настя.

Байдуже, нехай соби не винчае.

Петро.

А зо мною?

Настя.

И зъ тобою нехай соби... Е ни, нехай повинчае!

Петро.

Та чытай же, а то...

Настя.

А то що ты зробишь?

Петро.

Поцилую. Осъ побачышь!

Настя.

Хоть якъ хочешъ, цилуй соби, а я такы не чытатому.

Петро. (Цягу йїи и примовла).

Оце тоби разъ, оце тоби два.

(А сотникъ выглядасъ зъ-за тыну и входить въ хату, не давши знаку).

Настя. (Пручається).

Годи бо вже, годи! Незабаромъ батько прийде: треба справди чытати.

Петро.

А, теперъ и чытати!

Сотникъ. (Выходить зъ хаты).

Диты! годи вже вамъ учытсья. Чи не часъ обидать?

(Петро и Настя мовчки идуть у хату).

Сотникъ. (Самъ).

Навчылась, ничего сказать!
 Оце дытына! Ни, Настусю,
 Я коло тебе захожуся
 Теперъ, лебедонько, не такъ!
 Поки сто разъ не поцилуе,
 Й чытати не хоче. А бурсакъ!
 Собачый сыну, знаешь смакъ!
 Ось я тебе попомуштрую
 Не такъ, якъ въ бурси. Помеломъ!
 Щобъ духу въ хати не було.
 Велькый свить нашъ—не загынешъ.
 Дывыся, пся ёго лычына,
 Оце-то такъ, що богословъ—
 У батька краде. Добре, свате!..
 Яки то стали люде зли!..
 А що то дїеться у хати?
 Тамъ знову, знати, мои мали
 Чытають... Треба розигнати.

Оттаки батькы на свити,
 На що вони дитямъ?
 На наругу передь Богомъ!
 А шануйте, чтите,
 Поважайте ёго, диты,
 Бо то батько сывый,
 Батько мудрый. Добре оттымъ
 Сыротамъ щаслывымъ,
 Що не мають оттыхъ батькивъ,
 То й не согришають.

Настя. (Выбігає заплакана зъ хаты).

Не дае и пообидать—
 Въ Къивь проганяе.
 А, Боже мій мылостывый!
 Що мени робыты?
 Помандрую... (Дывытыся въ хату; зазира вса).
 Ухъ, якый сердытый!
 Та не вдарыть... А я такы
 У Къивь зъ Петрусемъ
 Помандрую, хочъ що хочешъ...
 Я не побоюся,
 Середь ночи помандрую!..
 А видьма злякае!..
 Ни, не зляка. (Заглада знову).

Сердешненый!

Кныжечкы складае
 У торбыну и брыль бере.
 Прощай, мое любе,
 Мое сердце!.. У-вечери?
 За царыну? Буду,
 Раньше буду!...Ось на, ловы!
 (Кыдае через тынь цвѣтокъ).
 Чуешъ! дожыдайся! (Выходыть сотныкъ).

Настя (Спывае).

«Не ходы, не нуды, не залыцяйся—
 Не сватай, не пиду, не сподивайся!»

Сотникъ.

А іѣ байдуже, мовъ не знае!
Неначе та сорока скаче.
Настую! чомъ же ты не плачешъ?
Адже-жъ Петруся вже немає.

Настя.

Дывитесь, ява печаль!
То й плаче, колы жаль.

Сотникъ.

Мени байдуже.

Настя.

А мени
Ще байдужійше—винъ не мій.
А я вже заповиди знаю
Уси до одной.

Сотникъ.

Уси?

Настя.

Нехай хочъ заразъ сповидае
Отець Хома вашъ голосный.

Сотникъ.

А повинчаємось въ неділю?

Настя.

А вже-жъ! Такъ мы ще не говили!
Якъ одговіємось—тоди.

Сотникъ (Цілує Віви).

Моя голубко сызкрыла,
Моя ты ягідко! (танцює и прыговорює).

«У горохъ
Въ чотырѣхъ»

У-ночи ходыла;
У-ночи,
Ходячы,
Намысто згубыла».

Настя.

Та годи вже вамъ зъ тымъ намыстомъ! Ишли бѣ швыдче до отця Хома, та порадылыся. Отъ що!

Сотыныкъ.

Правда, правда, моя квиточко! Побижу жѣ я швыденько, а ты тутъ, моя любко, погуляй собы тыхенько. Та заквитчайся! Та не жды мене: бо буты мае, що я остануса и на вечерню.

(Цилуе мій и иде).

Настя.

Добре, добре! Не ждатыму.
Не ждатыму, не ждатыму,
У свытыну вдягатымусь,
У намысто уберуса —
Доганятыму Петруса.

Обнимемось, поцилуемось, поберемося за рученькы, та й пидемъ у-двохъ соби ажъ Клыивъ. Треба заквитчатися, може въ останній разъ, бо винъ казавъ, що у Броваряхъ и повинчаемося.

(Квитчатися и спивае).

«Ой пиду я не берегомъ—лугомъ,
Зостринуса зъ несуженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, несуженый друже!
Любылыся мы зъ тобою дуже;
Любылыся, та не побралыся,
Тилько жалю серцю набралыся».

Оце нагадала яку! Цуръ їй, яка погана. Побижу лышь швыдче. Оставайтесь здорови, мои высокы тополи и хрещатый мій барвиночку! (Выходять)

Иде до-дому у-ночи
 Пьяненькый сотныкъ, а йдучы
 Соби веселый розмовляе:
 — Нехай и нашихъ люде знаютъ!
 Нехай и сывый, и горбатый,
 А мы... хе! хе! а мы жонати!
 А мы...—Насылу влизъ у хату,
 Та й лигъ соби тихенько спаты,
 Щобъ Настю, бачте, не збудыть,
 Та сорому не наробыть.
 Уже й «достойно» одзвонили,
 Уже до-дому люде йдутъ, —
 Не йде Настусенька, не чуть.
 Насылу сотныка збудылы,
 Та розказалы—«такъ и такъ!»
 Перехрыстывся неборакъ;
 Кона найкращого сидлае
 И скаче въ Кывивъ. Въ Броваряхъ,
 Уже повинчана, гуляе
 Ёго Настуса молода.
 Вернувся сотныкъ мій до-дому,
 Тры дни, тры ночи не встававъ,
 Никому й слова не сказавъ
 И не пожалувавсь никому.

.

 Турбується, заробляе,
 А того не знае,
 Що на старисть одуріє
 И все занехаїть.
 Оттакъ теперъ и зъ сотныкомъ,
 Зъ дурнымъ моимъ, сталося:
 Розигнавъ дитей по свиту,
 А добро осталось,—
 Немає зъ кымъ подилити.

Довелось самому
 Роскыдаты, росточыты,
 И добра никому
 Не зробыты ни на шелягъ,
 И притчею статы
 Добрымъ людамъ; и охаты
 У холодній хати
 Пидь кожухомъ; И никому
 Хату затопыты
 И выместы; по смитныку
 Ходыты, нудыты,—
 Поки пугачъ надъ стрихою
 Въ вѣкно не завые,
 А наймычка холодного
 Трупу не накрыве
 Кожушыною старою,
 А ключъ одъ коморы
 Изъ-за пояса украде.
 Оттаке-то горе
 И зъ сотныкомъ оце сталося:
 Не мынуло году,
 Якъ Настусенькы не стало,
 А вже на городи
 Не осталося ничего,—
 Свыни та телята
 Уже бродять. А барвинокъ,
 Барвинокъ хрещатый,
 Прытоптаный коло тыну,
 Засыхае, вяне.
 А самъ сотныкъ у кожуси,
 Одутый, поганый.
 Коло клуни похожае:
 И стоги невякыты,
 И покои немазаны,
 И сволокъ немытый,
 И челяди нема дома,
 Й худобы немае...
 А наймычка задрипана,

Та й та помыкае
 Старымъ паномъ. Такъ и треба:
 Не розганяй дитокъ,
 Сывий дурню! Недовго жывъ
 На свій заробитокъ
 Пьяный сотныкъ. Ще минуло
 Лито коло свита,
 А въ-осены на улицы
 Сотныка убито;
 А може, вмеръ неборака,
 Одъ шинкареы йдучы.
 Байдуже кому пытаты!
 Забралы й онучи
 Добри люде, а самого
 Гарно поховалы
 У левади и хрестыка
 Надъ нымъ не вкопалы.
 Ажъ жаль ёго: бувъ багатый,
 И ридня, и диты
 Есть у ёго, а никому
 Хрестъ постановыты!
 Умеръ сотныкъ, и покои
 Згнылы, повалялысь;
 Все пропало, погынуло.
 Тилько и осталысь—
 Що тополи на выгони
 Стоять, мовъ дивчата
 Выйшли зъ Оглава ватагу
 Зъ поля выглядаты.

Мижъ скаламы, неначе злодій,
 По-надъ Днистромъ иде въ-ночи
 Козакъ, и дывыться йдучы
 На каламутну темну воду,

Неначе ворогови въ очи,
 Неначе вымовыты хоче:
 — «Днистре, водо каламутна!
 Вынесы на волю,
 Або втопы,
 Колы така доля!»
 Та й роздигся на камени,
 У воду кынувся; плыве,
 Ажъ хвѣля сыняя реве,
 И, ревучы, на той берегъ
 Козака выносить.
 Стрепенувся сиромаха:
 И голый, и босый,
 Та на воли; й бильшь ничего
 У Бога не просить.
 Постривай лышь: може, брате,
 На чужому поли
 Талану того попросышь,
 Та тыеи доли...
 Пишовъ соби темнымъ яромъ,
 Та спивае йдучы:
 «Ой зъ-пидъ горы, та зъ-пидъ кручи
 Йшли мажи рыпучи;
 А за ными йде та чорнявая
 Та плаче, рыда йдучы».

Уже якъ хочете: хочъ лайте,
 Хочъ и не лайте, й не чытайте.
 Про мене... и не прошу...
 Для себе, братикы, спышу,
 Ще разъ те олыво потрачу,
 А може, дасть Богъ, и заплачу.
 То й буде зъ мене...
 Нумо зновъ!

Покинувъ матирь и господу,
 Покинувъ жинку; жаль та й годи!

На Бесарабію пишовъ
 Оцей козакъ. Погнало горе
 Да мора пыты. Хочъ говорятъ:
 Абы оранда въ рукахъ була,
 А хлопа, якъ того вола,
 У плугъ голодного впряжешъ.
 Троха лышень, чи такъ?
 Ще зъ малку зъ матирью старою
 Ходывъ зъ торбама сей козакъ.
 Оттакъ и вырись сыротою
 У наймахъ. Сказано шарпакъ—
 То й одружився соби такъ:
 Узявъ хорошу, та убогу, —
 Звычайне наймычку. А панъ...
 (И не таланъ нашъ и таланъ,
 Якъ кажутъ люде, — все отъ Бога)
 Нагледивъ, клятій. Паньски очи! —
 Та й ну гостынци засылатъ.
 Такъ и гостынцывъ брать не хоче,
 Не хоче й пана закохатъ.
 Що тутъ робить? За чоловика.
 Укоротывшы ёму вика...
 А жинку можно прывитатъ.
 Трохи не сталося оттакъ:
 До ныткы звився мій козакъ,
 Усе на панщыни проклятій,
 А бувъ хазяинъ.
 А жиночку свою любывъ—
 И, Господы едныи! —
 Якъ те пана, якъ ту дытynu,
 У намыстахъ водывъ!
 Та знемигса неборака—
 Хочъ продавай хату,
 Та йды въ наймы. Оттакъ ёго
 Оттой панъ проклятій
 Допикъ добре! А жиночка,
 Мовъ сёго й не знае,
 У доброму намыстечку

Въ садочку гулае,
 Якъ та краля!— «Що тутъ робить?»
 Сердега миркуе:
 «Покыну ихъ та утечу...
 Кто жъ ихъ нагодуе,
 Кто догляне? Одна—стара,
 Нездужае встаты;
 А другая молодая,
 Дума погуляты.
 Якъ же ёго?.. Що діяты?
 Горе мое, горе!..»
 Та й пишовъ, торбыну взявши,
 За сынее море
 Шукать доли... Думавъ прыйти,
 Та хочъ жинку взаты—
 Стара маты и тутъ буде
 Вику дожываты
 На господи...

Такъ оттакъ-то
 Трапляється въ свити!
 Думавъ жыты, пожываты,
 Та Бога хвалыты;
 А довелось на чужыни
 Тільки слёзы лыты,
 Більшь ничего. Нудно ёму
 На чужому поли!
 Всёго надбавъ, роботяга,
 Та не прыдбавъ доли,
 Талану того святого.
 Свить Божый немилый—
 Нудно ёму на чужыни,
 И добро остыло.
 Хочеться хочъ подывыться
 На свій край на мылый,
 На високии могылы,
 На степы шыроки,
 На садочокъ, на жиночку,
 Кралю карооку,

Та й поплывъ Днистромъ на сей бѣкъ,
 Покинувши волю,
 Бродягою. О, Боже мій!
 Якее ты, поле,
 Свое поле! яке-то ты
 Шыроке, шыроке,
 Якъ та воля!..

Прыйшовъ до-дому у-ночи.
 Стогнала маты на печи,
 А жинка у комори спала
 (Бо панъ нездужа). Жинка встала,
 Неначе п'явка та впылась
 И, мовъ водою, залылась
 Дрибными, якъ горохъ, слёзами.
 И се трапляється мижъ нами,
 Що нижъ на серце наставля,
 А самъ цилує! Ожыла
 Моя сердешна молодыця:
 И де ти въ Господа взялися
 Усяки штучны йства!

Сама жъ, неначе нежива,
 На плечи пада. Напоила
 И нагодувала,
 И спать ёго, веселого,
 Въ комори поклала.
 Лежыть соби неборака,
 Думає, гадає,
 Якъ то будемъ мандрувати,
 И тыхо дримає.
 А жиночка молодая
 Кынулась до пана:
 Росказала: «оттакъ и такъ!»
 Любо та кохано
 Прыйшли, взяли сиромажу,
 Та й повезлы зъ дому
 Пройдысвіта, волоцюгу,
 Прямо до прыёму.

И тамъ доля не кынула.
 Дослужывьсь до чыну.
 Та й вернувся въ село свое,—
 И служить покинувь.
 Уже матирь поховалы
 Громадою люде,
 И пань умерь. А жиночка
 Московкою всюды
 Хыляеться—и по жыдахъ,
 И по панахъ... боса.
 Найшовъ ййи, подывывся
 И, сывоволосый,
 Пиднявь руки каличени
 До святого Бога,
 Зарыдавъ, якъ та дытына,
 И—простывь небогу.
 Оттакъ, люде, научайтесь
 Ворогамъ прощаты,
 Якъ сей неукъ!..
 Де жъ намъ гришнымъ
 Добра сѣго взаты?

Варослы шляхы тернамы
 На тую краину.
 Мабуть я ййи на-вики,
 На-вики покинувь...
 Мабуть мени не вернутысь
 Николы до дому;
 Мабуть мени доведеться
 Чытаты самому
 Оци думы... Боже мылый,
 Тяжко мени жыты!
 Маю сердце шырокее —
 Ни съ кымъ подилыты.

Не давъ есы мени доли,
 Молодой доли;
 Не дававъ есы никола,
 Никола, никола!
 Не давъ сердца молодого
 Зъ тымъ сердцемъ дивочымъ
 Поеднаты. Мынулыся
 Мои дни и ночи
 Безъ радости, молодіи,
 Такъ соби минулы
 На чужьни. Не найшлося
 Зъ кымъ сердцемъ дилытысь;
 А теперь не маю навить
 Зъ кымъ поговорыты.
 Тяжко мени, Боже мыйй,
 Носыты самому
 Оци думы и не дилыть
 Ни съ кымъ, и никому
 Не сказать святого слова,
 И душу убогу
 Не радовать, и не корыть
 Чоловика злого,
 И умерты... О, Господы!
 Дай мени хочъ глянуть
 На народъ отой убытый,
 На тую Украйну.

Ивырись я на чужьни,
 И сывію въ чужому краи;
 То одынокому мени,
 Здається, кращого немає
 Ничого въ Бога, якъ Днипро,
 Та наша славная краина.
 Ажъ бачу—тамъ тилько добро,
 Де насъ нема. Въ лыху году,

Якось недавно довелось
 Мени зайихать въ Украину,
 У те найкращее село,
 У те, де маты повывала
 Мене малого и въ-ночи
 На свичку Богу заробляла,
 Поклоны тяжкыи бьючы;
 Пречыстїй ставыла, молыла,
 Щобъ доля добрая любыла
 Йїи дытну... Добре, мамо...

.

... Ажъ страхъ погано

У тимъ хорошому сели:
 Чорнише чорной земли,
 Блукають люде, повсыхали
 Сады зелени; погнылы
 Биленьки хаты, повалались;
 Ставы бурьяномъ порослы.
 Село неначе погорило,
 Неначе люде подурилы, —
 Ними на панщыну идуць
 И диточокъ своихъ ведуть...
 И я, заплакавши, назадъ
 Пойихавъ знову на чужыну.
 И не въ однимъ оттимъ сели,
 А скрызъ на славній Украины
 Людей у ярма запряглы
 Паны лукави... Гнуть, гнуть
 У ярмахъ лыцарьски сыны...
 А препоганыи паны
 Жыдамъ, братамъ своимъ хорошимъ,
 Остатни продають штаны...
 Погано, дуже, страхъ погано
 Въ оцій пустыни пропадать;
 А ще поганше на Украйни
 Дывытысь, плакать и мовчать.
 А якъ не бачышь того лыха,

То скривъ здається любо, тыхо
 И на Украини добро.
 Мижь горами старый Днипро,
 Неначе въ молоци дытына,
 Красується, любується
 На всю Украинну;
 А по-надъ нымъ зеленіють
 Широки села;
 А у селахъ у веселыхъ
 И люди весели.
 Воно бь може такъ и сталося...

.

Сй чого ты почорнило,
 Зелене поле?
 — Почорнило я видь крови
 За вольную волю.
 Кругъ мистечка Берестечка,
 На чотыри мыли,
 Мене славни Запорожци
 Своимъ трупомъ вкрыли.
 Та ще мене гайвороны
 Укрыли зъ пивночи...
 Ключуть очи казацькии,
 А трупу — не хочуть.
 Почорнило я, зелене,
 Та за вашу волю...
 Я зновъ буду зеленити,
 А вы вже николи
 Не вернетеса на волю...
 Будете ораты
 Мене стыха, та орючы
 Долю прокльнаты...

У
недильню у святую,
У досвітнюю годину,
У славному, преславному
Мисти, въ Чыгырнии,
Задзвонили въ уси дзвоны,
Зъ гарматы стреляли, —
Превелебную громаду
До-купы скликалы.

Зъ святымы корогвамы,
Та зъ пречестнымы образами
Народъ зъ попами
Зъ усихъ церковь на гору йде,
Мовъ та Божа бжола гуде.
Зъ монастыря святого
У золоти, ажъ сле,
Самъ архимандрить вихожае,
Акахвистъ чытае,
Поклоны покладае.

Поважно та тыхо,
У раннюю пору,
На високу гору
Сходились полковнымы.
И вийсько, якъ море,
Зъ знаменами, зъ бунчуками,
Зъ лугу выступало,
Та на трубахъ выгравало,
И на гори разомъ стало.

Замовкы гарматы,
Онимили дзвоны
И громада покладае
Земныи поклоны.
Молебствіе архимандрить
Самъ на гори править,

Святого Бога просить, хвалить,
 Щобъ давъ имъ мудрости дознаты—
 Гетьмана доброго обрати.
 И одногласне, одностайне
 Громада выбрала гетьмана —
 Преславного Лободу Ивана,
 Лицаря старого,
 Брата вѣйскового.

У трубы затрубылы,
 У дзвоны задзвонили,
 Вдарили зъ гарматы,
 Знаменами, бунчуками
 Гетьмана укрыли.

Гетьманъ старый рыдае,
 До Бога руки здѣймае,
 Тры поклоны покладае
 Велькій громади
 И, мовъ дзвономъ дзвонить,
 Говорить:

— «Спасыби вамъ, панове-молодци,
 Преславныи Запорожци,
 За честь, за славу, за повагу,
 Що вы мени учынили?
 А ще бъ краще вы зробили,
 Якъ-бы, замисць старого,
 Та обрали молодого
 Завзятого молодця,
 Преславного запорожця,
 Павла Кравченка-Налывайка:
 Я старъ чоловикъ, нездужаю встаты.
 Буду ёму пораду даваты,
 По-батькивски научаты,
 Якъ на ляха статы.
 Теперъ прелютая година
 На нашій славній Украини:
 Не мени васъ, братця,

На ляха водыты;
Не мени теперь, старому,
Булаву носыты.
Нехай носыть Налывайко
Козакамъ на славу,
Щобъ лякалысь вражи ляхи
У свой Варшави!»

Громада чмелемъ загула,
У дзвоны задзвоннылы;
Гармата заревла,
И бунчукамы вкрылы
Преславного запорожця
Павла Кравченка-Налывайка.

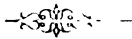

ШВАЧКА.

Ой не пьеться горилочка,
 Не пьются й меды;
 Не будете пынкуваты,
 Прокляти жыды!
 Ой не пьеться тее пиво,
 А я буду нить;
 Не дамъ же я вражымъ ляхамъ
 Въ Украини жыть.
 Ходимъ, батькы отаманы,
 У Хвастовъ въ недилю,
 Та надинемъ вражымъ ляхамъ
 Кошуленьку билу;
 Ни, не билу, а червону...
 Ходимъ-погуляемъ,
 Та въ прыгоди свого батька
 Старого згадаемъ,
 Полковныка Хвастовського,
 Славного Семена.
 Ходимъ, браты: не згынете,
 Хлопци, коло мене».

Въ Перепьяти гайдамакы
 Нышкомъ ночувалы;
 До схиць сонця у Хвастови
 Хлопьята гулялы.
 Прийды зъ того Межыгорья,
 Нашъ славный Палю, —
 Подывися, що той Швачка
 У Хвастови діе.
 Добре діе!... У Хвастови,
 У славному мисти,
 Покотылось ляхивъ, жыдивъ
 Не сто и не двисти,

А тысячи; а майданы
 Кровью червонили;
 А оранды зъ костёлами,
 Мовъ свички, згорили.
 Въ самимъ замку невеличку
 Церковку святую
 Не спалено. Оттамъ Швачка
 Спива: «аллылуйя!»
 Хвалить Господа, веселый,
 И каже сидлаты
 Коня своего вороного:
 Мае погуляты
 У Быхови, славнимъ мисти,
 Зъ Левченкомъ у-купи,—
 Потоптаты жыдивського
 Й шляхетського трупу.

СЫЧИ.

На ныву въ жыто у-ночи,
 На поли, на роздолли,
 Злиталыся по воли
 Сычи —
 Пожартувать,
 Помиркувать,
 Щобъ бидне птаство заступыть,
 Орлыне царство затопыть
 И геть спалыть;
 Орла жь повисыть на тычыни
 И, пры такій годныи,
 Республику зробыть.
 И все бь здавалося? А ни!
 Щобъ не толочылы пашни —
 Воно було бь не дыво,
 Якъ-бы хто иншый на тій ныви
 Сильце поставывъ, а то зыркъ —
 Такы голисинькый мужыкъ
 Поставывъ любо, та й пишовъ
 Въ копыци спать соби. А рано,
 Не вмывшыся, зайшовъ
 Гостей довидать. Та й погани —
 Уси до одного Сычи!
 Оце тоби вары й печы!
 Щобъ не пести до-дому
 Таке добро, то повбывавъ;
 А иншыхъ гратыся оддавъ
 Прыборканыхъ воронамъ,
 И не сказавъ никому.

ЧУМА.

Чума зъ лопатою ходыла,
 Та гробовыща рыла, рыла,
 Та трупомъ, трупомъ начыняла,
 И «со святымы» не спивала.
 Чи городомъ, чи то селомъ
 Мете соби, якъ помеломъ.

Весна. Садочки зацвилы.
 Неначе полотномъ укрыти,
 Росою Божою умыти,
 Биліють. Весело земли:
 Цвите, красується цвитами,
 Садамы темнымы, лугамы;
 А люде бідныи въ сели,
 Неначе злякани ягнята,
 Позамыкалься у хатахъ,
 Та й мрутъ.. По улыцяхъ волы
 Ревуть голодни; на городи
 Пасуться кони: не выходыть
 Нихто загнать, нагодувать,
 Неначе люде тыи сплять.
 Заснулы, добре, знать, заснулы,
 Святу недиленьку забулы,
 Бо дзвона вже давно не чутъ;
 Сумують комины безъ дыму;
 А за городамы, за тыномъ
 Могылы чорныи ростуть.
 Пидъ хатамы, по-мижъ садамы,
 Зашыти въ шкуру и въ смоли,
 Гробокопатели въ сели
 Волочять трупы ланцюгамы
 За царыну... и засыпають
 Безъ домовыны. Дни мынають,

Мынають мисяци... Село
 На викъ замовкло—онимило
 И крапивою поросло.
 Гробокопатели ходымы,
 Та й ти пидь хатамы ляглы.
 Нихто не выйшовъ въ-ранци зъ хаты,
 Щобъ ихъ, сердешныхъ, поховаты,—
 Пидь хатамы и погнылы.

Мовъ оазысь въ чыстимъ поли,
 Село зеленіе.
 Нихто въ ёго не заходять;
 Тилько витерь віе,
 Та розносить жовте лыстя
 По жовтому полю.
 Довго воно зеленило,—
 Покры люде зъ поля
 Пожарыще не пустылы,
 Та не запалылы
 Села того зеленого.
 Згорило, зотлило,
 Попилъ витромъ розмахало,
 И слиду не стало.
 Оттаке-то людямъ горе
 Чума выробляла!

Vтмен Катерины
 Хата на помости;
 Изъ славного Запорожя
 Найихалы гости:
 Одынъ—Семень Босый,
 Другый—Иванъ Голый,
 Третій—славный вдовыченко
 Иванъ Ярошенко.

—Зыйздлы мы Польцу
 И всю Украину,
 А не бачылы такой,
 Якъ се Катерына.—
 Одинъ каже: «Брате!
 Якъ бы я багатый,
 То отдавъ бы все золото
 Оцій Катерыни
 За одну годину:»
 Другый каже: «Друже!
 Якъ бы я бувъ дужый,
 То отдавъ бы я всю сылу
 За одну годину
 Оцій Катерыни».
 Третий каже: «Диты!
 Нема того въ свити,
 Чого бь мени не зробыты
 Для сией Катерыны
 За одну годину».

Катерына задумалась
 И третёму каже:
 «Есть у мене братъ едыный,
 У неволи вражій—
 У Крыму десь пропадае.
 Кто ёго достане,
 То той мени, запорожци,
 Дружною стане».
 Разомъ повставалы,
 Коней посиддалы,
 Пойихалы вызволяты
 Катрыного брата.
 Одынъ утопывся
 У Днипровимъ гири:
 Другого въ Козлови
 На киль посадылы;
 Третий—Иванъ Ярошенко,
 Славный вдовыченко,—

Зъ лютой неволи,
Изъ Бакчысараю,
Брата вызволяе.
Заскрыпили рано двери
У великій хати.
«Вставай, вставай, Катерино,
Брата зостричаты!»
Катерино подывылась,
Та й заголосыла:
— Се не братъ мій, се мій мылий,
Я тебе дурыла.—
«Одурыла!» и Катрына
До-долу скотылася
Головонька. . «Ходимъ, брате,
Зъ поганой хаты!»
Пойихалы запорожци
Витерь доганяты...
Катерино чернорыву
Въ поли поховалы;
А славны запорожци
Въ степу побраталысь.

У Д О В Ы Ц Я .

Ой крикнулы сирі гусы
 Въ яру на ставу;
 Стала на все село слава
 Про тую вдову.
 Не такъ слава, не такъ слава,
 Якъ той поговорь,
 Що зайвидывъ козаць зъ Сичи
 До вдовы на двирь;
 Вечерялы у свитлыци,
 Медъ, выно пылы,
 И въ кимнати на кровати
 Спочыты ляглы...

Не мьнула слава тая—
 Не марно пишла:
 Удовыця у мьясныци
 Сына привела...
 Выгодувала малого,
 До школы ддала,
 А изъ школы ёго взявши,
 Коня купыла;
 А коня ёму купывши,
 Сидельце сама
 Самымъ шовкомъ вышывала,
 Злотомъ окула;
 Одягла ёго въ червоный
 Въ жупанъ дорогый,
 Посадыла на конька:
 «Гляньте, ворогы!
 Подывитесь!»—Та й повела
 Коня вдовжъ села,

Та й привела до обозу—
 Въ військо оддала...
 А сама на прощу въ Къивъ
 Въ черныци пишла...

До улыци витерь віе
 Та снигъ замитае.
 По улыци, по-пидъ тынню
 Вдова шкандыбае—
 Пидъ дзвинцю сердешная
 Руки простягаты
 До тыхъ самыхъ, до багатыхъ,
 Що сына въ салдаты
 Позаторикъ заголылы...
 А думала жыты,—
 Хочь на старисть у невесткы
 Въ добри одпочыты...
 Не довелось! Выблагала
 Тую кошійчynu...
 Та Пречыстій поставыла
 Свичечку за сына:

Да велькедень, на соломи
 Проты сонця, диты
 Гралысь соби крапанкамы,
 Та й стали хвалытысь
 Обновами. Тому къ святеамъ
 Зъ лыштвою пошылы
 Сорочечку, а тій стёжку,
 Тій стричку купылы;

Кому шапочку смушеву,
 Чобиткы шкапови,
 Кому свитку... Одна тилькы
 Сыдыть безъ обнови
 Сыриточка, рученята
 Сховавшы въ рукава.
 —Мени маты купувала.
 —Мени батько справывъ.
 —А мени хрещена маты
 Лыштву вышывала.
 «А я въ попа обидала!»
 Сыритка сказала...

Ой умеръ старый батько
 И старенькая маты;
 Та нема кому щырои,
 Ты радонькы даты...
 Що мени на свити
 Сыроти робыты:
 Чи йты въ люде жыты,
 Чи дома журытысь?
 Ой пйду я въ гай зеленый
 Посажу я руту:
 Якъ що зйде моя рута,
 Остануся тута,—
 Прийде мылый въ мою хату
 Хазяинуваты;
 А якъ же ни—то я пйду
 Доленькы шукаты...
 Посходыла тая рута,
 Въ гай зеленіе...
 А дивчына-сыротына
 У наймахъ марніе!

Вакувала возуленька
 Въ зеленому гаи:
 Заплакала дивчинонька—
 Дружыны немае.
 А дивочи молодий
 Веселый лита,
 Якъ квіточкы за водою,
 Плывуть зъ сѣго свита.

Не тополю високою
 Витерь нагынае:
 Дивчинонька одынока
 Долю зневажае.
 — Бодай тобі, доле,
 У мори втопытысь,
 Що не даешъ мени й доси
 Ни зъ кымъ полюбытысь.
 Якъ дивчата цилуються,
 Якъ ихъ обнимають
 И що тоди имъ діється,—
 Я й доси не знаю...
 И не знатому... Ой, мамо!
 Страшно дивуваты,
 Увесь вить свій дивуваты,
 Ни зъ кымъ не кохатысь.

На улыци невесело,
 Въ хати батько лае,
 А до вдовы на досвіткы
 Маты не пускае.

Що жь мени робыты,
 Де мени подитысь,—
 Чи то зь иншымъ полюбытысь,
 Чи то утопытысь?
 Ой надину я сережки
 И добре намысто,
 Та пиду я на ярмарокъ
 Въ недилю на мисто.
 Скажу ёму: «сватай мене,
 Або одчыпыся,—
 Бо якъ мени у матери,
 То лучче втопытыся».

Якъ бы мени, мамо, намысто,
 То пишла бь я завтра на мисто;
 А на мисти, мамо, на мисти—
 Грае, мамо, музыка троїста,
 А дивчата зь парубками
 Лыцяються... Мамо! мамо!
 Безталанна я!
 Ой пїду я Богу помолюся,
 Та пїду я у наймы наймуса,
 Та куплю я, мамо, черевкы,
 Та найму я троїсти музыкы:
 Нехай люде не здивують,
 Якъ я, мамо, потанцюю...
 Доленько моя!
 Не дай мени вїкъ дивуваты,
 Косы мои плесты, заплитаты,
 Бровенята дома зносны,
 Въ самотыни вику дожыты...
 А покы я заробляю—
 Чорни бровы полыняють...
 Безталанна я!

Якъ-бы мени черевыкы,
 То пишла бь я на музыкы...
 Горенько мое!
 Черевыкы вь немає!
 А музыка грае, грае,
 Жалю завдае!
 Ой пиду я боса полемь,
 Пошукаю свою долю:
 Доленько моя!
 Глянь на мене, чернобрыву,
 Моя доле неправдыва,
 Безталанна я!
 Дивчаточка на музыкахъ
 У червоныхъ черевыкахъ—
 Я свитомъ нужу...
 Безъ роскоши, безъ любви,
 Зношу свои чорни бровы —
 У наймахъ зношу!..

И багата я,
 И вродлива я,
 Та не маю соби пары,
 Безталанна я!
 Тяжко, важко вь свити жыть
 И никого не любить,
 Оксамытови жупаны
 Одынокій носыть!
 Полюбылась бы я,
 Одружылась бы я
 Зь чернобрывымъ сыроюю,
 Та не воля моя!
 Батько, маты не сплять,

На сторожи стоять:
 Не пускають саму мене
 У садочокъ гулять!
 А хочь пустять, то зъ нымъ,
 Зъ препоганымъ старымъ,
 Зъ моимъ нелюбомъ багатымъ,
 Зъ моимъ ворогомъ злымъ!

Дородыла мене маты
 У высокыхъ у палатахъ, —
 Шовкомъ повыла;
 У золоти, въ оксамыти,
 Мовъ та квиточка укрыта,
 Росла я, росла.
 И выросла я на дыво:
 Кароока, чернобрыва,
 Билолѣция.
 Убогого полюбыла, —
 Маты замижъ не пустыла:
 Осталася я
 У высокыхъ у палатахъ
 Увесь вихъ свій дивуваты...
 Недоля моя!
 Якъ быльна пры долини,
 Въ одынокій самотыни
 Старіюся я;
 На свить Божый не дывлюся,
 Ни до кого не горнуся,
 А матирь стару...
 Просты мене, моя маты!
 Буду тебе прокльнаты
 Поки не умру...

Ой сяду я пидь хатою,
 На улыцю гляну,
 Якъ то ты дивчаточка
 Безъ своеи Ганны,
 Безъ моеи Ганнусеньки,
 У хрещыка грають!
 И граються не весело,
 И не такъ спивають
 Дивчаточка... А моеи
 Голубки немає:
 У свекрухы десь воркуе.
 Мене выгледае.

На городи коло броду
 Барвинокъ не сходитъ;
 Чомусь дивчына до броду
 По воду не ходитъ.

На городи коло тыну
 Сохне на тычнни
 Хмилъ зеленый; не выходить
 Дивчына зъ хатыны.

На городи коло броду
 Верба похыллалась;
 Зажурылась чорнобрыва,
 Тяжко зажурылась.

Плаче, плаче та рыдае,
 Якъ рыбонька бьеться...
 А надъ нею, молодую,
 Поганецъ сміється.

Не вернулся изъ походу
 Гусарынь-москаль.
 Чого жъ мени ёго шкода,
 Чого ёго жаль?
 Що на ёму жупанъ куцый,
 Що гусарынь чорноусый,
 Що Машою звавъ?
 Ни, не того мени шкода;
 А марніе моя врода,
 Люде не берутъ;
 А на улыци дивчата
 Насмихаються, прокляти, —
 Гусаркою звать!..

Полюбылася я,
 Одружылася я
 Зъ безталаннымъ сырою —
 Така доля моя!

Люде горды, зли
 Розризнылы, взяли
 Та повезлы до прыёму —
 Оддалы въ москали!

И московкою я,
 Одынокою я
 Старіюся въ чужій хати —
 Така доля моя!

Було роблю що, чи гуляю,
 Чи Богу молюся, —
 Усе думаю про ёго
 И чогось боюся.
 Дурна була, молодая —
 Я все виглядала,
 Чи не пле за рушныками.
 И не сподивалась,
 Що винъ мене, дурну, дурить.
 А серце болело,
 Нибы знало, що такъ буде, —
 Сказаты не вмило.
 А якъ-бы було сказало,
 То я бъ не любила;
 Може була бъ до крыныци
 У гай не ходыла.
 А то въ-ранци и въ-вечери
 Ходыла, гуляла;
 Доходылась — осталася,
 На вины осталася
 Дивуваты. Тяжко мени
 У матери въ хати
 Старитыся; а своен
 Вже хаты не маты.
 А ще й доси, чи роблю що,
 Чи то такъ гуляю,
 Усе думаю про ёго,
 И сама не знаю,
 Чого думаю, чого я
 У той гай ходыла,
 И за що ёго такъ довго,
 Такъ тяжко любила.

Ой люли, люли, моя дытно,
 Въ день и въ-ночи...
 Пійдешъ, мій сыну, по України,
 Насъ кленучы.
 Сыну мій, сыну! не клены тата,
 Не помьяны.
 Мене, прокляту, я — твоя маты, —
 Мене клены...
 Мене не стане, — не йды мижъ люде,
 Иды ты въ гай:
 Гай не спытае й бачыть не буде...
 Тамъ и гуляй.
 Найдешъ у гай тую калыну,
 То прыгорнысь...
 Бо я любыла, моя дытно,
 Ййи колысь.
 Якъ пійдешъ въ села, у тьи хаты,
 То не журысь;
 А якъ побачышь зъ диткамы матиръ,
 То — не дывысь!

Ой не пьются пыва, меды,
 Не пьются вода, —
 Прылучылась зъ чумаченькомъ
 У степу беда:
 Заболела головонька,
 Заболить жывить, —
 Упавъ чумаць коло возу,
 Упавъ та й лежыть.
 Изъ Одесы преславної
 Завезлы чуму;
 Покинули товарыша,

Горенько ёму!
 Воли ёго коло возу
 Понуро стоять;
 А изъ степу гайвороны
 До ёго летать.
 «Ой не вкюйте, гайвороны,
 Чумацького трупу:
 Наклювавшысь, подохнете
 Коло мене въ-купи.
 Ой полетить, гайвороны,
 Мои сызокрыли,
 До батечка, та скажите,
 Щобъ службу служылы,
 Та за мою гришну душу
 Псалтырь прочытали,
 А дивчини молоденькй
 Скажить, щобъ не ждала».

Увѣдильнюку та ранесенько,
 Ще сонечко не зиходыло,
 А я, молоденька,
 На шляхъ, на дорогу
 Невеселая выходыла.
 Я выходыла за гай, на долину,
 Щобъ не бачыла маты,
 Мого молодого
 Чумака зъ дороги
 Зостричаты.
 Ой зострилась я
 За тымы лозамы:
 Та зъ чумацькымы возамы
 Идутъ ёго воли,

Воли половни,
 Идуть, ремыггають;
 А чумаченька мого молодого
 Коло волыкивъ немає.
 Ой копали ёму въ степу пры дорози
 Та прытыками яму;
 Завернули ёго у тую рогожу,
 Та й спустили Йвана
 У ту яму глибокую
 На высокій могыли.
 Ой, Боже мыйй, милосердый!
 А я такъ ёго любыла...

Ой пишла я у яръ за водою,
 Ажъ тамъ мыйй гуляе зъ другою.
 А другая тая,
 Розлучныця злая, —
 Багатая сусидонька,
 Вдова молодая.
 А я вчора зъ вею,
 Зъ сією змією,
 Въ поли плоскинъ выбирала,
 Та всё й розказала, —
 Що якъ мене любыть,
 Женытыся буде,
 И до себе злую суку
 Просыла въ прыдане.
 Йване мій, Иване,
 Друже мій коханий!
 Побый тебе сыла Божа
 На наглій дорози!

Коло гаю, въ чыстимъ поли,
 На самій могыли,
 Дви тополи высокыи;
 Одна одну хылыть,
 И безъ витру гойдаются,
 Мовъ борються въ поли...
 Отто сестры чаривныци
 Отты тополи.

Закохалыся обидви
 Въ одного Ивана;
 А Иванъ — козакъ звычайный —
 Обоухъ ихъ не ганывъ,
 И лыцывся то зъ тією,
 То зъ другою любо, —
 Поки въ яру, у-вечери,
 Пидъ зеленымъ дубомъ
 Не зійшылся уси трое...
 — Оттакъ то ты, кате,
 Згнуцаешся надъ сестрамы!..

И пишы шукаты
 Труты-зыля, щобъ Ивана
 Завтра отруиты.
 Найшы зыля, накопалы,
 И стали варыты.
 Заплакалы, зарыдалы,
 Та нема де дитысь —
 Треба варыть!..
 Наварылы;
 Ивана струилы,
 Й поховалы коло гаю
 Въ поли на могыли.

И байдуже?.. Ни, не дуже!
 Бо сестры ходылы

Що-день Божий въ-ранци рано
 Плакать надъ Иваномъ,
 Цокы й самы потруились
 Тымъ зиллямъ поганымъ.

А Богъ людямъ на науку
 Поставивъ ихъ въ поли,
 На могыли тополямы,—
 И тыи тополи
 Надъ Иваномъ на могыли,
 Коло того гаю,
 И безъ витру гойдаются,
 И витерь гойдае.—

Ой я свого чоловіка
 Въ дорогу послала;
 А одъ шынку та до шынку
 Стежечку топтала.
 Та до кумы заходила
 Пшона позычаты —
 Оттыхъ дитей годуваты
 Въ нетопленій хати.

И нагодувала,
 И спаты поклала,
 Сама пишла до дяка
 Добуваты пятака,
 Та й заночувала.

А изъ Крыму чоловікъ
 Ледве ноги доводиць:
 Волю поздыхалы,
 Возы поламалысь,—
 Зъ батизьками чумаченькы
 До-дому верталысь.

Увійшовъ у хату,
 Ударивсь обь полы,—
 Лазять диты у запичку,
 Голодни и голи.
 «А де ваша, диты, маты?»
 Сердешный пытае.
 — «Тату! тату! наша маты
 У шынку гуляе».

Утоптала стежечку
 Черезъ яръ,
 Черезъ гору, серденько,
 На базаръ.
 Продавала бублны
 Козакамъ,
 Вторговала, серденько,
 Пятака.
 Я два шагы, два шагы
 Пропыла,
 За копійку дудныка
 Найняла.
 Заграй мени, дудныку,
 На дуду,
 Нехай свое лышенько
 Забуду.
 Оттака я дивчына,
 Така я!
 Сватай мене, серденько,—
 Выйду я!

У перетыку ходыла
 По горихы,
 Мирошныка полюбыла
 Для потихы.
 Мельныкъ меле, шеретуе,
 Обернется, поцилуе —
 Для потихы.

У перетыку ходыла
 По опенькы,
 Лымаренка полюбыла
 Молоденька.
 Лымарь кычку зашывае,
 Мене горне, обнимае —
 Молоденьку.

У перетыку ходыла
 Я по дрова,
 Та бондаря полюбыла
 Чорноброва.
 Бондарь видра набывае,
 Мене горне, прыгортае —
 Чорноброву.

Коли хочешь добре знаты,
 Моя маты,
 Кого будешь по-переду
 Зятёмъ зваты —
 Усихъ, усихъ, моя мамо,
 У недиленьку зятамы
 Будешь зваты.

Туманъ, туманъ долиною —
 Добре жыты зъ родыною;
 А ще лучче за горою
 Зъ дружиною молодою.
 Ой пійду я темнымъ гаємъ —
 Дружинонькы пошукаю.
 «Де ты? де ты? озовыся!
 Прийды, серце, прыгорныся!
 Нумо, серце, лицятися
 Та пойидемъ винчатися,
 Щобъ не знали батько й маты
 Де мы будемъ почуваты».
 Одружились, заховались...
 Бодай булы не кохались!
 Легше було бъ самій жыты,
 Якъ зъ тобою въ свити бытысь.

Неначе праведныхъ дитей,
 Господь, любя своихъ людей,
 Пославъ на землю имъ пророка —
 Свою любовь благовистыть,
 Святому розуму учыть.
 Неначе нашъ Днипро широкий,
 Слова ёго лылысь, теклы
 И въ серце падалы глыбоко,
 И, нибы тымъ огнемъ, пеклы
 Холодни души. Полюбылы
 Пророка люде, и молылысь
 Ёму, и слёзы знай лылы.
 А потимъ... люде, родъ лукавий!
 Господнюю святую славу
 Ростлилы, и чужымъ богамъ,

Пожеры жертвы, омерзлысь
 И мужа свята—горе вамъ!
 На стогнахъ каменемъ побылы,
 И заходьлыся гулять,
 Святою кровью шинкувать.
 И праведно Господь великый
 На васъ на лютыхъ, на васъ дыкыхъ
 Кайданы повеливъ кувать,
 Глыбоки тюрьмы муровать.

.

Изъ-за гаю сонце сходьтъ,
 За гай и заходьтъ.
 По долини у-вечери
 Козакъ смутный ходьтъ.
 Ходьтъ винь годину,
 Ходьтъ винь и другу,—
 Не выходьтъ чернобрыва
 Изъ темного дугу.
 Не выходьтъ зрадливая...
 А зъ яру та лису,
 Зъ собаками та псарями,
 Иде пань-гульвиса.
 Цькують ёго собаками,
 Крутятъ назадъ руки,
 И завдають козакови
 Смертельные муки.
 У лёхъ ёго, молодого,
 Той пань замыкае,
 А дивчynu покрыткою
 По свиту пускае.

Ой выгострю товариша,
 Засуну въ халяву;
 Та пиду шукаты правды
 И тіей славы.
 Ой пиду я не лугамы
 И не берегамы,
 А пиду я не шляхамы,
 А по-надъ шляхамы.
 Та спытаю въ жыдовына,
 Въ багатого пана,
 У шляхтыча поганого
 Въ поганимъ жупани,
 И у ченца, якъ трапыться,
 Нехай не гуляе,
 А святе письмо чытае,
 Людей поучае:
 Щобъ братъ брата не ризалы,
 Та не окрадалы,
 Та въ москали вдовыченка
 Щобъ не отдавали.

Личу въ неволи дни и ночи,
 И ликъ забую!
 О, Господы! якъ то тяжко
 Тѣи дни мынають!
 А лига плывутъ за нымы,
 Плывутъ соби съ-тыха,
 Забирають за собою
 И добро, и лыхо;
 Забирають, не вертають
 Николы ничего...
 И не благай, бо пропаде
 Молитва...

Каламутнымы болотамы
 Мижъ бурьянамы, за годамы
 Тры годы сумно протеклы;
 Багато до-чого взяли
 Зъ моеи темной коморы,
 И въ море нышкомъ отнесли;
 И нышкомъ проковтнуло море
 Мое не злато-серебро—
 Мои лига—мое добро,
 Мою нудьгу, мои печали—
 Тыи незрыммы скрыжали,
 Незрыммы пиcани перомъ...
 Нехай гнылымы болотамы
 Течуть соби мижъ бурьянамы

Лита невольнич! А я...
 (Такая заповидь моя)
 Посыжу, трошки погуляю,
 На степь, на море подывлюсь,
 Згадаю дѣ-що, заспиваю,
 Та й зновъ мерезать захожусь
 Дрибненьку квыжечку... Рушаю!..

Ваступыла чорна хмара
 Та билую хмару:
 Выступылы зъ-за Лыману
 Зъ туркамы татары;
 Изъ Полисся шляхта лизе,
 А гетьманъ поповычъ
 Изъ-за Днипра напирасе,
 Дурный Самойловычъ
 Зъ Ромоданомъ; мовъ та галичъ,
 Вкрылы Украину
 Та й клюють, елыко-мога.
 А ты, Чыгырыне!
 А ты, старый Дорошенку,
 Запоровський брате!
 Нездужаешь, чи боишся
 На ворога статы?
 «Не боюсь я, отаманы,
 Та жалъ Украины!»
 И заплакавъ Дорошенко!
 Якъ тая дытына:
 «Не розсыплемъ вражу сылу,
 Не встану я знову!
 Возьмить мои гетьманськыи
 Клейноды, панове,
 Та однести москалеви:
 Нехай Москва знае,

Що гетьмана Дорошенка
 На свити немає.
 А я, брати Запорожци,
 Возьму соби рясу
 Та піду поклоны быты
 Въ Межыгоръ до Спаса».

Задзвонны въ уси дзвоны,
 Гармата гримала;
 У дви лавы заднипрянци
 Зъ москалямы стали,
 Ажъ на мылю. Мижъ лавамы
 Понесли клейноды.
 — Годи тобі, Петре, пыты
 Изъ Тясмына воду!
 Положылы ти клейноды
 Попенкови въ ноги;
 — Иды, Петре, въ Межыгорьс
 Молытыся Богу!
 Не пустылы Дорошенка,
 У ряси пизналы,
 Закувалы у кайданы,
 Въ Сосныцю послалы;
 А зъ Сосныци въ Ярополче*)
 Вику дожываты.
 Оттакъ тобі довелося,
 Запорозський брате!

Выглянуло надъ Чыгрыномъ
 Сонце изъ-за хмары:
 Потяглы въ свои улусы
 Зъ туркамы татары.
 А ляхы зъ своимъ Чарнецькымъ,
 Зъ поганымъ Степаномъ,
 Запалылы церкву Божу,
 И кости Богдана

*) Село коло Москвы.

Й Тимошевы въ Субботови
 Гарненько спалылы,
 Та й пишыли соби у Польшу,
 Мовъ добре зробылы.
 А москали за Ромоданомъ
 Въ недиленьку рано
 Пишли соби зъ поповычемъ
 Шляхомъ Ромоданомъ.

Мовъ орелъ той прыборканий,
 Безъ крыль та безъ воли,
 Знемигъ славный Дорошенко,
 Сыдячы въ неволи,
 Та й умеръ зъ нудьгы. Остыло
 Волочыть кайданы!
 И забулы въ Украини
 Славного гетьмана,

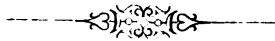
Тилько ты, святыи Ростовський,
 Згадавъ у темныци
 Свого друга великого,
 И звеливъ каплицю
 Надъ гетьманомъ змурувати
 И Богу молытысь
 За гетьмана, панахыду
 За Петра служыты.
 И доси ще, що-рикъ Божый,
 Якъ день той настане,
 Идутъ правыть панахыду
 Надъ нашимъ гетьманомъ.

Якъ бы вы знали, панычи,
 Де люде плачуть жывучы,
 То вы-бъ идиий не творылы,
 Та марне Бога бъ не хвалылы.

На наши слёзы сміючысь.
 За що, не знаю, называють
 Хатыню въ гаи тыхымъ раемъ?
 Я въ хати мучывся колысь,
 Мои тамъ слёзы пролылысь,—
 Найперши слезы! Я не знаю,
 Чи есть у Бога люте зло,
 Щобъ у тій хати не жыло?
 А хату раемъ называють!
 Не называю ййи раемъ
 Тии хатыночны у гаи,
 Надъ чыстымъ ставомъ край села.
 Мене тамъ маты повыла
 И повываючы спивала,
 Свою нудьгу перелывала
 Въ свою дытynu; въ тимъ гаю
 У тій хатыни—у раю,
 Я бачывъ пекло... Тамъ неволя,
 Робота тяжкая; никола
 И помолытысь не дають.
 Тамъ матиръ добрую мою
 Ще молодую, у могылу
 Нужда та праця положылы;
 Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
 (А мы мали булы и голи)
 Не вытерпивъ лыхой доли,—
 Умеръ на панщыни!.. а мы
 Розлизлыся межи людьмы,
 Мовъ мышенята. Я до школы—
 Носыты воду школярамъ,
 Браты на панщыну ходылы,
 Покры лобы имъ поголылы.
 А сестры!.. сестры! Горе вамъ,
 Мои голубкы молодны!
 Для кого въ свити жыветс?
 Вы въ наймахъ вырослы, чужыи,
 У наймахъ косы побиліють,
 У наймахъ, сестры, й умрете!

Мени ажъ страшно, якъ згадаю
Отту хатыну край села:
Таки, Боже нашъ, дила
Мы творымо у нашимъ раи!
На праведній Твоій земли
Мы въ раи пекло розвели,
А въ Тебе другого благаемъ.
Зъ братамы тыхо жывемо,
Ланы братамы оремо
И ихъ слёзаны поливаемъ...

.

ТЫТАРИВНА.

Давно се діялось колысь:
 Ще якъ борци у насъ ходылы
 По селахъ, та дивчатъ дурылы,
 Зъ громады кпылы, хлопцивъ былы,
 Та верховодылы въ сели,
 Якъ ти гусары на постои;
 Ще за гетьманщыны святой —
 Давно се діялось колысь.

У недилю на сели,
 У оранди, на столи
 Сыдили лирныкы, та гралы
 По шелягу за танецъ.
 Кругомъ ажъ курява вставала —
 Дивчата танцювали
 И парубкы. — «Ужъ й кинець!
 А нуте иншу!» — «Та й се добра!»
 И знову лиры заревлы,
 И зновъ дивчата, мовъ сорокы,
 А парубкы, узавшысь въ боки,
 Навпрысядки пишлы...

Найкращый парубокъ Мыкыта
 Стоить на лави въ сирій святи.
 Найкращый хлопецъ, та байстрюкъ.
 Байстрюкъ соби, та ще й убогый,
 Такъ и никому не до ёго.
 Стоить соби. Якъ той...
 Плечыма стелю пидпирае
 Та дывыться и замирае
 На тытаривну. А та въ квитахъ,
 Мовъ намалёвана, стоить
 Сама соби, и на Мыкыту

Неначе глянула. Горыть,
 Горыть Мыкыта въ сирій свыти!
 Шеляга выймае,
 И за того остатнёго
 Музыку наймае,
 И неривню тытаривну
 У танецъ витае...
 — «Одчепыся, пройдывсите!»
 И зареготалась
 Тытаривна: «хиба тоби
 Наймычокъ не стало?»
 Насміялась Тытаривна
 Зъ бидного Мыкыты,
 Насміялася пры людяхъ,
 Що винъ въ сирій свыти.
 Буде тоби, тытаривно!
 Заплачешъ, небого,
 За ти смыхы!

Де жъ Мыкыта?
 Въ далеку дорогу
 Пишовъ соби... Зъ того часу
 Не чутъ ёго стало...
 Зъ того часу тытаривни
 Щось такее сталось...

До-дому плачучы прыйшла,
 И спаты плачучы лягла,
 И не вечеряла, не спала —
 Яка лягла, така и встала,
 Мовъ одурила. Що робыть —
 Сама не знае. А Мыкыта,
 Неначе сычъ, у сирій свыти
 Передъ очыма все стоить:
 Мара та й годи! Тытаривно,
 Въ недобрый часъ зъ того неривни
 Ты насміялась. Стало жаль
 Тоби ёго... Нудьга, печаль
 И соромъ душу оступылы,

И ты заплакала. Чого?
Того, що тяжко полюбыла
Мыкыту бидного того!

Диво дивнее на свити
Зъ тымъ серцемъ буває:
У-вечери цурається,
Въ-ранци забажаеть.
Та такъ тяжко забажаеть,
Що хочъ на край свита
Шукать пиде. Оттакъ теперь
Не знае, де дитысь
Тытаривна... Хочъ у воду,
Абы до Мыкыты!
Стережитесь, дивчаточка,
Сміятись зъ неревни,
Щобъ не було и вамъ того,
Що тій тытаривни.

Якъ та былина засыхала;
А батько, мати турбувались;
На прощу въ Кывивъ повезлы,
Святымы травами поилы, —
И все-таки не помогли.
Втоптала стежку на могылу; —
Все выгядать ёго ходыла.
И стежка стала заростать,
Бо вже нездужаеть и встать.
Такъ отъ що смихы наробылы!
А винъ канувъ, провалывся;
Ёго вже й забулы,
Чи й бувъ колы. Годъ за годомъ
Тры годы минулы.
На четвертый годъ въ недилю,
У оранди на сели,
На шырокому столи
Слипи лирныкы сидилы;
По шелягу брамы
И ту саму гралы,

Що и позаторикъ. Дивчата
 Такъ само дрибно танцювали,
 Якъ и позаторикъ.

Завзятый,
 У синій шапци, у жупани,
 Въ червонихъ, якъ калына, штанахъ
 Навпрысядки влита козакъ,
 Та ще й прыспивуе оттакъ:

«Та спасыби батькови,
 Та спасыби матери,
 Що насъ добулы!
 Якъ насъ добували,
 Жыто розсыпали
 Въ-ночи на печи!»

— «Горилкы! меду! Де отаманъ,
 Громада, сотський? Препогане,
 Мерзене, мерзле парубоцьство!
 Ходите бытсья, чи боротсья!
 Бо я борець».

Не недилю,
 Не дви, не тры й не чотыри,
 Якъ тій болячци, якъ тій хыри,
 Громадою годылы
 Тому борцеви. Вередуе,
 Якъ той панычъ... и де взялось
 Таке хыренне! Все село
 Проклятого не нагодуе;
 А вінъ соби гулае, пье,
 Та хлопцямъ жалю завдае
 Тыми дивчатамы. Дивчата
 Ажъ понедужалы за нымъ:
 Такый хороший та багатый!
 Уже й не бореться ни зъ кымъ,
 А такъ соби гулае,
 Та вечорами у садочокъ
 До тытаря вчащае.

А тытаривна зостричас,
Прыспивуе, прымовляе:

«Чи, не той це Мыкыта,
Що зъ вылётамы свыта?»

Той це, той, що на сели
Ты насміялася колысь;
А теперь сама до ёго
У садочокъ ходышь,
Сама ёму, байстрюкови,
Якъ панови годышь.
Не день, не два тытаривна
Въ садочокъ ходыла;
Не день, не два, якъ панови,
Мыкыти годыла.
Догодылась тытаривна
До самаго краю
И не счулась...

Дни мынули,
Мисяци мынають;
Мына лито, мына осинь;
Мына сёмый мисяць, осьмый,
Уже й девятый настае,—
Настане горенько твое!

У тытара у садочку,
У яру, крыныця
Пидь вербою. До крыныци,
Не воды напыться
Ледве ходыть тытаривна, ---
Трохы пожурьтсья,
Поплакаты, погадаты,
Якъ ій дивуваты,
Де ій дитысь одь сорому,
Де ій заховатысь.
Разъ у-вечери, зимою,
У одній свытыни,

Иде боса тытаривна
 И несе дытыну.
 То підійде до крыныци,
 То зновъ одступае,
 А зъ калыны, мовъ гадына,
 Байстрюкъ выглядае.

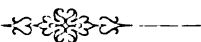
Положила на цямрыну
 Тытаривна сына,
 Та й побигла... А Мыкыта
 Вылизъ изъ калыны,
 Та й укынувъ у крыныцю,
 Неначе щеня те.
 А самъ пійшовъ, спиваючы,
 Сотському сказаты, —
 Та щобъ ишовъ зъ громадою
 Дытыну шукаты.

У недиленьку раненько
 Збиралася громадонька,
 Та крыныцю выльвали,
 Та дыта тее шукалы.

Найшлы, найшлы твого сына,
 Тытаривно, въ баговинни!
 Ой узалы безталанну,
 Закувалы у кайданы,
 Сповидалы, прычащалы,
 Батька, матирь нарикалы,
 Громадою осудылы,
 И живую положилы
 Въ домовыну, й сына зъ нею,
 Та й засыпалы землею.
 Стовпъ высокый муровалы,
 Щобъ про неи люде знали —
 Дитей своихъ научалы;
 Щобъ навчалыся дивчата,
 Коли не вчыть батько, маты.

Борця того въ сели не стаа .
 А люде въ Польци зостригали
 Якогось паныча; пытавъ:
 — «Чи жыва, каже, тытаривна,
 Чи насмихається зъ неривни?»
 Отто винъ самый. Покаравъ
 Ёго Господь за грихъ великый—
 Не смертію: винъ буде жыть,
 И сатаною-чоловикомъ
 Винъ буде по-свиту ходыть,
 И васъ, дивчаточка, дурыть
 Во-вины.

Мы заспывали, розійшлись
 Безъ слёзъ и безъ розмовы.
 Чи зійдемося жъ знову,
 Чи заспываемо колы?
 А може й те... та де? Якымы?
 И заспываемо яку?
 Не тутъ и, певне, не такымы,
 И заспываемъ не таку!
 И тутъ не весело спывали,
 Бо й тутъ невесело було,
 Та все-таки якось жылось —
 Прынайми, въ-купи сумовали,
 Згадавши той веселый край
 И Днипръ той дужый, крутогорый,
 И молодее тее горе,
 И молодой той гришний рай.

Х А Т Ы Н А.

Не молилася за мене,
 Поклоны не клала
 Моя маты; а такъ соби
 Мене повывала,
 Спиваючы: «нехай росте
 Та здорове буде!»
 И вырисъ я, хвалыть Бога,
 Та не вылизъ въ люде.
 Лучче бь було не родыты,
 Або утопыты,
 Якъ мавъ бы я у недоли
 Господа гнивыты.

А я такъ мало, небагато
 Благовъ у Бога, — тилько хату,
 Одну хатыночку въ гаю,
 Та дви тополи коло неи,
 Та безталанную мою...
 Мою Оксаночку, щобъ зь нею
 У-двохъ дывытыся зь горы
 На Днипръ широкий, на яры
 Та на ланы золотополи,
 Та на высокыи могылы, —
 Дывытысь, думаты, гадать:
 Колы то ихъ понасыпалы?
 Кого тамъ люде поховалы?
 И въ-двохъ тыхенько заспывать
 Ту думу сумную, днедавну,
 Про лыцаря того гетьмана,
 Що на огни ляхы спеклы.
 А потимъ бы зь горы зійшлы,
 По надъ Днипромъ у темнимъ гаю
 Гулялы бь, помы не смеркае,

Поки миръ Божый не засне;
 Поки зъ вечернёю зорёю
 Не зійде мисяць надъ горою,
 Туманъ на лань не прожене, —
 Мы бъ подывымысь, помолымысь,
 И розмовляючы пишлы бъ
 Вечераты въ свою хатыну.

.

Я тилько хаточку въ тимъ раи
 Благовъ, и доси ще благаю,
 Щобъ хочъ умерты на Днипри
 Хочъ на малесенькій гори.

1850 р. Надъ Каспiємъ.

ПЕТРУСЬ.

Булы на хутори паны —
 И пань, и пани небагати,
 И дочечка у ихъ росла,
 Уже чимала пиднялась;
 И генераль ййи посватавъ,
 Бо страхъ хорошая була,
 А генераль бувъ страхъ багатый.
 Отъ и таланъ Господь пославъ
 На вбогий хуторь... ублагали
 Царя небесного!.. Взяли —
 Ййи гарненько одяглы,
 Та у недилю й повинчали,
 И генеральшою назвали,
 И цугомъ въ Кыевъ повезлы.

Було на хутори погане
 Мале байстра — свыней пасло,
 Петрусемъ звалось; на придане
 Воно за панною пишло
 У генеральское село
 Свыней же пасты, безтаданне.

За баломъ балъ у генерала
 За генеральшою чимала
 Орда панивъ и панычивъ;
 А генеральша у ночи
 Уже тыхенько й плакать стала.
 — «Занапастыла мене маты...
 Зовьяне марне у палатахъ
 Краса и молодость моя. —
 «Ты, душко, плачешь?» — «Хто се? я?
 Ни, я не плачу...» «Знаешь, Маню?
 У городи теперь армяне:
 Купы соби, Машуню, шаль».

— «Мени не треба ти шали...» —
 «Не задавай же серцю жалю!
 Купи, голубко. Не печаль
 Мого ты серця!.. А весною
 Въ Парыжъ поїдемо зъ тобою, —
 Або поїдемо въ село...
 Якъ схочешъ, серце...»

Тыхо, тыхо

Зима мынала; кралось лыхо
 Та въ самимъ серци й уляглось
 У генеральши молодой.
 Пойихали въ село весною;
 Въ сели банкеты загулы;
 А генеральша плаче, плаче,
 А генераль того не бачыть,
 А вси вже бачылы въ сели.

Зъ нудгы изъ двору погуляты
 Якось задумавшысь пишла,
 Та ажъ за царыну зайшла,
 Та й бачыть, що пасе ягнята
 Мале хлопцяточко въ стерни.
 — «Ой, горе, горенько мени!
 Що я робытому на свити?
 — «Сеты, Петрусю? — «Аже жъ я...»
 — «Ходимъ до мене; будемъ жыты,
 Якъ тамъ на хутори комысь
 Жылы, жылы...». «Та й похылылась,
 Очей не зводячы, дывылась
 На Петруся. Однимъ одна
 И выростала, й дивувала,
 И за старого генерала
 Занапастылы — продалы,
 И вкупи гроши пропылы...
 И тяжко, тяжко зарыдала.
 — «Ходимо, серце, погулять!
 Ходимъ, Петрусю, въ садъ, въ палаты».

«А хтожь туть буде доглядать,
 Хто попасе мои ягнята?»
 — «Нехай хто хоче!» — Ї повела
 Ёго въ палаты. А въ палатахъ
 Причепурыла, одягла,
 А потимъ въ школу оддала..
 И любо ий... Нехай радіе,
 Поки надію серце гріе,
 Поки росте съ того зерна
 Або кукиль, або пшениця...
 Бо мы не знаємъ, що творыться
 У ёго тамъ. А винъ хочъ зна,
 То намъ не скаже... Ягъ бы знала
 Матуся горенько твое,
 Чи оддала бъ за генерала
 Дытя еднее свое?
 Не оддала бъ... А въ тимъ, — не знаю,
 Бо всяки матери бувають...
 Мынають дни соби на воли;
 Петрусь до школы да изъ школы
 Зъ книжками ходыть, та росте;
 Сама ажъ нибы молодіе,
 А генераль соби радіе,
 Що дило, бачыте, свате
 У-двохъ такы воны зробылы.

Петра на волю одпустилы;
 Зимою въ Кыевъ видвезлы,
 И тамъ у школу оддалы,
 И тамъ чимало поповчылы.
 Вернувся зъ Кыева Петрусь
 Уже Петромъ и панычемъ,
 И кучери ажъ по плече,
 И высипався чорный усъ
 И ще... Та се ще не втече:
 Роскажемъ иноди колысь
 Про те, що снылося Петрови.
 А генеральши чорнобровій
 Що сныться?..

Передъ Пречистою
 Горыть лампада у-ночи.
 Поклоны тяжкы бьючы,
 Рыдала, былася... нечыстую,
 Огненную слёзу лыла.
 Вона благала Пресвятую,
 Щобъ та ййи... щобъ та спасла,
 Щобъ одурить іѣ не дала,
 Пренепорочная... И всеу,
 Молытва іѣ не помогла:
 Вона, сердешна, одурила, —
 Вона, небога, полюбыла
 Свого Петра!.. И тязко іѣ,
 Души негришній молодій!
 Та що жъ робыть? Не стало силы!
 Сердега разомъ одурила.
 Та й якъ ёго одній святый
 Прожыты лита молодый?
 Воны жъ не вернуться!.. Якъ хочъ!
 А лыхо, кажуть, перескочъ,
 А то задавыть. Генеральша
 Не перескочыла, — бо іѣ
 Хотилось жыты, молодій!
 Хотилося бь... Густенька каша,
 Та каша, бачте, то не наша;
 А нашъ несоленый кулишь —
 Якъ знаешъ, такъ ёго и йижъ!
 — Петрусю! Друже мій едыный!
 Мое ты сердце! Мій ты сыну!
 Рятуй мене, рятуй! рятуй!
 О, Матирь Божая! Роскуй
 Мою ты душу! — И рыдала,
 И батька, й матирь проклянала,
 И все на свити. А Петрусь —
 Ййи едыная дытына —
 Гулявъ соби пренеповынный
 Въ саду, та арію якусь
 Мугыкавъ стыха. Бильшь ничего

Петрусь не бачывъ. А небога
 Сама не знае, що робить
 И що ій діяты зъ собою?
 — Пойиду въ Кыевъ, помолюся:
 Молытва може прожыне
 Дявола... О мій Петрусю!
 Молытва не спасе мене—
 Я у Днипрови утоплюся!—

Молите, Господа, дивчата,
 Молите Господа, щобъ маты
 И васъ оттакъ не завдала
 За генерала, за палаты,
 И васъ оттакъ не продала...
 Любитесь, диточки, весною...
 На свити ѳе кого любыть
 И безъ корысти; молодю,
 Пренепорочною, святою,
 Въ малій хатыни буде жыть
 Любовь та чыстая, и буде
 Святый покой вашъ стерэгты
 И въ домовыни.

Щожъ то буде
 Съ превосходительною? Що ты
 Теперъ робытемешъ зъ собою,
 Съ своею божою красою?
 Кто стерэгтыме твій покой,
 Украденый твоимъ Петрусемъ?
 Нихто
 Не встереже теперъ! Боюся,
 И вымовыть боюсь теперъ
 Твое грядущее. .

У Кыевъ йиздыла, молылась,
 Ажъ у Почаеви була—
 Чудовная не помогла,
 Не помогла святая сыла.
 А ты ажъ плакала—молылась,

Та й занехаяла. Везла
 Назадъ гадюку въ серци люту,
 Та трошки въ пляшечци отруты.
 Не йила три дни й не пыла,
 Вернувшись съ прощи, и три noci
 Не спала; впалы кари очи;
 Засохлы губы; и въ noci
 Щось ходя шепче сміючысь...
 Ажъ тыждень такъ соби нудыла.
 А потимъ труты розвела
 И генерала напоила,
 Та й спать упоравшись лягла.
 — Теперь старого поховаю,
 А молодого привитаю,
 Та й буду жыть соби, та й жыть,
 Петруся—серденько любыть.. —
 Подумала, чи то сказала,
 Хотила спать, але не спала;
 И ждала свиту—и дожыть
 До свиту Божого боялась.
 И задзвонны въ-ранци рано
 По генераловій души;
 Заговорылы щось погане,
 До генерала идучы
 Прощатысь, люде. Ажъ гуде,
 Зъ усихъ усюдь народу йде;
 Та щось шепочуть про отруту
 И судовыхъ неначе ждуть.
 И разомъ стыхлы на минуту —
 Прыйхалы. Ножи берутъ,
 И генерала рочыняють.
 И ядъ находятъ въ жывоти.
 Громада глухо прысягае,
 Запрысягла. Пытае судъ:
 — Теперь скажите, хрыстіяне,
 Кто отруивъ ёго?—Гудуть,
 Мовъ стыха здвонны: «Пани, пани!»
 Громада зычно загула.

Тоди на кганокъ выхожае
 И до громады промовляе
 Петрусь, и каже:—Я зробывъ,
 Я генерала отруивъ,
 А вы не знаете ничего!—
 Взяли Петруся молодого,
 Та въ городъ въ путахъ одвезлы.
 Ёго не довго мордували
 Въ тюрьми, въ суди; а въ добрый часъ
 Въ кайданы добре закували,
 Переголылы про запасъ;
 Перехрестывсь, отакъ убранный,
 И поволикъ Петрусь кайданы
 Ажъ у Сибирь...

Бувае, въ неволи иноди згадаю
 Свое стародавне—шукраю, шукраю,
 Щобъ чымъ похвалытсь, що й я такы жывъ,
 Що й я такы Бога колысь-то хвалывъ;
 Шукраю, шукраю... Господы бъ хотилось
 Згадать хоть що-небудь! Та оце й наткнувсь
 На таке погане, що такъ и заснувъ,
 Богу не молившысь. Отъ мени прысмылось
 (Свынею заснувшы, звычайне такы
 И сонъ прыверзеться) нобы край могылы
 Пасу я ягнята—а я ще малый.
 Дывлюся: могыла нобы розвернулась,
 А зъ неи выходыть неначе козакъ,
 Уже й сывоусый соби, неборакъ,
 Та и йде до мене... Я соби звернулось,
 Щеня мовъ пидъ тыномъ,—звычайно мале,
 То й перелякалось. Отъ мене бере
 Неначе на руки, та несе въ могылу;
 А чорна могыла ще гирше розкрылась.

Дывлюся—въ могыли усе козаки:
 Який безголовый, який безъ руки,
 А хто по колина неначе одтатый;
 Лежать соби хлопци, мовъ у теплій хати.

—«Дывся, дытыно—оце козаки!»—
 Нибы мени каже: «На всій Украины
 Высоки могылы; дывся, дытыно,
 Уси ти могылы—уси оттаки:
 Начынены нашимъ благороднымъ трупомъ.
 Начынены туго.. Оце воля спыть.
 Лягла вона славно, лягла вона въ-купи
 Зъ нами козаками. Бачышь, якъ лежыть!
 Неначе сповыта... Тутъ пана немає:
 Уси мы однако на воли жылы;
 Уси мы однако за волю лягли;
 Уси мы и встанемъ та Богъ ёго знае,
 Коны то те буде. Дывся жъ, дытыно,
 Да добре дывся! А я роскажу,
 За що Украина наша стала гынуть,
 За що й я мижъ ными въ могыли лежу.
 Ты жъ людямъ роскажешъ, якъ выростешъ, сыну,
 Слухай же, дытыно...»

А потимъ ягнята

Прыснылись у жыти; лановый бижыть,
 Та бье мене добре и нибы, проклятый,
 Свытыну здырае... И доси болыть,
 Якъ сонъ той згадаю! А якъ нагадаю
 Козака въ могыли,—то й доси не знаю,
 Чи то було справди, чи то було такъ—
 Мара яка-небудь. Мени той козакъ
 Росказувавъ ось що... ..

Ты, любый друже, заговоришь
 Тыхенько — тыхо про любовь,
 Про безталанную, про горе,
 Або про Бога, та про море,
 Або про марне лыту кровь
 Зь людей великымы катамы;
 Заплачешь тяжко передь нами—
 И мы заплачемо... Жыва
 Душа поетова святая,
 Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
 И мы, чытая, оживаемъ
 И чuemъ Бога въ небесахъ.

· Спасыби, друже мій убогий, —
 Ты, знаю, лепту роздильв
 Свою едну. Передь Богомъ
 Багато, брате, заробывъ.
 Ты переславъ мени въ неволю
 Поета нашого; на волю
 Мени ты двери одчынивъ.
 Спасыби, друже! Прочытаю
 Соби, хоть мало оживу,
 Надю въ серци прывитаю.
 Тыхенько — тыхо заспиваю
 И Бога Богомъ назову.

Ну що бь, здавалося, слова...
 Слова та голось, бильшь ничего...
 А сердце бьеться, ожива,
 Якъ ихъ почуе... Знать, одь Бога.
 И голось той, и ти слова
 Идутъ мижъ люде.

Помодывшысь,
 Не те щобъ дуже зажурывшысь,

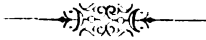
А такъ на палуби стоявъ
 И сторчъ на море поглядавъ,
 Мовъ на Іуду. Изъ туману,
 Якъ кажуть, стала выгладать
 Червонолиця Діана.
 Я вже думавъ спать лягати,
 Та й ставъ, щобъ трохи подивитися
 На круглолицю молодицю,
 Чи тее — дивчину. Матросъ,
 Такъ землякъ нашъ зъ Островной *),
 На вахти стоя,
 Журывся самъ собі чогось.
 Та й заспивавъ, звичайно тихо,
 Щобъ капитанъ не чувъ: бо зъ-лыха
 Якыйсь лыхий, хочъ и землякъ.
 Спива матросъ, якъ той козакъ,
 Що въ наймахъ вырись сиротою,
 Иде служыты въ москали.

Давно, давно колысь
 Я чувъ, якъ стоя пидъ вербою,
 Тыхенько дивчына спивала,
 И жаль мени, малому, стало
 Того сирому сироту,
 «Що винъ утомився,
 На тынь похылывся;
 Люде кажуть и говорятъ:
 Мабуть винъ упився».
 И я заплакавъ: жаль малому
 Було сиромы сироты.

Чого жъ теперъ заплакавъ ты,
 Чого теперъ тоби старому
 У сій неволи стало жаль,
 Що свить завязанный, закрытый,

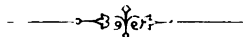
*) Оренбургской губ.

Що самъ еси теперъ москаль,
Що сердце порване, побыте,
И що хороше, дороге
Будо въ ёму, то розлылося,
Що ось якъ жыты довелося?
Чи такъ, лебедыку?.. — Еге!..

Въ неволи, въ самоти немає,
 Нема зъ кымъ сердце поеднать,
 То самъ соби оде шукаю
 Когось-то, зъ нымъ щобъ розмовлять...
 Шукаю Бога, а нахожу
 Таке, що цуръ ёму й казать.
 Отъ що зробылы зъ мене годы
 Та безталанне. Та ще й те,
 Що литечко мое святе
 Мынуло хмарно, що немає
 Ниже едного случаю,
 Щобъ доладу було згадать...
 А душу треба розважать,
 Бо ий такъ хочеться, такъ просыть
 Хочъ слова тыхого... Не чуть!
 И мовъ у поли снигъ заносыть
 Неохолонувшый ще трупъ.

МОСКАЛЕВА КРЫНЫЦЯ.

Я. Г. Кухаренкови.

(На памяць 7 Мая 1857 року).

Не на Украіні, а далёко—
 Аж за Ураломъ, за Елекомъ,
 Старый недобытокъ — варнакъ
 Мени розказувавъ оттакъ
 Про сю Крыныцю Москалеву;
 А я, сумуючы спысавъ,
 Та рыему ныщечкомъ додавъ, —
 Та невелычку и дашеву
 (Звычайне, крадене!) зобгавъ
 Тоби поему на спомыны,
 Мій друже щырый, мій едныый!

I.

Писля велькой зимы,
 За Катерыны за царыцы,
 Москаль ту выкопавъ крыныцю,
 А якъ винъ выкопавъ, то мы
 Оце й розкажемо въ прыгоди,
 А вы запысуйте; не шкодыть
 Такую ричъ и запысать,
 Бо се не казка, а быльця,
 Або бувальщина, сказаць.
 Оттакъ пышыть: Була крыныця...
 Ни, не крыныця, а село —

Пышитъ — давно колысь було
 Межы садами, при долини,
 Такы у насъ, на Украини,
 Було те Божее село.

Въ сели тому вдова жыла,
 А у вдовы дочка росла
 И сынъ малолитокъ.
 Добре маты дитокъ
 Багатуму: хвалыть Бога
 Въ роскошахъ; а вбогій
 Вдови не до того:
 (Бо залылы за шкуру сала —
 Трохы не пропала) —
 Думала иты въ черныци,
 Або утопытысь,

Такъ жаль маленькихъ дитокъ стало
 (Звычайне, маты! — що й казаты!)
 Та, може, ждався такы й зять,
 Бо вже Катруся пидростала:
 (Катрусею вдовивна звалась)
 Чи вить же ий продивувать,
 Зноситы бривонькы ни за що?
 Хяба за те, що сырота?
 А красота-то, красота!..
 Мій Боже мыйый! А трудяще,
 А чепурне, та роботяще,
 Та тыхе... бачъ и сырота,
 А всимъ була па-вдывовыжу;
 Бувало, выгляне изъ хыжи,
 Якъ тая квиточка зъ росы,
 Якътее сонечко зъ-за хмары:
 Весь похолону, нежывый
 Стою, бувало...

А ни кара,
 Ни муки, кайданы,
 Ниже лига, сыну,
 Ти сылы не втомилы...
 Оттакъ и загыну, —

Такъ и згыну, — бо дывыся:
 Смерти сподываюсь,
 А рыдаю, мовъ дытына,
 Якъ я нагадаю
 Катерыну... Слухай, сыну,
 Мій друже едѣный!
 Слухай добре, та запысуї,—
 Та на Украини
 Якъ Богъ тебе допровадыть,
 То роскажи, сыну,
 Що ты бачывъ дїавола
 Своими очыма!..

II.

Такъ, бачышь, дивонька отта
 Росла собі; и роботащый
 (Бо всюды сырота — ледащо)
 У наймахъ вырись сырота,
 Неначе батькова дытына.
 Отто жъ, той самый сыротына
 У наймахъ, сякъ собі, то такъ,
 Придбавъ сирома грошеняць,
 Одежу справывъ, жупаныну,
 Та не видсиль и не видтиль
 Купывъ садочокъ и хатыну,
 Подякувавъ за хлибъ, за сіль
 И за науку добрымъ людемъ,
 Та до вдовивны навпростоць
 Шелестъ за рушныками!..
 Не торгувалысь зъ старостамы,
 Якъ те бува зъ багатырямы,
 Не торгувавсь и панъ-отець
 (На дыво людемъ та на чудо!):
 За тры копы звинчавъ у будень,
 Безъ пыхы, такъ, якъ довелось...

Оттуть-то, голубе мій сызній,
Оттуть-то й лихо почалось.

III.

Уже, либонь, після Покровы
Вертався зъ Дону я, та знову—
(Бо я вже двичи пославъ
До дивчыны за рушныкамы)—
Послатъ и въ трейте миркувавъ, —
Та зъ чумакамы, та зъ воламы,
Якъ-разъ въ недилю на весилля
До удовивны прычвалавъ.
Пропало, все добро пропало,
А ни щытынкы не zostало!.. .
Пронавъ и я, — та не въ шынку,
А на кобыли... На вику
Вси люде бачать лихо, сыну;
Але такого, мій едынй,
Такого лютого—нихто,
Нихто и здалека не бачывъ,
Якъ я, лукавий! А тымъ часомъ
Просохлы очи у вдовы:
Неначе въ Бога за дверыма,
У зятя та въ сына
Стара соби спочывае,
А на Катерыну,
На дытя свое едыне,
Тилькы поглядае.
А я въ шынку зъ пьяныцямы
Душу пропываю, —
Та й пропывъ! Запродавъ душу, —
И душу, и тило:
Тило катови, а душу...
О, Боже мій мылий!
Хотилося бъ жыть на свити,

Та-ба! треба вчытысь,
Якъ на свити жыты,
А то бытымуть, та й дуже!..
Не знаю, мій друже,
Чи сатана лыхо коивъ,
Чи я занедужавъ,
Чи то мене злая доля
Прывела до того!..
Такы й доси ще не знаю,
Не знаю ничего...
Знаю тилькы, що тверезый,
(Бо вже а ни вына,
Ни меды, ни оковыта
Не пылыся, сыну)!..
Оттаке-то сподіялось!
Вмеръ батько и маты,
Чужи люде поховалы,
А я, мовъ проклятый
Той Іуда, одрынутый
И людмы и Богомъ,
Тыняюся, ховаюся —
И дійшло до того,
Що я, въ-ночи пиддравшыся,
Максымову хату
(Бо ёго Максымомъ звалы —
Вдовыного зятя)
Запалывъ! Згорила хата...
А душа проклята
Не згорила... моя душа,
Мій друже, мій брате,
Не згорила, а осталась —
Тліе, й доси тліе...
И колы вона зотліе,
Колы одпочыне, —
Святый знае...

IV.

Зъ переляку
 Вмерла Катерина;
 А Максимъ на пожарыще
 Та на пепелыще
 Подыввся... нема рады!..
 Тилькы витерь свыще
 У дымари та въ комини...
 Що тутъ въ свити дѣять,
 И що теперь ёму початы?
 Подумавшы, перехрыстывсь
 Та й зновъ пишовъ у наймыты
 Голодни злыдни годуваты;
 Вдова zostалась не сама,
 А зъ сыномъ парубкомъ; женыты
 Ёго збиралась въ-осены,
 Ажъ гулькь!.. одъ матушечь-царици,
 Такы изъ самой столицы,
 Прыйшовъ указъ — лобы голыть.
 Се въ першый разъ такый указъ
 Прыйшовъ зъ Московщины до насъ,
 Бо на Вкраини въ насъ бувало
 У козаки охочи йшли,
 А въ пикынеры вербували—
 Та тежъ охочыхъ... На сели
 Зибралася громада радыть—
 Кого голыть у москали.

Порадылы громадою —
 И вдовыченка ледащыцю
 Забылы въ скрепыцю,
 Та й повезлы до прыёму!
 Онъ-яке творыться
 На симъ свити! яка правда
 У людей, мій сыну!..

Така й доси, я думаю,
 Въ насъ на Украини;
 Та другой и не буде
 Въ невольникахъ-людяхъ.

V.

«Ни вже,» каже, «добри люде,
 Не такъ воно буде,
 Оттакъ хиба!» Максимъ каже:
 «Яки зъ мене люде
 У наймытахъ! Иду служити;
 Нехай,» каже, «вдовынъ сынъ
 Та не стане пидъ аршынъ,
 А я стану».

Изъ прыёму
 Вернувся до дому,
 До матери вдовыченко;
 А Максимъ зъ прыёму
 Пишовъ соби у москали,
 Помолывшысь Богу.
 Мени полегшало,— а зъ чого,
 Зъ чого полегшало мени?
 Зъ того, що ворога не стало...
 Якого жъ ворога, мій Боже!
 Моя пекельная душа
 Кого боялася? Максима!
 Ни, не Максима, а когось.
 Когось боялася проклята:
 Люцыперови служыла
 Та ёго й страшылась!..

VI.

Черезъ годъ отто, й велыка
 Зима наступыла;

До зеленои недилы
 Въ байракахъ билилы
 Снигы били,—тоди жь отто
 И Очаковъ бралы
 Москалы; а Запорожя
 Перше зруйнувалы.
 Розбрелося товариство
 (А що то за люде
 Булы тьи запорожци—
 Не було й не буде
 Такыхъ людей!..)

Пидь Очаковъ

Погналы й Максима:
 Тамъ-то ёго скаличено,
 Та й на Украину
 Повернено зь одставкою.
 Бачышь, праву ногу,
 Чи то ливу, пидстрелено...
 Мени не до того
 Було тоди: знову люта
 Гадына выплася
 Въ саме сердце; кругомъ ёго
 Трычи обвылася,
 Якъ той Иродь... Що тутъ робыть?
 Не дамъ соби рады;
 А Максимови кривому
 Ничого не вадыть:
 Шкандыбае на мылыци
 И гадкы не мае;
 А въ недиленьку святую
 Мундырь надивае,
 И медаль и хрестъ прычепыть,
 И заплете косу,
 Та ще й борошномъ посыпле...
 (Я не знаю й доси,
 На-що воно москалы ти
 Косы заплиталы,

Мовъ дивчата, та святее
 Борошно псувалы?..
 На играшку, я думаю—
 Такъ соби, абы-то!)
 Отто жъ було, мовъ генераль,
 Максимъ сановыто
 Прибереться у недилю
 Та й пошкандыбае
 У храмъ Божый; на крыласи
 Стане та й спивае
 Зъ дякомъ такы, а то возьме
 Та ще й прочитае
 Апостола середь церкви
 (Вывчывся чытаты
 У москаляхъ). Непевный бувъ
 Максимъ оттой, брате,—
 Та трудящый, роботящый,
 Та тихый до-того,
 Та ласкавый... Було тоди
 Ниже а никого
 Не зачепыть ниже диломъ,
 Ниже якимъ словомъ.
 «И таланъ, и безталання—
 Все,» каже, «видь Бога,
 Вседержителя святого,
 А бильшь ни видь кого...»
 Преблагый бувъ мужъ на свити
 Максимъ оттой, сыну;
 А я! а я!.. не вымовлю,
 Моя ты дытыно!..
 Я... вбывъ ёго!.. Постривай лышь,
 Трохы одпочыну,
 Та тоди вже...

VII.

Таеъ ты кажешъ,
 Що бачывъ Крыныцю
 Москалеву, що ще й доси
 Беруть зъ неи воду?
 И хрестъ, кажешъ, коло шляху
 И доси Господній
 Стоить соби на роздолли;
 А не розказали
 Тоби люде тамъ ничого?..
 Вже повымирали
 Ты люде, мои свидкы,
 Праведныи люде;
 А я й доси караюся
 И каратысь буду
 Й на тимъ свити...

Ось послухай,
 Доводыть до чого
 Сатана той душу нашу:
 Якъ не схаменеться
 Та до Бога не вернеться,
 То таеъ и ввишьеться
 Пазурамы въ саме серце...
 Ось слухай же, сыну,
 Про Максима праведного!
 Було не спочыне
 Николы винъ, а въ недилю,
 Або въ яке свято,
 Бере святыи псалтырь въ руки
 Та й иде чытаты
 У садочокъ (у садочку
 Тамъ, у холодочку,
 Катерину поховалы...)
 Отто жъ у садочку
 За упокой души ййи

Псалтырь прочытае.
 Потимъ соби тыхесенько,
 Тыхо заспивае
 «Со святымы,» та й заплаче,
 А потимъ помьяне
 «О здравіи» тещу зъ сыномъ,—
 И веселый стане:
 «Все одъ Бога,» скаже соби:
 «Треба вить дожиты!»
 Оттакий-то мужъ праведный
 Бувъ винъ на симъ свити;
 А у буддень,—то винъ тоби
 Не посыдыть въ хати —
 Все нышпорыть по надвирью:
 «Треба работаты,»
 Було скаже по-московскы,
 «А то, лежа въ хати,
 Ще опухнешь». Та взявъ якось
 Заступъ и лопату,
 Та й пишовъ соби у поле
 Крыныцю копаты.
 «Нехай,» каже, «колысь люде
 Будуть воду пыты
 Та за мою гришну душу
 Господа молыты».
 Выйшовъ въ поле, геть одъ шляху
 У балку спустывся,
 Та й выкопавъ пры долини
 Глыбоку крыныцю.
 (Не самъ одинъ: толокою
 Ёму помагаты
 Й добри люде прыходмы
 Крыныцю копаты).
 И выложывъ цямрыною,
 И надъ шляхомъ въ поли
 Высоченный хрестъ поставывъ:
 Зо всёго роздоля
 Широкого було выдно;

Се, бачышъ, для того,
 Щобъ знать було, що крыныця
 Йесть коло дороги,
 Щобъ заходмы зъ крыныци
 Люде воду пыты,
 Та за того, що выкопавъ,
 Богу помолытысь.

VIII.

А теперъ уже, — онъ бачышъ,
 Доходыть до чога! —
 Що я стратыть намиряюсь
 Максыма святого...
 Оттаке-то!.. А за вищо?
 За те, за що Каинъ
 Убивъ брата праведного
 У свитлому раю.
 Чи то було у недилю,
 Чи въ якое свято,
 (Слухай, сыну, якъ навчае
 Сатана проклятый!)
 «Ходимъ,» кажу, «Уласовычъ,
 На твою крыныцю
 Подывытысь». — «Добре,» каже,
 «Ходимо напытысь
 Воды зъ нею погожон».
 Та й пишы обое,
 И видерце и вижечкы
 Понесли зъ собою.
 Отъ, прыходымъ до крыныци;
 Я першъ подывывся —
 Чи глыбоко. «Власовычу!»
 Кажу, «потрудыся
 Воды достать; я не вмю».
 Винъ и нахыльвся,
 Опускаючы видерце;

А я... я за ноги
 Вхопивъ ёго, та й укынувъ
 Максима святого
 У крыныцю...

Оттаке-то

Сотворывъ я, сыну!..
 Такого ще не творылось
 Въ насъ на Украини,
 Та й николи не створыться
 На всимъ свити, брате!..
 Всюды люде, а я одинъ—
 Діаволъ проклятый!..

IX.

Черезъ тыждень вже вытягли
 Максима зъ крыныци
 Та у бальци й поховали;
 Чималу капыцю
 Поставылы громадою,
 А ёго крыныцю
 Москалевою назвали...
 Отъ тоби й былыця
 Про ту крыныцю москалеву,
 Нелюдська былыця.
 А я... пишовъ у Гайдамакы
 Та на Сибири й опынвсь,
 (Бо тутъ Сибирь була колысь)...
 И пропадаю, мовь собака,
 Мовь той Іуда... Помолысь
 За мене Богу, мій ты сыну,
 На тій преславній Украини,
 На тій веселій сторони...
 Чи не полегшае мени?..

1857. Новопетровское укрѣпленіе.

Н Е О Ф И Т Ы.

Ся глаголетъ Господь: отворите стдъ и
сохраните правду, приближе бо се спасе-
нiе мое прійти, и милость моя открытося.

М. С. Щепкину.

(На память 34 Декабря 1857 року).

Возлюбленныку музъ и грацій!
Ждучы тебе, я тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоій души передаю.
Прывитай же благодушне
Мою сиротыну;
Нашъ великый чудотворче,
Мій друже единый!
Прывитаешъ: убогая,
Сырая, съ тобою
Переплывѣ вона Лету, —
И огнемъ-слизою
Упаде колысь на землю
И прытчою стане
Роспынателямъ народнимъ,
Грядущимъ тыранамъ.

¹⁾ У листи до М. М. Лазаревського, одъ 24 Января 1858 року (основа 3-я книжка 1862 р. листъ XII.) Т. Гр. Шевченко писавъ, що «Неофиты не выкончени». После того вниѣ не пріймався за ихъ: такъ вони и заста-
лись невыконченными. (Прим. ред. «Основа»).

П Р О Л О Г Ъ.

Давно вже я сыжу въ неволи
 Неначе злодѣй взаперти,
 На шляхъ дывлюся та на поле,
 Та на ворону на хрести
 На кладовыщи; бильшь ничего
 Зъ тюрмы не видно; слава Богу
 И за те, що бачу, що живуть,
 И Богу моляться, и мрутъ,
 Хрещени люде.

Хрестъ высокій
 На кладовыщи, трохи зъ-боку,
 Златомалеваний стоить.
 Не вбогый, мабуть, тутъ лежить!..
 И намалёвано: роспѣтый
 За насъ Сынъ Божый на хрести.
 Спасыби сыротамъ багатымъ,
 Що хрестъ поставылы; и я—
 Такая доленька моя!—
 Сыжу соби та все дывлюся
 На хрестъ высокій изъ тюрмы..
 Дывлюсь, дывлюся, помолюся,—
 И горе, горенько мое,
 Мовъ нагодована дытына,
 Затыхне трохи... и тюрма
 Неначе шыршае; спивае
 И плаче сердце, оживае
 И въ тебе, Боже, и въ святыхъ
 Та праведныхъ твоихъ пытае:
 Що винъ зробывъ имъ той святой,
 Той Назарей, той сынъ единый,
 Богомъ избранной Маріи—
 Що винъ зробывъ имъ? И за що
 Ёго святого мордувалы,
 Во узы ковалы

И главу его честную
 Терномъ увинчали;
 И вывели зъ злодіями
 На Голгофу гору,
 И повислы мижъ ными?
 За що?

Благословенная въ женахъ,
 Святая праведная Маты
 Святого Сына на земли!
 Не дай въ неволи пропадаты,
 Летучи лита марне тратыть,
 Скорбящихъ радости! Пошли—
 Пошли мени святее слово—
 Святой правды голосъ новый,
 И слово розумомъ святымъ
 И оживы, и просвیتی!
 И роскажу я людямъ горе,
 Якъ тая маты рикы, море
 Слѣзы кровавой лыла,
 Такъ якъ и ты,—и прийняла
 Въ живую душу свить незрымый
 Твоёго роспятаго сына!..
 Ты, маты Бога на земли,
 Ты слѣзы матери до-краю,
 До-капли вылыла!.. Рыдаю,
 Молю, рыдаючы: пошли—
 Подай души убогій сылу,
 Щобъ огненно заговорила,
 Щобъ слово пламенемъ взялось,
 Щобъ людямъ сердце ростопыло
 И на Украйну понеслось
 Те слово—Божее каддыло—
 Каддыло истыны... Аминь.

I.

Не въ нашимъ краю Богу мылимъ,
 Не за гетьманивъ и царивъ,
 А въ римскій идольскій земли
 Се беззаконіе творилось—
 Лыбонъ за Деція царя,
 Чи за Нерона сподаря—
 Сказать запевне не зумію.
 Нехай за Нерона...

Россіи

Тоди й на свити не було,
 Якъ у Италіи росло
 Мале дивчя; и красотою,
 Святою, чистою красою,
 Якъ тая лылія, цвилю.
 Дывылася на неи маты
 И молодила, и дивчати
 Людей шукала, и знайшла;
 Та помолывшысь Гименею
 Въ своимъ веселимъ гинекеи,
 Въ чужній веселый одвела.
 Незабаромъ зробылась маты
 Изъ доброго того дивчаты—
 Дытynu—сына привела.
 Момылася своимъ пенатамъ
 И въ Капитолій принесла
 Немали жертвы; ублагала
 Капитолійскый той сынгелить,
 Щобъ первенця ййи витали
 Стятіи идолы. Горыть
 И день, и ничъ передъ пенатомъ
 Святый огонь. Радіе маты:
 Въ Алкыда сынъ ййи росте,
 Росте... лыцяются гетеры,

И передъ образомъ Венеры
Лампаду свитять.

II.

Тоди вже сходила зоря
Надъ Выхлеомомъ: правды слово—
Святой правды и любви—
Зоря всесвітняя зійшла
И миръ и радость принесла
На землю людямъ. Фарысен
И вся мерзена Іудея
Заворушылась, заревла,
Неначе гадына въ болоти,
И сына Божого во плоти
На тій Голгофи роспьяла
Межы злодіямъ;—и спалы,
Упившысь кровію, каты,—
Твоею кровію!.. а ты
Возставъ одъ гробу. Слово встало—
И слово правды понесли
Твои апостоли святыи.

III.

Тоди жъ ото, ййи Алкыдъ,
Та ще гетеры молодіи
Та козлоногий пьяный дидъ
Надъ самымъ Аппіевымъ шляхомъ
У гай гарно роздяглысь,
И ще гарнише попылысь,
Та й поклонялся Пріапу...
Ажъ гулькь! иде святыи Петро,
Та идучы въ Римъ благовистыты,
Зайшовъ у гай воды напытысь
И одпочыты. — «Благо вамъ!» —

Сказавъ апостоль утомленный,
 И оргію благословивъ.
 И тихымъ, кроткимъ, добрымъ словомъ
 Благовистивъ имъ слово нове,
 Любовь, ѿ правду, и добро—
 Добро найкращее на свити—
 То—братолюбіе. И сытый,
 И пьяный, ѿ голый фавнь отой
 И сынъ Алкыдъ твій, и гетеры—
 Все, все упали до земли
 Передъ святымъ, и повелы
 До себе въ термы на вечерю.

IV.

И въ термахъ оргія: горять
 Чертогы пурпуромъ и златомъ,
 Курять амфоры; дивчата
 Трохы не голіи стоять
 Передъ Кипридою, и въ—ладъ
 Спиваютъ гимнь. Приготованъ
 Веселый пырь и поляглы
 На ложахъ гости... регить, гоминь!..
 Гетеры гостя привелы
 Сывобородого,—и слово
 Изъ усть апостола святого
 Драгимъ елеемъ потекло,—
 И стыхла оргія... А жрыця
 Киприды—оргін царыця,
 Поныкла радоснымъ челомъ
 Передъ апостоломъ—и встала
 И все за нею повставалы
 И за апостоломъ пишлы
 У катакомбы. И едыный
 Твій сынъ Алкыдъ пишовъ за нымы
 И за апостоломъ святымъ—
 За тымъ учителемъ своимъ!..

А ты весела вийшла зъ хаты
 На шляхъ изъ гаю выглядаты
 Свого Алкыда. Ни, нема!..
 Уже й не буде!.. Ты сама
 Помолышся своимъ пенатамъ,
 Сама вечерять сядешъ въ хати...
 Ни, не вечерять, а рыдаты,
 Рыдаты и долю прокльнаты,
 И сывить кленучы. И, горе!
 Умрешъ есы на самоти
 Мовъ прокаженна!

V.

На хрести
 Стрымглавъ повисыли святого
 Того апостола Петра,
 А неофитивъ ¹⁾ въ Сыракузы
 Въ кайданахъ одвезлы. И сынъ,
 Твій сынъ Алкыдъ, твоя дытына
 Едыная твоя родына,
 Любовь едыная твоя,
 Гные въ неволи у кайданахъ;
 А ты, прескорбная, не знаешъ,
 Де винъ канае, пропадае!..
 Идешъ шукаты ёго въ Сибирь,
 Чи тее... въ Скъюю... И ты...
 И чи одна ты?... Божа маты,
 И заступы васъ и укрий!..
 Нема семьи, немае хаты,
 Немае брата, ни сестры,
 Щобъ не заплаканы ходылы,
 Не катувалыся въ тюрьми,
 Або въ далекий сторони.

¹⁾ Новохрещенцивъ.

Въ британськихъ, гальскихъ легионахъ
 Не муштровались!... О, Нероне,
 Нероне лютый! Божий судъ
 Правдивый, наглый, середъ пляху
 Тебе осудить: приплывутъ
 И прилетять зо всёго свиту
 Святїи мученыкы—дѣты
 Святой воли; кругъ одра
 Кругъ смертнаго твоего постанутъ
 Въ кайданахъ,—и... тебе простать:
 Вони браты и хрыстіяне,
 А ты собака, людойдъ,
 Деспотъ скаженный...

 VI.

Ажъ кышуть
 Невольника у Сыракузахъ
 Въ лёхахъ и тюрьмахъ: а Медуза
 Въ пынку зъ старцами пьяна спыть...
 Отъ-отъ прокынется,—и потомъ
 И кровью вашою, деспоты,
 Похмилла справыть.

Скрызъ шукала
 Дытynu маты; не знашла—
 И въ Сыракузы поплыла,
 Та тамъ уже ёго въ кайданахъ
 Найшла, сердешная, въ тюрьми.
 Не допустылы ѣ подывытысь.

И мусыла вона седиты
 Коло острогу—ждать и ждать,
 Якъ Бога зъ неба, выглядать
 Своёго сына, ажъ покы-то
 Ёго въ кайданахъ поженуть
 Бульваръ мести.—

А въ Рыми свято,
 Велыке свято! Тысѣ народу,

Зо всёго царства воеводы,
 Преторіане и сенать;
 Жреци и лектори стоять
 Кругъ Капитолія—и хоромъ
 Спиваютъ гимнъ и курятъ дымъ
 Зъ кадиль и амфоръ. И зъ соборомъ
 Иде самъ кесарь; передъ нимъ
 Изъ брондзы лютую статую
 Самого кесаря несутъ.

 VII.

Непевне выдумали свято
 Патрыціи-арыстократы
 И мудрый кесаривъ сенать:
 Вони, бачъ, кесаря хвалыли
 На вси лады, що ажъ остыло
 Ёго самымъ имъ выхвалять,—
 Та заравомъ, щобъ доканать,
 Вони на ради й прысудыли,
 Щобъ просто кесаря назвать
 Самымъ Юпытеромъ,—та й годи!..
 И напысали воеводамъ
 По всёму царству: такъ и такъ...
 Що кесарь—богъ, ще бильшь одъ бога,
 И майстрови дали ковать
 Изъ брондзы кесаря; до того,
 Такъ нота-бене додали,
 Що брондзовый той кесарь буде
 И мылувать... Сердешни люде,
 Неначе въ ирій, потягли
 У Рымъ на прощу. Прыплыла
 Изъ Сыракузь и та небога
 Благаты кесаря и бога.
 И чи вона одна? мій Боже!
 Прышло ихъ тысяча въ слёзахъ,
 Прышло здалека!..

Горе зъ вами!
 Кого богатъ вы прыйшли?
 Кому вы слёзы принесли?
 Кому вы принесли зъ слёзамы
 Свою надію?.. Горе зъ вами!
 Кого благаете, благія,
 Рабы незрячыи, сліпіі!
 Чи катъ помылуе кого?
 Молитесь Богови одному,
 Молитесь правди на земли,—
 А бильше на земли никому,
 Не поклонитесь. Все брехня!..

VIII.

Передъ Нерономъ,
 Передъ Юпитеромъ новымъ,
 Моылись вчора сенаторы
 И вси патрыціи,—и вчора
 Лылася божа благодать:

Преторіяне помолылись—
 Преторіянамъ давъ указъ,
 Щобъ все, що хочуть, те й робылы,
 А мы помылуемо васъ;
 И вы, плебеи-гречкосіи,
 И вы молылися,—та васъ
 Нихто не мылуе! не вміють
 Васъ и помылувать гараздъ...

IX.

На третій день уже пустылы
 Моытыся за хрыстіянъ,
 И ты приходыла, молылася,—
 И мылосердый истуканъ

Звеливъ везты изъ Сыракузъ
У Рымъ въ кайданахъ хрыстіянъ.

И рада ты, и весела!
Кумырови знову
Помолилась... а кумыръ той,
Юпитеръ той новій,
Ось побачъ, явее свято
Буде завдавати
Въ Колызен.
А тымъ часомъ
Иды застричаты
Свого сына, та недуже
Радій лишьъ, небого:
Ще не знаешъ ты нового
Лукавого бога.

X.

А поки що, зъ матерями
Алкыдова маты
Пишла его зостричаты,—
Святыхъ привитаты
На бѣрези. Пишла есы,
Трохы не спиваешъ,
Та кесаря—Юпитера
Хвалышь, выхваляешъ...

И ныщечкомъ помолилась
Кесаревн—богу,
Та й пишла по-надъ болотомъ,—
На Тыбръ поглядае...
А по Тыбру изъ-за гаю,
Байдакъ выплывае,
Чи галера. На галери
Везуть твого сына
Зъ неофитамы въ кайданахъ.
А твоя дѣтина

Ще й до щоглы прикована:—
 Не неофитъ новый,
 А апостоль великого
 Христового слова.
 Оттакий-то винъ!.. Чи чуешь?
 У путахъ спивае
 Твій мученикъ:
 «Псаломъ новій Господеви
 И новую славу
 Воспоемъ чеснымъ соборомъ,
 Серцемъ нелукавымъ;
 Во псалтыри и тимпани
 Воспоемъ благая,
 Яко Богъ кара неправыхъ,
 Правымъ помагае;
 Преподобныи во слави
 И на тыхыхъ лежахъ
 Радуются, славословлять,
 Хвалять имя Боже;
 И мечи въ рукахъ ихъ добри,
 Гостри обоюду,
 На отмщеніе языкамъ
 И въ науку людямъ.
 Окують царей несытыхъ
 Въ зализныи пута,
 И ихъ славныхъ оковами
 Ручными окрутять;
 И осудять неправедныхъ
 Судомъ своимъ правымъ,
 И во вѣки стане слава —
 Преподобнымъ слава!»

 XI.

А ты на бѣрези стояла,
 Неначе темная скала,
 Не слухала и не рыдала,

А «алылуя» подала
 За матерями хрыстіянамъ.
 Мовъ дзвоны, загулы кайданы
 На неофитахъ; а твій сынъ,
 Едыный твій, апостоль новый,
 Перехрыстывшись, возгласывъ:
 — «Молитесь, братія, молитесь
 За ката лютого! Ёго
 Въ своихъ молитвахъ помьяните;
 Передъ гордынею жъ ёго,
 Браты мои, не поклонитесь!
 Молытва—Богови! А винъ
 Нехай люте на земли,
 Нехай пророкывъ побывае,
 Нехай усихъ насъ роспынае...
 Уже внучата зачалысь
 И выростуть воны колысь:
 Не местныкы внучата тыи—
 Хрыстови воины святіи,
 И безъ огня и безъ ножа
 Стратеги божіи воспрянуть —
 И тьмы и тысячи поганыхъ
 Передъ святымы побижать!
 Молитесь, братія!»

Молылись,

Молылись передъ хрестомъ
 Закути въ пута неофиты,
 Молылись радосно!.. хвала,
 Хвала вамъ, души молодіи,
 Хвала вамъ, лыцари святіи,
 Во вики-вики похвала!..

XII.

И въ Рымъ галера прыплыла.
 Мынае тыждень. Пьяный кесарь,
 Пострыгшы самъ себе въ Зевесы,

Завдавъ Зевесу юбилей.
 Лыкуе Рымъ. Передъ кумыра
 Везуть возамы ладонь, мырро,
 Женуть гуртамы хрыстіянъ
 У Колизей, мовъ у ризныци.
 Кровь потекла. Лыкуе Рымъ...
 И гладіаторъ, и патрыцій—
 Обыдва пьяни: кровь и дымъ
 Ихъ упоивъ; руину славы
 Рымъ пропывае; трызну править
 По Сципіонахъ. Лютый, лютый,
 Мерзеныи старче! роскошуй
 Въ своихъ гаремахъ! Изъ-за моря
 Уже встае святая здря;
 Не громомъ праведнымъ святымъ
 Тебе убьютъ: ножемъ тупымъ
 Тебе зарижуть. мовъ собаку.

XIII.

Другой день
 Реве арена; на арени
 Лыдійський золотый писокъ
 Покрывся пурпуромъ червонимъ—
 Въ болото крови замисывсь;
 А Сыракузськихъ назаревъ
 Ще не було у Колизей.
 На третій день и ихъ въ кайданахъ
 Сторожа зъ голыми мечамы
 Гуртомъ въ ризныцю привела.
 Арена звиремъ заревла;
 А сынъ твій гордо на арену,
 Псаломъ спиваючы, ступывъ,—
 И пьяный кесарь, мовъ скажений,
 Зареготавсь. И леопардъ
 Изъ леху выскочывъ на сцену...
 Ступывъ, зырнувъ—и полылась

Святая кровь. По Колизей
 Ревучимъ громомъ пронеслась
 И стыгла буря... Дежъ була,
 Де ты сховалася? Чомъ на ёго,
 На кесаря свого святого,
 Не кинулась?—Бо стерегли,—
 Кругомъ въ тры лавы обступылы
 Зевеса лыкторы; за нимъ,
 Твоимъ Юпитеромъ святымъ,
 Зализну браму зачыннылы;
 А ты осталася одна,
 Одна однисенька на двори...
 И що ты зможешъ?—«Горе, горе!
 О, горе лютее мое!
 Моя ты доленько! Безъ ёго
 Що я робытму? До кого
 Я прыхылюся?..» И небога
 Кругомъ зырнула,— и о муръ,
 О муръ старою головою
 Ударылась, и трупомъ пала
 Пидь саму браму.

 XIV.

Зъ поворыща у вечери
 У термы сховався
 Святый кесарь зъ лыкторамы;
 Колизей остався
 Безъ кесаря и безъ рымлянъ
 И нибы заплакавъ
 Одинокий; мовъ гора та
 На поли, чорніе
 Колизей той середь Рыму.
 Тыхо, тыхо віе
 Изъ-за Тыбру, изъ Альбана
 Витеръ по-надъ Рымомъ,
 А надъ чорнымъ Колизеємъ

Нибы изъ-за дыму
 Плыве мисяць круглолыцый,—
 И мырь перевозданный
 Одпочывъ на лони ночи;
 Тилькы мы, Адаме,
 Твои чада преступныи,
 Не одпочываемъ
 До самой домовыны
 У проспаннымъ раи;
 Грыземося, мовь собаки.
 За маслакъ смердячый
 Та тебе ще зневажаемъ.
 Праотче...

 XV.

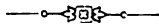
Трохы одпочыла
 Стара маты недобыта;
 Жывущую сылу
 Сыла ночи оживыла;
 Встала, походыла
 Коло замкнутой брамы
 Та щось шепотала:
 Чи не кесаря святого
 Нышкомъ проклянала?
 А може й такъ... Тыхесенько
 До брамы пидкралась,
 Послухала, усмихнулась,
 И щось прошептала —
 Якесь слово... И ныщечкомъ
 Коло брамы сила
 Й зажурылась. Незабаромъ
 Брама одчынылась,
 И на возахъ, на колесныцяхъ
 Изъ Колизея, изъ ризныци,
 Святїи вывезлы тїла
 И повезлы на Тыбрь: тїламы

Святыхъ убитыхъ годовалы
 Для царскаго такы стола
 У Тыбри рыбу. Встала маты
 Кругомъ оглянулась, взялась
 За быту голову руками
 И тихо, мовчки за возамы
 Марою черною пишла
 На Тыбрь. А скомы сирооки,
 Погоннычи, рабывъ рабы,
 Подумалы: сестра Морока
 Изъ пекла выйшла провожать
 У пекло римлянъ. Поскыдали
 У воду трупы, та й назадъ
 Зъ возамы скомы поверталы.—
 А ты осталася одна
 На бѣрези, и ты дывылась,
 Якъ розстилалася, стелылась
 Кругы шырокии надъ нымъ,
 Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ...
 Дывылась, помы не осталось
 Жывого слиду на води,—
 И усмихнулася тоди
 И тяжко, страшно зарыдала,
 И помодылась, въ першыи разъ,
 За насъ Роспьятому,—и спасъ
 Тебе роспьятыи сынъ Маріи,
 И ты слова его жывыи
 Въ жывую душу прыйняла,
 И на торжыща и въ чертогы
 Жывого истинного Бога
 Ты слово правды понесла.

Нижний Новгородъ, 8 декабря 1857 года.

1858.

ДОЛЯ.

Ны не лукавила зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сиромѣ стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопца, одвела
До пьяного дядка въ науку:
«Учися, серденько! колись
Зъ насъ будуть люде,» ты сказала.
А я й послухавъ, и учивсь,
И вывчивсь. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?.. Та дарма!
Мы не лукавили зъ тобою,
Мы просто йшли; у насъ нема
Зерна неправды за собою...
Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавий!
Ходимо дальше. дальше слава,
А слава — заповидь моя.

1858. Петербургъ.

МУЗА.

А ты, пречыстая, святая,
 Ты, сестро Феба молодая!
 Мене ты въ пелену взяла
 И геть у поле однесла;
 И на могыли середь поля,
 Якъ тую волю на роздоли,
 Туманомъ сывымъ сповыла,
 И колыхала, й сповывала,
 И чары діяла... И я...
 О, чаривныченько моя!
 Мени ты всюды помагала,
 Мене ты всюды доглядала.
 Въ степу, безлюдному степу,
 Въ далекій неволи
 Ты сіяла, пышалася,
 Якъ квіточка въ поли!
 Изъ казармы нечыстой
 Чыстою, святою
 Пташечкою вылетіла
 И по-надо мною
 Полынула, заспывала,
 Ты, золотокрыла,
 Мовъ живущою водою
 Душу окропыла.
 И я живу, и надо мною
 Зь своею Божою красою
 Горышь ты, зоренько моя,
 Моя порадонько святая!
 Моя ты доле молодая!
 Не покидай мене. Въ-ночи,
 И въ день, и въ-вечери, и рано
 Витай зо мною и учы,
 Учы неложными устами

Сказаты правду. Поможы
Молытву дѣяты до краю,
А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положы
Свого ты сына въ домовину,
И хочъ единую слѣзину
Въ очахъ безсмертныхъ покажы.

ВИДЬМА.

Молюся, знову уповаю,
 И знову слёзы выливаю,
 И думу тяжкую мою
 Нимымъ стинамъ передаю.

Озовитесь жъ, заплачете,
 Ними, зо мною
 Надъ неправдою людською,
 Надъ долею злою.
 Озовитесь! А за вами
 Може озовется
 Безталанна невсыпуща,
 И намъ усмихнется;
 Поеднае зъ недолею
 И зъ людьмы, и скаже:
 Спасыби намъ: помолыться,
 И тыхо спать ляже.

И прымыренному прыснятся
 И люды добри, и любовъ,
 И все добро, и встане въ-ранци
 Веселый, и забуде зновъ
 Свою недолю, и въ неволи
 Познае рай, познае волю
 И всетворящую любовъ.

Коло осиннёго Мыколы,
 Обидрани, трохи не голи,
 Бендерськымъ шляхомъ у-ночи
 Ишли цыгане; а йдучы —
 Звычайне вольныи — спивали.
 Ишли, ишли, а потимъ стали,
 Шатро край шляху роспьялы,
 Огонь чималый розвели

И кругомъ ёго посадили.
 Кто зъ шашлыкомъ, а хто и такъ...
 За те винъ вольный, якъ козакъ
 Колысь то бувъ. Сыдять, куняють,
 А за шатромъ въ степу спивае,
 Неначе пьяна, съ приданокъ
 До дому йдучы, молодыця:

«Ой у новій хати
 Полягали спаты:
 Молодій прыснылось,
 Що маты сказылась,
 Свекоръ оженився,
 Батько утопився...
 И..... гу.....»

Цыгане слухають, сміються:
 «И де ти люде тутъ возмутся?
 Оце мабуть изъ-за Днипра,
 Бо тутъ все степь... Мара! мара!»
 Цыгане крикнули схопылись,
 А передъ ными опынылось,
 Те, що спивало. Жаль и страхъ!
 Въ свытыни латаній дрожала
 Якась людына. На ногахъ
 И на рукахъ повыступала
 Одъ стужи зровъ, ажъ струпомъ стала,
 И довги косы въ рещяхахъ
 О полы былысь въ ковтунахъ.
 Постояла, а потимъ сила
 Коло огню и руки грила
 На самимъ поломби... «Ну, такъ!

Оженився неборакъ!»
 Сама собі вона шептала
 И тяжко, страшно усмихалась.
 Що-жь се таке? Се не мара.
 Моя се маты и сестра,
 Моя се видьма, щобъ вы знали.

Цыгане.

А видкиля ты, молодыце?

Видьма.

Хто я? (Спиваю)

«Ягъ була я молодыця,
Цилували мене въ лице,
А ягъ стала стара баба,
Цилували-бъ, була-бъ рада».

Цыганс.

Спивуча, ничего сказать!
Ягъ бы соби таку достать,
Та ще й зъ медведемъ...

Видьма.

Я спиваю,
Чи то сыжу, чи то гуляю...
Все спиваю, все спиваю,
Уже забула й говорить,
А перше добре говорила.

Цыганс.

Дежъ ты була, що заблудыла?

Видьма.

Хто, я?.. Чи ты? (Шепче)

Цыть лышень... цыть!

Онъ бачъ зо мною панъ лежыть!
Огонь погасъ, а мисяць сходыть,
Въ яру пасеться вовкулакъ... (Усьмихнувшысь)
Я въ прыданкахъ була, выплася
И, молода, не предалася...
А все то прокляти паны
Зъ дивчатамы такее діють...
Ще треба другу одружыть.
Пиду, безъ мене не зуміють
И въ домовину положить.

Цыгане.

Не йды, небого! Будь ты зъ нами,
У насъ, ий-Богу, добре жыть!

Видьма.

А диты йесть у васъ?

Цыгане.

Немае.

Видьма.

Кого-жь годуете есте,
Кого вы спаты кладете,
Кого колышете въ-ночи,
Лягаючы и встаючы,
За кого молитесь? Охъ диты!
И все диты, и все диты!
Не знаю, де одъ ихъ подитысь...
Де не пиду—й воны за мною!
Воны зъидать мене колысь.

Цыгане.

Не плачь, небого, не журысь,
У насъ дитей нема й заводу.

Видьма.

Хочь зъ горы та въ воду.
И видьма тяжко зарыдала.
Цыгане мовчкы дывувалысь,
Поки поснулы, де хто впавъ.
Вона жъ не спала, не журылась,
Сыдила. ноги устромила
Въ горячый попилъ. Выступавъ
Щербатый мисяць зъ-за могылы
И на шатро мовъ позыравъ,
Ажъ поки хмары заступылы.

Чомъ не спытсья багатому,
 Сывому, гладкому?
 Чомъ не спытсья убогому,
 Сыроти старому?
 Одынъ дума, якъ бы ёго
 Достроить палаты;
 Другый дума, якъ бы ёго
 На подзвинъ прыдбаты.
 Одынъ старый одпочыне
 Въ пышнй домовни;
 Другый старый и такъ соби
 Де небудь пидъ тыномъ.
 И обыдва спочывають
 И гадкы не мають!
 Убогого не згадають,
 А того ще й лають.

Коло огню старый цыганъ
 Зъ люлькою куняе...
 Позырае на прыблуду
 Й на подзвинъ не дбае.

Цыганъ.

Чому не ляжешъ, не спочынешъ?
 Зирныця сходять, подывысь!

Видьма.

Дывлюся я, вже ты дывись.

Цыгане.

Мы рано рушымо, покынемъ,
 Якъ не проспыхся.

Видьма.

Не просплюсь,
 Я вже николы не просплюсь!
 Оттакъ де небудь и загыну

У бурьяни... (Сливае тыхо)
 «Гаю, гаю темный гаю,
 Тыхенький Дунаю!
 Ой у гаи погуляю,
 Въ Дунаи скупаюсь,
 Въ зеленому баговинни
 Трохы одпочыну...
 Та може ще, хоть калику,
 Прыведу дытynu».

Дарма, абы соби ходыло,
 Та вмило матирь проклянуть!
 А онъ, чи бачышь — на могыли
 Очыма лупа копыня?
 Иды до мене! Кыцю, кыцю!..
 Не йде, прокляте бисеня!
 А то дала бь тоби напытыся
 Зь моеи чыстои крыныци... (Прыспывуе)

«Стоить кутя на покути,
 А въ запичку диты;
 Наплодыла, наводыла,
 Та нема, де диты;
 Чи то потопыты?
 Чи то подушыты?
 Чи жыдови на кровь продать,
 А гроши пропыты?»

Що, добре наши завдають?
 Сидай лышь близнешько, отгутъ.
 Отто-то й то. А ты не знаешь,
 Що я въ Волощыни була?
 Я роскажу, якъ нагадаю...
 Близнять въ Бендерахъ прывела,
 У билихъ Яссахъ колыхала,
 У Дунаеви купала,
 Въ Туреччени сповывала,
 Та до дому однесла,
 Ажъ у Кыевъ. Та вже дома

Безъ кадyla, безъ кропыла,
 За тры шагы охрестыла,
 А тры шагы пропыла...
 Упыласа! Упылась!
 И доси пьяна!...
 И вже николы не просплюся.
 Бо я вже Бога не боюся
 И не соромлюся людей.
 Колыбъ мени отыхъ дитей
 Найты до небудь! Ты не знаешъ,
 Чи йе въ Туреччыни война?

Цыганъ.

Була колысь, теперь нема—
 Умеръ найстаршый старшына.

Видьма.

А я думала, що й доси,
 Ажъ уже немае.
 Слухай, лышень, скажу тобі,
 Кого я шукаю.
 Я шукаю Наталочку
 Та сына Ивана...
 Дочку свою Наталоньку,
 Та шукаю пана,
 Того Ирода, що знаешъ?..
 Стривай, нагадала...
 Ягъ була я молодую,
 И гадкы не мала,
 По садочку похожала,
 Квитчалась, пышалась
 А винъ мене и набачывъ,
 Иродъ!.. И не снылось,
 Що я була крепачкою,
 А то бь утопылась...
 Було бь легше. Отъ набачывъ
 Та й бере въ покой,
 И стрыже, неначе хлопця,

И въ походъ зъ собою
 Бере мене. У Бендеры
 Прийшли мы; стояли
 Зъ москалями на кватерахъ,
 А москали за Дунаємъ
 Турка воювали.
 Тутъ давъ Богъ мени близнята,
 Якъ разъ проти Спаса.
 А винъ мене и покынувъ.
 Не вступивъ и въ хату,
 На дитей своихъ не глянувъ,
 Люцыперъ проклятый!
 Пишовъ соби зъ москалями,
 А я зъ байстриюками
 Повертала въ Украину
 Степами, тернами,
 Острыжена, та й байдуже!
 У селахъ пытала
 Шляхъ у Киевъ. И що зъ мене
 Люде насміялись!..
 Трохи була не втопылась
 Та жаль було кынуть
 Близняточокъ. То сякъ, то такъ
 На свою краину
 Прыдбала. Одпочыла,
 Вечора діждалась,
 Та й у село. Хотилосьъ, бачъ,
 Щобъ люде не знали.
 Отъ я крадусь по-пидтынню
 До своей хаты.
 Въ хати темно. Нема дома,
 Або вже лигъ спаты
 Мій батечко одынокый.
 Я ледве ступаю...
 Вхожу въ хату, ажъ щось стогне,
 Нибы умирае.
 То мій батько. И никому
 Ни перехрестыты,

Ни рукъ скласты. О, прокляти,
 Лукавіи дити!
 Що вы дієте на свити!..
 Я перелякалась..
 Хата пустою смердила.
 Отъ я заховала
 Близнятъ своихъ у комори..
 Вбигаю въ хату,—
 А винъ уже ледве дыше..
 Я до ёго: тату!
 Мій таточку! Це я прийшла!
 За руки хватаю..
 Це я, кажу. А винъ мени
 Шепче: «я прощаю,
 Я прощаю!» Тильки й чула..
 Здається. я впала
 И заснула... Якъ бы була
 До вику проспала!..
 О пивъ-ночи прокынулась—
 Якъ у ями въ хати,
 А за руку батько давить..
 Тату, кричу, тату!
 А винъ уже такъ якъ крыга.
 Насылу я руку
 Выпручала. Що, цыгане,
 Якъ бы таку суку
 Тоби дочку. Що зробивъ-бы.

Цыганъ.

Ій Богу, не знаю.

Видьма.

Та мовчы вже, бо забуду,
 Потимъ не згадаю.
 Дитей, бачця, годувала,
 Та въ засикъ ховала,
 Та очипокъ—се вже въ-ранци—
 Ключчямъ вымощала,

Щобъ не знать було, що стрыга;
 Прибралась, ходыла,
 Цоки люде домовину
 На-двори робылы.
 Доробылы, положылы,
 Понеслы, сховалы...
 И одна я, якъ былына
 На поли, осталась
 На симъ свити... Булы диты—
 И тыхъ не осталось.

«Черезъ яръ ходыла!
 Та воду носыла,
 Коровай сама бгала—
 Дочку отдавала,
 Сына оженыла...
 И..... гу....»

Цыганъ.

Не скигли, бо ты всіхъ побудышь

Видьма.

Хиба я скиглю, нависный!

Цыганъ.

Та добре, добре! Що дальшь буде,
 Росказуй дальше.

Видьма.

Що дасы?

Наварышь завтра мамалыгы?..
 Я кукурузы прынесу.
 Нагадала, нагадала!
 Зъ дочкою лигъ спаты,
 Завдавъ сына у лакеи...
 Громадою зъ хаты
 Выганялы. Нагадала...
 Я собакъ дражныла
 По-пидъ викнамы зъ старцями,

И байстрять носыла
 За плечыма, щобъ привчалысь...
 Ажъ и самъ прыйхавъ...

Я до ёго кынулася,
 Забудучы лыхо.

Прывитавъ мене, люцыперъ,
 Благословывъ дитокъ,
 Та й забравъ ихъ у покои.
 Ростуть мои квиты,
 Та й вырослы. Сына Ивана
 Оддавъ якійсь пани
 У лакеи, а Наталю...

Чи твои цыгане
 Все послулы?

Цыгана.

Все послулы.

Видьма.

Бо щобъ не почулы
 Мого слова. Страшно буде...
 И ты, старый друже,
 Злякаешся, якъ вымовлю...
 Чи тоби байдуже?
 Натолочку... дитя свое...
 Занапастывъ! А до того
 Посылае въ Кыевъ
 Мене, бачышъ, молытыся:
 Я, дурна, й ходыла,
 И молылась... Ни, цыгане,
 Я марне молылась!
 Вертаюся изъ Клева.
 Заменути покои...
 Винъ узывъ ййи зъ собою,
 Та й пойхавъ зъ нею,
 Зъ Наталею!.. Чи чуешъ ты?
 И острыгъ, проклятый,
 Дытя све. Полетила

Я ёго шукаю
 Въ Волощину. Та й шукаю,
 Совою лѣгаю
 Надъ байраками, та дитокъ,
 Диточокъ шукаю,
 Наталоньку!.. Ни, ни, ни, ни!
 Я шукаю пана!
 Розирву!.. Возмись до себе
 И мене, цыгане,
 Я медведя водытыму,
 А якъ найду ката,
 То й спушу ёго на ёго!
 Отоди, проклятый!..
 Ни, не спушу!.. Сама ёго
 Загрызу!.. Чи чуешь?
 Одружымось, мое сердце,
 Я й доси дивую:
 Я сына вже оженила,
 А дочка й такъ буде.
 Лазытыме по-пидтынню,
 Поки найдуть люде
 Нежывою. Чи ты бачывъ?
 Тамъ такій хорошій
 Мій сынъ Иванъ!.. Ухъ, холодно!..
 Позычь мени грошей!
 Намыста доброго куплю,
 Та й тебе повишу,
 А сама пиду до дому...
 Дывысь, мыша, мыша...
 Несе у Къивъ мышеняць!
 Не донесешъ, утопышь десь,
 Або панъ одниме!
 Чи я найду моихъ дитокъ,
 Чи такъ и загыну?

Та й замовкла, мовъ заснула.
 Цыгане вставали,
 Розибрали шатро свое,

Въ дорогу рушала —
 Та й рушылы. Пишылы степомъ,
 А вона, небога
 Безталанна, встала мовчки,
 И нибы то Богу
 Нышкомъ соби помолылась,
 Та й пошкандыбала
 Зъ цыганамы. И тыхо,
 Тыхенько спивала:

«Кажуть люде, що судъ буде,
 А суду не буде,
 Бо вже мене осудылы
 На симъ свити люды.»

Изъ-за Днистра пишылы цыгане
 И на Волинь и на Украйну.
 За селомъ село мыналы,
 Въ городаы ходылы,
 И марою за собою
 Приблуду водылы.
 И спивала й танцювала,
 Не пыла й не йила,
 Неначе смерть зъ цыганамы
 По селахъ ходыла.
 Потимъ разомъ схаменулась
 Стала йисты й пыты,
 И ховатысь за шатрамы
 И Богу молытысь.
 Щось таке ий поробыла
 Стара Маріула,
 Якымсь зиллямъ наповала —
 То воно й минулось.
 Потимъ ййи стала вчыты
 И ликаруваты:
 Яки травы, що одъ чого
 И де ихъ шукаты,
 Якъ сушыты, якъ варыты —
 Всѣму, всѣму вчыла

Маріула. А та вчлася
 Та Богу молилась.
 Минуло лито, уже й друге
 И трете настало,
 Уже прийшла въ Украину...
 Жаль їй чогось стало.
 Поклонилась Маріули
 За науку въ ноги,
 Попрощалась зъ цыганами,
 Помолылась Богу,
 Та й пішла собі, небога,
 Въ свою Украину.
 Вернусь, каже, хощь погляну
 На дочку, на сына.
 Не довелось. Панъ вернувся,
 Покинувъ Наталю
 Въ Московщину. А ты їйи
 За Дністромъ шукала!
 Сына Йвана молодого
 Оддали въ салдаты
 За те, що ты не навчыла
 Панивъ шануваты.
 До кого-жъ ты прыхилишся?
 Нивого немає!
 До людей хмысь, небого,
 Люде прывитають.
 Панъ вернувшись занедужавъ,
 Стогне, пропадає,
 А вона набрала зилля,
 Та й пішла въ палаты
 Личить ёго, помагаты,
 А не прокlynаты.
 Не помогла болящому,
 Бо не допустылы.
 А якъ умеръ, то за ёго
 Богу помолылась.
 И жыла собі святою,
 Дивчатъ научала,

Щобъ зъ панамы не кохалысь,
Людей не цуралысь —
А то Богъ васъ покарае,
А ще гирше люды.
Люде горді, неправедні,
Своимъ судомъ судять...
Оттакъ вона поучала,
Болящихъ личыла,
Зъ убогыми останнёю
Крыхтою дилылась.
Люде добрі и розумні
Добре ййи знали,
А все такы покыркою
И видьмою звалы! —

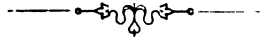

Л Я Х А М Ъ.

(Бр. Залеському).

Ше якъ були мы козаками,
 А Уніи не чутъ було,
 Оттамъ-то весело жылось:
 Браталысь зъ вольными ляхами;
 Пышались вольными степами;
 Въ садахъ кохалыся, цвилы,
 Неначе лыліи, дивчата;
 Пышалася сынамы маты,
 Сынамы вольными. Рослы,
 Рослы сыны и веселыи
 Старіи скорбніи лига, —
 Ажъ поки именемъ Христа
 Прийшли ксѣндзы и запалыи
 Нашъ тихый рай, и розлыи
 Широке море слизъ и крови;
 А сырить именемъ Христовымъ
 Замордувалы, роспьялы.
 Поныкы головы козачи,
 Неначе стоптана трава;
 Украйна плаче, стогне-плаче;
 За головою голова
 До-долу пада. Катъ лютуе,
 А ксѣндзъ скаженнымъ языкомъ
 Крычыть: «Te Deum! Allelujah!»
 Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
 Несытыи ксѣндзы, магнаты
 Насъ поризнылы, розвели,
 А мы бѣ и доси такъ жылы!

Подай же руку козакови,
И сердце чыстее подай,
И знову именовъ Христовымъ
Возобновымъ нашъ тихий рай!

С Л А В А.

А ты, задрипанко, шинкарко,
 Перекупко пьяна!
 Де ты въ ката забарылась
 Зъ своимы лучамы?
 У Версали надъ злодіемъ
 Наборъ распустыла,
 Чи зъ кымъ инымъ мизкаешся
 Зъ нудьгы та зъ похмилля?
 Горнысь лышень ты до мене,
 Та вытнемо зъ лыха;
 Гарнесенько обіймемось,
 Та любо, та тыхо
 Пожартуемъ, чмокнемоя,
 Та й поберемоя,
 Моя крале малёвана,
 Бо я такы й доси
 За тобою чымчыкую.
 Ты хоча й пышалась
 И зъ пьянымы кесарямы
 По шинкахъ хылялась...

.
 Та мени про те байдуже!
 Мени, моя доле,
 Дай на себе подьвытысь,
 Дай и прыгорнутысь
 Пидъ крыломъ твоимъ любенько,
 Въ холодку заснуты.

СОНЪ.

(М. А. Марковичи).

На панщине пшеницю жала;
 Втомылася; не спочывать
 Пишла въ снопы, — пошкандыбала
 Ивана сына годувать:
 Воно словытее крычало
 У холодочку за снопомъ;
 Росповыла, нагодувала,
 Попестыла, — и нибы сномъ,
 Надъ сыномъ сыдя, задримала.
 И снытсья ій: той сынъ Иванъ —
 И уродливый, и богатый,
 Не одынокый, а жонатый
 На вольній, бачытсья, бо й самъ
 Уже не панський, а на воли.
 Та на своимъ веселимъ поли
 У-двохъ соби пшеницю жнуть,
 А диточки обидъ несуть...
 Та й усмихнулася небога...
 Прокынулася — нема ничего!
 На Йвана глянула; взяла
 Ёго, гарненько сповыла,
 Та, щобъ дожать до ланового,
 Ще копу дожынатъ пишла...
 Остатню, може; Богъ поможе,
 Той сонъ твій справдытсья...

13 Юля 1858.

1859

МАРКУ ВОВЧКУ.

(На пам'ять 24 Генваря 1859 року).

Недавно я по-за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ,
Щобъ наша правда не пропала,
Щобъ наше слово не вмирало —
И выблагавъ! Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычтыля жестокихъ,
Людей несытыхъ. Свите мій,
Моя ты зоренько святая!
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене, и огрій,
И оживы мое побыте,
Убоге серце, неукрыте,
Голоднее! — И оживу,
И думу вольную на волю
Изъ домовны воззову!
И думу вольную... О, доле!
Пророче нашъ! Моя ты доне!
Твоею думу назову.

Мій Боже мыйй! якъ то мало
 Святыхъ людей на святи стало!..
 Однѣ на другого кують
 Кайданы въ серци... а словами,
 Медоточивыми устами
 Цилуються, и часу ждуть,
 Чи швидко брата въ домовини
 Зъ гостей на цвнтарь повезуть?..
 А ты, о Господы единый,
 Скуешъ лукавы уста,
 Языкъ оттой велеричивый,
 Мовлявший: «мы—не суета!
 И возведычимо на дыво—
 И розумъ нашъ, и нашъ языкъ...
 Та й де той панъ, що намъ закаже
 И думать такъ, и говорить?»
 «Воскресну я!» той панъ вамъ скаже:
 Воскресну ныни, рады ихъ
 Людей закованыхъ моихъ—
 Убогихъ ныщихъ... Возведычу
 Малыхъ оттыхъ рабывъ нимыхъ!
 Я на сторожи коло ихъ
 Поставлю слово».

И поныче,
 Неначе стоптана трава,
 И думка ваша и слова.—
 Неначе срибло куте, быте
 И семькраты перелыте
 Огнемъ въ горныли,—словеса
 Твои, о Господы, такыи.
 Роскынь же ихъ, твои святии,
 По всій земли!.. И чудесамъ
 Твоимъ увирують на святи
 Твои мали убоги диты!

15 Феврала, 1859 року.

Радуйся, ныво непопытая!
 Радуйся, земле, не попытая
 Квитчастымъ злакомъ! Роспустысь,
 Рожевымъ врыномъ процвیتی!..
 И процвітешь, позеленієшь,
 Мовъ Іордановы святыя
 Лугы, зелени берегы!
 И честь Кармылова, и слава
 Лыванова, а не лукава
 Тебе укрые дорогымъ
 Золототкавнымъ, хытропытымъ,
 Добромъ та волею пидбытымъ,
 Святымъ омофоромъ своимъ, —
 И люде темныя незрачы
 Дыва Господніи побачать!

И спочынуть невольнычи
 Утомлени руки,
 И колина одпочынуть,
 Кайданамы кути!
 Радуйтеся, вбогодухи,
 Не дякайтесь дыва:
 Се Богъ судыть, вызволяє
 Довгостерпелывыхъ —
 Васъ убогихъ — и воздає
 Злодіямъ за злая!
 Тоди, якъ, Господы, святая
 На землю правда прылєтыть
 Хочь на годыночку спочыть —
 Незрачы прозрять, и кривыи,
 Мовъ сарна зъ гаю, помайнють.
 Нимымъ отверзуться уста,
 Прорветься слово, якъ вода,
 И дєбрь-пустыня непопытая,
 Сцилющою водою вмыва,
 Прокынеться; и потечуть

Весели реки, а озера
Кругомъ гаями поростуть,
Веселымъ птаствомъ оживуть.
Оживуть степы, озера,
И не верстовыи,
А вольныи, широковыи,
Скризь шляхы святыи
Простелются; и не найдуть
Шляхивъ тыхъ владыкы,
А рабы тымъ шляхамы,
Безъ квалту и крыку,
Позиходяться до-купы,
Ради та весели,
И пустыню опанують
Веселыи села.

25 Марта 1859 року.

П И С Н Я.

Ө. И. Черненко.

(На память 22 Сентября 1859).

Ой по гори ромень цвите,
 Дольною козаць иде
 Та у журбы пытається:
 Де та доля пышається?

Чи то въ шынкахъ зъ багачама,
 Чи то въ степахъ зъ чумакама,
 Чи то въ поли на роздолли
 Зъ витромъ віється по воли?

Не тамъ, не тамъ, друже, брате!
 У дивчыны, въ чужій хати,
 У рушныку та въ хустыни
 Захована въ новій скрыни.

7 Июля, 1859 р.

Ой маю, маю я оченята —
 Никого, маты, та оглядаты,
 Никого, серденько, та оглядаты!

Ой маю, маю и рученята —
 Никого, матинко, та обниматы,
 Никого, серденько, та обниматы!

Ой маю, маю и ноженята, —
 Та ни зъ кымъ, матинко, потанцюваты,
 Та ни зъ кымъ, серденько, потанцюваты!

10 Июля 1859 р. Г. Пыратынь.

СЕСТРИ.

Мынаючы убоги села
 Понаддніпрянськи невесели,
 Я думавъ: де жъ я приххлюсь
 И де подинуса на свити?
 И снитъся сонъ мени: дывлюсь,
 Въ садочку, квітамы повыта,
 На прыгори соби стоить,
 Неначе дивчына, хатына.
 Дніпро геть-геть соби розкынувсь,
 Сіае, батько, та горыть!
 Дывлюсь: у темному садочку,
 Пидь вышнею, у холодочку
 Моя едина сестра,
 Многострадальная, святая,
 Неначе въ раи спочывае,
 Та зъ-за широкого Дніпра
 Мене, небога, выгледае.
 И ій здається, вырынае
 Зъ-за хвыли човенъ, доплыва
 И въ хвыли човенъ порына...
 — «Мій братику! Моя ты доле!»
 И мы прокынулыся: ты —
 На панщыни, а я—въ неволи!..
 Отъ такъ намъ довелося йты
 Ще зъ малечку колючу ныву!
 Молюся, сестро! Будемъ жыви,
 То Богъ поможе перейты.

20 Іюля 1869 р. Г. Черкасы.

Колись дурною головою
 Я думавъ: горенько зо мною!
 Якъ доведеться въ свити жыть,
 Людей и Господа хвалыть?
 Въ багни колодою гнылою
 Валятысь, старитыся, гныть,
 Умерты—й слиду не покынуть
 На (обезславленній) земли!..
 О горе, горенько мени!
 И де я въ свити заховаюсь?
 Що-день Пылаты розпынають,
 Морозять, шкварять на огни!..

21 Іюля 1859 р. Г. Черкасы.

Якъ бы то ты, Богдане пьяный,
 Теперь на Переясловъ глянувъ,
 Та на замчыще подывывсь—
 Упывся-бъ, здорово упывся!

19 Августа 1859 р., в. Переяславъ.

Во Іудей, во дни оны,
 Во время Ирода царя,
 Кругомъ Сіона й на Сіони
 Романськи пьяни легіоны
 Паскудылысь. А у царя,
 У Ирода такы самого,
 И у порогу, й за порогомъ

Стоялы лыкторы. А царь
 Лызавъ у лыктора халяву,
 Щобъ той ёму на те, на се,
 Хочъ пивъ-динарія позычывъ.
 А той кышенею трасе,
 Выймае гроши и не личыть,
 Неначе старцеви дае...
 И пьяный Иродъ знову пье!
 Якъ ось не въ самимъ Назарети,
 А въ выедемьскому вертепи
 Марія сына родыла
 И въ Выедемь зъ малымъ пишла...
 Бижить почтарь изъ Выедеема
 И каже: «Царю! Такъ и такъ!
 Зиновать, кукиль и будякъ
 Рoste въ пшеныци. Кляте племя
 Давыдове у насъ зійшло.
 Зотны, покы не пиднялось!»
 — «Такъ що-жь,» промовывъ Иродъ пьяный,
 «По всёму царству постынать
 Малыхъ дитей; а то погани
 Намъ не дадутъ доцарювать».
 Почтарь—невроку—бувь пидпымый,
 Оддавъ Анатови приказъ,
 Щобъ тилько въ Выедееми были
 Малыхъ дитей.
 Спасы ты насъ,
 Младенче праведный, великий!

.

24 Октября 1859 г. С.-Петербургъ.

АНТОНІЮ СОВИ.

(Подражаніє Польскому поетови).

Посажу коло хатыни,
 На спомынь дружыни,
 И яблуньку, и грушечку,
 На спомынь едыній!

Богъ дасть, выростуть. Дружнына
 Пидъ древами тымы
 Сяде соби въ холодочку
 Зъ дитками малымы.
 А я буду груши рваты,
 Диткамъ подаваты...
 Зъ дружыною едыною
 Тыхо розмовляты.

—Тоди, серце, ягъ бралися,
 Си древа садывъ я...
 Щаслывый я! — «И я, друже,
 Зъ тобою щаслыва!»

19 Ноября 1859 р., Петербургъ.

1860

Аивча любе, чернобрыве
Несло зъ лёху пиво,
А я глянувъ, подыввися—
Та ажъ похылывся...
Кому воно пиво носыть?
Чому босе ходыть?
Боже сыльный! Твоя сыла
Та тоби жъ и шкодыть.

Ой диброво, темный гаю!
Тебе одагае
Трычи на рикъ... Багатого
Соби батька маешъ.
Разъ укрые тебе рясно
Зеленымъ покровомъ,—
Ажъ самъ соби дывується
На свою диброву...
Надыввшысь на доненьку
Любу, молодую,
Визьме ййи та й огорне
Въ рызу золотую

И сповне дорогою
Билою габою,
Та й спать ляже, втомывшыся
Турбою такою.

15 Стычня 1860 р. С.-Петербургъ.

ПОДРАЖАНІЕ СЕРВСЬКОМУ.

И айхалы старосты,
 И молодыкъ за нымы;
 Воны соби пишы въ хату
 Зъ батькомъ розмовляты;
 А я въ ёго, молодого,
 Въ того чорнобрывця,
 Беру коня, та й ничого...
 Веду до крыныци.
 Кинь утомленый, копыта
 Роскути, розбыти,
 Сиделечко мережане
 Зопсуге, некрыте.
 — Скажы, коню, до кого це
 Вы такъ нагло гналысь? —
 «До якоись чорнобрывки
 Всю ничъ майнувалы».
 Чи ты жъ, коню, будешъ пыты
 Зъ нашої крыныци?
 Чи буде та чорнобрывка
 Сей рикъ молодыця?

4 Мая 1860 р. С.-Петербургъ.

ЛЫКЕРИ.

(На память 5 Августа 1860 г).

Моя ты любо! мій ты друже!
 Не ймутъ намъ виры безъ хреста,
 Не ймутъ намъ виры безъ попа,
 Рабы, невольныкы недужи!
 Збрешуть люде —
 Одурять! Не одурить Богъ:
 Карать и мыловать не буде;
 Мы не рабы ёго, мы — люде...
 Моя ты любо! усмихнись,
 И вольную святую душу
 И руку вольную, мій друже,
 Подай мени... то перейты
 И винъ поможе намъ калюжу,
 Поможетъ й лихо донести
 И поховать лыке, дебеле,
 Въ хатыни тихій и веселій.

5 Августа 1860. Стрельна.

Надъ Днипровою сагою
 Стоить явирь мижь лозою,
 Мижь лозою зъ ялыною,
 Зъ червоною калыною.

Днипро берегъ рые, рые,
 Яворови коринь мые;
 Стоить старый, похылывся,
 Мовъ козакъ той заружывся, —

Що безъ доли, безъ родины
Та безъ вирной дружыны,
Безъ дружыны и надїи
Въ самотыни посьвіе!

Явирь каже: «похылюся,
Та въ Днипрови скупаюся».
Козакъ каже: «погуляю,
Та люблюю пошукаю».

А калына зъ ялыною
Та гнучкою лозыною,
Мовъ дивчаточка изъ гаю
Выхожаючи, співають. —

Повбирани, заквитчани
Та зъ таланомъ заручени,
Думкы, гадонькы не мають —
Вьются, гнуться та співають...

24 Іюня 1860 року. С.-Петербургъ.

Рослы у-купочки; зрослы;
Сміятысь, гратысь пересталы...
Неначе справди розійшысь...
Зійшысь незабаромъ; побрались;
И тыхо, весело пройшы,
Душею, серцемъ неповынни,
Ажь до самой домовыны...
А мижь людьмы вони жылы!

Подай же ѱ намъ, всещедрый Боже,
Оттакъ цвисты, оттакъ росты,
Такъ одружытыся и йты,—
Не сварячысь въ тяжкій дорози
На той свить тыхый перейты.

5 Іюня 1860. Петербургъ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Въ Путывли гради въ-ранци рано
 Спивае-плаче Ярославна,
 Якъ та зозуленька куде,
 Словамы жалю додае.
 «Полечу, каже, зыгзыцею,
 Тією чайкою-вдовыцею,
 Та по-надъ Дономъ полечу,
 Рукавъ бобровый омочу
 Въ рици Каяли; и на тили,
 На княжимъ билимъ помарнилимъ
 Омью кровь суху,—отру
 Глыбокы, тяжкыи раны...»

И квылыть-плаче Ярославна
 Въ Путывли рано на валу:
 «Витрыло, витре мій едынй,
 Легкый, крылатый господине!
 На-що на дужому крыли,
 На вои любви мои,
 На князя, ладо мое мыле,
 Ты хановы метаешъ стрилы?
 Не мало неба и земли
 И моря сынёго! На мори
 Гойдай насады корабли!
 А ты, прелютый... горе, горе!
 Мое веселіе укравь,
 Въ степу на тырси розибгавъ!»

Сумуе, квылыть-плаче рано
 Въ Путывли гради Ярославна,
 И каже: «Дужый и старый,
 Шырокый Днепре, не малый!
 Пробывъ есы высоки скалы,

Текучы въ землю Половчана;
 Носывъ-еси на байдакахъ,
 На Половчанъ, на Кобяка
 Дружину тую Святославию!
 О, мій словутыцю преславный!
 Мое ты ладо прынеси,
 Щобъ я постиль весела стгала,
 У море слѣзь не посылала—
 Слѣзамы моря не долыть!»

И плаче, плаче Ярославна
 Въ Путывли на валу, на брами—
 Святее сонечко зійшло—
 И каже: «Сонце пресвятее!
 На землю радисть прынесло
 И людымъ, и земли,—моеи
 Тугы-нудыгы не розвело.
 Святый, огненный господине!
 Спалывъ-еси лугы, степы,
 Спалывъ и князя, и дружину,—
 Спалы мене на самоти!
 Або не грій и не свиты...
 Загынувъ ладо—я загыну!»

4 Июня 1860 р. С.-Петербургъ.

Въ передъ-свита до вечора,
 А зъ вечора та до досвита
 Летять стрилы калены,
 Брязчать шабли о шеломы,
 Трещать списы гартовани
 Въ степу, въ незнаемому поли
 Середы земли Половецькои.

Земля чорна копытамы
 Поорана, порытая;
 Кистьмы земля засіяна,
 А кровію полытая.
 И журба-туга на тимъ поли
 Зійшла для руськой земли.

Що гомонить оттамъ, зычыть
 У досвита? То повертае
 Той Игорьъ вѣйсько на прыгоду
 Тому буй-туру Всеволоду.
 И быльсь день,
 И другый былься;
 Та коло полудня на третій
 Понькы Игоревы стязи.

Оттакъ на берези Каялы
 Браты ризныльсь, бо не стало
 Крови-вына! Допырували
 Хоробри русьчи той пырь —
 Свативъ упойили
 Й сами простяглыся
 За землю руськую. Хылылась
 И стлалась плачучы трава,
 Высоки гнулысь дерева,
 До-долу гнулыся, журылысь.

6 Іюля 1860 р., С.-Петербургъ.

Въ Путывли гради въ-ранци рано
 Сумуе, плаче Ярославна:
 «Полечу, рече, зозулею
 По-надъ Дунаемъ, полечу!
 Рукавъ бебряный омочу

Въ рици Каяли, и омыю
 На княжому дебелимъ тили
 Глыбокы на ладо раны“. —

И плаче, плаче Ярославна
 Въ Путывли городи, ѿ рече:

«Витрыло-витре, господине!
 На-що ты віешы, несешъ
 На легкому крыли своему
 Хановськи стрилы?»

14 Септября 1860 р., С. Петербургъ.

.

 Въ ноци и ожеледь, и мряка,
 И снигъ, и холодъ... И Нева
 Тыхесенько кудысь несла
 Тоненьку крыгу по-пидъ мостомъ.
 А я, ото-жь-такы въ-ночи
 Иду та кашляю йдучы.
 Дивлюсь, неначе ти ягнята,
 Идутъ задрипани дивчата,
 А дидъ (сердешный инвалыдъ)
 За нымы гнетъся, шкандыбае,
 Мовъ у кошару заганяе
 Чужу худобу... Де-жь той свить!..
 И де та правда?!.. Горе! горе!
 Ненагодованыхъ и голыхъ
 Дивчаточокъ, якъ ту отару,
 Женуть!..
 Чи буде судъ и кара
 Усимъ неправдамъ на земли?

Чи буде правда мижъ людьмы?..
Повынна быть!.. бо сонце стане
И оскверненну землю спалыть.

.
.
.
.

3 Ноября 1860 р. Петербург.

Н. Я. МАКАРОВУ.

(На память 14 Сентября).

Барвинокъ цвивъ и зеленивъ,
Стлався, розстилався, —
Та недосвить передь-свитомъ
Въ садочокъ укрався.
Потоптавъ весели квити,
Побывъ, поморозывъ...
Шкода того барвиночка
И недосвита шкода!

14 Сентября 1860. Петербургъ.

Л.

Доставлю хату и кимнату,
 Садокъ-раёчокъ насажу;
 Посыжу я и похожу
 Въ свойй маленькйй благодати,
 Та въ одыни-самотыни
 Въ садочку буду спочываты...
 Прысняться диточки мени,
 Веселая прысняться маты,
 Давне-колышнйй та ясный
 Прысняться сонъ мени... и ты!..
 Ни, я не буду спочываты,
 Бо й ты прыснышся! У малый
 Раёчокъ мйй, зъ пидтыха-тыха,
 Пидкрадешся, наробышь лыха, —
 Запалышь рай мйй самотный.

24 Сентября 1860 р. Петербургъ.

Де нарикаю я на Бога,
 Не нарикаю ни на кого:
 Я самъ себе, дурный, дурю,
 Та ще й спиваючы... Орю
 Свйй перелигъ—убогу ныву,
 Та сию слово: добри жныва
 Колись-то будуть!.. И дурю
 Себе такы, себе самого,
 А бильше, бачыться, никого.

Орыся жъ ты, моя ныво,
 Доломъ та горою,

Та засійся, чорна ниво,
 Волею ясною!
 Орыся жъ ты, розвернися,
 Полемя розстелся,
 Та посійся добрымъ жытомъ,
 Долею полыйся!
 Розвернися жъ на вси боки,
 Ниво-десятино!
 Та посійся не словамы,
 А розумомъ, ниво!
 Выйдуть люде жыто жаты...
 Весели жныва!..
 Розвернися жъ, розстелся жъ,
 Убогая ниво!

Чи не дурю себе я знову
 Своимъ хымернымъ добрымъ словомъ?..
 Дурю! Бо лучше одурить
 Себе такы, себе самого,
 Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
 И всеу нарикать на Бога!

5 Октября 1860. Петербургь.

Мынули лета молодии...
 Холоднымъ витромъ одъ надіи
 Уже повіяло... Зима!..
 Сыды одынь въ холодній хати...
 Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,
 А ни порадытысь... Нема!
 А никогисинько нема!
 Сыды жъ одынь, поky надія
 Одурить дурня, осміе...
 Морозомъ очи окуе,

А думы горды розвіе,
 Якъ ту снижыну по степену...
 Сыды жъ одинъ-соби въ кутку,
 Не жды весны — святой доли!
 Вона не зійде вже николи
 Садочокъ твій позеленыть,
 Твою надію оновыть
 И думу вольную на волю
 Не прыіде выпустыть... Сыды—
 И ничогисынько не жды!..

15 Октября 1860 р. Петербургъ.

Тытаривна-Немеривна
 Гаптуе хустыну,
 Та колыше московцяня --
 Малую дытыну.
 Тытаривна-Немеривна
 Людмы гордувала...
 А москаля-пройдывита
 Ныщечкомъ витала!
 Тытаривна-Немеривна
 Почестного роду...
 Выглядае пройдывита
 Москаля зъ походу.

19 Октября 1860 р. С.-Петербургъ.

И тутъ, и всюды — скрызъ погано!..
 Душа убога встала рано,
 Напряла мало, та й лягла
 Одпочывать соби, небога.
 А воля душу стерегла...

«Прокынься,» каже: «плачь, убога!
 Не зйде сонце!.. тьма и тьма!
 И правды на земли нема!»
 Ледача воля одурыла
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде!..

30 Октября 1860 р. Петербургъ.

Якъ бы зъ кымъ сьсты, хлиба зъйисты,
 Промовыть слово,—то воно бъ,
 Хочь и якъ небудь, на симъ свити,
 А все бъ такы якось жылось.
 Та—ба!.. нема зъ кымъ! Свить широкий
 Людей чимало на земли...
 А доведеться одынокымъ
 Въ холодній хати кривобокий,
 Або пидь тыномъ простягтысь!..
 Або... ни!.. Треба одружытысь,
 Хоча бъ на чортовій сестри!
 Бо доведеться одурити
 Въ самотыни... Пшениця, жыто
 На добримъ сiялось лану,
 А люде такъ соби пожнуть
 И скажуть:—«десь ёго убыто,
 Сердешного, на чужыни...»
 О горе, горенько мени!

4 Ноября 1860 р. Петербургъ.

И день иде, и ничь иде...
 И, голову хлопившы въ руки,
 Дывуешся--чому не йде
 Апостоля правды и науки?!

5 Ноября 1860 р. Петербург.

Взійшлись, побралысь, поедналысь,
 Помолодили, пидрослы,
 Гаёкъ, садочокъ розвсла
 Кругомъ хатыны, и пышались,
 Неначе князи. Диты гралысь,
 Рослы соби та выросталы..
 Дивчатокъ москали украмы,
 А хлопцивъ въ москали забралы,
 А мы неначе розійшлись,
 Неначе бралысь—не еднались.

5 Декабря 1860 р. Петербург.

Колысь то ще, во время оно,
 Помпылій Нума, римськый царь,
 Тыхенськый, кроткый государь,
 Втомывшысь пышучы законы,
 Пишовъ любенько погулять
 И одпочыть, та спочывавшы,
 Додумать, якъ бы то скувать
 Кайданы на римлянъ. И взявшы
 Гнучкый однолитокъ лозы,

Каблучку заходывсь плесты,
 На шыю бѣ то. Колю погляне —
 У холодочку пидь платаномъ
 Дивчя заквитчанее спыть...
 Друидамъ ничего робыть
 Передь такою красотою,
 Передь богынею такою!
 Сама Егерія въ гаю,
 Кленучы долежку свою,
 Повисылась. А мудрый Нума
 И на дивчя и на цвты
 Дывується соби и дума,
 Якый бы ретязъ ще сплесты?

Тече вода зѣ-пидь явора
 Яромъ на долыну,
 Пышається надь водою
 Червона калына.
 Пышається калынонька,
 Яворъ молодіе,
 А кругомъ ихъ верболозы
 Й лозы зеленіють.

Тече вода изѣ-за гаю
 Та по-пидь горою,
 Хлюпошуться качаточки
 По-мижѣ осокою.
 А качечка выплывае
 Зѣ качуромъ за нымы —
 Ловлять ряску, розмовляють
 Зѣ диткамы своїмы.

Тече вода край города, —
 Вода ставомъ стала.
 Прыйшло дивчя воду браты:

Брало, заспывало.
 Выйшли зъ хаты батько й маты
 Въ садокъ погуляты,
 Порадытысь, кого бь то имь
 Своимь зятемь зваты.

Не журюся я, а не спытсья
 Часомъ до пивночи—
 Усе свитять ти блискучи
 Твои чорни очи.
 Мовъ говорятъ тыхесенько:
 «Хочь, небоже, раю?
 Винь у мене, туть, у серци».
 А серця немае,
 Й не було ёго никоы,
 Тилькы шматокъ мьса...
 На що жь хороше и пышно
 Такъ ты розцвилася?
 Не журюся, а не спытсья
 Часомъ и до свита—
 Усе думка пробывае:
 Якъ бы такъ прожыты,
 Щобъ никоы таки очи
 Серця не вразылы.

(Воспом Чужбинскаго, 1861, С.-ЛБ.).

1861

Уи не покинуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходьтсья рштувать
Возы въ далекую дорогу?
На той свить, друже мій, до Бога.
Почымчыкуемъ спочывать...
Втомылыся и пидтопталысь
И розуму такы набрались,—
То й буде зъ насъ!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать...
Весела хата, цобъ ты знала!..

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походьмо, посыдымо —
На сей свить поглянемъ!
Поглянемо, моя доле...
Бачь, який широкий,
И широкий та веселый,
Ясный та глубокий...
Походьмо жъ, моя зоре!
Зійдемо на гору—
Спочынемо... А тымъ часомъ
Твои сестры—зори
Безвичны, по-пидъ небомъ
Поплывуть, засяють...
Пидождимо жъ, моя сестро,

Дружно святая!
 Та нескверными устами
 Помолымось Богу,
 Та й рушимо тихесенько
 Въ далеку дорогу...
 Надъ Летою бездонною
 Та каламутною
 Благословы мене, друже,
 Славою святою!..

А помы те, да се, да оне,
 Ходимо просто—навпростець
 До Ескулапа на ралець—
 Чи не одурить винъ Харона
 И Парку-прялку?... И тоди,
 Поки бь химерывь мудрый дидь,
 Творылы бь скризь по-надъ землею—
 На все бь гекзаметры плелы,
 Та на горыще бь однеслы
 Мышамъ на сніданья... А потимъ
 Спивалы бь прозу—та по нотахъ,
 А не якъ-небудь...

Друже мій,
 О, мій сопутныче святий!
 Поки огонь не захолюнувъ,
 Ходимо лучче до Харона—
 Черезъ Лету бездонную,
 Та каламутную
 Переплывемъ, перенесемъ
 И славу святую,
 Безвичную, молодую...
 Або—цурь їй, друже!
 И безъ нейи обїдуса—
 Та якъ буду здужать,
 То надъ самымъ Флегетомъ,
 Або надъ Стыксомъ у раю,
 Неначе надъ Днипромъ широкымъ,
 Въ гаю, предвичному гаю,

Поставлю хаточку, садочокъ
Кругомъ хатыны насажу;
Прылынешь ты у холодочокъ,
Тебе, мовъ кралю, посажу:
Днипро, Украину згадаемъ,
Весели селыща въ гаяхъ,
Могылы-горы на степахъ—
И веселенько заспиваемъ...

14—26 Февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Стыхи оци (мабуть — до Музы), здається, останне поетычне слово нашого вичо-
намьятного Тараса. На подлинныку нидь первую Ёго половыною (писля стыха: Славон
святою) стоить «14 Февраля;» нидь другою половыною дня не означено.

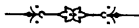
Примич. ред. «Основы».

НА ЗАРЬ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССИЙСКАЯ ДІЯ.

(Невидомого року).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хома Бычатый, сотникъ.

Галя, дочь его.

Стеха, молодая кляшница у
Бычатого.

Назарь Стодоля, другъ его.

Гнатъ Карый, другъ его.

Хозяйка на вечерникахъ.

*Слпной кобзарь, жиды-музыканты, молодые козаки, двѣушки
и сваты отъ Чигиринскаго полковника.*

Дѣйствіе происходитъ въ ХУП-мъ столѣтїи, близь Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ
ночь на Рождество Христово.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранный коврами и бархатомъ. Въ сторонѣ
столъ, покрытый дорогимъ ковромъ; кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленныя
золотомъ. На столѣ стоятъ флаги, кубки и разныя кушанья; горятъ восковыя свѣчи.
Стеха убираетъ столъ.

СТЕХА (*отходитъ отъ стола*): Усе! Здається, що все.
Стривай лишень, чи не забула чого? Рыба, м'ясо, бараньна,
свиньна, ковбаса, вышниква, сливьянка, медь, венгерськее—
усе, усе! Тутъ и йистывне и выпыты. Колю б' лишень гости.
Та що вони такъ довго баряться? И надоумило жъ сидо-
усого у таке свято, колю добри люде тилькы колядують, спо-

диваться гостей, та й ще якыхъ гостей! старостивъ одъ тако-го жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачымо, що-то зъ того буде? Негрите зализо не зогнешь! А якъ-бы не крився та пораявся бь зо мною оттакъ тыжнивъ за два до святъ, то певна уже була бь ричь; а то схаменувся на самисинь-кый святъ-вечирь, та й ластыться: «и сяка, й така, и добра, и розумна ты, Стехо, поможь! Я вже тоби и се, и те, и трете и десяте». Побачымо, побачымо, якъ попадеться на-шому теляти вовка пійматы. (*Помолчавъ*). Не сказавшы ни слова дочки, за кого и якъ хоче виддаты, думае що наша сестра—коза: поженешъ, куды схочешъ. Е, ни! стривай ли-шень, голубчыку! «Ублагай ййи», каже. Та и що такы той поганый хоруужый? А полковникъ, хочъ старый—нехай ёму добре сняться—такъ же пань!... Оце бь то вона й стамн-лася! Иншому дзусь, а я—такъ визьмусь. Дивци дивку не довго збыть зъ пантелыку, а ще таку, якъ моя панночка—и-и! Та вже жь, якъ кажуть, піймавъ, не піймавъ, а по-гнаться можна. Тоди, якъ тее-то, вже жь и погуляю!... А вона поплаче, посумуе, а дали й ничогисинько. Та й Назарь такы не разъ спасыби скаже. (*Изъ боковыхъ дверей выхо-дитъ Галя*).

Стеха. А що? якъ прибрано?... Тымъ бо й ба!

Галя. Що це ты, Стехо, робышь? Хиба у насъ сёгодні гости, чи що?

Стеха. Та ще й яки гости, якъ бы вы знали!

Галя. Яки жь тамъ гости и видкиля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чи не зъ Чыгырына?.. Такъ?

Стеха. Изъ Чыгырына, та хто такый?

Галя. Яки-небудь старшыны?

Стеха. То-то бо й йе, що не старшыны, и...

Галя. Такъ хто жь такый? Може... та ни! сёгодні не такый день. А мени батюшка учора и говорывъ щось таке.

Стеха. Говорывъ, та не договорывъ. А я знаю,—тылькы не скажу.

Галя (*обнимаю Стеху*). Стехо, голубочко, ластивко моя! скажы, не мучь мене.

Стеха. А що дасте? скажу...

Галя. Ще сережки, або перстень, або що хочеш подарую, тильки скажи.

Стеха. Ничого не треба; дайте тильки свій байбаракъ надити сёгодні на вечорныци.

Галя. Добре, надивай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачывъ.

Стеха. Оце ще! хйба жъ я справди дурна? Слушайте жъ. (*Въ помолоса*). Сёгодні прыйдуть старосты.

Галя (*въ восторжъ*). Видъ Назара! видъ Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачыте, видъ кого.

Галя. Хйба жъ не видъ Назара, Стехо? Що жъ, оце мене и справди лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тильки такъ кажу.

Галя. Ни, ты щось знаешъ, та не хочешъ сказаты.

Стеха (*лукаво*). Я ничого не знаю. Де мени, влюшныци, видаты про панськи дила?

Галя. Ты смієшся зъ мене! Я заплачу, ий-Богу заплачу, и батюшци скажу.

Стеха. Що жъ вы скажете?

Галя. Що ты мене перелякала... Теперечкы не дамъ байбарака. А що, пожывылась?

Стеха. Оце, яки бо вы боязьки! вже й повирылы!

Галя. Ну, що жъ? видъ Назара?

Стеха. Та видъ кого жъ бильшь? вже пакъ не видъ старого Молочая, нашего полковныка.

Галя. Цуръ ёму, якый нехорошый! Якъ прыййде до насъ, то я заразъ изъ хаты втикаю. Мени навдывовыжу, якъ ще ёго козаки слухають. Тилько у ёго, паскудного, и мовы, що про наливку та про вареныкы.

Стеха. А хйба жъ се й не добре?

Галя. Звисно! козаку, та ще й полковныку! Ось мій Назаръ, мій чорнобрывый, усе про вйну та про походы, про Налывайка, Остряныцю, та про сыне море, про Татаръ, та про Турецку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ що слухала бъ не наслухалась ёго, та все дывылась бы въ ёго кари очи. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухається, ще й налюбуетесь. Описля, може, и обрыдне.

Галя. О, крый Боже! До самой смерти, пока вмиру, все дывылась бы та слухала ёго. Скажи мени, Стехо, чи ты любила колы, чи обнимала колы козацький стань высокый, що... дрижать руки, мліе серце? А колы цилуешь... що тоди? Якъ се, мабуть, любо! якъ се весело! (*Въ восторіи поетъ и пляшетъ*).

Гой, голя, голя!
Що зо мною, що я?
Полюбила козака —
Не маю покоя.

Я ёго боялась...
Що жъ описля сталось!
На вулиці постричалась
Та й поцилувалась.

А маты узрила...
Яке тобі дило!
Видавайте замижъ,
Колы надойила!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ кого це вивчылись?

Галя. Та одъ тебе жъ. Хіба ты забула, якъ на вулиці, на тій неділі, танцювала? Тоди ще батюшки не було дома... згадала?

Стеха. Колы се? Оце ще выдумалы! (*Стучатся въ дверь*).

Галя (*торопливо*). Охъ, лыпечко! хтось иде! (*убігаєть*).

Стеха. Хто тамъ?

Хома (*за дверью*). Я, я! видчыйня! мерщій.

(*Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь*).

Хома. Що? не було? Оце жъ яка хуртовина!

Стеха. Кого не було?

Хома. Кого? гостей!

Стеха. Якихъ гостей? одъ пол...

Хома. Цсъ!... еге жъ.

Стеха. Ни, не було.

Хома. Гляды жъ, а ни телень!... Отець Даныло, спасиби, розришывъ. Не забудь тильки завтра въ-ранці послать ёму

вышнвивкы,—знаешъ? — тыеи, що недавно дольвали. Нехай соби пье на здоровья. Та що се ихъ нема такъ довго? Чи не злякалысь, бува, заверюхы? А витерь неначе стыха.

Стеха. Злякаются воны! дежъ пакъ! И въ горобыну ничъ прыйдутъ для такой панночки, якъ наша.

Хома. Звычайно, звычайно.

Стеха. Ище пакъ такъй старый... а панночка...

Хома. Сама ты стара, сороко безхвоста!

Стеха. Дывысь! заразы и розсердылысь. Хиба я на васъ?

Хома. Такъ що жъ, що не на мене? Такъ на мого... ну... полковныка.

Стеха. Е, батъ що! А панночка? чи вы жъ зъ нею говорылы? що вона?

Хома. А що вона? ййи дило таке: що звелять, те й робы. Воно ще молоде, дурне; а твое дило навчыть ййи, врозумыть, що любовь и все таке прочее—дурныца, ничемне. Ты вже, думаю, розумиешъ?

Стеха. Та се розумю, та зъ якого кинца початы, не знаю. Вона, бачыте, полюбыла Назара такъ, що й сказать не можна. Ось и сёгодня мени говорыла. Молю, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я выйшла замижъ за Назара,—половину добра свого виддамъ!

Хома. А ты й повирыла!

Стеха. А чому жъ и ни? вона така добренька.

Хома. Дурна ты, дурна! А якъ же я самъ тоби все добро виддамъ, тоди що буде? га? Що ты думаешъ? (*Ласкаетъ ее*). То-то бо и йе, дурочка ты, безсеревна!

Стеха. Що мени робыть, колы я дурочка?

Хома. А то, що велять. Чуешъ? усе, що въ мене йе—твое.

Стеха. Не треба мени вашего добра; и и безъ нёго була бъ щаслыва, якъ бы вы не забулы бидной Стехи и тоди, колы зробітесь велькымъ паномъ. Я васъ такъ вирно люблю, такъ вбываюсь за вами, а вы... (*притворно груститъ*).

Хома. Отъ же и нагадалы кози смерть! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зрблю.

Стеха. Чи мало що люде обіцають, коли имъ прыпаде нужда.

Хома. Годи не знать що базивать. Пиды лышень до Гали та поговори зъ нею хорошенько по своѣму, и коли тее... то завтра и мижъ нами онеє.

Стеха. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле. И я тилькы грихъ на душу визьму.

Хома. Який тутъ грихъ? Дурныця все те!

Стеха. Забожиться, що женитесь, тоди ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, ничого не буде, ій-Богу!

Хома. Отъ же ій-Богу, далеби!

Стеха. Женитесь?

Хома. Еге!

Стеха. На мени?

Хома. Якъ коржа, такъ коржа! — Якъ спечемо, такъ и дамо. Уже ты мени въ печинкахъ сидышь зъ своими вытребеньками.

Стеха. Яки тутъ вытребеньки?

Хома. Ну, добре, добре! тилькы слухай. Треба дило скомпонуваты такъ, щобъ вона не знала, видъ кого старосты; а то—чого доброго— усе пиде шкереберть.

Стеха. Та вже мени не вчытсья, якъ диломъ повернуть. Наговорю такого дыва моій панночци що твій кобзарь. Старый, скажу, чоловікъ, якъ подумаешъ, усимъ, усимъ лучше видъ молодого.. Молодый... та що й казати? никуди не годытсья, а до того ще докучливый та ревнивый, а старый тихый, тихый и покирный.

Хома. Такъ, такъ! О, ты дивка розумна! Иды жъ до Гали, та гляды, гарненько побалакай зъ нею.

Стеха. А потимъ, чи можна мени буде питы на вечорныци? Я вже зовсимъ упоралась. Пустить, будьте ласкави, хочъ въ послидній разочокъ.

Хома. У тебе тилькы й на думци, що вечорныци. О, вже мени та Мотовылыха!

Стеха. Мотовылыха? Чи не казала вамъ вона, стара паплюга, чого? Що жъ, що я зъ козаками танцюю? А якъ вы жартуете зъ молодыцями, такъ я й ничого!

Хома. Иды жъ, иды, та покличь мени Галю, а затымъ сама полагодь рушныкы.

Стеха. Та вже усе напоготови. (*Уходитъ*).

Хома. Злыгався я зъ дьяволомъ... (*Оглядывается*). Що жъ? не можна безъ цѣго. У такому дили якъ не верты, треба або чорта, або жинкы. (*Немного помолчаеъ*). Чого доброго! ще, може, й мене обдурить, тоди и остався на выкы вични въ дурняхъ. Та ни, лыха матери! Абы бъ тилькы ты мени своимы хитрощамы помогла порадныться зъ полковныкомъ, а тамъ уже що буде — побачымо. Ишь ты, мужычка! куды кырпу гне! Стривай! (*Продолжительное молчаніе*). Думай соби, голубко, та гадай, що... а воно зовсимъ не такъ буде. Закынь тилькы удочку, сама рыбка пиде. Шуткы: — тесть полковныка!.. А що дали — се наше дило. Абы бъ черезъ поригъ, то мы й за поригъ глянемъ, У якихъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чыгырыни, гуляй соби зъ полковнычою булавою! и слава, и почоть, и червинци до себе гарбай: все твое. А пуще всѣго червинци. Ихъ люде по духу чуютъ; хочь не показуй, все кланятымуться... Ха-ха-ха! оть тоби й сотныкъ! Ще въ Братськимъ сердце мое чуло, що зъ мене буде великый панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се называлы мене двулычнымъ. Дурни, дурни! Хиба жъ якъ говорымъ про огонь, такъ и лизты въ огонь? або якъ про чорнобрыву сыроту, такъ и женыться на ій? Брехня! видь огня подальшь. Женысь не на чорныхъ бровахъ, не на карыхъ очахъ, а на хуторахъ и млынахъ, такъ и будешь чоловикомъ, а не дурнемъ. (*Входитъ Галя*).

Галя (*весело*). Добры-вечиръ, батюшка! Де це вы такъ довго барылись? Вы мене кыкалы, чы що?

Хома. Та кыкавъ, кыкавъ. (*Осматриваетъ ее*). Що ты не вси стричкы почипляла? Та нехай! покы буде й сихъ. Послухай. Мени треба поговорыты зъ тобою объ важнымъ дили. Ты знаешь, мы сѣгодня старостивъ сподиваемось?

Галя. Сѣгодня! на первый день празныка, — на самисиньке Риздво?

Хома. Такъ що жъ? Отець Даныло, спасыби, розривьвъ. Гляды жъ, не пиднесы гарбуза.

Галя. Якъ се можна! Хиба винъ дуже старый, чы що?

Ось послушайте, якої нисенитницы наговорила мени Стеха. Смихъ та й годи!

Хома. А що тобі вона наговорила?

Галя. Каже, будимъ-то стари... та ни, не скажу, да леби не скажу, бо ка-зна-що! Вона й сама не знае, що говорять.

Хома. Хиба жъ не правда? Старый чоловікъ краще молодого.

Галя. Та й вона те жъ казала.

Хома. А тобі якъ здається?

Галя. Якъ такы можна? то старый, а то молодой!

Хома. Такъ по твоему молодой—краще?

Геля. Ото жъ пакъ!

Хома. Помиркуй лишень гарненько, такъ и побачышь, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодой? Хиба те, що чорни усы? та й тилькы жъ. Не вить тобі нымъ любоваться: прийде пора—треба подуматы обь чимъ и другимъ. Може, колы захочеться почоту, поваження, поклонивъ. Кому жъ се звычайнійше? полковныци... се я такъ примиромъ говорю... а не який-небудь жинци хорунжого; бо у ёго тилькы й худобы, тилькы й добра, що чорный усъ. Повирь мени, дочко, на тебе ниhto и дивыться не захоче.

Галя. Та я й не хочу, щобъ на мене други дивылись.

Хома. Не знать що верзешъ ты! Хиба ты думаешь, що не обрыдне цилисинький вить дивыться на тебе одну? Хиба ты одна на Божимъ свити? Йе й кращи тебе. Того и гляды, що розлюбыть.

Галя. Назарь? мене? О ни! ни, николы на свити!

Хома. Я й не кажу, що воно справди такъ буде, а такъ, напрыкладъ,—щобъ ты тямла, що мы вси на одынъ штальт шыти.

Галя. О, ни! не вси! вить не такый, вить не розлюбыть.

Хома. А що жъ? хиба вить тобі побожывся?

Галя. А то жъ?

Хома. А ты й повирыла!

Галя. Я и безъ божбы повирыла бъ.

Хома. Дурне ты, дурне! Чи знаешь же ты, що хто

багацько обіщае, той нічога не дае? Ой, скаменнысь, та по-слухай батьковскаго совіту. Добре, що я вже такім — що обіщавъ, те й зробию. Ну, не дай я тобі прыданого, — що тоди, га? Пожалуй, винь і такъ тебе визьме: мало якыхъ дурнівъ нема на світі! та що жъ въ тымъ? Подумай, що тоди ты робытимешъ?

Галя. Те, що і всі робляць — заробляла бъ.

Хома. А що лучче: чи самій робыты, чи дывытыся, якъ други на тебе робляць?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то і горе, що ты ще дурне. Я тобі бъ і багацько де-чого сказаць, та ніколы: того й гляды, що старосты на поригъ. А чи есть у тебе рушныкы?

Галя (*весело*). Йе, йе! Якъ я рада! въ мене серце не на мисти! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело, дуже весело. Иды жъ та не забудь сказаць, що колы прыйдуть колядуваты, такъ щобъ гналы ихъ у потылицю.

Галя. За що жъ? Се жъ дило законне! та воно жъ і разъ тилькы въ году!

Хома. А старосты разъ на выку.

Галя. Справди, щобъ не помишалы... Ще й законной речи не дадуть сповныць. Такъ побіжу жъ я і скажу, щобъ заперлы ворота і хвиртку. (*Уходить*).

Хома (*ходить задумавшись*). Здаецься, дило добре йде. Вона думатыме, що Назаръ свата, зъ дуру і согласыцца; старосты не промовляцца; весилля можна одынуты ажъ геть до того тыжня; а черезъ таку годыну і нашого брата, мужыка, угомоныць, щобъ не брыкався, не то що дивку. Колы бъ тилькы якімъ гаспыдъ не прынісь того горобця безперого! тоди пышы пропало. Наробыць бешкету! (*съ важностию*). А подумаешъ і те: яке ёму дило до Гали? Се жъ моя дытына, мое добро, слидовательно моя власть, моя і сыла надъ нею. Я отець, я царь йійи. Та цуръ ёму, пекъ! Се дило ще не таке, щобъ объ ёму довго думаты. Не дуже треба плошаты, бо береженного Богъ береже, або — якъ тамъ ще кажуть — ривнійшь зглядыць, тиснійшь ляжешъ.

Галя (*вбгаець въ восторгъ*). Прыйхалы, прыйхалы!

Хома (*вздригнувъ*). Оце жъ, якъ ты мене злякала! Пиди у свою кимнату та прыйдешъ, якъ клыкну.

Галя. Чого у кимнату? Я тутъ останусь, никто не побачить.

Хома. Незвычайно: законъ не велеть.

Галя. Ну, такъ я пиду. (*Уходитъ*).

(*Хома съ важностію садится за столъ. За дверью стучатъ три раза. Входятъ два свата зъ хлѣбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хлѣбъ на столъ*).

Сваты. Дай, Боже, вечеръ добрый, вельможный пане!

Хома. Добры-вечиръ и вамъ. (*Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ ему на ухо и потомъ продолжаетъ*). Добры-вечиръ, люде добри! Просымо сидаты; будьте гостями. А видкиля се васъ Богъ несе? Чи здалека, чи зблызка? Може, вы охотныкы яки? може рыбалкы, або, може, вольныи козаки?

Сватъ (*тихо покашливаетъ*). И рыбалкы, и вольныи козаки. Мы люде нимецкыи, идемо зъ земли турецькои. Разъ дома у нашій земли выпала пороша. Я й кажу товаришу: «Що намъ дывыться на погоду? ходимъ лышень шукаты звирного слиду». Отъ и пишы. Ходылы, ходылы, ничего не знайшы. Ажъ гулькь—назустрічъ намъ иде князь, пиднима у-гору плечи и говорыть намъ такыи речи: «Ей вы, охотныкы, ловци, молодци! будьте ласкави, покажить дружбу. Трапылась мени куныця—красна дивыця; не йимъ, не пью и не сплю видъ того часу, а все думаю, якъ бы ййи достаты. Поможить мени ййи пійматы; тоди чого душа ваша забажа, усе просите, усе дамъ: хочъ десять городивъ, або тридевять кладивъ, або чого хочете». Ну, намъ того й треба. Пишы мы по слидамъ по всимъ городамъ, по усихъ усюдахъ, и у Нимецыну, и у Турецыну; вси царства й государства пройшы, а все куныци не знайшы. Отъ мы и кажемо князю: «Що за дыво та звирюка? хйба де кращои нема? Ходимъ другой шукаты». Такъ де тоби! Нашъ князь и слухаты не хоче. «Де вже», каже, «я не зъиздывъ, въ якыхъ государствахъ не бувавъ, а такой куныци, сирычъ красной дивыци, не выдавъ». Пишы мы впять по слиду, и якъ разъ у се село зайшы, якъ ёго дражнять, не знаемо. Тутъ впять вы-

пала пороша. Мы, ловци-молодци, ну слидыть, ну ходыть; сёгодня въ-равци встали и такы на слидь напали. Певно, що звирь нашъ пишовъ у двирь вашъ, а зъ двору въ хату та й сивъ у кимнату; тутъ и мусымо пійматы, тутъ застряла наша куныця, въ вашій хати красная дивыця. Оце жъ нашому слову кинецъ, а вы дайте дилу винецъ. Проби, отдайте нашому князю куныцю, вашу красну дивыцю. Кажить же диломъ, чи оддасте, чи нехай ще пидросте?

Хома (*притворно съ сердцемъ*). Що за напасть така! Видеила се вы биду такую наклыкаете! Галю! чи чуешь? Галю! порай же, будь ласкава, що мени робыты зъ оцимы ловцями-молодцями.

(Галя выходитъ на средину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцами передникъ).

Хома. Бачыте вы, ловци-молодци, чога вы натворылы: мене старого зъ дочкою прыстыдылы!... Гай-гай! такъ ось же що мы зробымо: хлибъ святой прыймаемо, доброго слова не цураемся, а за те, щобъ вы насъ не лякалы, буцимъ мы передержуемо куныцю, або красну дивыцю, вась повьяжемо. Прыйшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прыкладать. Ну, годи жъ тоби, дочко, посупывшысь стояты; чи нема въ тебе чымъ сихъ ловцивъ-молодцивъ повязаты? чуешь бо, Галю? А, може, рушныкивъ нема? може, ничога не прыдбала? Не вмила прясты, не вмила шыты—вьяжы жъ чымъ знаешь,—хочъ мотузкомъ, колы ще й винъ йе.

(Галя уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный сватами; потомъ подходитъ къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и подноситъ сватамъ—сперва одному, потомъ другому. Сваты, взявши полотенца, кланяются Хомѣ).

Сватъ. Спасыби жъ батькови, що свою дытну рано будывъ и усякому добру учывъ. Спасыби й тоби, дивко, що рано вставала, тонку пражу пряла, прыдане прыдбала.

(Галя беретъ полотенца и перевязываетъ черезъ плечо

одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери).

Хома (къ Галѣ). Догадася, догадася! Ты хочешь и князя завязаты. Нехай завтра обою его завяжемю. Бать, мабуть, злякавсся, що не показавсся. Стривай, поладешся, не втечешь!

Сватъ. Винъ и самъ прылетьть, якъ зачуеть, що такъ похваляетесь.

Хома. Ну, покы вже долететь, намъ ничего ждаты. Просымо сидаты. Що тамъ йе, поймымо; що дадутъ, попьемо та побалакаемъ де-що. А тимъ-часомъ, ты, Галю, не гуляй, въ корци меду наливай та гостямъ пиднесы хлиба-соли, просы зъ привитомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятсся за столъ. Галя принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

Сватъ. Мы вамъ такой халепы натворылы, що боимося, щобъ вы насъ не потруили... Призволяйтесь самы. (Кланяетсся).

(Галя, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату).

Сватъ (поднявъ чару). Тепера такъ! Пошлы жъ, Боже, нашимъ молодымъ щастя и багатства, и доброго здоровья, щобъ и внукивъ женыты и правнукивъ дождаты...

(Свата прерываетъ хоръ колядниковъ подъ окномъ. Всѣ смущаютъ со вниманіемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело посматриваетъ на окно. Сватъ, впродолженіе колядки, повторяетъ). «Гарно колядуютъ наши козаки!»

КОЛЯДКА.

Бачыть же Богъ, бачыть Творецъ,
 Що мыръ погыбае,
 Архангола Гаврыила
 Въ Назаретъ посилае.
 Благовистывъ въ Назарети—
 Стала слава у вертепи.
 О, прекрасный Выхлеме!
 Отверзы врата Едема.

Хома (къ Галѣ, съ сердцемъ). Я жъ тоби наказувавъ, щобъ никого не пускалы! Задумалась, забула!

(Входитъ Назаръ съ молодыми козаками).

Назаръ. Дай, Боже, вечеръ добрый! помагай-би вамъ на все добре!

(Всѣ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасъ останавливается; поглядываетъ то на гостей, то на Галю. Всѣ молчатъ).

Хома (смѣшавшись). Спасыби, спасыби... Мылосты просимо. Просимо сидаты.

(Молчаніе продолжается. Галѣ, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара).

Назаръ. Сядемо, сядемо, абы було де: мы гости непрохани. Може, помишала; дакъ мы и пидемо, видкиля прыйшли. (Смотритъ на сватовъ). Такъ бачъ, черезъ що полковныкъ пославъ мене зъ грамотама въ Гуляй-Поле! (Глядя на Галю). Весело, весело! нальвай швидче горилкы, и я выпью за твое здоровья! Не лякайся, не лякайся, нальвай.

(Галѣ, въ ужасъ, роняетъ подносъ и флажу).

Хома (въ бѣшенствѣ). Кто сміе згнуцаться надъ моею дочкою?

Назаръ. Я! хйба не бачышь? я, Назаръ Стодола! той самы, за кого ты вчора обещавъ выдать дочку свою, той самы, якого ты знавъ ще зъ тыеи поры, якъ винъ тебе вырвавъ изъ-пидъ ножа гайдамакы! Згадай и ще, я той самы, хто й самому гетьману не дасть себе на посмихъ! Пизнавъ?

Хома. Пизнавъ. (Равнодушно). Що дальшь?

Галѣ. Хйба жъ не ты приславъ?

Хома. Мовчы! геть собі!

Назаръ (останавливаетъ Галю). Стривай, стій тутъ! И тебе обманюють?

Хома. Не обманюю, а—такъ якъ батько—велю. Вона про-сватана за чыгырынського полковныка.

Назаръ (съ презрѣніемъ). Полковныка! Учора була моя, сѣгодня полковныкова, а завтра чья буде? Чуешь, Галю?

Галѣ (падая на руки Назара). Чую! О, чомъ мени не позакладало!

Свять. Осмилюсь доложыть...

Назарь. Мовчы, поганець, шыпотынныку!

Хома. Виддай мени дочку мою. (*Робко подходитъ къ Назару*).

Назарь. Геть, Юда!

Хома (*въ ужасъ*). Прохорь, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ йе? Возьмить ёго, харцызяку—винь убье мене!

Назарь. Нехай Богъ тебе побье, дитопродавецъ! (*Къ Галю*) Галю! сердце мое! промовь мени хоть одно слово: ты не знала—за кого? Скажы: не знала?

Галя (*приходитъ въ себя*). Не знала, йй-Богу, не знала!

Назарь (*къ Хома*). Чи чуешь ты?

Хома. Не чую; я оглухъ!

Назарь (*къ гостямъ*). Люде добри! колы вы не оглухы такъ послушайте. Винь мене называвъ своимъ сыномъ, а я ёго своимъ батькомъ, и винь се чувъ тоди, а сёгодня оглухъ. Де жъ ёго правда? Чи чесный же винь чоловікъ? правдыный, га?

(*Гости молчатъ*).

Гнатъ (*подходитъ къ Назару*). Винь не чоловікъ. Кынь ёго: таке ледащо не стоить путнёго слова! (*Береть ёго за руку*).

Назарь. Стривай! ни, винь чоловікъ, винь называвъ мене сыномъ. (*Къ Хома*). Правда?

Хома. Не тоби вчыты, якъ мени кого называты. Я ййиный батько, а не твій: такъ у мойй воли оддать ййиный, за кого слочу.

Назарь. А якъ же вона не захоче, тоди шо?

Хома. Я заставляю.

Назарь. Чи можна жъ кого заставитьъ утопыться або повисыться? Хиба ты Богъ, що маешь силу чудеса творить? Хиба ты дяволь, колы ты не маешь жалю до ридной своей дытныны? Чи бачышь, у неи йе сердце, и ты замисть ёго кладешъ каминюку. Слухай: и ты жъ колысь бувъ молодымъ, и ты жъ мавъ колы-небудь радисть и горе. Скажи, що чуло, що казало твое сердце, коли тобою кепкували?

Хома. Го-во-ры!..

Назарь (*въ изступленіи*). Такъ ты глузуешь надо мною!

Хиба я не стопчу тебе, якъ жабу? Брехунъ! *(Быстро, подходитъ къ нему и хватаетъ его за юрло).*

Галя *(схвативъ руку Назара)*. Що ты робышь? Убий мене, на, рижь!

(Назаръ молча опускаетъ руки).

Хома *(подбѣгаетъ къ сватамъ)*. Вы бачылы? хотивъ мене задушты!

(Сваты молчатъ).

Гнатъ *(къ Назару)*. Мы не такъ расплатимся, инымъ часомъ. Ходимъ зъ сѣго базару.

Назаръ. Не пиду! мене видсиль ногы не вынесуть.

Гнатъ. Ну, такъ торгуйсь. Може, дешевше уступлять.

Галя. Боже мій, Боже мій, вони згнущаются надо мною!

Хома. Не згнущаются, а торгуются.

Гнатъ. Годи, брате; ходимъ: мы опизнылись.

Назаръ. Стривай, не опизнылись. *(Подходитъ къ Хомѣ)*: Просты мене, я сгарячу забувся. Ты добрый чоловікъ. Просты, або зарижъ мене, тилькы не кажы, що вона не моя, не кажы! Дывысь: я гетьману никола не кланяюсь. *(Падаетъ на колѣни)*. Для спасенія своєї души, колы у тебе у серци йе Богъ, для угоды всихъ святыхъ, колж ты вируешъ у кого, для спасенія твоей дытны, колы вона тоби мыла, зглянься на мене! Нехай старосты зъ своимъ хлибомъ йдуть до-дому. Хрыстомъ Богомъ молю, не занасты ййи, бидной! Кращой ййи нема; за що ты хочешъ ййи убыты? На голову мою! возьми ййи, розбий обухомъ,—не треба мени ййи: тилькы дай дочци своїй ще пожыты на свити, не зайидай ййи вику, вона не выновата!

(Хома дрожа поспрашиваетъ на гостей).

Гнатъ *(быстро подбѣгаетъ къ Назару)*. Кого ты просышь? кому кланяешся? передъ кымъ падаешъ? Я на тебе писла сѣго й дывыться не хочу; прощай!... Кланяється дїаволу! Винь тебе кыпячою смолою напоить! *(Хочетъ идти).*

(Назаръ удерживаетъ его).

Галя *(обнимая ноги отца)*. Вы покійній матери, якъ вона умирала, били домовыны общалы мене выдать за Назара. Що жъ вы робыте? чимъ я васъ прогнывыла? за що мене хочете убыть? Хиба жъ я не дочка ваша? *(Заливается слезами).*

НАЗАРЬ. Каминь! зализо! ты огню хочешь! Буде огонь, буде! для тебе все пекло вызову... ты жды мене. *(Галль)*. Бидна, бидна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ есть, а не батько! Бидненко, серденько мое, пташечко моя безпрютна! *(Цьлуетъ ее)*. А я ще биднійшый тебе: у мене й ката нема, никому й заризати! Прощай, мое сердце, прощай! не забарымось побачыться. *(Галля безмолвная падаетъ на руки Назара. Онъ цьлуетъ; Хома силится вырвать ее. Назарь отталкиваетъ его и снова цьлуетъ Галлю)*.

НАЗАРЬ *(къ сватамъ)*. Роскажить полковнику, що бачылы и що чулы. Скажить, що ёго молода пры вашыхъ очахъ цилувалась зо мною. *(Галля обнимаеъ его и цьлуеъ)*. Бачыте, бачыте! Прощай же, мое сердце, моя голубочко! *(цьлуеъ ее)*. Я знаю, що мени робыть. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподивайся..

(Галля падаетъ безъ чувствъ. Назарь, закрывъ лицо руками, удаляется. Гнатъ и козаки за нимъ. Хома и сваты подбѣгаютъ къ Галль).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хаты, опратно убранной. На столѣ горять свѣчи. Хозяйка прибираетъ около печки.

Хозяйка. Господы, Господы! якъ подумаешь, колы ще мы дивувалы, зачуешь де-небудь вечерныци, такъ ажъ тыны трещать; а теперь... отъ, скоро и трети пивни заспивають, а вечерныци ще й не зачынались. Нехай воно хоть и свято, звисно — колядують, а все-таки часъ бы. Ни, що не кажы, а свить переминывся. Хоть бы и Запорожци... ну, яки вони Запорожци? Тьфу на ихъ хысть та й годи! Чи таки булы попереду? Якъ налетать було зъ своеи Сичи, такъ що твои орлы-соколы! Було якъ схопыть тебе котрый, такъ до земли не допустыть, такъ и носыть... Ой-ой-ой! буды то все дивалось?..

(Покачавши грустно головой, поетъ).

Зоря зъ мисяцемъ надъ долиною
 Постричалася;
 Дожидалася до билои зори,
 Не диждалася;
 Я до-дому прыйшла, гирко плакала,
 Не молилася, —
 Нерозумная, неутишная
 Положилася.
 Ой не спала жъ я, все верзлась мени
 Ничка темная,
 И вышневый садъ, очи карми,
 Бровы черныи.
 На зори, зори я прочнугалася
 И сказала такъ:
 За Дунай-рику чернобрывый твій
 На гнидимъ кони
 Полетивъ орломъ!.. Я все плакала,
 Все сміялася.
 И до-дому козакы зъ-за Дунай рикы
 Заверталыся.
 Не вернувся мій... молоди лита
 За що трачу я?
 Зоря зъ мисяцемъ постричалася—
 И заплачу я.

Точнисиенько моя доля! Неначе сю писню про мене зло-
 жылы. Де мои молоди лита? и слиду нема, мовъ поверхъ
 воды поплылы. (Помолчавъ). Що жъ се справди ниhto не йде?
 А вже мени ся навижена Стеха! пишла за дивками, та десь
 и застряла зъ козаками. Извела жъ ихъ нечыста маты до-
 купы! Нехай бы сей Кычатый бувъ парубокъ, а то жъ уже
 старый чоловикъ... Не взявъ бы винъ соби въ кляшныци не
 молоду, а розумну, вирну, дотепну до всякого дила та ста-
 реньку! а то... якъ та дзыгга, такъ и снуе. Якъ-то винъ
 дочку свою ще пристроить? Бачъ, у полковныци лизе! Чи
 довго жъ то вона буде любоватися ёго лысыною замість

ясного мисяця? Охъ, охъ! стари, стари! сидить бы вамъ тилько на печи та жувать калачи; такъ ни, давай имъ жинку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чи не такъ!.. Отъ Стодола—молодець! я ёго знаю, винъ протопче стежку черезъ полковничый садокъ. Та й дурный бы бувъ, колибъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!.. Заразь, заразь? Насылу! (*Отворяетъ дверь*).

(*Входятъ Назаръ и Гнатъ*).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Видкиля се, якою дарою, якимъ витромъ, якимъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не пытайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признаться, и не прыстало твой пыци. Чого жъ ты такъ насупылась?

Хозяйка. Сидайте, будьте ласкави, сидайте!

Гнатъ. Ну, годи жъ, не сердься. Мало чого зъ языка не сплыве! Не все треба переймать, що поверхъ воды плыве? У тебе сёгодня вечерныци?

Хозяйка. Хиба жъ наши вечерныци для васъ? Вы такъ тилько прийшли — посміяться.

Гнатъ. Такъ-таки и посміємося, колы буде весело.

Хозяйка (*глядя на Назара*). Буде весело та не всімъ.

Гнатъ. Ну, се вже описля побачымо. А колы—ке намъ чого-небудь такого, для чого чаркы роблять, та й зубамъ пошукай роботы. Проклятый скряга и повечераты не давъ. Ну, чого жъ ты ротъ роззявила? Мёрщій!

Хозяйка. Заразь. (*Отходя*). Бидненькый Назаръ! (*Достаётъ съ полки флягу съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ*).

(*Назаръ печально смотритъ на Гната*).

Гнатъ (*къ Хозяйкѣ*). Теперъ же знаешь що? визми митлу та мети, выясны хорошенько мисяць: бачъ, якъ насупыло! А мы тымъ часомъ побалакаемъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хиба я видьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткны пальци въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!.. вы хочете нышкомъ побалакаты. Добре, я пиду по Стеху. (*Надъваетъ свиту и уходитъ*).

Гнатъ (*посмотрѣвъ ей въ слѣдъ*). Пишла. Ну, що жъ дывышся на мене, мовъ не признаешь?

Назаръ. Теперь бы й ридного батька не признавъ.

Гнатъ. Розумни люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хати мужыкъ. (*Намиваетъ рюмку и подноситъ*). Не хочешь? якъ хочешь! А я совитувавъ бы чарочку-другу адамовыхъ слизокъ, якъ казавъ було отецъ економъ. Не забудь Братскый монастырь?

Назаръ. Ни, скажы лучше, на-що ты мене повивъ сюды?

Гнатъ. На те, щобъ побалакаты зъ тобою, якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю и розумъ! (*Вытываетъ*).

Назаръ. Щасливый ты чоловікъ!

Гнатъ. Ты щасливыйшый мене.

Назаръ. О, якъ бы ты посыдивъ у мой шкури! Ходимъ, Гнате! мени тутъ душно.

Гнатъ. Стривай, ще рано. Подывимся, якъ люде добри веселяться, та посовитуемся, куды йты.

Назаръ. Мени одно, куды не поведешь.

Гнатъ. Ты впяты баба. Чи прыстали жъ козаку таки речи?

Назаръ. Гирко мени, Гнате! ты смієшся, а въ мене лечинкы верне. Хйба жъ мое горе смишыть тебе?

Гнатъ. Смишыть.

Назаръ. А я думавъ, — ты добрый чоловікъ.

Гнатъ. А я думавъ — ты козакъ, а ты, бачу, баба. Ну, скажы мени, чого ты дурієшь? де твій розумъ? Чи стоить же жинка, хочъ-бы вона була дочка немецкого цезаря, чи стоить вона такого дорогого добра, якъ чоловічий розумъ?

Назаръ. Стоить.

Гнатъ. Брехня! Ты знаешь, въ яку цину поставивъ царь Соломонъ золотый плугъ? Винъ каже, що пры нужди шматокъ хйба дорожче золота. А я скажу: чарка горилкы козаку милійша усихъ жинокъ на свити.

Назаръ. Ты мене, Гнате, морочышь, а мени теперь треба щырого друга.

Гнатъ. Добре. Я винъ и есть, бо кажу правду. А колы хочешь, то й брехать почну для тебе. Все, що хочешь.

Назарь. Не смійся, а диломъ кажи, що робить мене. Тоби можна и говорить, и думать.

Гнатъ. Ось-що. Першъ усёго, выпий горилки. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. *(Напиваетъ рюмку)*. Чи не забудь ще ты, якъ розумно розсужда латынськый виршникъ... якъ паць ёго... ну той, за якого мене въ Братстви выпарыли ризками, якъ отець ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудри вирши. Винъ каже: «Дурныця все, опричь горилки, а иходи и жинка пидь руку». Оце такъ! *(Выпиваетъ)*.

Назарь *(презрительно)*. Бидный ты сердешный чоловікъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ крыхта йе добра, а въ тебе нема й того, що мае й скотына. О, якъ-бы ты змигъ заглянуть сюды *(указываетъ на сердце)*, куды самъ Богъ не загляда! Та ни! може, ты тилькы такъ кажешъ. Другъ ты мій добрый, вирный мій, ты жъ такы плакавъ колы-небудь: плачь зо мною теперь; хочъ прыкынься та плачь. Не мучь мене: Въ мене видъ горя сердце рветься! Нехай вже ти сміються, що жыуть у пекли: имъ любо; а ты жъ такы чоловікъ. *(Съ участіемъ смотритъ на него)*.

Гнатъ. Такъ, 'я чоловікъ; а ты й справди баба, ще разъ тоби скажу: ка-зна за чымъ вбываешся.

Назарь. Нема у тебе сердца, каминь ты!

Гнатъ. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я несчастнійший одъ тебе, нещаснійший одъ твоей собаки; вона лащтыться до тебе, а ты ййи кохаешъ; а я?.. И я, дурный, колысь любывъ и къ гадынамъ жинкамъ ласкався, рыдавъ горячымы слёзами, радъ бувъ и жызнь оддать за ныхъ... и що изъ того? чи хочешъ знаты?

Назарь. Не треба, не хочу, не говори! у тебе нема Бога въ сердци.

Гнатъ. А бувъ колысь, та мохомъ сердце обросло, якъ той гнылый никчемный пенъ дубовый. Прыйде и твоя пора, все згадаешъ. *(Ласково)*. Годи жъ тоби, годи! не дывысь такъ хмарно: далеби, не полегша. Дурныця все: и товариство, и любовь,—цуръ имъ! нема ихъ на свити. Одни дурни и диты вирять латынськымъ виршамъ. А лучче поговорымъ о дили, а тымъ часомъ налетять сорокы чорноброви, выпьемъ, пожар-

туемъ, и вирь мени—вся дурь изъ головы вылетыть. Я се знаю: мене лыхо навчыло.

Назарь (*вставая изъ-за стола*). Та и я извидавъ горе, та ничому не навчився; тебе жь не хочу слухать: ты злйшый дйавола. (*Хочетъ идти*).

Гнатъ. Куды жь ты?

Назарь. Эъ тобою холодно, пиду у пекло погриться.

Гнатъ. Стривай, ты самъ не знайдешъ. Я шляхъ тоби покажу.

Назарь. Найду й самъ.

Гнатъ (*удерживаетъ его*). Ты й справи хочешъ иты? Сказонный, ты зъ глузду зъйихавъ!

Назарь. Я никому не дамъ себе въ обыду, и дурного совиту не послухаю. Пусты мене.

Гнатъ. Насылу прочунявся. Та куды жь ты, навиженный?

Назарь (*вспыльчиво*). Мовчы, а то тутъ тоби и аминь.

Гнатъ (*не выпуская руки Назара*). Такъ и я зъумю, та що потимъ? Эъ холоднымъ мертведемъ у домовыну?

Назарь. Хоть до чорта у пекло! Пусты мене, я пиду у Чыгырынъ до полковныка.

Гнатъ. Чого?

Назарь. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбешъ, тоди що? чи не мусышь ублагать ёго видкынутъся видъ Гали? га?

Назарь. Такъ, чи не такъ, а я пиду.

Гнатъ. До дьявола въ гости! Чи не лучше-жь, замисть пузатого полковныка, обняты тонкый та гнучкый станъ Гали? Не хмурся та послухай, та робы такъ, якъ я тоби скажу, бо ты сёгодня ничего путнёго не выдумаешъ.

Назарь. Що дальше?

Гнатъ (*осматриваясь*). Чи глухи тутъ стины? (*Въ полголоса*). Украдемъ Галю, отъ и все. Чи добре?

Назарь (*немного помолчавъ жметъ руку Гната*). Просты мене...

Гнатъ. Ну, що ще?

Назарь. Ты певный другъ!

Гнатъ. Ну, объ сёму послы. Кажы, такъ, чи не такъ?

Назарь. Такъ! Я весь твй: говоры, приказуй.

Гнатъ. Слухай же. Вона, звісно, виходила до тебе колы-небудь пизно вечоромъ у садокъ, хоть, може, й не одна?

Назаръ. Зъ клюшныцею.

Гнатъ. Суща коханка! Чи не завалився у тебе въ кишени який червинець?

Назаръ. Два.

Гнатъ. Ще лучче. Се жъ буде клюшныци на сережки, а плахту на словахъ обищай. Тильки домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жинки наголо вси цокотухи: не для ихъ выгадано слово «мовчаты»; до-того ще й дорожче запросить.

Назаръ. Ничого не пожалую, усе видамъ, що въ мене йе. Де тилько клюшныцю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже ты чувъ, якъ ласка хазяйка Стеху, за те, що довго барытсья? Гляды жъ, зробишь тутъ усе, якъ треба, а я дождатиму васъ крїй старои корчмы зъ тройкою добрыхъ воронныхъ. Знаешъ, за садкомъ, на старій дорозі?

Назаръ. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму и днемъ люде хрыстючысь обходять, а въ ночи никто не посміе; такъ кращого місця ничого й шукаты; тильки порайтесь моторнійшъ.

Назаръ. А якъ вона не захоче,—що тоди?

Гнатъ. Хто? клюшныця, чи...

Назаръ. Та й та, й друга.

Гнатъ. Захочуть обидви, тилько ты збумій согласити. Клюшныця за червинця піде колядувать хоть до самого сатаны; а Галя въ одній сорочци піде за тобою на край свита; а якъ се дуже далеко, такъ ты спровадь йїи на Запорржя, а тамъ и самъ гетьманъ не більший одъ чабана. Адже ты не выписувавсь ізъ запорозцивъ?

Назаръ. Ни.

Гнатъ. Такъ якого жъ злыдня ще хотить? А хто пакъ у тебе куриннымъ отаманомъ?

Назаръ. Сокорына.

Гнатъ. Знаю! о, голинный, завзятий чоловік! въ кирци воды діявола утопыть, не то-що въ Днипри. А! здається, хтось иде.

Назарь. О, якъ бы твое, брате, слово та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема на свити ничего легше: тилькы повеселій, будь козакомъ. Мовчы. (*Громко*). Ну, выпьемъ жъ чарочку за шынкарочку. (*Пьютъ*).

Хозяйка. Якъ же я утомилась, насылу найшла ййи, прокляту Стеху!

Гнатъ. А що, змахнула пылъ зъ мисяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справди погода утыхо-мырылась.

Гнатъ. Оце жъ тобі за труды. (*Подаетъ чарку*).

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомилась!... Ни, спасыби, не пидь сылу... Хиба вже для васъ. (*Пробуетъ по немножку. Гнатъ знаками просить. Она, въ притворствъ усилій и кривляній, выпиваетъ, а остальные капли хлещетъ въ потолокъ*). Щобъ ворогы мовчали й сусиде не знали! (*Отдаетъ чарку*).

Гнатъ (*подноситъ Назару; тотъ отказывается знакомъ*). Не хочешъ—якъ хочешъ. А мени здається, що и на свити нема такого горя, якого бъ не можна було утопыть въ чарци горилкы. Чарка, друга и—чорта у воду. Такъ, Катерыно?

Хозяйка. Якъ кому иншому, то й кварта не поможе.

Гнатъ (*Назару*). А ты справди не будешъ пить?

Назарь. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, а спасенному рай. За твое жъ здоровья! (*Выпиваетъ*). Праведно спивается въ тій писни, що каже, колы бъ мужыку не жинка, не знавъ бы винъ скукы, колыбъ не горилка, де дивать бы муки? Такъ у горилку ййи прокляту, у горилку! Розумный чоловікъ тебе выдумавъ, такъ! (*Къ Назару*). Та на тебе брыдео й дивыться. Ну, ще жъ одну та й годи вже. (*Напиваетъ*). Чи втямки тобі, якъ мы втикалы зъ Братського на Запорижжя та на дорози зустрілы одну чернобывеньку, и ты чуть-чуть бувъ не проминявъ запорозьской воли на ййи чорни бровы? Бачъ, ты забудь! а я такъ все запрошешде знаю, та й що буде одгадаю.

Стеха (*обтираетъ второпякъ*). Охъ, моя матинко, якъ утомилась! Шуточки! оббигала уси усюды! (*Осматриваясь*). Охъ, Боже мій! я и не бачу. Добры-вечиръ вамъ! Отъ вже й не думала, й не гадала! Спасыби, спасыби! не погнуша-

лись нашихъ слобидськихъ вечорницъ. Такъ уже ѣ не зды-
вуйте: у насъ усе абы-якъ: не те що у васъ у Чыгырныи.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годи бо вамъ сміятыся.

Хозяйка Чи прыйде жъ хто?

Стеха. Якъ же? уси прыйдуть.

(Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ въ сторону.)

Назаръ встаетъ изъ за стола и подходитъ къ Стехѣ.)

Гнатъ *(къ хозяйкѣ)*. У мене щось голова разболелась; иду подывлюсь, якій мисяць. Чуешъ? а про кобзаря, мабуть и забулы. Збигай лышень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ты звала Кырыка?

Стеха. Моя матиночко и забула. Я заразъ збигаю.

Гнатъ. Впьять де-небудъ застрянешъ... Збигай лучше сама.

Хозяйка. Добре. *(Хозяйка и Гнатъ уходятъ.)*

Назаръ *(беретъ за руку Стеху)*. У мене йе прозьба до тебе, Стехо.

Стеха. Знаю, знаю, яка прозьба: — сказать паночки, щобъ выйшла до васъ, якъ панъ засне; та теперъ тильки не те вже, що перше було. Адже вы сами знаете, що незабаромъ зробылось.

Назаръ. Се не помишае; мени тильки одно словечко сказаты. *(Даетъ ей червонецъ)*. На тоби; ще ѣ плахта буде, колы услужышь.

Стеха *(принимаетъ червонецъ)*. Не прыдумаю, якъ-бы се зробыты. Лыха година те, що старый цилсиньку ничъ очей не заплющты. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просыла! ни, такы на своему поставывъ старый сатана.

Назаръ. Такъ ты зробышь? дождыдаты?

Стеха. Зроблю, зроблю, тильки...

Назаръ. Не бійсь! бильшь копы лыха не буде. А колы хочешъ, то и ты зъ нами. Ну-лышень, чкурнемъ.

Стеха. Куды зъ вами?

Назаръ. Туды, де лучше жыты, де будешъ ты панією, а не клюшныцею: чы второпала?

Стеха. Глядять, чы не дурыте вы мене? И справди думаютъ, що якъ воны багаты, такъ усе и ихъ.

Гнатъ (*за сценой*). Катре, Катре! а погляды, що се на мисяци?

Голосъ хозяйки. Хиба не знаете? братъ брата на выла пиднявъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далеби, я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хати роскажу, я змерзла.

(*Впродолженіи этого разговора Назаръ объясняется со Стехой знаками и шепотомъ. Стеха дѣлаетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входитъ Гнатъ и Хозяйка*).

Стеха. А хиба жъ вы сѣго не знаете?

Гнатъ. Або забуду, або и зовсимъ не знаву; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачыте, якъ воно. Якъ Христа дочыталысь, старшій братъ на велькъ-день, колы ще добри люде на утрени стоялы, пишовъ пидкынуть воламъ сина, та замисть сина проткнувъ выламы свого меншого брата: такъ ихъ Богъ такъ и поставывъ у-купци на мисяци, на выдъ усѣму хрыщеному миру, щобъ бачылы, що и скотыни грихъ йисты у такій велькій празныкъ, покы пасогъ не посвящать, а не то що людямы.

Хозяйка (*насмѣливо*). Ачъ, якъ мудро прочытала!

Гнатъ. Чудо не дивка! розумна и красыва. (*Обнимаеъ Стеху*).

Стеха (*притворно*). Що се, яки справди безстыдни оци городськи козаки! усе бъ имъ згнушаться надъ нами та й тилькы. (*Гнатъ цѣлуеъ ее*). Ну! отъ ище выдумалы що! Неначе се звычайно! Пустить! далеби, закрычу.

(*Съ шумомъ входятъ козаки и дѣвушки*).

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна: и тутъ успила! А старый Кычатый?..

Стеха (*вырывааясь*). Ну, що? поживымысь? Не бійсь, такы не довелось поцилувати. Хто тамъ горло дере, щд успила? Вони тилькы такъ, ничего не зробылы.

Гнатъ (*къ козакамъ*). Ну, хто у васъ отаманъ? Чи есть музыкы?

Голоса. И кобзарь, и музыкы.

Гнатъ. А останне: выпить и закусыты?

• Голоса. Якъ безъ сѣго? Усе йе.

Гнатъ. А, та й бравыи жъ молодци! що твои чыгы-

рынци! (*Къ двѣушкамъ*). Котора жъ изъ васъ пиде зо мною танцювати?

Голоса. Пропустить, пропустить—музыкы йдутъ.

(*Входятъ музыканты-жиды. Впереди слпной старикъ съ кобзою. Дѣвушки и козаки въ безпорядкѣ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разговариваетъ съ Гнатомъ*).

Гнатъ. Будь бо веселійшый, не показуй виду. Стеха злудіе одкараскаться одъ ныхъ, тилькы намъ зъ тобою треба попереду утнваты. Я, пожалуй, хочъ и заразъ пиду, а ты зостанься тутъ покы,—такъ для выду. Та чуешъ: не дуже довго женихайся, а мерщій въ корчму; а тамъ буду.

Назаръ. Добре, тилькы и ты проворнійше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дывьсь, старый знакомый! Кузьма, якимъ се побытомъ тутъ опынылись?

Одынъ зъ козакивъ. Зъ хуторивъ до церевы, а вечерныци по духу чуемо.

Гнатъ. Молодци! А вы, жыдова, якъ сюды зайшли?

Жыдъ. А такъ, сляхомъ. У Цыгырыни нема заробитку, а мы процулы, сцо у пана Кыцатого весилля буде, такъ и прыйсли сюды.

Гнатъ (*всторону*). Жыдивське ухо! (*Громко*). А нуте жъ! учыстыте запорозьского козачка. (*Къ козакамъ*). А зъ васъ хто бойчійшый? ударь, я подывлюсь, чи такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжи. (*Тихо Назару*). Годи, не дурій. Я жъ кажу, усе буде добре.

Назаръ. Чи буде, чи ни, тилькы здилай мылость, не бався тутъ, иды швыдче.

Гнатъ. Поспіємо ще зъ козаны на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнымъ: все зопсуешъ. Подывмься козачка та й годи.

(*Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты заиграли. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ. Гнатъ и Назаръ любуются*).

Гнатъ. Ай да молодець! отъ жвавый! що твій запорожець! (*Танецъ кончается*). Ну, веселитесь жъ, люде добри, гуляйте, хлопци, а намъ уже годи, пора йхать: до Чыгырна не близько, а до свиту треба быть тамъ. Прощайте,

козакы! прощайте, дивчата! прощай, хазяйко! А де жъ та...
 Бычатого? *(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ ее, цѣлуетъ)*. Прощай, сердечко мое, моя розумныця,
 моя красавыця! прощай!

Стеха *(вырывается)*. Ай-ай-ай! закрычу, ййй же то Богу,
 закрычу.

(Назаръ и Гнатъ уходятъ. Хозяйка провожаетъ ихъ).

Стеха *(охорашиваясь)*. Що за народъ такой си козакы!
 усе бѣ имъ цѣлваться. Неначе й помоглось. *(Къ Хозяйкѣ)*.
 Титко, титко! а нумо мы зъ тобою. *(Пляшетъ и поетъ)*.

Черезъ гору пиду,
 Скрыюсь за горою..
 На биду,
 Де пиду,
 Козакы за мною.

Той почне говорить,
 Той сережки сулить.
 Кого знаю,
 Привитаю,
 Хто сережки дарить.

Ой сережки мои,
 Мои золотыи!
 Сердитесь,
 Дывитесь,
 Ворогы лыхыи!

Хозяйка *(вырывается)*. Охъ, мои возуленькы! по старисти
 литъ мени бѣ и не подобало.

*(Стеха между тѣмъ шалитъ съ козаками, хватая за руку
 молодого козака и вертясь, приплясываетъ)*.

Хозяйка. Оце, яка жартовлява! Та перестанешъ ты,
 чи ни?

Стеха (*пляшетъ и поетъ*).

Тра-ла-ла, тра-ла-ла!
 На базари була,
 Черевычки купыла,
 Тры червинци дала,
 А четвертый пропыла
 И музыку найнала.

Що жъ вы, родимецъ бы васъ вбывъ! тилькы дурно гроши берете? Кусокъ бы вамъ сала, а не грошей. (*Въ толпѣ хохотъ*). А де жъ нашъ Кырыкъ? сюды ёго! винъ одмыъ лучше усихъ цихъ голодранцивъ. (*Выходитъ Кобзарь*). Ось винъ, мій голубчыкъ. Ну, лышень, яку-небудь писеньку зъ прыговорками, або казочку страховыночку, щобъ цилу ничъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ—казочку, хочешъ—писеньку, що любишь.

Голоса. Казку! казку!

Другіе. Ни, писню, та такую, щобъ жыжкы затрусилысь. Мы ще не танцювали.

Первые голоса (*и съ ними Стеха паче встѣтъ*). Натанцюетесь ище, помы до третихъ.

Стеха. До пивнивъ ще не трохы. Казку! (*Къ Хозяйка*). Казку, титео?

Хозяйка. Звисно, казку, помы ще не такъ пизно; а описля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Колы казку, такъ казку; мени все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-такы, цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха. А що, га? такы перещебетала!

(*Кобзарь садится на скамейку. Кругомъ него съ шумомъ и хохотомъ толпятся въ беспорядкѣ козаки и двѣушки*).

Стеха (*подноситъ Кобзарю рюмку вина*). Выпный, дядусю, для смилости.

Кобзарь (*выпивши*). Спасыби тоби, дивко! (*Прокашлявшись*). Слухатъ—що йисты, въ горшку не бовтаты, усивъ не мараты, словъ не пропускать, другымъ не мишать.

(Общій лжкій шопотъ и смѣхъ).

Стеха. Послухаю, послухаю, чи есть же така страхо-
вина, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешь ты? колы не будешь мовчать, такъ
геть соби.

Другой. А то выженемъ.

Стеха. А хто бъ посмивъ! Сотныкъ васъ усихъ пере-
вишае.

Голосъ. Дзусъ ёму, муromу! Гляды, щобъ на одній
осычынн не повислы тебе зъ сотныкомъ.

Ховяйка. Та замовчить же Бога рады! (къ Ковзарю).
Кажы, дидусю, кажы; ихъ не переслухаешъ.

Ковзарь (прокашлявшись). У венгерській сторони, у
цесарцивъ, за шляхецькою землею, стоить гора висока; а въ
тій гори нора глыбока; въ нори сыдыть не звирь, не птыця—
турецька царыця. Сыдыть вона сто тысячъ лить, не молодіе,
не старіе, а тилько де-дали зліе; йистъ вона одъ скидъ до
захидъ сонця—не хлибъ печеный, не курей и не яку-небудь
людську страву, а троцыть маленькихъ дитей, за те, що,
колы ще вона була у Турецькыни важкою, такъ йй сказавъ
арменський знахарь, що вона родыть дочку и дочка та буде,
якъ подроште, въ тысячу разъ краще ййи. Отъ вона, справи.
якъ родыла дочку, такъ заразъ и зъила ййи, та зъ того
часу сыдыть у нори и невгаваючы усе йистъ дитей; не роз-
бира, хотъ хрещени вони, а хотъ нехрещени, йистъ усихъ,
йистъ тоби всихъ та й годи, — и дивчатокъ, и хлопчыкивъ...

Стеха (быстро). И хлопчыкивъ! ахъ, вона трыклята баба!
Щастя ййи, що я не знаю тыеи горы.

Голосъ. А що бъ ты зробыла?

Стеха. Що? задушыла бъ.

Голосъ. Куды тоби, погане!

Другой. Ты й за двери сама боишся выйты.

Стеха. Хто, я?

Въ толпъ. Та не мишай же слухать. Не хто жъ
бильшь, ты!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ, заразъ пиду на гробовыще?
а колы хочете, такъ у стару корчму, що на старому шляху.

Въ толпъ. Прудка дуже! за поригъ не выйдешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмру! що ставышь?

Въ толпѣ. Мои музыканты на всю; а ты?

Стеха. Пивъ-видра сльвянky, тры кускы сала и паляныця.

Въ толпѣ. Добре! тилькы щобъ, знаешъ, сльвянка була зъ панського лѣху.

Стеха. Та вже де не визьму, до сѣго вамъ дила нема, а поставлю. Де мій байбараѣ? (*Надѣваетъ верхнее платье*). Гляды жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*). Якъ я вернусь, такъ тоди докажешъ, дидусю; ато я и не хочу. (*Уходитъ*).

Ковзарь. Добре.

Въ толпѣ. А щобъ повирьмы, такъ принеси цеглынку, або вахлю зъ грубы, або що хочешъ, тилько зъ корчмы.

Стеха (*за сценою*). Добре, добре.

Голоса. Отъ дивка голинна, такъ-такъ!

Другой. Чупрыну ій та усы, тоди хоть у пекло...

Третій. Такъ подумаютъ, що козаѣ.

Хозяйка. Уже козырь-дивка, не вамъ ривня. Отъ же й' пиде; тоди платы.

Голосъ. Або сльвянку пый, а саломъ и паляныцею закусуй.

Хозяйка. Побачымъ, побачымъ, чія визьме. Чого сидиты? щобъ не даромъ музыкамъ платыть, ну лышень, потанцюемъ лучче. А ну, вдарьте, та не по жидивський, а по нашому.

(*Толпа въ безпорядкѣ разступается. Козакъ съ дѣвучкою выходитъ танцовать. Музыканты заграли, и пляска началась. Занавѣсъ тихо опускается*).

АКТЪ ТРЕТІЙ

Внутренность развалинъ корчмы. Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропиль. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько минутъ молчанія. Вдали слышна пѣсня; потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припѣвая: «Охъ, сережки!» Она останавливается у развалившейся печи и съ робостію осматривается кругомъ.

Стеха. Якъ страшно! Де жъ вони? И коней тожъ не видно. Чи не махнули вони соби? То-то буде добре! За два

червинци продать свое щастя... (*Осматриваеть слѣды*). Ни, опричь моихъ, ничьихъ не выдео слидивъ. Що, якъ вони обманулы, та другимъ шляхомъ?... оть тоби й сотнычка! Побіжу мерщій до-дому, чи не подіялось чого тамъ. Роскажуть, що я помогла,—тоди усе пропало. (*Поспѣшно возвра-щається*).

(*Навстрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галя*).

СТЕХА. Се вы? А тутъ такъ страшно... Чи не случылось чого?

НАЗАРЪ (*Опустивъ Галя*). Ничого, не бійсь. А кони тутъ?

СТЕХА. Ни, я не бачыла.

НАЗАРЪ. Збигай подивысь, и якъ нема, то бижи мерщій у слободу, чи не зустринешъ на дорози.

ГАЛЯ. Стехо! чому жъ ты не йдешъ? Бижи жъ скориншъ; батюшка прокынется! бижи бо!

СТЕХА. Заразъ, моя панночко; для васъ на край свита полечу. (*Поспѣшно выламываетъ изъ печи изразецъ*).

ГАЛЯ. Що ты робышь?

СТЕХА. Заразъ. Се одъ вовкивъ. (*Быстро удаляется*).

ГАЛЯ. Ходимъ на дорогу: мени тутъ страшно.

НАЗАРЪ. Не можна, мое серденько: тамъ побачать, а сюды никто не ввійде.

ГАЛЯ (*грустно*). Ну, робы якъ знаешъ, а я... я все зробыла... Боже! на зори прокынется батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! що я наробыла!

НАЗАРЪ. Лучче ничого не можна було зробыть.

ГАЛЯ. Батюшка мене проклене.

НАЗАРЪ. Себе нехай прокынае... Ты змерзла, моя крыпечко? Визьмы мою кырею. (*Снимаетъ плащъ и разстиляетъ по стѣну*). Спочынь, мое серденько; поклады свои ниженькы у мою шапку. (*Галя садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ея ноги въ свою шапку*). Отъ-такъ теплійшъ (*цѣлуетъ ее*), теплійшъ, мое серденько.

ГАЛЯ. О, мій голубчыку, мій собилъ ясный! якъ мени тепло, якъ мени весело!... Тилькы я боюсь: батюшка мій такый сердытый.

НАЗАРЪ. Не бійсь, моя пташечко, ничого, помы я зъ

тобою. Не бійсь, тилькы любы мене. Я подумавъ тоди...
колы...

Галя. Колы? Що подумавъ? може, недобре?

Назаръ. Не то, що недобре, та не теперь згадувать
объ чимъ-небудь недобримъ, колы на серци така радисть.
А завтра... що завтра зо мною буде? Я вмру, мене заду-
шыть мое щастя, моя доля. *(Кладеть ей на колъни свою
голову. Галя перебираетъ ея волосы. Назаръ, поднявъ голову,
съ нѣжностію смотритъ ей въ очи).* О, мои очи, мои кари!
Поглядитъ на мене, мои зори ясни! *(Немного помолчавъ).*
Серце мое, ты не казала батюшци, що пидешъ замижъ за
полковныка? не казала?

Галя. Опьять! Який же ты, справди!... Я заплачу. Адже жъ
винь ничего мени не говорывъ о полковныкови, такъ якъ
же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Биденька! винь продававъ тебе, а ты ничего
й не знала. Просты ёго. Нехай Богъ мылосердный на тимъ
свити за се ёго осудить и покарае.

Галя. Я мольтымусь за ёго грихы. Може, Богъ ёму
простыть.

Назаръ. Мольтысь за кого хочешъ, тилькы не розлюбы
мене, моя галочко... Я вмру тоди.

Галя. Який ты, чудный! Ты думаешъ, що я тилькы такъ
тебе люблю. Ни, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю,
що роблю... Якъ-бы тоби розказать? Ажъ страшно! Знаешъ
що? Колы я дывлюсь на тебе, такъ мени здається, що ты—
такъ се я, а що я—такъ се ты. Такъ чудно; не знаю, одъ
чого воно се такъ. Колы останусь одна на самоти, то все
про тебе думаю, думаю, и мени представыться, що ты въ
Чыгырныи передъ гетьманськымы хоромамы на вороному кони
гарцюешъ, а уси гетьманши, полковныци ни на кого бильшъ
и не дывляться, опричь на тебе... У мене въ очахъ такъ и
потемніе... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серци стане.
Одъ чого воно такъ, Назаре, ты не знаешъ?

Назаръ. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ любо, якъ
мени ты говорышъ! Промовъ ще разъ, обіймы мене. *(Обни-
маются, цѣлуются).* Ще, ще одынъ останній разъ. *(Въ изне-
моженіи кладеть ей голову на колъни).*

Галя. Якъ мени весело зъ тобою! Чи воно усе такъ буде весело? скажи мени, Назаре.

Назаръ (*не поднимая головы*). Увесь виць!

Галя. Куды жъ мы поїдемо?

Назаръ. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ виць?

Назаръ (*поднявъ голову*). Не пытай мене теперъ; я ничего не знаю. Мы поїдемо туды, де нема и не буде ни полковника, ни батька твого, де тилькы одна воля! одна воля та щастя! О, якъ мы будемо гарно жыты! Збудую тобі хату свитлу, свитлу та високу; розмалюю йїи усякымы красками—и чорнымы, и блакытнымы, и зеленымы—усякымы, усякымы! наряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотимъ крисли, мовъ кралю, и довго, довго, покъ вмру, все любоватимусь тобою. Та чи вмру жъ я колы-небудь? Ни, я николи не вмру! Колы ты будешъ зо мною, то смерть не посміе и въ хату нашу заглянуть.

Галя (*грустно*). Охъ, ни, Назаре, не кажи такъ! Мени страшно стало, и сердце такъ защмыло, такъ заболело, не наче чуе недобру годьну, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для насъ нема ёго на цилимъ свити.

Галя. Не знаю, Назаре; тилькы мени щось на серци такъ важко, такъ гирко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. На-що жъ ты объ ёму думаешь? Не думай, и весело буде. Знаешь, якъ прыйдемо мы у Кодакъ... Се за-порожський городъ... Отъ, якъ прыйдемо, мерщій у церкву, повинчаемось; тоди и самъ гетьманъ насъ не розлучить, и будемо довго, довго тамъ весело жыты. Ты будешъ писни спиваты и танцювать, а я буду гратъ на бандури и розказувать тобі про славни дила козацьки, про Саву Чалого, про Свирговського, про всихъ; про всихъ жвавыхъ козакивъ нашихъ. Дали, мени выгодуешь сына, молодця чернобрового, пошлемо ёго въ Сичъ; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: «Любуйтеся, дывитесь—се мій сынъ. Мени ёго выгодувала, выкохала моя Галя, такого молодця!» Що, весело?

Галя. Весело, мій Назаре, мій мыленькый, а сердце все-

таки болыть. Мени здається, що батюшка вже прокынувся и мене шукае.

Назарь. Богъ-зна объ чимъ думаешь ты! Ось заразъ будутъ кони, и вони насъ не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журысь же, моя ластивко.

Галя. Знаешь, що? ходимъ до-дому, разбудимъ ёго, станемъ передъ имъ на колина... винъ насъ простыть; винъ мене любить.

Назарь. Хиба жъ я ёго не просывъ, хиба жъ не ставъ передъ нимъ на колина! Аджэ ты бачыла?

Галя. Бичыла, ты просывъ... Назаре, винъ мій батько!

Назарь. Лучше бъ не знать такого батька.

Галя. Ты сердышся, Назаре! Не сердься, мій мылий, мій чорнобрывый. Подывысь, я весела, я не жалкую, що покынула... Поцилуй же мене, мій соколе ясный, орле мій сызкрылый. *(Обнимаются и цѣлуются).*

Назарь. О, моя радисть, мій сонъ чаривный! Не журысь, серденько. Скоро мы полетимо такъ, що не дожене насъ и витерь. А ничъ-то, ничъ! неначе празныкуе наше щастя. Тиха, свитла, якъ твои ясни очи. Ты не боишся? Побудь тутъ одна. Я пиду подывлюсь на дорогу.

Галя. Ни, не боюсь.

Назарь. Чого жъ ты зновъ зажурылась?

Галя. Такъ, ничого. Я згадала покійныцю няньку. Вона мени розказувала, що въ сій кормчи давно якый-то запорозькый старшына почувавъ. а на другый день нашлы ёго въ Тясмыни; и що тутъ Богданъ зустрічавъ сына своего Тимофія, якъ козаки везлы ёго зъ Молдавіи, покрытого червоною кытайкою, и що тутъ запорожци выризали жыдывъ. Зъ тии готыны ништо въ ий не живъ: усе ничью ходять мертви жыды... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назарь. Тоби твоя нянька Богъ зна чого наговорила.

Галя. Вона божылась, що правда. Не ходы, лучче останься зо мною, або ходимъ обое. Мени важко и на минуточку ризныться зъ тобою.

Назарь. Я не пиду... Ты не змерзла?

Галя. Ни, твоя шапка така тепла. *(Снимаетъ шапку съ*

ногъ и цѣлуеъ). О, моя мыла шапка! Надинь ййи, и ты замерзъ.

Назаръ. Надинь ты. Я подывлюсь на тебе, яка ты въ козацькій шапци. *(Она надѣваетъ шапку. Назаръ любитъся)*. Чудо!... Чорни усы, шаблю дамаську, пистоль за поясъ — и козаць хочъ куды. *(Цѣлуеъ ея)*. Козаче мій чорнобрывый!

Галя. *(надѣваетъ ему шапку)*. Оттакъ краще! Постій, я прышпылю стѣнжку. Знаешъ, якъ на весилли бува у молодого?

Назаръ. Се ты ще й завтра зробишь...

Галя. Охъ, тривай! я й забула. Адже я такы взяла зъ собою и хустку, що для тебе вышывала. *(Вынимаетъ изъ-за пазухи бѣлый, шитый краснымъ шелкомъ, платокъ и подаетъ Назару)*. Що, хороший? Я сама вышывала и гроши на шовкъ сама заробляла.

Назаръ. Спасыби, сердце мое.

Галя. Чи не заспывать оце писню про хусточку, що я въ Чыгрыни у дядны чула?

Назаръ. Колы весела, заспывай.

Галя. Ни, не весела, та мени сидить уже остыло. Слухай же. *(Выходитъ на край сцены)*.

.

(Назаръ стоитъ задумавшись).

Галя. Чого жъ ты зажурывся? То не треба було бъ и спивать.

Назаръ. Ничого, сердце мое. Возьмы свою хустку. *(Подаетъ ей хустку)*. Завтра знову подаруешъ.

Галя. На-що вона мени? Розирвы, колы вона тоби не-люба; я другу вышью. *(Печально)*. Тилькы не знаю, колы. *(Плаче, помовчавшы)*.

Назаръ. Не плачь, мое сердце. Дывысь, я не журюся.

Галя. Не журышся? А чого жъ ты плакавъ? Ты щось знаешъ, та не хочешъ сказать. Скажы жъ, мій голубе, мій орле сызокрымый, скажы, мое сердце!

Назаръ. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщасливыйый на свити.

Галя. Ба я щасливыйша за тебе. Николы жъ не буду спивать про хустку; цуръ йй!

Назаръ. Я тебе вывчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(Дивляться одно на другого и цілються. Хома и Стеха крадуться из-за шкани).

ХОМА. Сюды! ось-де вони! сюды!

ГАЛЯ. Батько!... Пропала я!

СТВХА. (пробігає коло ихъ). Полковныця! полковныця!

(Назаръ мовчки бере лівою рукою Галю, а правую выймає шаблю. Хома торопко веде на ёго челядь. Стеха ховається).

ХОМА. (скаженіє). Цилуйтеся, цилуйтеся, голубьята! (До челяди). Кыямы его, собаку! Чого жъ стали? Берить, рвить ёго! (Челядь торопїє).

НАЗАРЪ. Хто хоче въ домовну, выступай на мене. (До Хома). Ты чого хочешъ?

ХОМА. Смерти твоей, злодію!

НАЗАРЪ. На-що жъ ты собаками цькуешъ? возьмы самъ, колы хочешъ.

ХОМА. Я рукъ пасеудить не хочу. Берить ёго! О, песь поганый! я розирву тебе!

(Бьются на шабляхъ).

ГАЛЯ. (пада міжъ ними на колїна). Тату, тату! убий, убий мене! вынна я; я прогнивыла тебе... Убий же мене, таточку, та не беры зъ собою!

ХОМА. Цыть, кошенья крадене!

НАЗАРЪ. (Хома). Цыть, сотано люта!

ХОМА. Дочку оддай!

ГАЛЯ. Не отдавай, не отдавай! я утоплюся!

ХОМА. Топысь, гадыно, покы не растоптавь я тебе!

ГАЛЯ. Топчы, души мене: я твоя дытына!

ХОМА. (до челяди). Берить ёго! Я васъ перевишаю! я васъ золотомъ окую.

(Челядь порывається на Назара).

ГАЛЯ. Одурыть! одурыть!

ХОМА. Не одурю! Не скавучы, зинське щеня!

(Напада на Галю. Назаръ заступа їйїи. Челядь напада на Назара зъ-заду и крутыть ёму руки).

ХОМА. Ха-ха-ха! вовче, вовче! чому жъ ты не рвешъ насъ?

НАЗАРЪ. Цыть, жабо погана!

ГАЛЯ. (передъ Хоמוю на колїнахъ). Тату, тату, кате мій! я розирву тебе,—я день и ничъ плакатымусь на тебе! Тан-

цювать, плакаты буду! Чого забажаете, все робытму—не вбывай его! Я за полковника пиду...

Назаръ. Галю!

Галя. Ни, ни... *(Зоммила падае)*.

Хома. *(до челяды)*. Чого жъ вы дывытесъ? Нехай здыха, собака, а вы тымъ часомъ шкуру знимить.

(Челядынецъ замахнувся кыемъ на Назара).

Хома. Стривай! мы не татары. За що ёго убывать? Чи есть у кого вирёвки, поясъ, або налыгачъ,—що-небудь, скрутить ёму руки й ноги?

(Челядь крутить поясамы Назара).

Стеха. *(падае коло Гали зоммлюи)*. Охъ, моя пташечко, моя лебедочко! Чи я жъ знала, що такъ станеться? Прокынься, моя возулечко, моя ластивочко!

Хома. Оттакъ добре! Теперъ завязжить ёму ротъ. Отъ, доладу; у ёго, здається, що й хустка у руци. Чи не весильна? Добре, здалася такы на що-небудь.

(Завязують хусткою ротъ).

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютый, та, може, выдержитъ. А вже, якъ вовча тичка нападе... а вовкы здалека пожыву чують... отъ буде снидання, начысто гетьманське! Теперъ положить ёго на билу перыну—нехай проспнытсѧ та подума, зъ кымъ жартуе.

(Челядь кладе Назара на снѧгъ).

Хома. *(на Галю)*. А ця учадила... Возьмитъ ййи до-дому... прочумаецься.

(Челядь бере на руки Галю и несе зъ собою).

Стеха. *(бере Хому за руку и веде ёго за Галею)*. А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасыби, спасыби. *(До Назара)*. Оставайсь здоровъ, прыятелю! не згадуй лыхомъ. Нехай тоби прыснятсѧ рушныкы.

(Хома зъ Стехою шепчуться и пропадають. Назаръ тыхо стоине. Незабаромъ чуты за сценою гоминь).

Голосъ Хома. *(здалека)*. Кыньте ййи! вяжить ёго!

Гнатъ *(за сценою)*. Я тебе звязжу, недовирку проклятый!
(Незабаромъ выбѧгае Галя и кыдаецься до Назара).

Галя. Орле мѧй! сердце мое! *(Розвязуе хустку)*.

Назаръ. Душно мени, душно!

Гнатъ (*веде за ируды Хому*). Останній разъ говорю: оддасы Галю за Назара, чи ни?

Хома. Ни!

Гнатъ. Здыхай же, собако скажена! (*Замірюєть шаблею*).

Хома. Стривай. Ты знаєшь нашъ законъ козацькый, то...

Гнатъ. Що мене жывого поховають зъ твоимъ падломъ? Знаю. (*До челяди*). Копайте яму. (*Цимъть пистолеми*).

Хома. Вбязить ёго!

(*Тымъ часомъ Галя розвязує руки у Назара*).

Назаръ. О, доле моя! сердце мое!

Гнатъ. Копайте яму! (*До Хома, прицимившись*). Лукавый чоловиче, за що безъ сповиди ты себе губышь и мене зъ собою? Прощайсь зъ билимъ свитомъ, молись Богу. (*До Назара*).

Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене. Прощай! а мы...

Назаръ. Стривай!

Галя. (*до Гната*). Стривай!

Назаръ. Пусты ёго, не вартъ винъ того. Не напасты души своей. (*До Хома*). Иды, лукавый чоловиче, иды, куды знаєшь. Не помигъ тоби Богъ занапастыть мене; а я чужон крови не бажаю. Иды соби!

Хома. (*пада передъ Назаромъ*). Назаре! сыну! батьку ридный! зарядъ мене, замучъ мене, на коняхъ розирвы, та не прощай! (*Падает до нитъ и плаче*). О, я лукавый, лукавый! о, я гришний, проклятый!... Дочко, доле моя! сердце мое! проси ёго, нехай убье, нехай я свита не паскужу! (*Знову плаче*). Боже мій, Боже мій!

Назаръ. (*підводитъ ёю*). Устань, молись Богу, гришний. Коны прощають люде, то Богъ мылостывійный за насъ.

Хома (*вставши утирає слёзы*). О, слёзы, слёзы! Чомъ вы перше не лылыся? Назаре, я чернецъ... спокугую въ ряси мои беззаконія! Беры мое добро, беры мою Галю, беры все мое! Галю! Назаре! обнимитесь, поцилуйтєся, диточки мои. Я хочъ и гришний, а все такы батько. (*Назаръ и Галя обнимаются*). Боже, васъ благословы!

НАЙБИЛЬШИ ПОМЫЛКЫ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Надруковано:</i>	<i>Треба:</i>
73	8 сн.	около	коло
89	19 св.	Пойдешъ	Пойдешъ
91	4 сн.	холопе?	холопе?
145	15 —	друкувавъ	друкувавъ
152	12 —	пнлгуватись	пнлгуватись
194	9 сн.	Украину	Украину
07	12 св.	чепца	чепца
—	16 —	напылыся	напылыся

1902 р. тиша в наші Ленін свободі
і критики: "Свобода — велике
слово, но под знаменем свободи
промишленности велись світі
розбойническі війни, под
знаменем свободи труду
— грабили трудящихъ.
Тюка не внутрішні справи
закончатъсь тиніишнім
нестію слова: свобода
критики ...

Бюрократизм не можетъ быть
пострафинъ никакой партіи
никакимъ меньшествомъ.
Онъ можетъ быть созданъ
иши работой десятковъ
миліоновъ рукъ паталі того,
какъ они научатъсь дѣлать
все сами.

В. Ленин

Цена въ оправою 3 р.

Складъ выданія у Києви у книгопродавца Луки Васыльевича
Ильницького, Крещатицкая площадь, домъ Дворянства; въ Петер-
бурзи у книжному складу при типографіи М. М. Стасюлевича.
В. О., д. № 7.

